

26.89(5)
К 59

П. К. КОЗЛОВЪ

Козловъ
ТРЕХЛѢТНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

(1899—1901 гг.)

ПО

МОНГОЛІИ И ТИБЕТУ.

Экспедиція Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Съ восемнадцатью таблицами рисунковъ и одною картою
съ маршрутомъ экспедиціи.

ДАР
ПОЛЕВОГО Л.С.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Училищъ, Моховая, 40.

1913.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
г. ИРКУТСК
83966

МБУК «ГЦ»	ФОНД РЕДКИХ КНИГ
--------------	------------------

Издательство
И. С. ВОЗВОВА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	VII—VIII
Глава I. Въ Алтай. По роднымъ предѣламъ.—Богатый Алтай: красота горъ, долинъ и рѣкъ.—Оленеводство.—Дальвѣйшій путь экспедиціи.—Русско-Китайская граница. Бассейнъ Кобдо, вліяніе сосѣдней пустыни.—Страданіе собакъ отъ каменистаго грунта.—Городъ Кобдо и сосѣднее озеро Хара-усу.—Монгольскій Алтай и монголы	1—16
Глава II. Вдоль и поперекъ Монголіи. Богатство пустынныхъ птицъ—больдуруковъ.—Ранніе морозы въ Гобійскомъ Алтай.—Горные массивы Ихэ-и Багабогдо.—Заблудившійся казакъ.—Пустыня Гоби и характеристика нашего пути.—Движеніе по пескамъ.—Конецъ пустыни и начало китайской культуры.—Пышная природа Нань-шаня.—Приходъ въ монастырь Чортэнтавъ	17—28.
Глава III. Путь къ границамъ Тибета. Описаніе монастыря Чортэнтавъ.—Красавецъ Тэтунгъ и прилежащія скалы и лѣса.—Прощаніе съ ламами.—Живописный горный путь до Чойбзэна. Монастырь этого имени.—Передача подарка чойбзэнскому гэгэну. Города Сининъ и Донгэръ.—Монастырь Гумбумъ.—Альпійское озеро Кукурноръ.—Постоянная борьба изъ-за его роскошныхъ пастбищъ.—Впечатлѣніе при видѣ перваго хребта сѣвернаго Тибета.—Восточный Цайдамъ и организація склада.—Метеорологическая станція	29—40

- Глава IV. Очеркъ Цайдама и цайдамскихъ монголовъ.** Общая характеристика Цайдама.—Исторія цайдамскихъ монголовъ.—Ихъ внѣшность, жилище, пища, занятіе.—Пріемъ гостя.—Свадебное торжество: перемѣна прически, подарки невѣстѣ и посѣщеніе ея дома женихомъ; прибытіе невѣсты, поклоненіе небу, солнцу и лунѣ—клятва въ вѣрности.—Юридическіе обычаи.—Примѣты и пословицы 41—59
- Глава V. Путь экспедиціи по Тибету.** День выступленія.—Лагерь въ горахъ Бурханъ-Будда.—Долина озера Алыкъ-норъ и охота на тибетскихъ медвѣдей.—Хребетъ Амнэ-нкоръ и видъ на плато и озеро Русское.—Климатическія невзгоды.—Неожиданная встрѣча съ тибетцами: разбойничье племя нголокъ. 60—73
- Глава VI. Въ бассейнѣ Яя-цзы-цзяна.** Бивакъ на берегу озера Русскаго.—Усиленіе ночныхъ карауловъ.—Сильная гроза на озерѣ.—Дальнѣйшій путь.—Охота на дикаго яка.—Тибетцы «Намцо» съ начальникомъ Намцо-Пурзекъ.—Ихъ восторгъ отъ нашей стрѣльбы.—Тибетская джигитовка.—Переправа черезъ Яя-цзы-цзянъ.—Женско-мужской монастырь.—Горы Дютрейль-де-Ревса.—Стоянка въ Чжарку 74—86
- Глава VII. Въ бассейнѣ Меконга.** Послѣдніе дни въ системѣ Голубой рѣки.—Новый хребетъ, открытый экспедиціей.—Долина рѣки Дза-чю и прилежащіе монастыри.—Верхній Меконгъ.—Встрѣча съ совѣтниками хана Нанчин-чжалбо.—Бивакъ въ живописномъ ущельѣ Бар-чю.—Обезьяны. 87—101
- Глава VIII. Въ бассейнѣ Меконга.** Измѣненіе маршрута на Чамдо.—Крайне пересѣченная и живописная страна на новомъ пути.—Прегражденіе послѣдней дороги; стычка съ чамдосцами.—Встрѣча и переговоры съ чиновникомъ.—Новый подъемъ на хребетъ и новые красивые виды Меконга.—Монастырь Чамдо и расположеніе на зимовку 102—112
- Глава IX. Зимовка экспедиціи въ Камѣ.** Округъ Лхадю — Князь Лхадюг-чжалбо. — Занятіе, пища, одежда лхадосцевъ.—Обычай дѣвушекъ и женщинъ не входить въ чужой домъ.—Селеніе Лун-ток-ндю.—Нравственныя качества туземцевъ.—Жизнь путешественниковъ на зимовкѣ.—Богатство животнаго міра.—Нравъ леопарда.—Новый горный козелъ.—Общіе праздники.—Фейерверкъ.—Поимка бѣглеца-проводника. 113—127

Глава X. Отъ зимовки до селенія Бана-джунъ. Движеніе по лхадоскимъ владѣніямъ.—Опять на высокомъ, холодномъ плоскогорьи.—Въ хребтѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.—Высочайшіе перевалы.—Смерть Мандрила.—Лагерь на Голубой рѣкѣ.—Свиданіе съ послами Далай-Ламы.—Замѣтка о Лхасѣ и о верховномъ правителѣ Тибета.—Оживленіе большой дороги; охота-облава 128—144

Глава XI. Въ области верхняго Я-лун-цзяна. Селеніе Бана-джунъ.—Поѣздка Бадмажапова въ Хоргамдзэ.—Необузданное городское населеніе; нѣсколько часовъ между жизнью и смертью.—Женскій монастырь Анигомба 145—152

Глава XII. Въ бассейнѣ верхняго Я-лун-цзяна. Вверхъ по Я-лун-цзяну.—Разбойничій хошунъ Дунза.—Рѣшительная стычка съ лингузцами: успѣшная атака перевала, неожиданный ударъ во флангъ.—Мирные переговоры: ламы посредники.—Бивакъ на Я-лун-цзянѣ и переходъ во владѣніе Дза-чю-кава 153—165

Глава XIII. Дза-чю-кава. Прошлое и настоящее Дза-чю-кава.—Пренебрежительный взглядъ на мирное занятіе.—Семейныя начала: полиандрія.—Суровый климатъ страны.—Отношеніе съ гордыми тибетцами.—Проводникъ Болу.—Первые медвѣди; охота на нихъ.—Неожиданная встрѣча съ чамдосцами 166—174

Глава XIV. Въ Цайдамѣ. Снова въ бассейнѣ Желтой рѣки.—Одиночество каравана экспедиціи и баснословное обиліе медвѣдей.—Наши охоты на нихъ.—Впечатлѣніе при видѣ голубыхъ волнъ озера Русскаго.—Знакомая стоянка.—Встрѣча съ Ивановымъ и полученіе почты.—Радостный приходъ въ Цайдамъ 175—190

Глава XV. По восточному Нань-шаню. Поперекъ Нань-шаня.—Дуланъ-хитъ.—Новый путь черезъ долину озера Далай-дабасу.—Вдоль южнаго берега Кукунора.—Китайскіе города Донгэръ и Сининъ; дружелюбная встрѣча съ администраціей послѣдняго 191—206

Глава XVI. Изъ горъ въ пустыню. Монастырь Чойбзэнъ и путь въ Чортэнтанъ; трехдневное здѣсь пребываніе.—Переходъ въ ново-открытый городокъ Куань-гоучень.—Алашаньская пустыня.—Пески Сэрхэ.—Гибель собаки Гарзы.—Городъ Дынъ-юань-инъ.—Монгольское княжество Алашанъ или Алаша.—Очеркъ его обитателей.—Въ гостяхъ у Цинь-вана 207—222

Глава XVII. **Поперекъ Гоби.** Опять въ пустынь.—
 Неожиданное свиданіе съ розыскивавшимъ экспедицію та-
 ранчей.—Колодець Хара-сухай.—Пересѣченіе монгольскаго
 Алтая.—По владѣніямъ Сайнь-Нойона и Тушету-хана.—
 Усиленные переходы и невзгоды зимы.—Томительное ожи-
 даніе конца путешествія.—Посланецъ отъ консула.—Урга
 и послѣдніе дни путешествія.—Заключеніе 223—233

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

	Стран.
1. П. К. Козловъ.	
— А. Н. Казнаковъ	4
2. Конвой тибетской экспедиціи за трапезой.	
— Русскій Алтай. Долина рѣки Бухтармы	6
3. Караванъ тибетской экспедиціи въ пескахъ	24
4. Лама Цорчжи—изъ Монастыря Чортэнтанъ.	
— Гора Шахэръ, на правомъ берегу Тэтунга.	32
5. Метеорологическая станція въ Цайдамѣ и.. Муравьевъ.	
— Цайдамская равнина; на первомъ планѣ солончаки	40
6. Цайдамскій князь Барунъ-цзасакъ.	
— Цайдамскій монголь по имени Чакдуръ	46
7. Дадай, цайдамскій монголь, переводчикъ тибетскаго языка.	
— Хребетъ Амнэ-нкоръ (съ сѣвера)	68
8. Монастырь Кгардинъ-гомба	82
9. Тибетець-чиновникъ Шэрабъ-Чумпыръ	94
10. Зимовка экспедиціи въ Камѣ	116
11. Группа Лхадосцевъ.	
— Дадай, Бадмажановъ и да-лама со спутникомъ	126
12. Послы Далай-Ламы.	
— Ниціе въ Камѣ	136
13. Тибетка разбойничьяго хошуна Дунза	256
14. Караванъ изъ яковъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ	176
15. Цайдамскіе отшельники Ивановъ и Афутинъ	186
16. В. Ѳ. Ладыгинъ.	200
17. Караванъ въ горахъ восточнаго Нань-Шаня	212
18. Алашанскій князь (Фу-ма)	222

Карта къ описанію путешествія съ маршрутомъ экспедиціи (въ масштабѣ 200 верстъ).

TESTS IN MATHEMATICS

1	1. Addition and Subtraction
2	2. Multiplication and Division
3	3. Fractions
4	4. Decimals
5	5. Percentages
6	6. Simple Interest
7	7. Profit and Loss
8	8. Ratio and Proportion
9	9. Time and Work
10	10. Time and Distance
11	11. Speed and Time
12	12. Simple Equations
13	13. Linear Equations in Two Variables
14	14. Linear Equations in Three Variables
15	15. Quadratic Equations
16	16. Functions
17	17. Graphs of Linear Functions
18	18. Graphs of Quadratic Functions
19	19. Graphs of Cubic Functions
20	20. Graphs of Trigonometric Functions
21	21. Trigonometry
22	22. Similar Figures
23	23. Similar Solids
24	24. Area and Perimeter
25	25. Volume and Surface Area
26	26. Mensuration
27	27. Statistics
28	28. Probability
29	29. Set Theory
30	30. Logic
31	31. Mathematical Induction
32	32. Mathematical Reasoning
33	33. Mathematical Communication
34	34. Mathematical Modelling
35	35. Mathematical Problem Solving
36	36. Mathematical Reasoning and Communication
37	37. Mathematical Modelling and Problem Solving
38	38. Mathematical Reasoning, Communication and Modelling
39	39. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling and Problem Solving
40	40. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language
41	41. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
42	42. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
43	43. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
44	44. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
45	45. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
46	46. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
47	47. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
48	48. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
49	49. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)
50	50. Mathematical Reasoning, Communication, Modelling, Problem Solving and Mathematical Language (continued)

Предисловіе.

Въ послѣднее время извѣстія изъ Китая, Монголіи, Кашгаріи или даже вообще изъ Центральной Азіи становятся чуть не ежедневнымъ достояніемъ печати. Пекинъ, Урга, Кобдо отмѣчаютъ собою начало телеграммъ совершенно такъ же, какъ это обычно для Лондона, Парижа, Берлина и проч. Словомъ, интересъ къ Азіи растетъ все больше и больше. Популярныхъ же книгъ объ этой странѣ имѣется очень немного. Со стороны учебныхъ заведеній: гимназій, корпусовъ, военныхъ училищъ, со стороны учащихся и учащихся, со стороны офицерства постоянно раздаются голоса, направленные къ намъ, путешественникамъ-ислѣдователямъ. Насъ просятъ, чтобы мы выпуская спеціальныя географическіе отчеты, въ то же время выпускали бы и повѣствовательные рассказы о совершенныхъ нами путешествіяхъ, богатыхъ эпизодами. Я лично много получилъ подобнаго рода предложеній, въ особенности по поводу роскошно изданной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ моею «Монголіи и Камъ», мало или даже совершенно недоступной для такъ называемой широкой публики. Автора просили сократить объемъ сочиненія за счетъ спеціальныхъ страницъ книги, отведенныхъ подъ описаніе климата, флоры, фауны, геологическаго строенія и т. д., оставляя цѣликомъ живой рассказъ о ходѣ самаго путешествія и обрисовку номада... Само собою подразумѣвалось и сокращеніе дорого стоящихъ иллюстрацій.

Въ настоящее время, выпуская въ свѣтъ это мое маленькое дѣтище «по Монголіи и Тибету», я иду навстрѣчу желанію публики. На сколько цѣлесообразно мнѣ удалось выполнить эту задачу—предоставляю судить другимъ.

Въ заключеніе, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ принести мою глубокую благодарность Совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, во главѣ съ его маститымъ предсѣдателемъ П. П. Семеновымъ-Тянь-Шаньскимъ, сочувственно отнесшемуся къ появленію этой книги, а также начальнику Генеральнаго штаба генералу-отъ-инфантеріи Я. Г. Жилинскому и его ближайшему помощнику—начальнику военно-топографическаго отдѣла генераль-лейтенанту И. П. Померанцеву, оказавшимъ просвѣщенное содѣйствіе къ напечатанію карты—необходимаго приложенія къ описанію всякаго путешествія.

П. Козловъ.

Г Л А В А I.

Въ Алтай.

По роднымъ предѣламъ.—Богатый Алтай: красота горъ, долинь и рѣкъ.—Оленеводство.—Дальнѣйшій путь экспедиціи.—Русско-Китайская граница.—Бассейнъ Кобдо, вліяніе сосѣдней пустыни.—Страданія собакъ отъ каменистаго грунта.—Городъ Кобдо и сосѣднее озеро Хара-усу.—Монгольскій Алтай и монголы.

Въ началѣ мая счастливой весны 1899 года я и мой молодой спутникъ А. Н. Казнаковъ сѣли въ сибирскій express, чтобы оставить Москву. Вспоминаю съ величайшей признательностью моихъ полковыхъ товарищей лейбъ - екатеринославцевъ, прибывшихъ на вокзалъ во главѣ съ командиромъ. Тѣсный кружокъ сотоварищей, перемѣшанный съ моими родными, друзьями, полковой оркестръ—все это представляло отрадную и неизгладимую изъ памяти картину. Полковникъ Столица, произнеся сердечное напутствіе, вручилъ мнѣ изящный маленькій складень, какъ бы благословеніе чинамъ полка на успѣшное выполненіе отвѣтственнаго труда экспедиціи. Этотъ дорогой символическій даръ однополчанъ сопутствовалъ экспедиціи всюду и очень часто мысленно переносилъ къ послѣднему «до свиданія» Москвы. При громкомъ, долго не смолкавшемъ «ура» и звукахъ родного Екатеринославскаго марша, поѣздъ помчалъ насъ въ невѣдомую даль, сулившую много тревогъ, волненій, новизны среди свободной и привольной страннической жизни... Такъ началось вступленіе къ путешествію.

Въ Омскѣ, гдѣ насъ принялъ пароходъ «Ольга Карпова» мы были встрѣчены моимъ вторымъ сотрудникомъ В. Ѳ. Ладыгинымъ. Двадцать второго мая, лишь только зарѣла весенняя заря на во-

стокъ, нашъ пароходъ тихо отчалилъ отъ берега и, принявъ баржу, направился вверхъ по теченію дремавшаго Иртыша, поднимая высокія волны на тихой, зеркальной его поверхности. Желѣзнодорожный мостъ казался чѣмъ-то призрачнымъ, вродѣ гигантскаго кружева, нависшаго надъ возвышенными берегами многоводной и быстрой рѣки. Надъ Омскомъ вспыхнуло зарево пожара...

Наше недѣльное плаваніе до Саминпалатинска носило характеръ пріятной прогулки. Съ неменьшимъ удовольствіемъ покачивались мы и въ тарантасѣ, везомомъ лихой почтовой тройкой отъ Семипалатинска до станицы Алтайской—исходнаго пункта экспедиціи. Тяжеловѣсный багажъ слѣдовалъ отдѣльными транспортами подъ наблюденіемъ московскихъ гренадеръ, зачисленныхъ въ составъ экспедиціоннаго конвоя.

Станица Алтайская расположена въ открытой долинѣ, граничащей на югѣ хребтомъ Нарымскимъ, на сѣверѣ же красавицей Бухтармой. Ближайшій склонъ горъ покрытъ сплошнымъ лѣсомъ: лиственница, кедръ, пихта и ель перемѣшаны между собою; тамъ и сямъ стелется разнообразный кустарникъ. Пышные ковры цвѣтовъ луговой растительности всюду разстилаются по опушкамъ лѣса. Животная жизнь также богата и представляетъ здѣсь типичными формами алтайской фауны. Глазъ наблюдателя невольно останавливается на выдающихся вершинахъ, покрытыхъ снѣгомъ, ослѣпительно блестящимъ на солнцѣ.

Съ пріѣздомъ въ станицу Алтайскую всѣ отдались энергичному снаряженію каравана. Время за дѣломъ бѣжало быстро. Недѣли черезъ двѣ прикатили на почтовыхъ тройкахъ и забайкальскіе казаки.

Такимъ образомъ личный составъ экспедиціоннаго отряда сформировался изъ восемнадцати человекъ; кромѣ меня, какъ начальника, и двухъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ, въ него вошли нижніе чины: и. д. фельдфебеля старшій унтеръ-офицеръ 2-го гренадерскаго Ростовскаго полка Гавріиль Ивановъ; 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Императора Александра III полка, младшій унтеръ-офицеръ Илья Волошинъ, ефрейторъ Гавріиль Кіясовъ и рядовые: Егоръ Муравьевъ (впоследствии наблюдатель на метеорологической станціи въ Цайдамѣ), Иванъ Шадриковъ, Архипъ Войтенко, Александръ Бѣляевъ и Александръ Ванинъ и Омскаго резервнаго пѣхотнаго кадроваго баталіона Хусайнъ Бадукшановъ; забайкальскіе казаки: старшіе урядники: Пантелѣй Телешовъ (препараторъ), Семень Жаркой; фельдшеръ, кандидатъ на

V. Koslov.

А. Н. КАЗНАКОВЪ.

классную должность, Александръ Уаровичъ Бохинъ и малолѣтки: Цокто-Гармаевъ Бадмажаповъ (переводчикъ монгольскаго языка), Арья Мадаевъ (преparatorъ) и Евгенийъ Телешовъ.

Когда собрались всѣ участники экспедиціи, работа по снаряженію каравана пошла быстрѣе. По временамъ, разнообразя трудъ, мы уѣзжали или въ горы, или на рѣку Бухтарму, и всякій разъ возвращались съ богатою научною добычею. Съ удовольствіемъ поднимался я въ верхній поясъ горъ, къ границѣ елей, чтобы полюбоваться величіемъ картинъ алтайской природы. На сѣверѣ открывалась дивная панорама: колоссальная гора Бѣлуха, вѣнецъ Алтая, торжественно сливалась съ нѣжною лазурью и неподражаемо блестяла, облитая лучами низко опустившагося солнца. Залегающій же кругомъ сонмъ болѣе низкихъ горъ, уже окутанный фіолетовою дымкой, постепенно поглощался, надвигавшимися изъ глубины долины, сумерками. Въ синѣющей восточной дали зіяла извилистая долина Бухтармы, усѣянная зарослями дѣса и гранитными сопками, разбросанными въ красивомъ безпорядкѣ...

Среди самой разнообразной и кипучей дѣятельности въ Алтайской незамѣтно прошелъ мѣсяцъ. Наканунѣ выступленія въ походъ прибыли наши верблюды. Все было осмотрѣно и налажено. Наконецъ-то экспедиція дождалась лучшаго и всегда памятнаго для нея дня, дня выступленія собственнаго каравана въ далекій путь. Такимъ днемъ для экспедиціи было 14-е іюля (1899 года). Съ утра моросившій дождь и густыя облака, нависшія по горамъ, задержали выступленіе. Къ полдню немного прояснилось, и багажъ, несмотря на неопытность молодыхъ участниковъ отряда былъ скоро и спокойно завьюченъ. Караванъ представлялъ, раздѣленную на семь эшелоновъ, вереницу въ 54 верблюда и 14 лошадей. Передъ самымъ выступленіемъ въ дорогу, въ присутствіи тѣснаго кружка алтайцевъ, былъ отслуженъ мѣстнымъ священникомъ напутственный молебень и прочитанъ приказъ по отряду экспедиціи. Дружное, счастливое «ура» вырвалось изъ сильныхъ грудей моихъ молодцевъ-спутниковъ и трижды пронеслось вдоль горъ. Въ милостливыхъ словахъ Государя Императора: «Передайте персоналу экспедиціи Мое благословеніе на предстоящій трудъ» и въ поклонѣ Августѣйшаго Президента академіи наукъ «съ пожеланіемъ экспедиціи блестящаго успѣха», Тибетская экспедиція черпала энергію, силу и крѣпость нравственную на преодоленіе невзгодъ и лишеній, въ какой бы мѣрѣ онѣ ни представились, лишь-

бы только достойнымъ образомъ выполнить свою тяжелую, но въ тоже время завидную и славную задачу....

По окончаніи молебна каждый участникъ экспедиціи, распрощавшись съ присутствующими алтайцами, направился занять свое, заранѣе определенное, мѣсто. Еще нѣсколько минутъ и караванъ, извиваясь лентой, двинулся къ востоку. Впереди, сажень на сто, ѣхалъ я съ казакомъ и проводникомъ; въ арьергардѣ слѣдовалъ поручикъ Кознаковъ. Движеніе каравана регулировалъ опытный вожакъ Ивановъ, шедшій во главѣ перваго эшелона. Въ хвостѣ каравана шло стадо барановъ—продовольствіе экспедиціи—подъ предводительствомъ козла «Максимки», зорко слѣдившаго за тѣмъ, чтобы не отставала его команда. Двѣ собаки «Борзой» и «Аранка», друзья каравана, завершали собою списокъ нашего походнаго хозяйства.

Первый переходъ, по обыкновенію, былъ небольшой—семь верстъ. Бивакъ экспедиціи пріютился на склонѣ того же Нарымскаго хребта, который съ Большимъ Алтаемъ сопровождаетъ въ верхнемъ теченіи Бухтарму. Послѣдняя то серебрянной змѣей блестяла издали, то скрывалась въ темномъ, глубокомъ ущельѣ.

Вблизи, по сосѣдству, на красивомъ горномъ скатѣ, былъ расположенъ небольшой маральникъ или «садъ» съ прирученными оленями или маралами. Незадолго до заката солнца, я съ товарищами пошелъ посмотреть на эту отрасль хозяйства русскихъ крестьянъ. Группа оленей гордо выступала на опушкѣ лѣса; изъ кустарниковъ выскочила маралуха съ дѣтенышемъ и легкой красной побѣжкой пронеслась черезъ поляну въ лѣсъ; дѣтенышъ граціозно прыгаль, держась у самой матери. Полюбовавшись на мараловъ и на красивые виды по сторонамъ, мы вернулись на бивакъ. Вскорѣ спустились на землю сумерки и солнечный свѣтъ смѣнился луннымъ, слабо, но картинно пронизывавшимъ лѣсъ, подъ сѣнью котораго путешественники впервые вкушали оригинальную прелесть своей привольной страннической жизни.

Дальнѣйшее движеніе экспедиціи шло по открытой долинѣ Бухтармы, среди богатыхъ пастбищъ болѣе просторнаго лѣваго берега, занятаго полуосѣдлыми киргизами, проживавшими въ это время въ сосѣднихъ горахъ. Селенія крестьянъ стояли на правомъ берегу Бухтармы. Мѣстные крестьяне занимаются земледѣліемъ, мараловодствомъ, разведеніемъ пчелъ и охотою. По отзыву самихъ крестьянъ «въ Алтаѣ жить можно, только удаленность угнетаетъ».

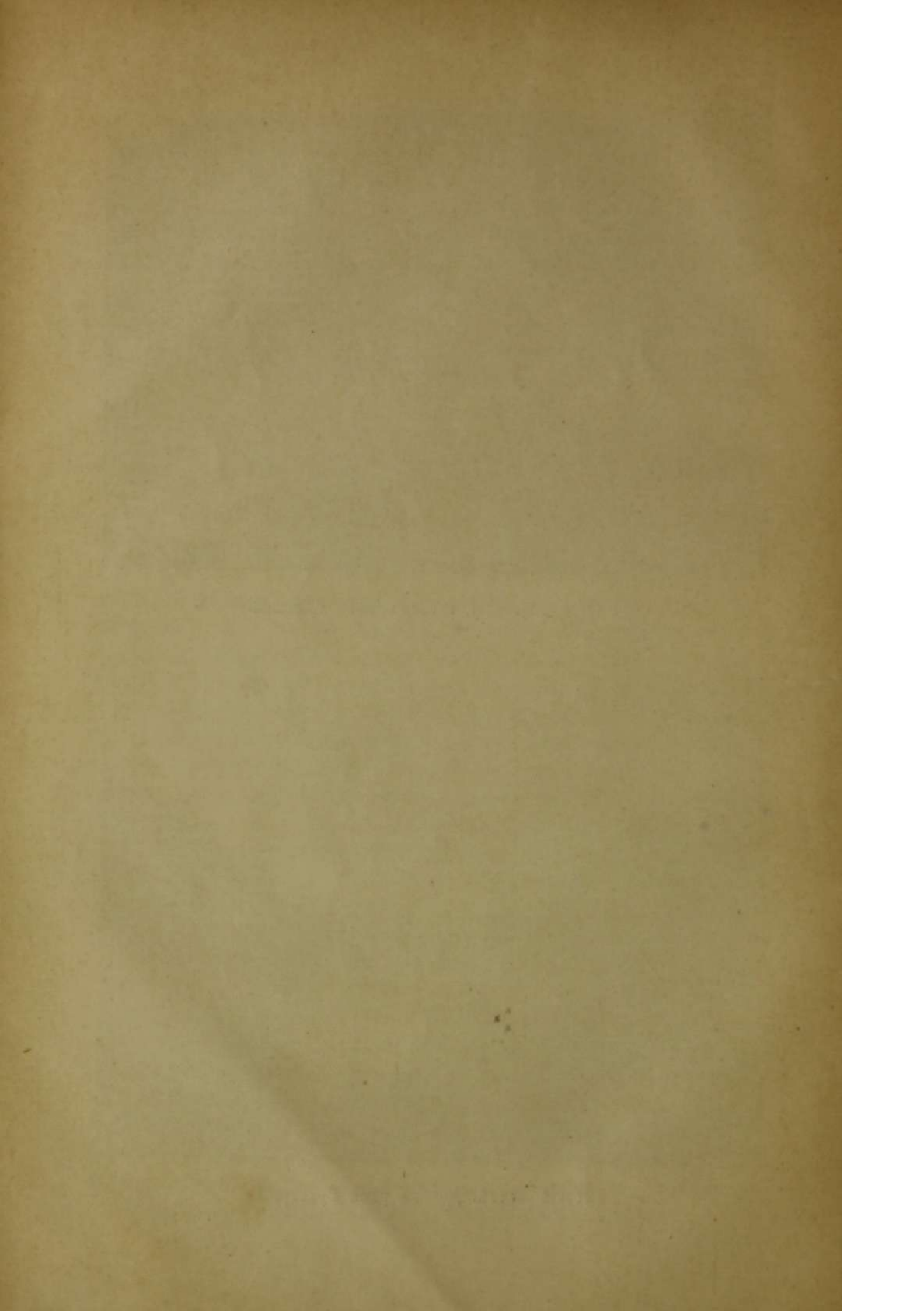
Позволю себѣ немного остановиться на мараловодствѣ.

Конвой тибетской экспедиции за трапезой.

Русский Алтай. Долина реки Бухтармы.

Какъ извѣстно, приманкой къ разведенію оленя, послужили его рога, которые, будучи сняты со звѣря въ первой половинѣ лѣта, когда они еще не окостенѣли, очень дорого цѣнятся въ Китаѣ. Такіе рога или панты, по снятіи ихъ съ убитыхъ или живыхъ мараловъ, вываренные въ разсолѣ и затѣмъ высушенные въ тѣни, на воздухѣ, съ давнихъ временъ служатъ нашимъ сосѣдямъ китайцамъ матеріаломъ для лекарствъ. Вотъ почему въ извѣстный періодъ года благородное животное терпитъ жестокое преслѣдованіе со стороны охотниковъ-промышленниковъ во всѣхъ уголкахъ великой Азии, за исключеніемъ лишь русскаго Алтая, гдѣ мараль приспособленъ въ образѣ полудикаго животнаго приносить человеку не только подспорье въ хозяйствѣ, но нерѣдко и цѣлое богатство.

Въ мое пребываніе въ Алтаѣ, въ Берелѣ, насчитывалось свыше двадцати садовъ, содержавшихъ въ общей сложности около пяти-сотъ оленей. Мараловоды покупаютъ другъ у друга оленей, платя за лучшаго производителя 200—250 рублей; маралуха цѣнится не дороже 50 рублей. Нерѣдко крестьяне, выдавая своихъ дочерей замужъ, даютъ имъ въ приданое одного или нѣсколькихъ оленей и тѣмъ уже до извѣстной степени обезпечиваютъ благосостояніе молодыхъ.

Половая жизнь маралухи начинается на четвертомъ году отъ рожденія. Любовный періодъ продолжается около двухъ недѣль, начиная съ первыхъ чиселъ сентября мѣсяца. Въ это время маралы очень возбуждены и не безопасны для человека; обыкновенно въ такомъ состояніи они бьютъ копытами переднихъ ногъ, быстро выбрасывая ихъ впередъ. Болѣе сильные быки особенно ревниво оберегаютъ свой гаремъ, энергично кидаясь въ бой съ соперниками. Въ любовное время самцы издаютъ призывные голоса, причемъ одни режутъ глухо, другіе, наоборотъ, звонко, съ пріятной гармоничностью для уха. Молодые появляются на свѣтъ въ началѣ лѣта; мать искусно прячетъ дитя въ чащѣ кустарника и приходитъ кормить его лишь «глухою» ночью. Если же кто-либо изъ людей случайно наткнется на мараленка, то послѣдній старается лежать совершенно неподвижно, съ закрытыми глазами, словно мертвый, до тѣхъ поръ, пока человекъ не удалится. Во всякомъ случаѣ мать, въ первую же ночь послѣ обнаруженія человекомъ дитяти, переводитъ послѣдняго въ новое, болѣе безопасное мѣсто. Такъ продолжается около мѣсяца, а затѣмъ уже дитя всюду открыто слѣдуетъ за матерью. Маралы въ садахъ, какъ и на свободѣ, выходятъ па-

стись по утреннимъ и вечернимъ зарямъ, внимательно прислушиваясь ко всякому шороху. Особенно рѣзво ведутъ себя въ это время малютки, которыя просто поражаютъ своими прыжками, по бѣжкой и общимъ проворствомъ.

Начинаютъ спиливать у оленей рога съ трехлѣтняго возраста. По опредѣленію мараловодовъ олени живутъ въ садахъ отъ 20 до 25 лѣтъ.

Самое селеніе Берель, замѣчательное мараловодствомъ, чистенькое и красиво расположенное въ стрѣлкѣ рѣкъ Бухтармы и Берели, насчитывало до пятидесяти домовъ, изъ которыхъ пять принадлежали старовѣрамъ. Въ праздничный день населеніе Берели показалось намъ наряднымъ и пестрымъ; у нѣкоторыхъ домовъ виднѣлись группы народа, откуда неслись непринужденные голоса. Движеніе нашей кавалькады по селенію видимо нарушило обычный порядокъ и сосредоточило на себѣ вниманіе берельцевъ. Въ одномъ изъ домовъ намъ была показана шкура медвѣдя, или мартына, убитаго на пасѣлкѣ, куда звѣрь повадился было ходить и лакомиться медомъ.

Познакомившись съ Берелью и маральниками, мы вечеромъ переправились въ бродъ черезъ гремучую Бухтарму и заночевали на одномъ изъ ея острововъ, поросшемъ лѣсомъ. Крайне разнообразно проведенный день послужилъ темой долго непрекращавшагося разговора; между тѣмъ ночь давно спустилась на землю, веселый костеръ догоралъ, вкусный шашлыкъ былъ съѣденъ и мы, забравшись подъ мѣховыя покрывала и убаюканные монотоннымъ шумомъ воды, скоро и крѣпко заснули.

Пройдя затѣмъ послѣднихъ на своемъ пути по верхней Бухтармѣ жителей, мы круто уклонились къ востоку. Бухтарма стала еще яростнѣе прыгать и разсыпать свои пѣнистыя брызги среди большихъ валуновъ. Съ крутыхъ лѣсистыхъ склоновъ, съ ихъ убранныхъ мхомъ выступовъ, нерѣдко красиво ниспадали серебряныя каскады. По дну рѣки иногда располагались лѣсистыя острова, у которыхъ лежали великаны дѣревья, продолжавшіе бороться съ неудержимымъ потокомъ водъ. Стремительность послѣднихъ вызывала сильное дрожаніе материка; ревъ рѣки не давалъ возможность ничего слышать.

Съ каждымъ днемъ становилось холоднѣе. Лѣсъ рѣдѣлъ и приближался къ своей верхней границѣ. А вотъ и плато Укѣкъ, гдѣ по ночамъ иней серебрилъ земную поверхность, а вода, на болотахъ, покрывалась ледяной коркой. Массивныя снѣговья горы

Табынь-богдо или Пять святыхъ въ ясную погоду представлялись дивно прекрасными и невольно привлекали взоръ своею матовою бѣлизною.

Миновавъ, переваль Уланъ-дабанъ, гдѣ проходятъ русско-китайская граница, экспедиція вступила во внутренней или монгольской бассейнъ—въ систему рѣки Кобдо. Какъ различны въ климатическомъ отношеніи бассейны Бухтармы и Кобдо! Въ первомъ влага, богатство атмосферныхъ осадковъ, пышная флора, замѣчательная прозрачность воздуха; здѣсь же совсѣмъ обратное: по долинь, почти лишенной растительности, кружатъ, высокіе, затѣйливые по своимъ очертаніямъ, пыльные вихри, свидѣтельствующіе о крайней сухости почвы, а воздухъ во время вѣтра наполненъ мельчайшею пылью, заволакивающею даль туманною дымкою.

Въ день прихода на широкую и многоводную рѣку Кобдо намъ удалось переправиться на правый ея берегъ. Переправа здѣсь казенная: перевозчики монголы. Багажъ и людей перевозятъ на двухъ маленькихъ паромахъ, связанныхъ изъ четырехъ-пяти утлыхъ челновъ. Животныхъ, даже барановъ, пускаютъ вплавь.

На всемъ пути по нижней караванной дорогѣ отъ русско-китайской границы до города Кобдо, приблизительно въ 350 версть юго-восточнаго направленія, страна имѣетъ горный характеръ. На югѣ высится главная цѣпь Алтая, то выдѣляясь снѣговыми вершинами, то темнѣя пониженными сѣдловинами, откуда спускались богатѣйшіе альпійскіе луга и гдѣ теперь благоденствовали кочевники и ихъ стада. Къ сѣверу сползаютъ второстепенные отроги, оголенные знойными лучами солнца. Тепло и сухость воздуха увеличивались съ каждымъ днемъ.

Дорога становилась каменистѣе и ногамъ нашихъ животныхъ доставалось порядкомъ. Болѣе другихъ въ этомъ отношеніи страдали собаки, которыя всегда охотно и всегда безуспѣшно преслѣдовали выскакивавшихъ по дорогѣ зайцевъ или антилопъ; досадно и въ то же время смѣшно бывало смотрѣть на нашихъ псовъ, когда они, высунувъ языки, усталые возвращались къ каравану и визжа отъ боли ногъ, расслабленно брели за нимъ. Казалось бы, послѣ такихъ тяжелыхъ уроковъ, умныя животныя могли бы понять безцѣльность своихъ увлеченій, но, къ сожалѣнію, спокойное, совмѣстное съ караваномъ движеніе нашихъ псовъ продолжалось лишь до перваго появленія предмета охоты; разъ же онъ появлялся

на глаза, тотчасъ же боль ногъ забывалась и собаки съ мѣста быстро неслись за показавшимся звѣремъ. Звѣрь, конечно, убѣгалъ далеко въ пустыню или въ горы, а собаки, во-время остановившись, приниженные, снова ненадолго теряли охотничій пылъ. Стремленіе у караванныхъ псовъ къ преслѣдованію звѣрей со временемъ прогрессировало и заставляло насъ прибѣгать иногда къ серьезнымъ мѣрамъ наказанія. Я, разумѣется, говорю о простыхъ дворняшкахъ, комплектуемыхъ нами у границы или въ любомъ мѣстѣ путешествія; породистыхъ же собакъ мы почти никогда не брали, такъ какъ подобнымъ животнымъ не подъ силу переносить всевозможныя невзгоды, да и характеръ азіатскихъ охотъ совершенно иной, нежели европейскій.

Утромъ, 12-го августа, поднявшись на послѣдній горный уваль, экспедиція увидѣла широкую долину рѣчки Буянту и городъ Кобдо, располагавшійся у красноватыхъ скалистыхъ высотъ. Высокіе городскіе тополя отраднo выдѣлялись на сѣромъ безжизненномъ фонѣ. Узкимъ зеленымъ ковромъ сопровождалась лишь Буянту, на которой мы удобно расположились бивакомъ, поодаль отъ городской грязи и шума.

Кобдо съ населеніемъ въ три тысячи человекъ представляетъ одну большую улицу соприкасающуюся на сѣверной окраинѣ съ крѣпостью, на южной — съ кумирнями. Въ крѣпости живутъ китайская администрація и войска; въ улицѣ и переулкахъ торговцы, частью китайцы, частью русскіе и, даже, пришлые изъ Кашгаріи, сарты.

Кобдойскій гарнизонъ состоялъ изъ трехсотъ солдатъ, китайцевъ и дунганъ, коими вѣдалъ офицеръ-дунганинъ.

Внутри крѣпости имѣется тюрьма, гдѣ преступниковъ приковываютъ на цѣпь въ различныхъ положеніяхъ. Тутъ же часто производятъ и пытки; наиболѣе распространенными приемами для вызыванія признаній служитъ битье по щекамъ подошвами или забиваніе камышевыхъ клиньевъ подъ ногти рукъ. За уличеніе въ убійствѣ полагается смертная казнь, производимая публично черезъ отсѣченіе головы; головы казненныхъ преступниковъ вывѣшиваются въ кѣткахъ въ воротахъ крѣпости, а трупы выбрасываются на съѣденіе собакамъ и крылатымъ хищникамъ.

Въ Кобдо имѣются три большихъ китайскихъ торговыхъ фирмы и множество мелкихъ торговцевъ-хурамыровъ, торгующихъ чаемъ, табакомъ и далембой. Ежегодный ввозъ товаровъ въ Кобдо всѣми китайскими фирмами, приблизительно, достигаетъ суммы полмилліона рублей, а вывозъ внутрь отечества немного выше.

Русскіе же купцы, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его, занимаются мѣнковой торговлей. Привозя въ Монголію серебро, желѣзо, юфть и въ небольшомъ количествѣ мелкія издѣлія, всего круглымъ счетомъ на сумму до трехъ милліоновъ рублей, они получаютъ въ обмѣнъ на свои товары главнымъ образомъ шерсть—баранью и верблюжью и шкурки сурка или тарабагана. Русская торговля въ Монголіи въ общемъ выражается суммою до семи милліоновъ рублей...

Благодаря присутствію русскіхъ торговцевъ въ Кобдо, экспедиція обстоятельно запаслась продовольствіемъ и многимъ другимъ по части снаряженія каравана. Здѣсь же, въ Кобдо, въ личный составъ отряда вошелъ уроженецъ Бійскаго округа, шестнадцатилѣтній юноша, Яковъ Афутинъ, хорошо владѣвшій монгольскимъ языкомъ.

Въ послѣдней трети августа тяжело нагруженный караванъ направился въ юго-восточномъ направленіи. Солнце жгло насъ немилосердно. Только поднявшись на высоты первыхъ ступеней Алтая, сложенныхъ изъ розоваго гранита, сланца, жильнаго кварца и аплита, мы вздохнули свободнѣе.

На слѣдующій день, съ возвышенности окраинной гряды, мы увидѣли широко разстилавшуюся водную гладь озера Хара-усу, а черезъ нѣкоторое время уже стояли на его берегу, поражаясь обиліемъ пернатыхъ. Плавающихъ и голенастыхъ птицъ было такое множество, какое мнѣ приходилось наблюдать только въ весенній и осенній періоды, на пролетахъ, на озерѣ Лобъ-норъ, да и общая картина той части Хара-усу, гдѣ мы стояли, совершенно напоминала собою княжество Кунчиканъ-бека; не доставало лишь камышевыхъ жилищъ. Глазамъ не вѣрилось, что по сосѣдству съ нами, въ ста шагахъ, беззаботно лежать, стоять, плаваютъ, рѣзвятся, перелетая съ мѣста на мѣсто, безчисленные стада гусей, утокъ, лебедей, пеликановъ, баклановъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ цапель, чаекъ, крачекъ, различныхъ куликовъ и многихъ другихъ. Всадниковъ-монголовъ, рыскающихъ по берегамъ озера въ наблюденіи за стадами, птицы словно не замѣчаютъ, а подлѣ ихъ жилищъ гуси и утки, выйдя свободно на берегъ, отдаются сну подобно домашнимъ. Долгое время намъ не хотѣлось безпокоить пернатыхъ обитателей, такъ было пріятно ихъ близкое сосѣдство и довѣріе. Но вотъ установился бивакъ, спущена на воду брезентно-пробковая—лодка и я съ препараторомъ отправился поохотиться. При одномъ видѣ шлюпки птицы скорѣе поняли смыслъ ея, нежели монголы: тот-

часъ стали настораживаться, перемѣщаться, скучиваться вдали: словомъ, исчезла прежняя беззаботность. И лишь только грянулъ первый выстрѣлъ, какъ все ближайшее пернатое населеніе съ шумомъ и гамомъ разлетѣлось по сторонамъ; всюду—и высоко, и низко, и близко, и далеко носились птицы, только гагары да лысухи, эти лѣтнвцы летать, незамѣтно скрылись въ камышевой чащѣ.

Послѣ озера Хара-усу, экспедиція направилась въ горы Монгольскаго Алтая, въ области которыхъ провела долгое время.

Монгольскій Алтай тянется отъ сѣверо-запада къ юго-востоку на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, или, другими словами, отъ русско-китайской границы къ знаменитой рѣкѣ Хуанъ-хэ, гдѣ послѣдняя образуетъ характерную излучину къ сѣверу. Меридіанъ города Кобдо дѣлитъ Алтай на двѣ неравныя, но характерныя части: западную короткую, широко-раскинувшуюся и богатую снѣговыми, блестящими на солнцѣ, вершинами, привольными пастбищами, достаточно орошенную и выдѣляющую по сторонамъ бассейны—Кобдо на сѣверѣ и—Урунгу съ Чернымъ Иртышемъ на югѣ. Восточная же, въ три раза большая по протяженію, только въ мѣстахъ характерныхъ массивовъ, залегающихъ въ передовой цѣпи, переходитъ или касается линіи вѣчнаго снѣга. Вотъ почему эта гобійская часть Алтая, уже и безъ того страдающая отъ крайней сухости прилегающей пустыни, бѣдна орошеніемъ и не даетъ сравнительнаго приволья номаду. Цѣпь озеръ, немного оживляющая сѣверную окраину, поддерживается исключительно сосѣднимъ хребтомъ Хангаемъ, да и эти усыхающіе водоемы по большей части блестятъ лишь издали обманчивымъ солончакомъ. Водоносный горизонтъ вообще проходитъ на глубинѣ 4—7 и рѣдко 10 футовъ. По мѣрѣ удаленія на юго-востокъ горы расчленяются, суживаются и, значительно понижаясь, расплываются.

Въ западной части хребта ютятся, главнымъ образомъ, киргизы или калмыки-урянхайцы, въ восточной—исключительно монголы.

Остановимся ненадолго на этихъ послѣднихъ. Сѣрая, однообразная природа Монгольскаго Алтая, его восточной части, кладетъ извѣстный отпечатокъ и на своихъ обитателей, раскидывающихъ походныя жилища то въ области горъ, то выносящихъ ихъ въ прилегающія открытыя долины. На одномъ мѣстѣ монголы не засиживаются; ихъ не можетъ удержать несложный скарбъ, который кочевники перевозятъ и просто, и легко. Подлѣ юртъ пасутся тада, охраняемая конными пастухами и собаками.

Къ вечеру монгольскій скотъ возвращается къ стойбищу, располагаясь вокругъ юрты. Содержится онъ подь открытымъ небомъ и на свободѣ, за исключеніемъ барановъ и козъ, для которыхъ иногда складываются каменные или навозныя ограды, и только ягнать и козлятъ монголы воспитываютъ въ юртахъ, привязывая ихъ къ стѣнкамъ жилищъ. Монгольскія женщины почти все время проводятъ за хозяйствомъ, то по уходу за скотомъ, то въ приготовленіи молочныхъ продуктовъ, а въ свободныя минуты сидятъ за шитьемъ одежды.

Глава же семьи или сидитъ сложа руки дома или навѣщаетъ праздныхъ сосѣдей, часто не разставаясь съ лошадью по цѣлымъ днямъ. Подлѣ юрты всегда стоятъ наготовѣ осѣдланныя лошади. Пѣшая ходьба во всеобщемъ презрѣніи; поэтому, какъ бы мало ни было разстояніе до сосѣдняго стойбища, монголь все-таки сядетъ на лошадь и проскачетъ его. Всякую добытую новость, онъ старается сообщить всѣмъ и каждому.

Монголы довольно гостеприимны; они свободно могутъ не брать съ собою ѣды и денегъ, будучи твердо увѣрены, что въ любой юртѣ ихъ и накормятъ, и напоятъ. Большою вѣжливостью у монголовъ считается встрѣтить гостя внѣ юрты, равно и проводить его до лошади.

При встрѣчѣ не только другъ съ другомъ, но даже и съ нами, монголь вмѣстѣ съ привѣтствіемъ вручаетъ и табакерку. Монгольскій обычай требуетъ, взявъ щепотку табаку, передать табакерку сосѣду; тотъ въ свою очередь передаетъ ее слѣдующему, пока табакерка не обойдетъ всѣхъ присутствующихъ и не возвратится къ владѣльцу. Такимъ образомъ въ своихъ рукахъ я передержалъ много монгольскихъ табакерокъ и одну изъ нихъ, наиболѣе интересную по отдѣлкѣ, приобрѣлъ въ собственность.

Осенью монголы оживаютъ отъ своего монотоннаго времяпрепровожденія; осенью у нихъ всего вдоволь: и ѣды, и питья, съ включеніемъ кумыса или водки; лошади ихъ также откормлены. Осенью у монгола является потребность явить себя передъ народомъ въ качествѣ борца, наѣздника или стрѣлка. Сотнями собираются монголы къ религіознымъ центрамъ и устраиваютъ праздненства, длящаяся по нѣскольку дней. Въ числѣ зрителей присутствуютъ и женщины, тайно оцѣнивая ловкость и силу своихъ кавалеровъ. Праздники завершаются огульнымъ пьянствомъ, послѣ чего монголы разѣзжаются группами, громко оглашая вечерній воздухъ пѣснями.

Осенью же чаще всего монголы устраивают и свадебныя торжества. Свадьбы обыкновенно производятся слѣдующимъ образомъ: прежде всего родители спрашиваютъ своего сына, на комъ онъ желаетъ жениться и, если его мнѣніе раздѣляютъ и они сами, то отправляютъ двухъ-трехъ человекъ въ качествѣ сватовъ въ домъ избранницы, просить ея руки. Посланные привозятъ съ собою угощеніе, состоящее изъ водки, монгольскаго сыра и трехъ «хадаковъ»¹⁾, изъ коихъ одинъ предназначается бурханамъ, остальные же родителямъ дѣвицы. Если отецъ и мать послѣдней согласны принять предложеніе, то они принимаютъ и привезенные сватами дары; если же дары не приняты, то въ этомъ сваты должны видѣть неуспѣхъ своей миссіи.

Получивъ согласіе родителей невѣсты, отецъ и мать жениха, черезъ извѣстное время, снова отправляютъ къ нимъ въ домъ посыльныхъ съ просьбой повторить имъ свое рѣшеніе; на этотъ разъ дары не посылаются. Второй удовлетворительный отвѣтъ даетъ основаніе родителямъ жениха считать свадебный вопросъ успѣшно оконченнымъ; въ противномъ же случаѣ вмѣстѣ съ несогласіемъ было бы возвращено и приношеніе, принятое родителями невѣсты въ началѣ переговоровъ.

По достиженіи женихомъ и невѣстой опредѣленнаго возраста, родители ихъ объявляютъ свое согласіе открыто всѣмъ и отецъ съ матерью жениха обращаются къ ламамъ, съ просьбою сказать имъ, хорошо ли въ этомъ году ихъ сыну вступить въ бракъ или, другими словами, будутъ ли молодые счастливы? Если ламы находятъ годъ свадьбы или женитьбы подходящимъ, то вмѣстѣ съ положительнымъ отвѣтомъ назначаютъ и день торжества. Женихъ до свадьбы отвозитъ въ домъ невѣсты въ видѣ приданаго «суй» — извѣстное количество серебра (денегъ), нѣсколько хадаковъ, лучшую лошадь, а также мяса, водки и проч. Въ этотъ день родители невѣсты готовятъ принять будущихъ родственниковъ (женихъ ѣдетъ съ отцомъ и другими близкими родными) возможно лучше и также одариваютъ ихъ хадаками. Гости помѣщаются по правую сторону юрты, т. е. занимаютъ почетныя мѣста, родные же невѣсты усаживаются по лѣвую.

Вслѣдъ за тѣмъ домъ жениха прикочевываетъ въ сосѣдство дома невѣсты. Родители невѣсты, смотря по достатку, должны дать ей два сундука или ящика, для установки бурхановъ, затѣмъ по-

¹⁾ Шелковый шарфъ — платъ счастья.

стель, состоящую изъ четырехъ войлоковъ и двухъ вышитыхъ подушекъ для разостланія передъ постелью; кромѣ того извѣстныя кухонныя принадлежности. Родители же жениха сооружаютъ для молодыхъ новую юрту.

Въ день свадебнаго торжества родители невесты наряжаютъ свою дочь въ платье замужней женщины; затѣмъ, усадивъ ее верхомъ на бѣлую лошадь и набросивъ на нее цвѣтное покрывало, въ обществѣ родныхъ, отводятъ въ новую юрту жениха. Войдя въ юрту, невеста садится на свою новую постель и тотчасъ же присутствующія здѣсь женщины закрываютъ ее занавѣсомъ; спустя нѣкоторое время большинство женщинъ оставляетъ юрту и присоединяется къ гостямъ, двѣ же или три женщины остаются при невестѣ. Вечеромъ, по окончаніи праздника, послѣ того, какъ гости разъѣдутся по домамъ, оставшіяся при невестѣ женщины, отправляются за женихомъ, бывшимъ все время на народѣ, и приводятъ его къ невестѣ. Здѣсь тѣ же женщины помогаютъ молодымъ раздѣваться, энергично требуя отбросить стыдливость, если они таковую склонны проявить, затѣмъ укладываютъ молодыхъ спать. Если молодые другъ друга не дичатся, то ихъ оставляютъ въ юртѣ однихъ; въ противномъ же случаѣ ночуютъ вмѣстѣ съ новобрачными. Обычай подслушивать, «какъ ведутъ себя первую ночь молодые», здѣсь не существуетъ.

Спустя два дня, на третій, опять собираются родные молодыхъ и снимаютъ занавѣсъ; послѣ этого молодые, поклонившись своимъ отцамъ и матерямъ, а также и остальнымъ роднымъ, приступаютъ къ угощенію мясомъ и виномъ всѣхъ собравшихся гостей. На этомъ общій свадебный праздникъ и оканчивается.

Мужъ съ женой, несошедшіеся характерами, часто расходятся, соблюдая, однако, извѣстныя правила; если разладъ въ семьѣ произошелъ по винѣ мужа, то послѣдній обязанъ возвратитъ женѣ все то, что она привезла съ собою въ приданое; если же наоборотъ, жена должна оставить мужа по собственной винѣ, то въ такомъ случаѣ она лишается права на полученіе своего имущества.

Вдова съ дѣтьми послѣ смерти мужа наследуетъ его имущество и въ большинствѣ случаевъ вторично замужъ не выходитъ; чаще выходятъ замужъ вдовы бездѣтныя и молодыя. Для большаго порядка въ домѣ вдовы, мѣсто покойнаго хозяина дома нерѣдко заступаетъ его родной братъ или другой ближайшій родственникъ. По достиженіи дѣтьми извѣстнаго возраста, мать женитъ ихъ или выдаетъ замужъ. Дружные, миролюбивые братья живутъ общей

семьей; братья же неуживчиваго характера выдѣляются въ особья семьи, при этомъ все состояніе или дѣлится поровну, если дѣлящіеся обязуются въ равной степени выплачивать общественныя повинности, или же, уступивъ старшему изъ братьевъ половину отцовскаго состоянія, остальные братья дѣлятъ промѣжъ себя другую половину поровну и вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаются отъ всякихъ повинностей; обязанность отбывать эти послѣднія переходитъ въ такомъ случаѣ на старшаго брата. Братья ламы въ счетъ не идутъ.

Вдовѣ считается очень предосудительнымъ вступать въ любовную связь; за такой проступокъ мѣстное начальство подвергаетъ провинившуюся вдову выговору при народѣ, а виновнаго мужчину приговариваетъ къ штрафу въ видѣ осѣдланной лошади. Мужьямъ, уличеннымъ въ прелюбодѣянiи съ чужими женами, по распоряженію того же ближайшаго начальства, одѣваютъ на шею желѣзную цѣпь, срокомъ до трехъ мѣсяцевъ; что же касается невѣрной жены, то она бываетъ судима только своимъ мужемъ, по его усмотрѣнію.

Существуетъ, между прочимъ, у описываемыхъ монголовъ и такой обычай: два молодыхъ женатыхъ пріятеля могутъ позволить себѣ при случайномъ ночлегѣ кого-либо изъ нихъ уступить другъ другу мѣсто съ женою, уходя на это время для сна въ другую юрту. Равно въ обычаѣ монгольскихъ женщинъ порою «предложить себя въ распоряженіе мужчины»; въ такомъ случаѣ извѣстный рыцарь степи, чтобы не навлечь на себя несчастья, не долженъ уклоняться отъ сближенія съ женщиной, въ особенности если предварительно облагородить любовный актъ, призываніемъ матери человѣка— Земли. Для этого необходимо, по крайней мѣрѣ, показать видъ, что бросаешь семь горстей земли на половые органы женщины. Если не совершить подобной церемоніи, то активное сближеніе съ женщиной носитъ постыдный (буцзарь) характеръ.

Во всѣхъ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда монголы сами лично не могутъ рѣшить вопросовъ общежитейскаго характера, они прибѣгаютъ къ помощи старѣйшихъ и уважаемыхъ сосѣдей, или къ защитѣ своего мѣстнаго хошуна, но никогда, или почти никогда, не ищутъ правосудія у китайскаго начальства, зная по горькому опыту какимъ тяжелымъ матеріальнымъ бременемъ ляжетъ на хошунъ пріѣздъ китайцевъ-судей, командированныхъ даже по самому простому и ничтожному дѣлу. Къ тому же монголы, вообще, при своемъ крайне миролюбивомъ характерѣ, далеки отъ серьезныхъ или уголовныхъ преступленій.

Г Л А В А II.

Вдоль и поперекъ Монголіи.

Богатство пустынныхъ птицъ — больдуруковъ. — Ранніе морозы въ Гобійскомъ Алтаѣ. — Горные массивы Ихэ- и Бага-богдо. — Заблудившійся казакъ. — Пустыня Гоби и характеристика нашего пути. — Движеніе по пескамъ. — Конецъ пустыни и начало китайской культуры. — Пышная природа Нань-Шаня. — Приходъ въ монастырь Чортэнтавъ.

83966

Въ наиболѣе низкихъ, теплыхъ долинахъ монгольскаго Алтая чаще всего привлекали вниманіе наблюдателя пустыньники или больдуруки. Чуть только блеснутъ на востокъ первые лучи солнца, какъ больдуруки уже даютъ о себѣ знать либо своимъ характернымъ крикомъ нэкъ-трооо... нэкъ-троо..., либо звучнымъ, рѣзкимъ шумомъ крыльевъ во время ихъ быстрого полета. Но вотъ выкатилось солнце изъ за отдаленныхъ холмовъ и медленно поднимается надъ нами; въ воздухѣ прозрачно и тихо; посмотрите теперь внимательно въ любую изъ сторонъ горизонта и вездѣ вы непременно увидите интересныя линейныя движенія больдуруковъ, то ниже надъ землею и ближе къ вамъ, то выше и подальше отъ васъ; въ то же самое время раздаются знакомые шумъ и голоса этихъ оригинальныхъ птицъ. Словно порывъ бури налетаетъ на путника каждый разъ, когда проносится надъ его головою, развернутый строй этихъ характерныхъ птицъ пустыни, быстро затѣмъ исчезающій въ широкой дали. Часамъ къ десяти утра летъ пернатыхъ странниковъ прекращается, возобновляясь только вечеромъ или слѣдующимъ утромъ. Одни больдуруки перемѣщались безъ соблюденія опредѣленнаго направленія, другіе же пролетали исключительно въ восточно-юго-восточномъ направленіи съ цѣлью, вѣроятно, эмигрировать отъ мѣстной стужи въ пески Ордоса.

По словамъ монголовъ, нынѣшній годъ въ климатическомъ отношеніи болѣе суровый, чѣмъ обыкновенно; видимая суровость

выражалась въ раннихъ ночныхъ морозахъ, бѣльшей облачности, выпаденіи снѣга и періодическихъ буряхъ, въ особенности въ районѣ массивовъ Ихэ-богдо и Бага-богдо. Въ ночь съ 18-го на 19-е октября, разразился, второй въ эту ночь, сильный снѣжный буранъ съ юга, бушевавшій почти цѣлыя сутки и покрывшій сосѣднюю окрестность толстымъ слоемъ снѣга, мѣстами сбившагося въ большіе сугробы. О выступленіи въ путь нечего было и думать; поневолѣ пришлось устроить дневку. Наша юрта уныло скрипѣла и стонала, порою даже сжималась отъ сильныхъ объятій разгулявашагося шторма; войлока приподнимались и тонкая снѣжная пыль заметала предметы, находившіеся внутри нашего походнаго жилища. Въ такое время обыкновенно нельзя ничего дѣлать: поневолѣ сидишь сложа руки и повертываешься то однимъ, то другимъ бокомъ къ желѣзной печкѣ, подлѣ которой температура все-таки значительно выше нежели у краевъ или у двери юрты, гдѣ она равняется температурѣ наружнаго воздуха. Особенно тяжела въ подобное время служба конвоя; караваннымъ животнымъ также плохо: сбившись въ плотную кучу и спрятавъ голову въ подвѣтренную сторону, они стоятъ выгорбившись и сильно дрожать отъ леденящей стужи. По прекращеніи бурана небо совершенно прояснилось и на темномъ фонѣ зажглись дивнымъ блескомъ яркія звѣзды и планеты. Шаги часового отдавались въ тиши хрустѣніемъ снѣга; ночной минимумъ выразился $24,0^{\circ}$. Словомъ, получилась настоящая зимняя картина. Монголы не преминули замѣтить, что буранъ произошелъ по волѣ духовъ, живущихъ на вершинѣ горы Ихэ-богдо, которая этимъ самымъ давала понятъ пришельцу-человѣку о своемъ величій.

Обиліе выпавшаго снѣга послужило препятствіемъ для измѣренія высоты Ихэ-богдо. Лѣтомъ, мнѣ кажется, всего удобнѣе осилить трудности поднятія на вершину этого массива, чтобы затѣмъ имѣть возможность опредѣленно сказать, какъ велика его абсолютная высота. Въ настоящее время я могъ только съѣздить въ ущелье Улястэ-ама. Съ каждой верстой мѣстность замѣтно поднималась и моимъ глазамъ представлялись новые и лучшіе виды. На юго-востокѣ горизонта возвышался сосѣдній массивъ, младшій братъ, Бага-богдо, сплошь покрытый чисто-бѣлымъ снѣгомъ, ослѣпительно блестящимъ подъ яркими лучами солнца. Въ высшей степени характерной представлялась его шапкообразная вершина, высоко поднимающаяся къ небу.

При входѣ въ глубокое корридоробразное ущелье Улястэ-ама стояла одинокая монгольская юрта, оберегаемая собаками. По сѣднимъ скаламъ паслись яки, пониже бродили козы; наконецъ, появились и сами монголы, сообщившіе намъ, что тамъ, въ глубинѣ ущелья, у священнаго источника у всѣхъ болитъ голова, тяжело дышать, сильнѣе бьется сердце, а у нѣкоторыхъ даже идетъ горломъ кровь... Нашей попыткѣ продвинуться вверхъ по ущелью мѣшали главнымъ образомъ: обледенѣлыя каменные глыбы и замерзшіе каскады, положительно недававшіе возможности, какъ говорится, ступить шагу. Тѣмъ временемъ надъ мрачнымъ ущельемъ сгустились сумерки и видъ дикихъ горъ сталъ производить впечатлѣніе своеобразной таинственности. Слабо доносившееся до насъ монотонное воркованіе горнаго голубя словно убаюкивало величественную природу.

Монголы были очень удивлены моему прїѣзду, въ особенности старецъ лама, перебивавшій четки и довольно громко читавшій извѣстную мистическую формулу «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ» — «о, сокровище лотоса!» Лотосъ, согласно индійской мифологій, служитъ треномъ Творцу міра и считается символомъ земли. Одаривъ монголовъ, мы стали собираться въ дорогу. Лама расчувствовался и преподнесъ мнѣ на память каменную чашечку, нѣкогда вывезенную имъ изъ Лхасы.

На обратномъ пути насъ застигла ночь; тѣмъ не менѣе, благодаря опытности проводниковъ, мы успѣшно прослѣдовали до дому. На красивомъ темномъ фонѣ неба одна за другой зажглись блестящія звѣзды и планеты; среди послѣднихъ выдѣлялся Сатурнъ; показалась и наша путеводная «полярная» звѣздочка, скромно и ровно сіявшая высоко надъ горизонтомъ; немного позднѣе вспыхнулъ, словно маякъ, огонь костра нашего бивака, еще опредѣленнѣе указавшій путь.

Подобнаго рода поѣздку, въ концѣ октября, я совершилъ и въ гору Бага-богдо. Благодаря раннему утру мы долгое время на этомъ пути не встрѣчали ни птицъ, ни звѣрей, и только, проникнувъ въ глубь массива, монголь-проводникъ своимъ острымъ зрѣніемъ обнаружилъ козла, гордо стоявшаго на одномъ изъ далекихъ пиковъ. Козель, будучи на далекомъ разстояніи, не обращалъ на насъ, повидимому, никакого вниманія. Съ вершинъ сосѣднихъ скалъ до насъ стали долетать крики альпійскихъ клушицъ; въ воздухѣ, мелькая сѣткой, пролетали стайки чечѣтокъ, да кое-гдѣ по ущелью перебѣгали сѣрыя куропатки.

Вечеромъ мы возвратились на нашъ главный бивакъ, расположенный въ открытой долинѣ, гдѣ весь день дулъ сильный юго-западный вѣтеръ, стихшій только ко времени погасанія зари. Морозъ усиливался. По темно-голубому, свободному отъ облаковъ, небу сначала заискрились блестящія звѣзды, немного позднѣе показалась луна, картинно разливавшая свой мягкій свѣтъ по снѣговой равнинѣ. Чѣмъ-то непостижимо великимъ казалась въ эту ясную ночь гора Бага-богдо; ея матово-блестящіе снѣга, поднятые на двѣ слишкомъ версты относительной высоты, производили глубокое впечатлѣніе, подъ обаяніемъ котораго истые буддисты просиживаютъ, говорятъ, ночи, погруженные въ созерцаніе.

Второго ноября, раннимъ и очень холоднымъ утромъ, мы двинулись внизъ по направленію къ главной дорогѣ. Глубокій, плотный снѣгъ громко хрустѣлъ подъ ногами; караванныя животныя были покрыты серебристымъ инеемъ и, дрожа отъ стужи, бодрѣ шагали, извергая изъ ноздрей клубы пара. Дневное свѣтило все еще купалось въ собственномъ пурпурѣ, постепенно разливая его нѣжный блескъ по небосклону; между тѣмъ звѣзда за звѣдой тонули въ утреннемъ свѣтѣ, золотисто-красныя полосы неба блѣднѣли, лучи солнца прорывались сильнѣе и, наконецъ, само оно величаво всплыло надъ горизонтомъ.

На востокѣ начали показываться отдѣльныя высоты, на югѣ рѣзче и рѣзче выступали ближайшія къ намъ части горъ Арца-богдо, за которыми вскорѣ мы достигли колодца Чацеринги-ху-дукъ, гдѣ экспедиція прожила три недѣли.

Такая продолжительная остановка была вызвана многими соображеніями: полнымъ астрономическимъ наблюденіемъ, приготовленіемъ корреспонденціи и коллекцій для отправки въ Ургу, ремонтомъ походныхъ принадлежностей. Отсюда направленіе маршрута круто уклонялось къ югу.

Несмотря на кипучую дѣятельность, мы все-таки успѣли здѣсь хорошо отдохнуть и физически поправиться. По вечерамъ конвой, нерѣдко, составлялъ хоръ у веселаго костра и довольно стройно пѣлъ. Только однажды мирное теченіе нашей жизни здѣсь было нарушено временнымъ волненіемъ за участь одного изъ нашихъ товарищей—фельдшера Бохина, неожиданно, въ виду бивака экспедиціи, исчезнувшего на нѣсколько часовъ.

Вотъ какъ случилось это, памятное для всѣхъ насъ, событіе. Подъ вечеръ, 23-го ноября, почти вслѣдъ за необычайно теплымъ днемъ, температура стала быстро понижаться и съ запада подулъ

сильный, по временамъ достигавшій напряженія бури, вѣтеръ. Возвратившіяся съ пастьбы караванныя животныя привязывались къ мѣстамъ своего ночного отдыха; по обыкновенію, люди отряда сначала заняты были болѣе покойными верблюдами, а затѣмъ уже приступили и къ излавливанію не всегда покорныхъ лошадей. Послѣднія, въ этотъ вечеръ, незамѣтно скрылись за одинъ изъ ближайшихъ холмовъ, вѣроятно спасаясь отъ леденящаго вѣтра. Закончивъ съ уборкой верблюдовъ, люди принялись за розыски лошадей въ полной увѣренности, что онѣ находятся гдѣ-нибудь поблизости, какъ въ дѣйствительности и оказалось; въ числѣ розыскивавшихъ былъ и Бохинъ, который, какъ потомъ выяснилось, взбѣжавъ на сосѣдній холмъ, продвинулся сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, немного спустя повернулъ назадъ и такимъ образомъ, незамѣтно для самого себя, лишился должной ориентировки, или, выражаясь проще, заблудился. Между тѣмъ наступила темная ночь; вѣтеръ и морозъ крѣпчали; положеніе нашего бѣднаго товарища, одѣтаго въ тужурку, было незавидное. Сознавая свою ошибку, онъ былъ нѣсколько въ возбужденномъ состояніи, а потому съ легкостью перемѣщался съ одного холма на другой, не ощущая ни усталости, ни холода. Однако, время брало свое, и Бохинъ началъ уже прискивать подходящее мѣстечко для укрытія отъ непогоды. Пробовалъ было онъ также и кричать, но его голосъ, въ прямомъ смыслѣ «голосъ вопіющаго въ пустынь», заглушался порывами вѣтра; звѣзды же, по которымъ заблудившійся могъ бы до нѣкоторой степени ориентироваться, скрылись за облаками и пылью.

Что же происходило въ это время на бивакѣ? Лошади были, конечно, вскорѣ найдены, изловлены и привязаны. По окончаніи уборки животныхъ, люди приступили къ вечернему чаепитію, когда и было обнаружено отсутствіе Бохина. Сначала никто изъ насъ этому обстоятельству не придалъ большого значенія, но затѣмъ нѣкоторые изъ людей, поднявшись на ближайшіе холмы, стали громко окликать товарища и время отъ времени производить ружейные выстрѣлы; одновременно съ этимъ, имѣвшіеся на лицо монголы, вскочивъ на своихъ лошадей, быстро помчались въ разныя стороны, но все было напрасно. Я сталъ не на шутку беспокоиться и, какъ послѣднее средство, пустилъ одну изъ лучшихъ и сильныхъ ракетъ, которая, великолѣпно взвившись на значительную высоту, сдѣлала свое дѣло. Бохинъ былъ избавленъ отъ дальнѣйшихъ неприятностей. Въ моментъ поднятія ракеты онъ былъ въ

пяти-шести верстахъ къ западу отъ бивака, стоя спиною къ вѣтру и негодуя на свою судьбу; ракета вывела его изъ тяжелыхъ думъ, указавъ и мѣсто бивака и степень нашего безпокойства. Быстро побѣжалъ онъ на сигналъ, часто спотыкаясь и падая на неровной каменистой поверхности и, когда его мысли, послѣ извѣстнаго радостнаго промежутка, стали было опять омрачаться, онъ уже замѣтилъ мерцаніе сигнальнаго костра, а немного позднѣе услышалъ и громкіе голоса людей. Еще минута и Бохинъ былъ среди своихъ сотоварищей, которые на радости не преминули посмѣяться надъ добродушнымъ простакомъ, отсутствовавшимъ до полуночи....

Пустыня Гоби и здѣсь вѣрна себѣ, и здѣсь она представляетъ тѣ же черты, которыя свойственны ей въ другихъ частяхъ и извѣстны изъ описаній нашихъ славныхъ предшественниковъ. Особенною дикостью, безводіемъ и неплодіемъ, на пути главнаго каравана, пустыня поражала въ своей серединѣ, на протяженіи 350-ти верстъ, гдѣ она наиболѣе понижена и выровнена и гдѣ произрастаютъ только кустарниковыя формы растительности, довольствующія лишь «корабля пустыни», но не лошадей. Послѣднія здѣсь не встрѣчаются вовсе, чему лучшимъ доказательствомъ служила сильная боязнь, выказываемая верблюдами мѣстныхъ кочевниковъ по отношенію къ лошадямъ, при встрѣчѣ съ нашимъ караваномъ. Естественно, что наши кони одинъ за другимъ пропадали, верблюды же шли хорошо. Животная жизнь этой части пустыни бѣдна до крайности; цѣлыми недѣлями мы не видѣли даже антилопъ и только лисицы, зайцы и мелкіе грызуны неизмѣнно напоминали о себѣ. Изъ птицъ долгое время неотвязно слѣдовала пара черныхъ вороновъ, промышлявшихъ на счетъ кухонныхъ отбросовъ.

Достигнувъ озера Куку-бурду и переплывъ по песчаному морю Баданъ-чжарэнгъ, путешественникъ можетъ вздохнуть свободнѣе при мысли о своемъ караванѣ. Отсюда къ югу, условія постепенно улучшаются.

Вставали мы, какъ и всегда въ путешествіи, до зари; съ зарею же отправлялись въ путь, держа направленіе къ югу. По плотной песчано-галечной поверхности верблюды шли довольно успѣшно, въ особенности по утрамъ, когда съ гобійскимъ морозомъ приходилось бороться и намъ, закутаннымъ въ мѣховыя одѣянія. Солнце, поднявшись надъ пустыней, иногда достаточно согрѣваетъ обращенную къ нему часть тѣла, но въ то же время тѣневой стороной порядкомъ холодно. На встрѣчу намъ приходятъ то холмы, то от-

дѣльные или сгруппированныя горы и горки; одни изъ нихъ остаются за сѣверной частью горизонта, другія всплываютъ на противоположной сторонѣ; покачиваясь на верблюдѣ внимательно слѣдишь за ихъ появленіемъ и исчезаніемъ. Между тѣмъ, верблюды начинаютъ замедлять шагъ, болѣе слабые изъ нихъ уже натягиваютъ бурундукъ¹⁾ и всѣ они тяжело дышатъ; собаки также присмирѣли и идутъ спокойнѣе, понутивъ головы; голоса людей раздаются рѣже.

Наконецъ, проводникъ опредѣленно указываетъ холмъ, горку или саксауловую заросль, гдѣ караванъ долженъ пріютиться на ночь. Короткій зимній день далеко перевалилъ за полдень. Еще часъ и уголокъ пустыни оживаетъ: сѣрый дымъ, словно облачко, поднимается вверхъ надъ костромъ; вокругъ двухъ-трехъ юртъ пасутся караванныя животныя, тамъ и сямъ бродятъ люди, порою раздастся выстрѣлъ или лай собакъ; словомъ, чувствуется жизнь. Но, какъ скоро солнце спустится за горизонтъ, а на западѣ загорится чудная заря, отбрасывающая на вершины высотъ нѣжно-фіолетовый отблескъ, дневная дѣятельность прекращается — бивакъ засыпаетъ. Итакъ изо-дня въ день.

Болѣе мѣсяца тащились мы поперекъ пустыни, вообще, и около двухъ недѣль по гобійскимъ пескамъ въ частности. Эти пески тихи, монотонны, безжизненны. Цѣлыми днями идешь среди безконечнаго песчанаго моря: барханъ за барханомъ, словно гигантскія волны, встаютъ передъ глазами усталаго путника, открывая короткіе, желтые горизонты. Даже поднявшись на болѣе высокую вершину, ничего не видишь — все песокъ, песокъ и песокъ. Животной жизни также не видно и не слышно; слышится только тяжелое, учащенное дыханіе верблюдовъ, да шорохъ ихъ широкихъ лапъ, Красивой гигантской змѣей извивается по пескамъ верблюжій караванъ, то поднимаясь на гребни бархановъ, то погружаясь между ихъ капризныхъ скатовъ. На всемъ пространствѣ песковъ мы никого не встрѣчали; дороги или тропинки также не было видно; казалось, что мы находимся совершенно отрѣзанными отъ какого бы то ни было признака существованія человѣка.

Это песчаное море нѣсколько оживлялось въ сильный вѣтеръ, когда песокъ, взвѣваемый съ верхушекъ гребней бархановъ, придавалъ имъ видъ какъ бы маленькихъ дымящихся вулкановъ, или когда въ ясное, морозное утро испарявшійся ночной иней образо-

¹⁾ Веревочный поводъ, которымъ привязываютъ верблюдовъ другъ къ другу.

ываваль тонкіе клубы пара, картинно стлавшіеся по скатамъ бархановъ.

Погода въ концѣ декабря стала настоящей гобійской: днемъ, на солнцѣ, теплой, а по ночамъ очень холодной; атмосфера была замѣчательно прозрачна. По вечерамъ въ воздухѣ наблюдалось полное затишье и косые лучи погасавшаго свѣтила очень часто красиво отбѣняли песчаные высоты и холмы. Обаяніе вечеровъ еще болѣе увеличивалось, когда молодая луна, Сатурнъ, прочія планеты и яркія звѣзды, представляли на темномъ сводѣ неба великолѣпное зрѣлище. Нашъ скромный бивакъ, пріютившійся гдѣ-либо въ низинкѣ, казался точкой среди необъятной, погруженной въ дремоту, пустыни; изрѣдка обрисуеться силуэтъ часового, тяжело вздохнетъ верблюдъ или оригинально простонуть баранъ и дремлющая собака или заговорить во снѣ человекъ: вотъ все, что нарушало тишину здѣшной ночи. Немного подальше, сейчасъ за гребнемъ увала, опять дикая безмолвная пустыня...

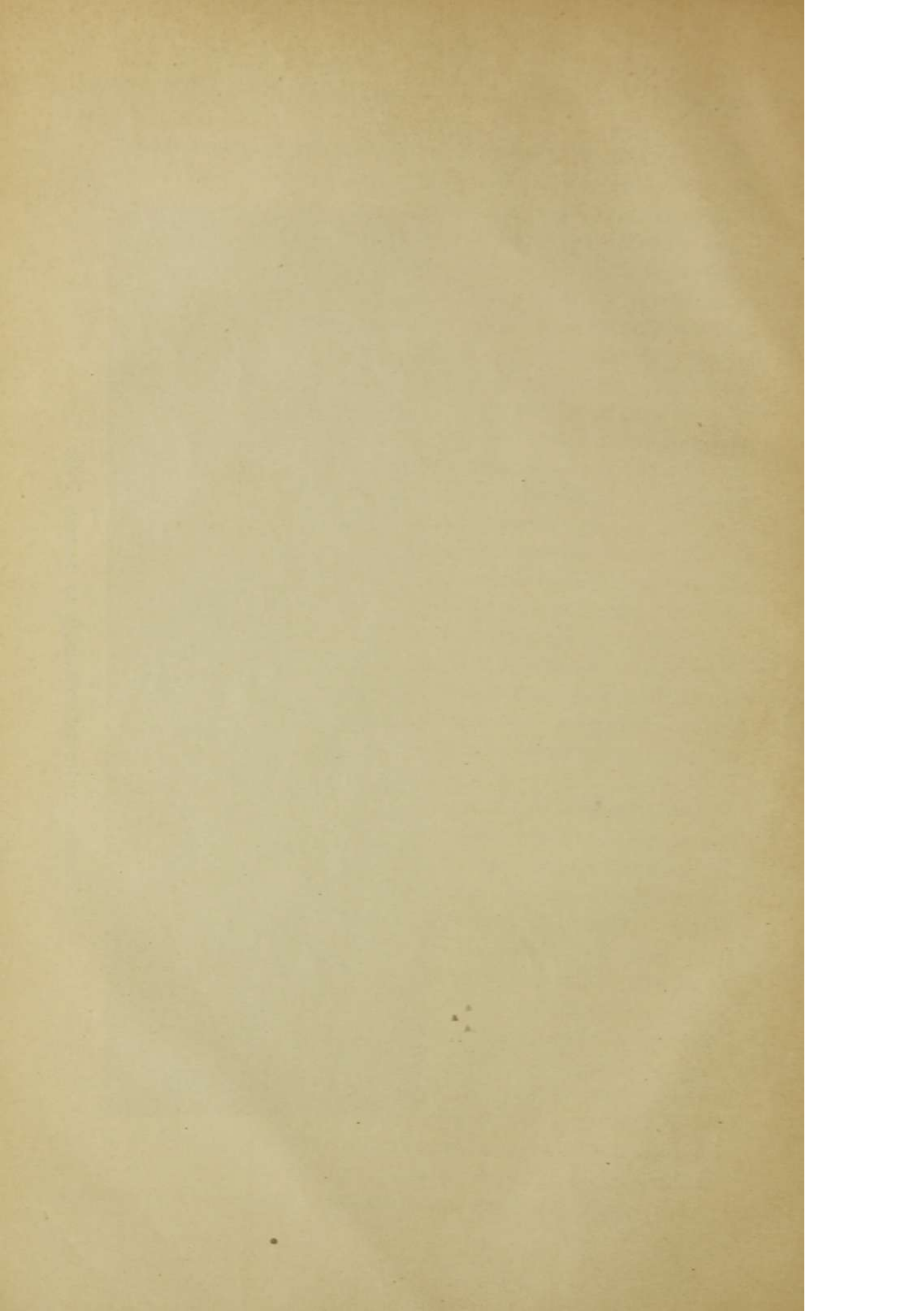
Тѣмъ временемъ пришелъ конецъ старому году. Новый 1900 г. экспедиція встрѣтила въ постеляхъ, за исключеніемъ ночныхъ часовыхъ, бодрствовавшихъ и разгуливавшихъ по району бивака. Угадываю, что они душой были далеко отъ нашего пустыннаго лагеря. На утро иней посеребрилъ земную поверхность, гривы верблюдовъ и бороду фельдфебеля, спокойно распорядившагося по каравану. Безъ словъ было понятно повышенное настроеніе людей отряда. «Готово!» и мы, взгромоздившись на верблюдовъ, потянулись къ югу.

Пройдя сѣверный склонъ горъ Ябарай и спустившись немного по южному, мы расположились бивакомъ, пріютившись подлѣ высокихъ скалъ. Здѣсь, тамъ и сямъ, имѣлись ключевые источники, окаймленные порядочной растительностью. Въ одномъ мѣстѣ оторвавшаяся глыба послужила оригинальнымъ украшеніемъ дикаго тѣснаго ущелья: могучій ильмъ висѣлъ въ воздухѣ въ опрокинутомъ положеніи, удерживаясь на скалѣ развѣтвленіями корней.

У подножья Ябарайскихъ горъ находятся развалины нѣкогда богатой кумирни, «Зеленой богини», свидѣтельствующія объ ужасахъ дунганскаго разгрома. Въ разбитыхъ котлахъ сохранились кости заживо-сваренныхъ дунганами ламъ. По общему хаосу можно было видѣть, что мятежники застали служителей монастыря врасплохъ и не пощадили никого и ничего. Въ одной изъ темныхъ комнатъ, въ углу, на стѣнѣ, висѣла парадная ламайская шляпа — прежнее достояніе настоятеля, которая взята мною въ общую сокро-

Караванъ тибетской экспедиціи въ пескахъ Гоби.

вицину экспедиціонныхъ коллекцій. Верхушку шляпы украшаетъ шишечка, чжинсэ; самымъ же важнымъ отличіемъ шляпы считается звѣздообразная фигура, вышитая на верхней половинѣ тульи. Изображенная въ каждомъ изъ пяти концовъ этой фигуры гексаграмма долгоденствія «Хорь-тадь» ламаистовъ представляетъ видоизмѣненный китайскій символъ «То», имѣющій одинаковое значеніе.

Нынѣ, подлѣ печальныхъ развалинъ, въ ущельцѣ, грохочетъ родникъ, падая со скалъ каскадами; въ устьѣ же ущелья источникъ обрамленъ стройной аллеей тополей, выхоленныхъ, по всему вѣроятію, руками ламъ; уцѣлѣли также величественное обо-мону-ментъ—субурганъ—и колодезь, подлѣ котораго жили согбенные лѣтами и нуждой старцы-монголы, пасшіе китайскихъ ословъ.

Отъ горъ Ябарай до Лянь-чжоу тянется слабо пересѣченная мѣстность, которую въ серединѣ оживляетъ рѣчка Шуй-хо, берущая начало въ Нань-шанъ и стремительно пробѣгающая вдоль нашего пути среди плоскихъ и низкихъ береговъ. Китайцы-земледѣльцы выводятъ изъ Шуй-хо много арыковъ для поливки тщательно воздѣлываемыхъ полей. Водю восточныхъ рукавовъ пользуется и городъ Сого-хото или Чжэнь-фанъ, какъ называютъ его китайцы.

Означенный городъ, подобно всѣмъ китайскимъ городамъ, обнесень стѣною. Внутри города сосредоточены управленія, базаръ и вообще городское населеніе; внѣ—красуются кумирни или пагоды, а вокругъ тянется растительный оазисъ, съ отдѣльными фермами земледѣльцевъ. Въ оазисѣ всюду сновали китайцы верховые, пѣшіе и на высокихъ двухколесныхъ арбахъ; среди занятого люда толкались зрители подростки съ корзинами въ рукахъ, тщательно подбравшіе пометъ животныхъ.

Китайчата съ нетерпѣніемъ, дрожа отъ утренняго холода, ожидали ухода нашего каравана и, какъ только онъ трогался, стремительно, словно стая голодныхъ собакъ, набрасывались на аргаль-поспѣшно наполняя имъ корзины; конечно, въ такихъ случаяхъ, между длинноносими мальчуганами нерѣдко являлись недоразумѣнія и ссоры. Проходя возлѣ китайскихъ домовъ, мы развлекались картинами изъ жизни ихъ желтолицыхъ обитателей. У каждой фанзы копошились куры съ гордо расхаживающимъ красивымъ, выхолненнымъ пѣтухомъ; тамъ и сямъ бродили свиньи, собаки; на крышахъ домовъ ворковали голуби, на которыхъ лукаво посматривали кошки, грѣясь на солнцѣ и вытягивая свои коготки. Вдоль нашего пути собирались зѣваки; иногда буквально все придорож-

ное населеніе выходило на улицу и съ любопытствомъ разглядывало «заморскихъ дьяволовъ» (япъ-гуйцза).

Среди фермъ и полей, по всему оазису, попадались на глаза могилы. Часто гробы стояли на поверхности земли, а ближайшіе къ дорогѣ даже безцеремонно задѣвались арбами. Непріятное впечатлѣніе произвелъ на насъ, валявшійся въ колѣѣ большой дороги, трупъ ребенка, значительно поглоченный собаками.

Съ сожалѣніемъ мы разставались теперь съ монголами-проводниками, такъ усердно служившими намъ въ пути по Гоби. Пустыня и ея обитатели—номады смѣнялись китайской культурой.

Восемнадцатаго января, наканунѣ китайскаго новаго года, экспедиція прибыла въ городъ Лянъ-чжоу. Весь этотъ день мимо нашего бивака, расположеннаго у сѣверной окраины города, двигались китайцы въ городъ или обратно, запасаясь необходимымъ къ празднику. На могилахъ предковъ сжигались всевозможныя фигуры, вырѣзанныя изъ бумаги, и разбрасывался мелкими кусочками хлѣбъ—приношеніе покойникамъ. Въ сумерки взвился надъ крѣпостной стѣной красный фонарь и открылась учащенная пальба изъ пушекъ, прерываемая дробью множества ракетъ и хлопушекъ. Въ перемежку съ выстрѣлами въ кумирняхъ монотонно звучали колокола: эти звуки невольно уносили наши мысли на родной далекой сѣверь...

На второй день праздника показалась отъ города огромная толпа народа, среди которой пестрѣли парадный зонты, трезубцы, красные костюмы и прочее, это былъ кортежъ Дао-тая (губернатора), ѣхавшаго на носилкахъ. Послѣдній жаловалъ ко мнѣ съ визитомъ. Симпатичный старикъ, украшенный генеральскимъ шарикомъ, бодро вошелъ въ юрту, гдѣ оставался около получаса, бесѣдуя главнымъ образомъ на обычную въ подобныхъ случаяхъ тему. Особенно интересовался Дао-тай пустынной дорогой, по которой я только что прошелъ съ караваномъ и ужасался гобійскимъ холодамъ и невзгодамъ. На мою просьбу объ оказаніи содѣйствія по найму подводъ для экспедиціи, губернаторъ отвѣтилъ въ положительномъ смыслѣ, строго сдержавъ обѣщаніе.

Чтобы еще больше закрѣпить хорошія отношенія съ губернаторомъ, я, черезъ часъ по отъѣздѣ Дао-тая, послалъ ему и его помощнику приличные подарки, съ врученіемъ первому и моей визитной, китайскаго образца и по китайски написанной, карточки, увѣдомлявшей о моемъ скоромъ къ нему пріѣздѣ. Въ полдень было готово и наше шествіе къ губернатору; впереди шелъ проводникъ Бадмажановъ въ нарядномъ шелковомъ халатѣ, затѣмъ верхомъ

на сѣрой лошади ѣхалъ я, имѣя за собой парадный конвой изъ пяти человекъ гренадеръ съ фельдфебелемъ во главѣ. Гренадеры были въ новыхъ мундирахъ съ ружьями «на плечо». Въ общемъ шествіе было красивое; китайцы не замедлили составить длинный хвостъ; нѣкоторые забѣгали впередъ, встрѣчные останавливались, толпились вокругъ и созерцали стройное движеніе видныхъ гренадеръ. Мы прослѣдовали по главной улицѣ, состоявшей изъ запертыхъ, по случаю праздниковъ, магазиновъ, переполненной разодѣтыми китайцами. Вблизи губернаторскаго дома шли всевозможныя представленія, въ родѣ нашихъ балагановъ и раздавались звуки заунывной, свистящей музыки; тутъ же открыто читались публичныя лекціи. Во дворѣ Дао-тая не смолкала трескотня хлопучекъ, а при нашемъ вѣздѣ раздалась и встрѣчная пальба. У себя дома Дао-тай былъ еще любезнѣе и предупредительнѣе. Обрати мы прошли въ прежнемъ порядкѣ, сопровождаемые, какъ и въ передній путь, многочисленною толпою.

Вступивъ въ провинцію Гань-су и слѣдуя по большой признаньшаньской магистральной, мы часто любовались на историческій памятникъ Китая—Великую китайскую стѣну, гигантскою змѣею извивающуюся по гребнямъ горъ. Вездѣ на пути двигались китайцы, дунгане, тангуты; но теперь насъ занимала главнымъ образомъ грандіозная природа Нань-шаня; передъ нами вставали могучіе хребты и глубочайшія ущелья, наполненныя шумомъ пѣнящихся водъ; въ сосѣднихъ лѣсахъ и кустарникахъ не смолкали голоса массы разнообразныхъ птицъ. Богатая горная жизнь пробуждала въ насъ стремленіе къ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ.

Безъ сожалѣнія мы оставили большую дорогу и черезъ нѣсколько дней, послѣ многочисленныхъ подъемовъ и спусковъ, съ ближайшихъ къ Тэтунгу высотъ, увидѣли, наконецъ, давно ожидаемый Чортэнтань. Обойдя скалистую, круто обрывающуюся къ рѣкѣ, гору, гдѣ тропинка капризно извивается на головокружительной высотѣ, караванъ благополучно спустился въ ту часть долины, которая пріютила монастырь. Вдали, на правомъ берегу рѣки, виднѣлась привѣтливая когда-то луговая площадь, теперь же темная, взъерошенная, та самая, которая служила нѣсколько разъ мѣстомъ для бивака экспедиціямъ покойнаго Н. М. Пржевальскаго, а выше по горамъ тянулись густые лѣса, въ которыхъ столько разъ охотился великій путешественникъ. Тэтунгъ, еще не успѣвшій вполне сбросить съ себя ледяного покрова, глухо роко-

таль, показывая, впрочемъ, кое-гдѣ свои дивно-прозрачныя, голубя воды и каменистую постель. Еще часть, и мы успѣли устроиться своимъ бивакомъ у нижней зоны лѣсовъ.

Съ первыхъ дней пребыванія въ Чортэнтапѣ, мы стали, по заявленію старѣйшихъ ламъ этого монастыря, привѣтливо встрѣтившаго экспедицію, ихъ «дорогими гостями». Какъ прежде, такъ и теперь намъ были разрѣшены охотничьи экскурсіи вездѣ въ окрестностяхъ, за исключеніемъ лишь одной горы, расположенной недалеко отъ храмовъ.

ГЛАВА III.

Путь къ границамъ Тибета.

Описаніе монастыря Чортэнтанъ.—Красавецъ Тэтунгъ и прилежащія скалы и лѣса.—Прощаніе съ ламами.—Живописный горный путь до Чойбзэна. Монастырь этого имени.—Передача подарка чойбзэнскому гэгэну.—Города Сининъ и Донгэръ.—Монастырь Гумбумъ.—Альпійское озеро Буку-норъ.—Постоянная борьба изъ за его роскошныхъ пастбищъ.—Впечатлѣніе при видѣ перваго хребта сѣвернаго Тибета.—Восточный Цайдамъ и организація склада.—Метеорологическая станція.

Монастырь Чортэнтанъ или Тен-тан-сы, какъ его называютъ китайцы, впервые былъ посѣщенъ Н. М. Пржевальскимъ, о которомъ старѣйшіе ламы до сихъ поръ хранятъ самое лучшее воспоминаніе и берегутъ портретъ моего учителя, какъ драгоценность. Надо замѣтить, что и покойный путешественникъ, пребывая даже у себя на родинѣ, нерѣдко вспоминалъ этотъ богатый природою уголокъ, памятный ему, какъ натуралисту, по лучшимъ охотамъ на птицъ, среди которыхъ было добыто до десятка новыхъ формъ. Еще не будучи путешественникомъ, а только готовясь въ таковыя, я такъ много слышалъ о горахъ провинціи Гань-су вообще, о Чортэнтанѣ же въ особенности, что потомъ многое узнавалъ самъ, экскурсируя въ этихъ мѣстахъ. Послѣ Чортэнтана естественника можетъ удовлетворить только Камъ.

Самый монастырь, прижатый къ скалистому подножью священной горы, расположенъ на лѣвомъ берегу многоводнаго и шумнаго Тэтунга, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ края террасы, круто обрывающейся въ его прозрачныя, пѣнящіяся волны. Сѣверные склоны противоположнаго берега сверху до низу покрыты густымъ хвойнымъ лѣсомъ, къ которому, во многихъ мѣстахъ, примѣшивается и лиственный. Тамъ же, на правомъ берегу, на прибрежныхъ тер-

расахъ, въ лѣтнее время волнуются поля ячменя и пшеницы и, кое-гдѣ, разбросанно стоятъ небольшіе бревенчатые домики мѣстныхъ тангутовъ и фанзы пришлыхъ китайцевъ. Изъ оконъ монашескихъ келій можно любоваться самыми красивыми видами.

Монастырь Чортэнтанъ основанъ около 450-ти лѣтъ тому назадъ, при Мянской династіи, но только лѣтъ двѣсти пятьдесятъ спустя, когда поступилъ подъ покровительство гэгэна Донкорь-Манчжушри, украсился храмомъ Мдогунъ, сохранившимъ приличный видъ еще и до сего времени. Главное божество храма, стоящее внутри, слѣва отъ входа, называется Цэг-ваг-медъ; направо же отъ входа находится статуя знаменитаго реформатора ламаизма—Цзонъ-хава. Второй храмъ, именуемый Цзю-хынъ, построенъ лѣтъ 75 тому назадъ подвижникомъ Ксеркынъ-ламой.

Этотъ послѣдній удалился передъ смертью въ горы Амнэ-мачинъ—сѣверо-восточный Тибетъ—и поселился въ пещерѣ подлѣ монастыря Ариг-рарчжа-гомба; тамъ онъ и умеръ, завѣщавъ не искать его перерожденца. Тѣло отшельника Ксеркынъ-ламы было высушено и, одѣтое въ платье, поставлено въ главномъ храмѣ монастыря Рарчжа-гомба и надъ нимъ выстроены субурганъ; въ отверстіе, продѣланное въ субурганѣ противъ того мѣста, гдѣ должны находиться руки этого святого, молящіеся просовываютъ ладонь, въ которую святой будто бы посылаетъ капли чистой ключевой воды, считающейся весьма цѣлебной. Память о строгомъ отшельникѣ сохраняется въ Чортэнтанѣ до сихъ поръ.

По штату въ монастырѣ Чортэнтанѣ полагается восемьсотъ ламъ, но на лицо имѣется лишь половина. Настоятелями монастыря являются, чередующіеся по старшинству, гэгэны; каждый можетъ занимать кафедру неопредѣленное число лѣтъ, по желанію, но совершенно отказаться не можетъ. Слѣдующимъ за настоятелемъ лицомъ является ши-чжунъ, юрисконсультъ, назначаемый китайцами. Его обязанность сносятся со свѣтскими и духовными властями по всякимъ монастырскимъ и мірскимъ дѣламъ; онъ же и опекунъ, и смотритель, и казначей, и экономъ монастыря; въ наше пребываніе въ Чортэнтанѣ эту должность отправлялъ Цорчжи-лама.

Въ теченіе всего проведеннаго экспедиціей времени въ Чортэнтанѣ, мы ежедневно экскурсировали въ окрестныхъ лѣсахъ, охотясь за звѣрями и птицами. Ближайшихъ же къ нашему биваку пернатыхъ, въ особенности красивыхъ фазановъ, которые частенько, въ виду нашихъ палатокъ, разгуливали подобно домашнимъ пти-

цамъ, мы старались охранять и не беспокоить. Изъ сосѣдняго лѣса доносились голоса ушастыхъ фазановъ, рѣже сэрмуновъ; пѣніе же мелкихъ птичекъ ласкало нашъ слухъ почти ежедневно, въ особенности въ ясное, тихое утро или вечеръ. То же пѣніе птицъ манило подъ лѣсную сѣнь, гдѣ бывало проводишь нѣсколько часовъ въ наблюденіи надъ ихъ образомъ жизни.

Такимъ образомъ, наше пребываніе на берегахъ красиваго Тэтунга шло тихо, спокойно. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца мы ежедневно засыпали, убаюкиваемые монотоннымъ гуломъ рѣки. Много, много разъ манили насъ къ себѣ ея грандіозныя прибрежныя скалы, въ особенности по вечерамъ, когда никто не нарушалъ окрестную тишину, кромѣ рокота стремительныхъ прозрачныхъ водъ рѣки, и когда мысль подъ обаяніемъ дикой, величественной природы, воскрешала въ воображеніи образъ покойнаго перваго изслѣдователя, который, сравнительно недавно, любовался тѣми же прелестными видами и прислушивался къ мягкому всплеску волнъ того же красавца Тэтунга...

Съ началомъ марта мы стали собираться въ дальнѣйшій путь, а пятого числа, раннимъ утромъ, и двинулись.

На прощанье почтенные ламы благословили насъ двумя металлическими и однимъ, писаннымъ на полотнѣ, золоченымъ «бурхан'ами», Манчжушри, бога мудрости, и Будды на алмазномъ престолѣ.

Несмотря на то, что экспедиція оставила въ Чортэнтанѣ десять вьюковъ, изъ сорока верблюдовъ каравана было занято громоздкими вьюками тридцать три. Избранный экспедиціей маршрутъ пролегалъ значительно сѣвернѣе пути Н. М. Пржевальскаго— съ цѣлью миновать наиболѣе высокій и размытый отъ времени перевалъ Рангхта.

Гору Ртакъ-панъ, въ системѣ Сѣверно-Тэтунгскаго хребта, лежавшую на сѣверъ отъ нашего бивака при Чортэнтанѣ, предстояло обойти чуть не кругомъ. Переправившись въ бродъ черезъ шумный и кристалически-прозрачный Тэтунгъ, экспедиція пошла сперва ущельемъ Мэторъ, а затѣмъ другимъ безымяннымъ, впадавшимъ въ предыдущее справа, и вскорѣ достигла вершины «можжевеловаго» перевала Шуг-ламъ, абсолютная высота котораго приближается къ 9.500 футамъ. Дикій, хаотическій видъ открылся на южномъ скатѣ Шуг-лама: высокія вершины, круто ниспадающіе обрывы и мрачныя ущелья— все сливалось въ одно величественное цѣлое, производя своеобразное впечатлѣніе. Дорога, то широкая,

то узкая, или лѣпилась красивымъ бордюромъ вверху горъ, или змѣею извивалась по дну долинъ. У ногъ разстилались чудныя картины по обѣимъ сторонамъ перевала, изобилующаго богатою растительностью, дающею пріютъ животному міру. Въ можжевеловыхъ заросляхъ держалось много ушастыхъ фазановъ. Изящныя птицы спокойно расхаживали и по луговымъ скатамъ, и на опушкахъ лѣса, иногда показывались даже на деревьяхъ, но при видѣ чело-вѣка тотчасъ слетали съ нихъ; порою отдѣльныя пары тихо переступали черезъ нашу дорогу. Во всѣхъ случаяхъ, гордая осанка и великолѣпный нарядъ этихъ пернатыхъ, приковывали вниманіе наблюдателя. Громкіе, рѣзкіе крики голубыхъ фазановъ неслись ото-всюду; изрѣдка къ нимъ присоединялись тонко-свистящіе звуки зеленыхъ сэрмуновъ, въ перемежку съ пріятнымъ голосомъ «хэй-лапо». Въ верхнемъ поясѣ горъ паслись куку-яманы рядомъ съ домашними яками; на выступахъ скалъ показывалась кабарга.

Тангутовъ на нашемъ пути встрѣчалось также много; ихъ глинобитныя или бревенчатыя постройки ютились въ лучшихъ и защищенныхъ отъ вѣтровъ и зимнихъ холодовъ мѣстахъ, нерѣдко красиво располагаясь не только по дну долины, но и по ея боковымъ скатамъ, до второстепенныхъ вершинъ включительно.

Спустившись внизъ, въ долину Тэтунга, мы были обласканы весеннимъ тепломъ и сухостью. Нашъ бивакъ былъ расположенъ на лѣвомъ, возвышенномъ, берегу рѣки, съ шумомъ катившей свои темно-голубыя волны. Отсюда, вверхъ и внизъ, Тэтунгъ сдавливается угрюмо нависшими скалами, а его круто падающее ложе загромождено гигантскими валунами. Сосѣдняя гора Шахэръ смѣло возноситъ свою острую вершину въ мягкую синеву неба; бока этой горы точно отшлифованы и можно съ увѣренностью сказать, что они съ трехъ видѣнныхъ нами сторонъ, не доступны чело-вѣку, хотя можжевеликъ ухитряется цѣпляться тутъ своими корнями и расти довольно успѣшно. Многое въ дикомъ, величественномъ созданіи природы здѣсь недосыгаемо.

На пятый день отъ Чортэнтана мы достигли монастыря Чойб-зэнъ-хитъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ котораго и расположились бивакомъ.

Означенный монастырь большой, богатый, счастливо уцѣлѣвшій отъ всеокрушающихъ и грозныхъ дунганъ, пользуется высокою славой. Монастырскій храмъ сооруженъ изъ кирпича и имѣетъ форму, общую всѣмъ буддійскимъ кумирнямъ; его щедро золоченая кровля великолѣпно блеститъ на яркомъ солнцѣ, а сосѣд-

Лама Цорчи—изъ монастыря Чортэнтанъ.

Гора Шагэръ, на правомъ берегу Тэтунга.

ніе зеленые холмы пріятно гармонируютъ съ общимъ видомъ монастыря.

Въ серединѣ храма, какъ главное божество, возсѣдаетъ Шакія-Муни, въ видѣ золоченаго бурхана, сажени въ двѣ вышиною. По сторонамъ, въ рядъ съ Буддою, размѣщены другіе, меньшихъ размѣровъ, бурханы. Вокругъ трехъ стѣнъ храма помѣщается въ шкафахъ тысяча болѣе мелкихъ мѣдныхъ бурхановъ, величиною въ одинъ—два фута; каждый изъ нихъ имѣетъ особенную позу и атрибуты, между которыми есть, съ нашей точки зрѣнія, до безобразія циничныя.

Нынѣшній святитель, мой старый знакомый, къ сожалѣнію отсутствовалъ, находясь въ это время на Юлдусѣ у торгоутовъ, гдѣ я его видѣлъ и въ минувшее путешествіе. Нирва или казначей гэгэна оказалъ намъ большое вниманіе. «Годъ тому назадъ, говорилъ онъ, сидя у меня, гэгэномъ, тогда еще пребывавшимъ въ Чойбзэнѣ, была получена отъ китайцевъ бумага, извѣщавшая о нашемъ слѣдованіи въ Тибетъ, черезъ Чойбзэнъ. Гэгэнь замѣтилъ, что этотъ путешественникъ мой другъ и ему слѣдуетъ оказать полнѣйшее содѣйствіе даже и въ томъ случаѣ, если бы меня и не было въ то время здѣсь». Послѣ этого, я показалъ нирвѣ подарокъ, жалуемый святителю Императорскимъ Русскимъ географическимъ обществомъ за содѣйствіе В. И. Роборовскому и мнѣ во время минувшаго нашего странствованія по Центральной Азій. Нирва былъ въ восторгѣ отъ подарка, повторяя все время «драгоцѣнный» и очень сожалѣлъ объ отсутствіи гэгэна. Въ заключеніе, я сказалъ, что завтра посѣщу храмъ и личную домашнюю молельню гэгэна, и самъ поставлю подарокъ на столъ, передъ которымъ обычно возсѣдаетъ святитель.

На другой день, согласно обѣщанію, я отправился въ монастырь, гдѣ нирва съ монахами встрѣтилъ меня у входа во второстепенныя молельни и проводилъ къ себѣ въ хорошо убранную фанзу. Здѣсь хозяинъ предложилъ мнѣ и моимъ спутникамъ угощеніе, разставленное на нѣсколькихъ столикахъ; видно было, что все это приготовлено заранѣе. Въ бесѣдѣ съ нирвой я узналъ, между прочимъ, что этотъ лама побывалъ на своемъ вѣку во многихъ мѣстахъ «страны тангутовъ», но лучше Кама или восточнаго Тибета, въ смыслѣ богатства и красоты природы, онъ ничего не знаетъ.

Послѣ чаепитія и обычныхъ привѣтствій мы отправились въ сопровожденіи нирвы и многихъ ламъ въ покой гэгэна, гдѣ въ свою

очередь служитель монастыря просил отвѣдать хлѣба-соли отсутствовавшего настоятеля и хотя бы недолго посидѣть подъ сѣнью, озаряемой невидимымъ присутствіемъ святителя. Затѣмъ я открылъ дубовый ларецъ, въ которомъ подъ краснымъ атласомъ, на золотисто-желтомъ бархатѣ, помѣщались восемь серебряныхъ чашъ, внутри золоченыхъ, а снаружи покрытыхъ красною эмалью. Всѣ присутствовавшіе выразили большой восторгъ и удивленіе, а нѣкоторые старцы даже умилились, когда увидѣли и прочли надпись, выгравированную на большомъ сосудѣ тибетскими литерами и гласящую: «Великаго Россійскаго Государства Общества Землевѣдѣнія Великаго Дайцыньскаго Государства гэгэну Чойбзэнъ-Хитъ, жалованный подарокъ». Нирва, а за нимъ и всѣ ламы почтительно поблагодарили меня, прося закрыть этотъ «драгоценный» подарокъ до пріѣзда ихъ святителя.

Обойдя вновь возведенныя постройки монастыря, я невольно остановился на послѣдней, еще не вполне законченной, гдѣ гэгэнь проживаетъ лѣтомъ. Небольшія уютныя и прилично обставленныя комнаты были оригинально освѣщены краснымъ, фіолетовымъ и голубымъ свѣтомъ, падавшимъ черезъ большія выходящія въ садъ цвѣтныя окна. Это помѣщеніе уже носитъ слѣды знакомства гэгэна съ городами внутренняго Китая и нѣкоторой роскошью. Молодой садъ-цвѣтникъ, которымъ можетъ любоваться святитель, кромѣ того съ террасы, разбитъ толково и со вкусомъ. Здѣсь можно видѣть искусственную горку, гротъ, бассейнъ съ рыбками, остовъ бесѣдки, лѣтомъ укрываемый ползучими растеніями и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это уединенное жилище полно глубокой тишины, необходимой буддисту, когда онъ погружается въ созерцаніе.

Дальнѣйшій путь экспедиціи шелъ южнѣе дороги Н. М. Пржевальскаго, въ районѣ густого китайскаго населенія, гдѣ красиво распланированныя поля трудолюбивыхъ земледѣльцевъ заполняли собою все видимое по сторонамъ пространство. По многочисленнымъ траншееобразнымъ дорогамъ сновали китайцы и тангуты. Попутныя селенія были сильно разорены послѣднимъ дунганскимъ погромомъ и многія изъ нихъ все еще находились въ совершенномъ запустѣніи, наводя путешественника на грустныя размышленія. О дунганахъ бунтовщикахъ монголы отзываются такъ: «дунгане не люди», помня ихъ безчеловѣчныя поджоги камышей, въ которыхъ скрывались кочевники; китайцы же не могутъ подобрать иного названія, какъ «цзэй», т. е. разбойникъ, воръ, мятежникъ, такъ велика ихъ ненависть къ нимъ. Право, не вѣрится, когда слы-

пишь рассказы о жестокости дунганъ инсургентовъ, способныхъ, по взятіи извѣстнаго селенія, собрать всѣхъ дѣтей и, уложивъ ихъ въ кругъ, составленный изъ матерей, произвести, своего рода, молотьбу гранитнымъ призматическимъ валомъ, таща послѣдній впряженными быками и лошадьми по головамъ несчастныхъ малютокъ, оглашавшихъ окрестности стономъ. Зрѣлище это еще больше удручало, когда, въ заключеніе варварской забавы, дунгане поднимали нѣкоторыхъ дѣтей на конья, вращая ихъ передъ глазами переживавшихъ весь этотъ ужасъ матерей.

На первой стоянкѣ за Чойбзэномъ мы встрѣтились съ Казнаковымъ и Ладыгинымъ, покончившими дѣла въ Сининѣ и Донгэрѣ, куда они были командированы мною для переговоровъ съ Сининскимъ Цинъ-цай'емъ (губернаторомъ), принявшимъ моихъ сотрудниковъ очень любезно. Мнѣ же Цинъ-цай прислалъ при частномъ любезномъ письмѣ официальное извѣстіе, въ которомъ предупредалъ о могущей встрѣтиться непріятности среди непокорнаго племени н'голоковъ на Желтой рѣкѣ, и если бы я все-таки не измѣнилъ намѣченнаго маршрута экспедиціи, въ чемъ онъ и не сомнѣвался, то онъ, Цинъ-цай, слагалъ въ такомъ случаѣ съ себя нравственную отвѣтственность.

Города Сининъ и Донгэръ лежатъ въ одной долинѣ, обставленной мягкими лёссовыми увалами и орошаемой рѣчками общихъ съ городами названій, въ сущности одной рѣкой, вливающейся справа въ Тэтунгъ, притокъ Хуанъ-хэ. Сининъ— складочный пунктъ товаровъ и хлѣба, рассылаемыхъ въ мелкіе города, ведущіе мѣновую торговлю съ кочевниками, живущими на прилежащемъ Амдоскомъ плато.

Къ юго-западу, верстахъ въ 25-ти отъ Синина, находятся большой монастырь Гумбумъ или Ркунъ-бынь, какъ его называютъ тангуты, насчитывающій въ своихъ стѣнахъ до трехъ тысячъ ламъ. Раньше, до перваго дунганскаго возстанія, число служителей монастыря простиралось до семи тысячъ человѣкъ. Номады, пріѣзжая въ города Сининъ и Донгэръ по торговымъ дѣламъ, почти всегда посѣщаютъ и монастырь, оставляя послѣднему щедряя жертвы.

Подобно тому, какъ кочевники запасаются продовольствіемъ въ окраинныхъ городахъ, пришлось и намъ здѣсь организовать таковой же транспортъ, конечно, болѣе сложный, со включеніемъ всевозможныхъ предметовъ, необходимыхъ при коллектированіи звѣрей и птицъ. Годовой запасъ экспедиціи былъ поднять на двадцати пяти верблюдахъ и въ общей сложности съ другими отдѣлами снаряженія обошелся около двухъ пудовъ серебра.

Покинувъ упомянутые города, мы вмѣстѣ съ тѣмъ простились надолго и съ китайской культурой. Впереди лежали высокія степи Куку-нора, занятыя кочующими племенами, откуда въ теплыя долины Китая часто проникають сильные холодные вѣтры, въ особенности раннею весною.

Озеро Куку-норъ, называемое тангутами Цокъ-гумбумъ, а китайцами Цинъ-хай, представляетъ собою величественный, до 350-ти верстъ въ окружности, грушевидной формы водоемъ. Съ сосѣднихъ горъ несутся къ нему большія и малыя рѣки, главною изъ которыхъ справедливо считается Бухайнъ-голь, впадающая въ сѣверо-западный уголь Куку-нора.

Изъ темно-синихъ волнъ этого озера красиво выступаетъ его сердце—островъ. Тамъ живутъ пять-семь человѣкъ ламъ-отшельниковъ, отрѣзанныхъ отъ всего окружающаго на семь-восемь мѣсяцевъ, періодъ, въ теченіе котораго поверхность озера бываетъ открытою и сообщеніе съ островомъ, за неимѣніемъ лодокъ, прекращается. Ламы острова живутъ приношеніями паломниковъ, а зимою и сами отправляются за сборомъ подаяній. У отшельниковъ имѣются бараны и козы, молоко которыхъ, смѣшанное съ соленой водою Куку-нора, утоляетъ и жажду и голодь монаховъ. Относительно этого острова существуетъ слѣдующая легенда. Богъ, принявъ видъ огромной птицы, принесъ сюда въ когтяхъ эту скалу, заткнулъ ею отверстіе, черезъ которое изливалась вода, устремившаяся сюда изъ Лхасы по подземному ходу, и только этимъ путемъ спасъ страну отъ окончательнаго потопленія.

Привольныя Куку-норскія степи весьма выгодны для скотоводства своимъ высокимъ положеніемъ надъ моремъ, обуславливающимъ отсутствіе лѣтомъ жаровъ и докучливыхъ насѣкомыхъ, въ связи съ довольно сухимъ вообще климатомъ, обиліемъ соли въ почвѣ, богатствомъ кормовыхъ травъ, отсутствіемъ зимою снѣга, наконецъ, сравнительно ничтожнымъ здѣсь уходомъ за скотомъ. Все это еще съ отдаленныхъ временъ манило кочевниковъ искать въ этой странѣ удовлетвореніе своихъ непрехотливыхъ стремленій. Много разъ Куку-норъ былъ свидѣтелемъ жестокихъ войнъ у номадовъ, оспаривавшихъ право на владѣніе имъ. Монголы съ сѣвера, тангуты съ юга, подобно ураганамъ, устремлялись съ окрестныхъ горъ въ равнину Куку-нора и сшибались между собою. На пространствѣ рѣчекъ Бага-уланъ и Ихэ-уланъ, впадающихъ въ Куку-норъ съ сѣвера, была такая рѣзня, что эти двѣ рѣчки текли кровью; поэтому, по словамъ монголовъ, за ними и сохранились названія уланъ,

т. е. красный (отъ крови). Только сравительно въ недавнее время китайцы своимъ многочисленнымъ войскомъ, и то лишь послѣ цѣлаго ряда неудачъ, положили конецъ жестокому распрямъ у кочевыхъ народовъ, хотя и теперь, уже на памяти европейцевъ, пассивная борьба кочевниковъ не прекращается. Болѣе сильные духомъ и тѣломъ южные пришельцы незамѣтно, постепенно, тѣснятъ сѣверянъ и становятся, по мѣткому выраженію Н. М. Пржевальскаго, все бѣльшими и бѣльшими хозяевами этой страны.

Въ наше пребываніе на озерѣ Куку-норѣ поверхность его была свободна отъ льда, хотя у береговъ, равно какъ и по низовьямъ рѣчекъ, питающихъ этотъ огромный замкнутый бассейнъ, держались значительныя скопленія ледяныхъ массъ. Погода стояла преимущественно холодная и вѣтряная. Бури случались также нерѣдко и вслѣдъ за одной изъ нихъ намъ удалось наблюдать степной пожаръ, жадно истреблявшій сухія прошлогоднія травы. По мѣрѣ сгущенія сумерекъ красно-багровая или ярко-золотистая стѣна пламени выдѣлялась рѣзче и рѣзче; порою она напоминала живую, быстро движущуюся волну, которая, то расширялась и понижалась, то наоборотъ, сокращалась и поднималась въ высь, выбрасывая красные языки. По временамъ клубы темнаго дыма скрывали огненные полосы, но затѣмъ яркое пламя снова пробивалось и производило болѣе сильное впечатлѣніе и бѣльшій эффектъ. Степной пожаръ свирѣпствовалъ съ ужасающею силою въ теченіе всей ночи, отбрасывая на темное небо свое яркое зарево, и ослабѣлъ только къ утру.

Тотчасъ за Куку-норомъ поднимается Южно-Куку-норскій хребтъ, переваливъ который дорога извивается среди ущелій, долинъ и по сѣверному берегу озера Цаганъ-норъ приближается къ кумирнѣ Дуланъ-хитъ, покровительствуемой Цинъ-хай-ваномъ. Эта кумирня выглядѣла всегда бѣдной, а послѣ разграбленія ея въ 1895 году дунганями, представляетъ развалины. По словамъ мѣстныхъ ламъ, бунтовщики украшали сѣдла своихъ лошадей лучшими бурханами, писанными на шелку; старые же, какъ не нужные, попирали ногами.

Въ бѣдныхъ глиняныхъ лачугахъ, окружающихъ развалины кумирни, проживали жалкіе монголы, у которыхъ намъ удалось купить матеріала на постройку метеорологической будки въ Цайдамѣ. Лѣсъ здѣсь дорогъ, несмотря на его обиліе и близость. Своими средствами мы добыли нѣсколько сухихъ бревешекъ въ ближайшемъ ущельѣ, а за двадцать небольшихъ высушенныхъ досокъ при-

нуждены были заплатить монголамъ почти двадцать рублей. Ламы разоренной кумирни со своей стороны предложили намъ въ даръ нѣсколько экземпляровъ писанныхъ, золоченыхъ бурхановъ, за которые мы также щедро заплатили.

Теперь намъ предстоялъ уже знакомый путь до Восточнаго Цайдама, видъ на который загораживался впереди лежавшими горами Сарлыкъ и Тымэртынъ-ула ¹⁾, замыкающими съ юга глубокую солончаковую долину Сэрхэ-норъ. Прослѣдовавъ тѣснымъ ущельемъ въ горахъ Сарлыкъ-ула, въ верхнемъ поясѣ блестящихъ снѣгомъ, и поднявшись на глинистыя высоты, образуемая южными второстепенными холмами, мы увидѣли на югѣ въ туманной дали хребетъ Бурханъ-Будда, протянувшійся длиннымъ величественнымъ валомъ съ востока на западъ. Въ тонкой пыльной дымкѣ мутновато виднѣлись снѣга, еще плотно укрывавшіе верхній поясъ горъ.

Мысль невольно перенеслась за этотъ порогъ Тибета, гдѣ исполинской скатертью развертывается высокое суровое нагорье, дающее пріютъ оригинальнымъ представителямъ животнаго царства. Тамъ должна была быть сосредоточена предстоявшимъ лѣтомъ наша дальнѣйшая дѣятельность... Что ожидаетъ насъ далеко впереди? Поможетъ ли намъ счастье также успѣшно поработать въ завѣтной странѣ, какъ это удалось сдѣлать въ Алтаѣ и въ Центральной Гоби?—вотъ вопросы, неотвязно стоявшіе въ моемъ воображеніи при видѣ убѣленныхъ природою вратъ Тибета...

Отсюда же открывался видъ и на равнину Цайдама. Сдѣлавъ въ этотъ памятный день—день православной Св. Пасхи—9 апрѣля очень утомительный переходъ въ 40 верстъ, мы добрались до начала обширныхъ болотъ Далынъ-тургынъ и среди песчаныхъ холмовъ, одѣтыхъ камышемъ и пріютившихъ небольшую площадку воды, имѣли праздничную стоянку. Сохраняя традиціи своего незабвеннаго учителя, я похристосовался съ людьми экспедиціоннаго конвоя, давъ каждому вмѣсто краснаго яйца по золотому.

Путь поперекъ Восточнаго Цайдама былъ крайне затруднителенъ, по причинѣ растворившихся болотъ этой солончаковой страны; въ тоже время онъ и удлинялся, такъ какъ часто приходилось дѣлать круговые обходы.

¹⁾ Объ этихъ горахъ см. въ моей книгѣ о предыдущемъ путешествіи: «Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи, совершенной въ 1893—1895 гг. подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго. Часть II. Отчетъ помощника начальника экспедиціи П. К. Козлова». С.-Петербургъ. 1899. стр. 225 и слѣдующія.

14-го апрѣля экспедиція, наконецъ, достигла хырмы или укрѣпленія Барунъ-цзасана и расположилась внутри ея глиняныхъ стѣнъ бивакомъ. Здѣсь мы устроили метеорологическую станцію.

Въ этой же хырмѣ былъ организованъ и складъ коллекцій и багажа, необходимаго на обратный путь экспедиціи. Мѣстный князь, мой старый знакомый, не имѣлъ данныхъ выразить поэтому поводу какого-либо протеста на томъ основаніи, что ему было предписано изъ Синина объ оказаніи экспедиціи полного содѣйствія какъ относительно пребыванія въ Цайдамѣ, такъ равно и по снаряженію въ дальнѣйшій путь.

Лучшій человекъ конвоя экспедиціи, Муравьевъ, въ теченіе почти годового срока по дорогѣ въ Цайдамъ, обучался мною метеорологическимъ наблюденіямъ и сумѣлъ добросовѣстно выполнить не только обычныя наблюденія, но даже и часовыя, производившіяся отъ 7-ми часовъ утра до 9-ти вечера.

При складѣ въ Цайдамѣ мною были оставлены кромѣ Муравьева еще три человека, на одного изъ которыхъ—старого, неизмѣннаго моего спутника по четыремъ путешествіямъ въ Центральной Азіи, Гавріила Иванова, было возложено главенство. Ивановъ постоянно жилъ, подобно кочевникамъ-монголамъ, съ экспедиціоннымъ скотомъ—верблюдами, лошадьми и баранами, переноса свой лагерь то по равнинѣ, то по ущельямъ сосѣднихъ горъ и только, по временамъ, пріѣзжалъ въ хырму «понавѣдаться». Остальные двое, малолѣтки Евгений Телешовъ и Яковъ Афутинъ, говорившіе по-монгольски, чередовались въ пребываніи въ укрѣпленіи и при пастьбѣ животныхъ; обыкновенно они перемѣщались изъ одного мѣста въ другое черезъ мѣсяць; случалось однако и такъ, что оба малолѣтка жили недѣлями съ Ивановымъ; тогда наблюдатель Муравьевъ былъ совершенно одинокимъ, если не считать монголовъ.

Мѣстный управитель проживалъ въ это время въ Хату, въ одномъ изъ ущелій хребта Бурханъ-Будда, откуда по временамъ пріѣзжалъ къ намъ для переговоровъ о предстоявшемъ снаряженіи каравана изъ хайныковъ или быковъ. Не знаю почему, но, при этомъ важномъ для насъ вопросѣ, Барунъ-цзасакъ началъ было кривить душою, на что я ему тотчасъ же отвѣтилъ полною холодною отношеніемъ, ставъ на официальную ногу; въ заключеніе же строго напомнилъ о Н. М. Пржевальскомъ, о времени снаряженія покойнаго путешественника въ Тибетъ, а также и о томъ, что по возвращеніи въ Сининъ не премину доложить о немъ Цинъ-цайю.

Послѣ моего вразумленія Барунъ-цзасакъ долгое время совѣщался съ приближенными; въ концѣ концовъ мы пришли дипломатическимъ путемъ къ мирному соглашенію, но чисто дружескихъ чувствъ къ мѣстному управителю я уже больше не питалъ.

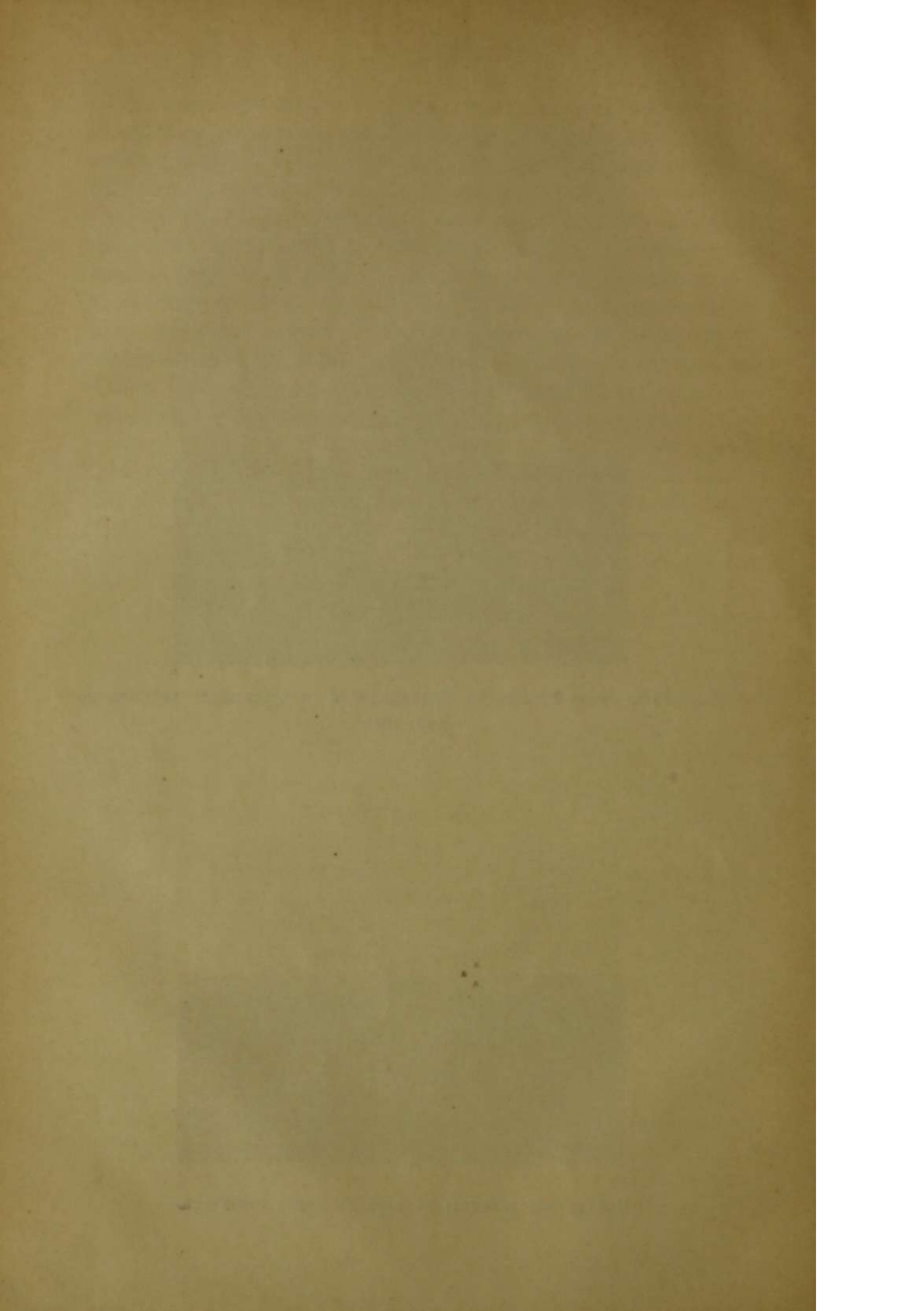
Передъ отправленіемъ въ Тибетъ я послалъ отчетъ и письма на родину черезъ Россійскую миссію въ Пекинѣ, и одновременно просилъ посланника М. Н. Гирса заготовить для экспедиціи извѣстное количество китайскаго серебра съ переводомъ такового въ Сининъ, ко времени нашего обратнаго туда слѣдованія. Все же наличное серебро, по обезпеченіи нуждъ на складѣ, я взялъ съ собою въ Тибетъ, такъ какъ по опыту зналъ, насколько будетъ великъ предстоявшій расходъ въ странѣ Далай-ламы.

Метеорологическая станція въ Цайдамѣ и ея отвѣтственный наблюдатель
Муравьевъ.

Цайдамская равнина; на первомъ планѣ солончаки.

ГЛАВА IV.

Очеркъ Цайдама и цайдамскихъ монголовъ.

Общая характеристика Цайдама.—Исторія цайдамскихъ монголовъ.—Ихъ внѣшность, жилище, пища, занятія.—Пріемъ гостя.—Свадебное торжество: перемена прически, подарки невестѣ и посѣщеніе ея дома женихомъ; прибытіе невесты, поклоненіе небу, солонду и лунѣ—клятва въ вѣрности.—Юридическіе обычаи.—Примѣты и пословицы.

«Цайдамъ» слово не монгольское, а тибетское, вошедшее однако въ монгольскій языкъ для обозначенія вообще солончаковыхъ болотъ, долинъ и степей; оно составлено изъ двухъ тибетскихъ словъ: «Ца»—соль и «дамъ»—грязи болота. Въ частности подъ этимъ словомъ извѣстна обширная долина, заключенная между горами Нань-шань и ихъ западнымъ продолженіемъ на сѣверъ и тибетскимъ окраиннымъ хребтомъ Кунь-лунь на югѣ.

Эта замкнутая страна, бывшая, по всему вѣроятію, въ сравнительно недавнюю геологическую эпоху, дномъ моря, состоитъ изъ двухъ, довольно рѣзко различающихся между собою частей: южной—болѣе низменной, изобилующей ключевыми болотами, почти сплошь покрытой солончаками, и сѣверной—возвышенной, состоящей изъ галечныхъ и солончаковыхъ пространствъ, изборозженныхъ горками.

Со стороны тибетскаго нагорья текутъ въ Цайдамъ воды многихъ рѣчекъ, которыя въ совокупности съ главной рѣкой въ Цайдамѣ—Баянь-голомъ образуютъ горько-соленныя озера.

Въ административномъ отношеніи Цайдамъ дѣлится на пять хошуновъ и извѣстенъ какъ у монголовъ, такъ и у китайцевъ, подъ названіемъ «Табунъ-Цайдамъ», т. е. пять цайдамовъ.

Письменных документов о прошлом здѣшнихъ монголовъ не сохранилось. Покоривъ монголовъ Цайдама и Куку-норской области, китайцы, подъ угрозою смерти, потребовали уничтоженія древне-монгольскихъ историческихъ книгъ, записей и документовъ, относившихся ко времени предшествовавшему покоренію.

Устные же преданія, передающія изъ поколѣнія въ поколѣніе, гласятъ слѣдующее: «весь верхній бассейнъ Желтой рѣки, до Ордоса, извѣстный у древнихъ монголовъ подъ названіемъ Шарайголь и область Куку-нора были заселены монголами-шарайголами—желторѣченцами. Послѣднимъ ханомъ шарайголовъ, около трехсотъ лѣтъ тому назадъ, былъ гэгэнъ Гуши-ханъ. Ставка его находилась на правомъ берегу рѣчки Дуланъ-голь; отъ ставки этой остались лишь однѣ развалины.

Какъ самъ онъ, такъ и всѣ его подданные, тогда еще не знали буддизма и исповѣдывали какую-то другую вѣру. Покойниковъ своихъ они зарывали въ землю. Населеніе жило въ глиняныхъ и каменныхъ постройкахъ, сооружавшихся также какъ и теперешнія юрты—куполообразно.

Гэгэнъ Гуши-ханъ—первый шарайголь, принявшій буддизмъ. Онъ вмѣстѣ съ ламою Данцзынь-хутухту, перерождающимся и по сіе время въ кумирнѣ Дуланъ-хитѣ, сталъ распространять буддизмъ среди шарайголовъ. «Какъ приняли наши предки буддизмъ, какія мѣры принималъ при этомъ гэгэнъ Гуши-ханъ, рассказываютъ монголы, преданій не сохранилось. Говорятъ только, что съ переменной религіи измѣнились и нравы, и обычаи ихъ предковъ». Ко времени смерти гэгэна Гуши-хана всѣ его подданные шарайголы были уже буддистами.

Послѣ смерти гэгэна Гуши-хана ханомъ шарайголовъ долженъ былъ стать его сынъ Галданъ-Данчжинъ-хунъ-тайчжи. Но половина шарайголовъ не захотѣла имѣть его ханомъ и выставила противъ него своего кандидата. Произошла междоусобная война. Моментомъ этимъ воспользовался Китай и отправилъ во владѣнія шарайголовъ сильную армію, которая начала быстро покорять ослабленный войною народъ.

Для удержанія за собою покореннаго народа, китайцы построили въ Цайдамѣ крѣпость Номохунъ-хото, которая просуществовала однако недолго, но ея развалины существуютъ и понынѣ.

Китайскія войска и земледѣльцы или колонисты также недолго жили въ Цайдамѣ, такъ какъ высшія пекинскія власти получили извѣстіе о томъ, что начальникъ гарнизоновъ въ земляхъ шарай-

головъ, которому была, между прочимъ, поручена и постройка города Номохунъ-хото, выстроилъ его въ бѣльшихъ, чѣмъ указано, размѣрахъ. Вслѣдствіе такого проступка онъ былъ отозванъ и казненъ. Вскорѣ послѣ этого были отозваны и гарнизоны, а за ними ушли обратно и колонисты, которые уже успѣли разработать земли и провести оросительныя каналы.

Землями этими пользуются теперь монголы, но отъ города, кромѣ стѣны, ничего не сохранилось. Монголы очень сожалѣютъ и пеняютъ на себя, что въ-время не поддержали укрѣпленія Номохунъ-хото, которое защитило бы ихъ отъ тангутовъ или тибетцевъ лучше китайцевъ.

Вскорѣ, послѣ завоеванія шарайголовъ, богдоханъ послалъ въ Сининъ своего чиновника Цинъ-цай'я, которому ввѣрено было устройство покореннаго народа и наблюденіе за порядкомъ среди хошуновъ. Первый Цинъ-цай остается извѣстнымъ монголамъ и до сей поры подъ именемъ Далай-да-жень-амбанъ, т. е. большой генераль, сановникъ.

Около двухсотъ лѣтъ, со времени покоренія китайцами, монголы не имѣли ни малѣйшаго повода жаловаться на новое управленіе, такъ какъ китайскія власти взятокъ не брали, народъ не угнетали, судили и разбирали тяжбы справедливо. Подарки двора монгольскимъ князьямъ выдавались всегда исправно и полностью. Кромѣ того, китайцы поставили по границамъ монгольскихъ земель, тамъ, откуда можно было ожидать нападеній со стороны тангутовъ, караулы, благодаря которымъ населеніе областей Кукунора и Цайдама жило совершенно спокойно, не нося, какъ теперь, оружія, и сильно богатѣло.

Однако, спокойствію и процвѣтанію ихъ, лѣтъ около семидесяти тому назадъ, пришелъ конецъ.

Для характеристики нынѣшняго китайскаго управленія въ Сининѣ интересно, какъ цайдамскіе князья — цзасаки или бэйсэ получаютъ установленное для нихъ жалованье отъ богдоханскаго двора. Такъ, для цзасака полагалось изъ Пекина сто ланъ серебра и нѣсколько кусковъ шелковой матеріи. Прежде все это получалось въ Сининѣ и выдавалось полностью цзасаку; теперь же это дѣлается иначе. Являясь за полученіемъ богдоханскаго жалованья, цзасакъ почти всегда выслушиваетъ слѣдующее: «вотъ получено ваше серебро изъ Пекина; за доставку его мы должны вычесть изъ него такую-то сумму, за продовольствіе животныхъ въ пути столько-то, за прокормъ ихъ здѣсь, въ Сининѣ, гдѣ кормъ

нынче особенно вздорожалъ—столько-то, на уплату расходовъ по такому-то дѣлу вашего хошуна—столько-то; наконецъ—«дэчи» нашему амбаню—столько-то»; дэчи монгольское—пригубить, попробовать,—обычай предлагать почетному гостю или старшему изъ вѣжливости пригубить вино прежде, чѣмъ самому его выпить. Или же: «мы получили предназначенное вамъ серебро полностью, но у насъ случилась нужда въ немъ и мы его истратили; поэтому не откажите взять отъ насъ на эту потраченную сумму серебра, что хотите:—матерій или чаю или что-либо другое». Въ первомъ случаѣ за вычетомъ всѣхъ расходовъ, которые тщательно въ такихъ случаяхъ выписываются въ реестрѣ, князю достается получить изъ ста ланъ половину, треть, одну пятую или даже всего только одну десятую часть всей суммы, да и то чаще товарами, которые ставятся ему гораздо дороже, чѣмъ онъ самъ могъ бы ихъ купить на рынкѣ; во второмъ случаѣ—онъ получаетъ въ дѣйствительности на какую нибудь одну пятую всей суммы необходимыхъ для него товаровъ, которые оцѣниваются китайцемъ во всю сто-ланную сумму серебра. Что же касается матерій, то такія выдаются князьямъ сполна, но не тѣхъ уже качествъ, какъ прежде, и не тѣ матеріи, которыя присланы изъ Пекина для раздачи князьямъ, а матеріи худшаго качества, купленные тутъ же въ Сининѣ. Если ко всему этому прибавить и неизбѣжные расходы на подарки состоящимъ при князьяхъ, во время ихъ проживанія въ городѣ, переводчикамъ и полицейскимъ, то изъ всѣхъ богдоханскихъ щедротъ, называемыхъ жалованьемъ, останется одно лишь жалкое воспоминаніе.

Трудно допустить, чтобы всѣ эти безобразія производились съ вѣдома самихъ Цинъ-цай'евъ; вѣроятнѣе всего, что вслѣдствіе замкнутости крупныхъ китайскихъ сановниковъ, вслѣдствіе огромнаго штата мелкихъ чиновниковъ, состоящихъ при нихъ на службѣ «за-столь» и «подачки», эти послѣдніе творятъ сообща именемъ своего патрона все, что угодно, тщательно скрывая грязь отъ него. Монголы же вообще въ загонѣ и почти совсѣмъ не имѣютъ доступа къ самому Цинъ-цай'ю, а сносятся съ нимъ въ Сининѣ чрезъ посредство «сюмбу»; совѣтниковъ (ши-ѣ) и переводчиковъ (тунъ-ши), которымъ это правило открываетъ широкое поле для мошенничества и вымогательства.

Общая численность обитателей Цайдама выражается цифрой въ десять тысячъ душъ обоюга пола, или въ двѣ тысячи семействъ, распредѣляющихся въ пяти хошунахъ слѣдующимъ образомъ:

Въ хошунѣ	Курлыкь-байса	800	семействъ
»	»	Курлыкь-цзасагь	24
»	»	Тайчжинэръ-цзасагь	600
»	»	Цзунь-цзасагь	300
»	»	Барунь-цзасагь	280

По своему наружному типу обитатели Цайдама представляют пеструю смѣсь физиономій: монголы хошуновъ Барунъ и Цзунъ трудно отличимы отъ тибетцевъ, кочующихъ въ сѣверо-восточномъ углу этой обширной страны, тогда какъ монголы хошуна Тайчжинэръ нерѣдко напоминаютъ собою тюркскій типъ и только обитатели Курлыка стоятъ ближе къ чистокровнымъ монголамъ.

Одѣваются монголы также различно, хотя самое различіе происходитъ не столько отъ разнообразія одеждъ, сколько отъ способовъ ихъ одѣванія или подпоясыванія. Одинъ и тотъ же монголъ въ одно и тоже время своимъ костюмомъ можетъ походить и на тангута или тибетца и на монгола.

Жилищемъ для цайдамскаго монгола служитъ сѣрая войлочная юрта на мѣстѣ, въ районѣ кочевокъ, и бѣлая или синяя палатка, разбитая для ночлеговъ или временнаго отдыха въ дорогѣ.

Живя такимъ образомъ на открытомъ воздухѣ, лѣтомъ въ горахъ, зимою на равнинѣ, цайдамскіе монголы чувствуютъ себя въ физическомъ отношеніи довольно удовлетворительно и нерѣдко, доживъ до преклоннаго возраста, еще сохраняютъ способность крѣпко держаться верхомъ на лошади или верблюдѣ и переносить далекія поѣздки въ караванѣ. Мѣстные кочевники чаще всего жалуются на болѣзнь глазъ, происходящую, по всему вѣроятію, отъ соленой пыли, всюду проникающей во время вѣтровъ или бурь. По словамъ монголовъ болѣзнь глазъ проходитъ только въ горахъ, при естественномъ улучшеніи гигиеническаго состоянія.

Леченіемъ больныхъ здѣсь занимаются мѣстные ламы или знахари изъ Лхасы, случайно проѣзжающіе въ Монголію. Изъ лекарствъ общеупотребительными служатъ различные порошки, изготовляемые главнымъ образомъ въ Тибетѣ, изъ цвѣтовъ и листьевъ горныхъ травъ и кустарниковъ, принимаемые больными внутрь. Глубокіе раны и порѣзы монголы лечатъ простыми перевязками, производимыми крайне небрежно и грязно.

Во время пребыванія экспедиціи въ Цайдамѣ ближайшіе кочевники часто приходили въ нашъ лагерь съ цѣлью полечиться нашими средствами. Во дворѣ укрѣпленія, гдѣ помѣщался нашъ би-

вакъ, одну изъ юртъ казаки прозвали «пріемнымъ покоемъ». Успѣшно вылеченный монголь, ходившій до того времени на четверенькахъ нѣсколько лѣтъ, доставилъ славу русскимъ лекарствамъ и русскому умѣнью. Монголы продолжали обращаться къ нашему содѣйствію и по уходѣ экспедиціи въ Тибетъ, когда въ распоряженіе наблюдателя метеорологической станціи было оставлено значительное количество медикаментовъ.

Главное занятіе цайдамскихъ монголовъ—скотоводство, подспорьемъ котораго служитъ также и земледѣліе. Это послѣднее стоитъ на самой низкой ступени; цайдамцы сѣютъ ячмень, преимущественно въ устьяхъ горныхъ ущелій или, неподалеку отъ нихъ, въ равнинѣ, чтобы легче справиться съ поливкой полей, производимой посредствомъ оросительныхъ канавъ. Земледѣльческія орудія также примитивны.

Сухая мука, подъ названіемъ «дзамба», есть главный предметъ питанія не только мѣстныхъ монголовъ, но и всѣхъ вообще кочевниковъ Центральной Азіи. Богатые кочевники ѣдятъ, кромѣ того, мясо, молоко, масло; лѣтомъ и осенью пьютъ въ большомъ количествѣ кумысъ. Обыкновеннымъ же повседневнымъ напиткомъ служить кирпичный чай, приправляемый солью, молокомъ, масломъ и проч., который служитъ и главнымъ предметомъ угощенія. На этомъ же чаѣ замѣшивается до густоты крутого тѣста дзамба, часть которой сѣдается на мѣстѣ, часть же частенько прячется въ видѣ колобка за пазуху, въ дорогу.

Присмотръ за скотомъ лежитъ главнымъ образомъ на обязанности женщинъ или дѣвушекъ, тогда какъ мужчины позволяютъ себѣ или предаваться лѣни, сидя дома, или же, скуки ради, сѣвъ на лошадей, всегда засѣдланыхъ и привязанныхъ у юрты, разѣзжаютъ по сосѣднимъ стойбищамъ для пріятнаго времяпрепровожденія. И здѣсь ходьба пѣшкомъ въ крайнемъ пренебреженіи, въ особенности у мало-мальски зажиточныхъ людей, не говоря уже о чиновникахъ.

Гостепрѣимство у цайдамцевъ, вообще говоря, развито также, какъ и у халхаскихъ монголовъ. Кто бы ни вошелъ въ юрту Цайдамца, онъ можетъ быть увѣренъ, что его не отпустятъ хотя бы безъ чая. Гости обыкновенно встрѣчаютъ внѣ юрты. Лишь только гость поднимется со своего мѣста, встаютъ и всѣ присутствующіе и начинаютъ выходить вонъ: сначала выходятъ дѣти и женщины, затѣмъ младшіе гости и уже послѣднимъ выходитъ изъ юрты почетный гость. Внѣ юрты ему подводятъ его лошадь, поддерживаютъ ее

Цайдамскій князь Барунъ-цзасакъ.

Цайдамскій монголь по имени Чакдуръ.

подъ узды и за стремя и, наконецъ, подсаживаютъ гостя въ сѣдло.

Изъ праздниковъ или торжествъ наиболѣе выдающееся есть свадебное.

Съ ранняго утра въ домъ невѣсты собираются ея близкіе родные, а въ домъ жениха его родственники. Когда всѣ будутъ въ сборѣ, везутъ жениха къ невѣстѣ. Вмѣстѣ съ женихомъ ѣдутъ его родители и всѣ собравшіеся родственники. При женихѣ безотлучно состоитъ жена—или жена старшаго брата жениха, или какая-либо молодая женщина, ближайшая его родственница; она называется «бэргэнь». Ея обязанности состоятъ въ томъ, что она должна во-время предупредить жениха, что требуется говорить или дѣлать, гдѣ садиться и т. д.; ея обязанности и обязанности бэргэнь невѣсты будутъ, впрочемъ, обрисованы далѣе.

У юрты невѣсты, жениха и его родственниковъ встрѣчаютъ и вводятъ наиболѣе почетныхъ гостей—родителей жениха и нѣкоторыхъ его родственниковъ—въ юрту вмѣстѣ съ женихомъ и его провожатой бэргэнь. На самомъ почетномъ мѣстѣ усаживаютъ самыхъ извѣстныхъ людей изъ родныхъ жениха, потомъ родителей его и прочихъ гостей, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы младшій по положенію, извѣстности, не попалъ на болѣе почетное мѣсто. Жениха съ его бэргэнь усаживаютъ гдѣ-либо, въ сторонкѣ.

Въ другой юртѣ находится невѣста съ ея роднею. Такъ какъ всѣхъ родственниковъ юрты вмѣстѣ не могутъ, то гости также усаживаются вблизи ихъ. На этомъ пиршествѣ ни съ той, ни съ другой стороны, дѣвушки—родственницы и знакомыя—не участвуютъ, это не въ обычаѣ. На праздненствѣ можетъ присутствовать только сестра невѣсты и то лишь въ роли служанки.

Пріѣзжихъ гостей сначала угощаетъ хозяинъ дома и его родня чаемъ, хлѣбомъ, дзамбой, мясомъ, виномъ и кумысомъ. Затѣмъ и родственники жениха достаютъ свои посудины съ водкою и кумысомъ и угощаютъ родныхъ невѣсты. Въ юрту къ послѣдней родственники жениха сами пока не входятъ, а угощеніе отправляютъ туда съ ея родственниками. Пирушка въ полномъ разгарѣ. Въ юрты гости перемѣшиваются; здѣсь и родственники жениха, и родственники невѣсты—и дѣти, и женщины, старые и малые, мужчины и мальчики—всѣ ѣдятъ, пьютъ, громко говорятъ. Пѣсенъ не слышно; ихъ монголы во время пирушекъ на свадьбахъ не поютъ.

Въ самый разгаръ попойки, одинъ изъ родственниковъ жениха, на котораго возложена обязанность раздавать хадаки, подноситъ отцу и матери невѣсты по хадаку и тутъ же передаетъ имъ коня,

играющего роль калыма за невесту. Родители невесты тщательно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы при раздачѣ хадаковъ со стороны родственниковъ жениха никто — даже грудныя дѣти — не былъ обойденъ.

Передъ концомъ дня собираютъ остатки водки изъ всѣхъ недопитыхъ посуды и наполняютъ ею чашу на очагѣ въ юртѣ родителей невесты. Затѣмъ, родители ея и родители жениха подаютъ по хадаку кому-либо изъ болѣе опытныхъ и умѣющихъ красно говорить гостей съ просьбою сказать «славу» пиршеству и вину. Эта слава или похвальное слово вину называется «сун-ёрёлы». Приглашенный сказать ее говорить сидя, повернувшись лицомъ къ очагу. Прежде всего онъ, по возможности стихами, хвалитъ вообще пиршество, а затѣмъ переходитъ къ восхваленію водки и кумыса, веселящихъ сердце человѣческое.

«Кумысъ и вино изобрѣтены Чингисъ-богдо-ханомъ; добыты они изъ молочныхъ родниковъ, изъ озеръ съ масломъ. Это высокіе напитки нашихъ предковъ и наши! Они оживляютъ пиръ и увеселяютъ пирующихъ! Вотъ теперь вино здѣсь, въ чашѣ! Оно разве селило насъ, заставило забыть горе. Оно вселило въ каждаго изъ пирующихъ веселіе, радость! Пусть же и потомки, которые будутъ въ этой юртѣ пользоваться этимъ очагомъ и чашею, пьютъ изъ нея всегда эти напитки! Пусть эти напитки не переводятся никогда въ этомъ домѣ, на радость людей! Пусть наши потомки пьютъ ихъ и будутъ ими богаты!» и т. д.

Затѣмъ, изъ этой чаши вино вновь раздается гостямъ и попойка продолжается, такъ какъ вина обыкновенно привозятъ очень много и ко времени «сун-ёрёла» его еще остается порядочно. Спустя нѣкоторое время въ юртѣ, у самой двери, разстилается невыдѣланная баранья шкура, шерстью вверхъ, и изъ другой юрты приглашается сюда, въ юрту жениха, невеста, сопровождаемая своей «бэргэнь». На шкуру становится женихъ, справа отъ него невеста, а по сторонамъ ихъ, внѣ шкуры, становятся ихъ бэргэни. Тогда родители невесты, передавая хадакъ «ёрёльчи» — мастеру говорить похвальное слово — просятъ его высказать стихами ихъ добрыя пожеланія жениху.

Ёрёльчи, сидя на своемъ мѣстѣ, говорить долго. Кое-что мы приведемъ; всего же собрать не могли, такъ какъ не имѣли возможности лично видѣть такихъ ёрёльчи; простые же монголы рассказали намъ лишь главные, характерные отрывки изъ такихъ стиховъ.

..«Да будешь ты всегда счастливъ и долголѣтенъ; да будешь всегда здоровъ и силенъ. Пусть никакая болѣзнь тебя не коснется и будешь ты вліятельнымъ, славнымъ и мудрымъ нойономъ! Пусть въ дѣлахъ твоихъ во всю жизнь шея твоя будетъ толста! Пусть ты будешь всю жизнь богатъ во всемъ. Ѣздить бы тебѣ только на хорошихъ лошадяхъ» и т. д.

Окончивъ ёрѳль, онъ передаетъ заранѣе приготовленные родителями невѣсты хадакъ и мѣшокъ съ чашкой и въ ней, въ узелкѣ, зерна хлѣба бѣргѣнъ жениха, которая набрасываетъ хадакъ на шею жениха и опоясываетъ его новымъ поясомъ, съ привѣшеннымъ къ нему вышитымъ чехломъ—мѣшкомъ—и чашкой.

Вслѣдъ за этимъ и родители жениха съ хадакомъ просятъ того же ёрѳльчи высказать и ихъ пожеланіе невѣстѣ. Ей говорится въ общемъ тоже самое лишь съ небольшой разницей. Кромѣ пожеланій богатства, долголѣтія, счастья, разума и проч., ей желаютъ: «Имѣть тебѣ всегда длинные волосы; имѣть тебѣ много скота и ухаживать за нимъ безъ усталы! Вставать бы тебѣ какъ можно раньше и ложиться спать—какъ можно позже!» Въ заключеніе рѣчи ёрѳльчи, обращаясь уже къ обоимъ вмѣстѣ, говорить: «Благословляемъ мы всѣ васъ на доброе дѣло!»

Въ продолженіе этихъ рѣчей женихъ и невѣста стоятъ на шкурѣ и, повидимому, чувствуютъ себя очень неловко, и какъ только ёрѳльчи кончаетъ говорить и невѣстѣ позволено будетъ уйти, она быстро убѣгаетъ и скрывается въ своей юртѣ.

Послѣ рѣчей гости нѣкоторое время еще пьютъ водку и кумысъ и начинаютъ разѣзжаться по домамъ. Остаются здѣсь только горькіе пьяницы, зная, что ихъ не прогонять и въ водкѣ не откажутъ.

Назначается, наконецъ, по совѣту съ ламами и день самой свадьбы. Наканунѣ этого дня рассылаются приглашенія всѣмъ родственникамъ и знакомымъ. Приглашенные жениха собираются у него наканунѣ свадьбы, а родные и знакомые невѣсты собираются наканунѣ же въ ея домѣ. Въ домѣ или вѣриѣ въ ставкѣ жениха идутъ приготовленія къ слѣдующему дню; ставится новая юрта, предназначенная для молодыхъ, устанавливается въ ней всевозможная утварь, чаши, котлы, столикъ-жертвенникъ для бурхановъ и постель изъ войлоковъ, на которую сверхъ того кладутся другіе войлочные матрацы—приданое невѣсты. Въ изголовьѣ постели кладется одна подушка; другая въ ногахъ будетъ положена, впоследствии, самой невѣстой. Родители жениха и его ближайшіе род-

ственники занимаются приготовленіемъ мяса, хлѣба, кумыса и водки для угощенія на слѣдующій день.

Въ то же время и въ ставкѣ невѣсты происходитъ оживленное движеніе; готовятъ кумысъ и водку, которую повезутъ на слѣдующій день къ жениху вмѣстѣ съ невѣстой. Вечеромъ бэргэнъ невѣсты съ помощью другихъ женщинъ расплетаетъ ея тангутскую прическу, состоящую изъ мелкихъ косичекъ, и раздѣливъ волосы вдоль головы—отъ середины лба до затылка—заплетаетъ ихъ въ шесть косъ, по три съ каждой стороны. Смысла перемѣны прически монголы не могли объяснить, но намъ кажется, что это дѣлается наканунѣ свадьбы для того, чтобы придать дѣвушкѣ видъ настоящей монголки; въ Монголіи дѣвицы носятъ именно шесть косъ. Во время этого обряда, а также до и послѣ него, собравшихся родныхъ и знакомыхъ угощаютъ виномъ и проч., и попойка длится до ночи.

Въ этотъ день родственники невѣсты привозятъ ей посильные подарки—кто шубу или халатъ изъ цвѣтной матеріи, кто даритъ серебрянныя кольца, кто браслеты, кто вышитые чехлы на косы и т. д.

Въ этотъ же, опять-таки, день и женихъ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ сверстниковъ, долженъ посѣтить юрту родителей его невѣсты для того, чтобы «потрясти юрту» — «гэръ-хуньдуху». Яснаго объясненія этого обряда намъ монголы не дали, но изъ ихъ темныхъ рассказовъ можно вывести заключеніе, что женихъ является въ цѣляхъ «растряссти, разорить семью», т. е. отнять у нея одного ея члена (дѣвушку). Являясь въ юрту, женихъ однако не трясетъ ее, а ограничивается только прикосновеніемъ пальцевъ къ двери или войлоку. Разговоровъ женихъ здѣсь не ведетъ, а коротко лишь отвѣчаетъ на вопросы о его здоровьѣ, о здоровьѣ его родителей и на другіе обычные вопросы. Его угощаютъ чаемъ, виномъ и кумысомъ, но онъ старается поскорѣе отдѣлаться отъ этого и собирается уѣзжать. Лишь только онъ поднимается съ мѣста, какъ присутствующія здѣсь бэргэнъ невѣсты и другія молодая женщины ухватываются за его руки и платье и уговариваютъ его остаться «ночевать», причемъ хохочутъ и очень недвусмысленно подмигиваютъ и гримасничаютъ. По обычаю и родители невѣсты просятъ его остаться «переночевать», но все это дѣлается только для того, чтобы выполнить обычай. Оставаться же ночевать онъ не долженъ и поэтому рвется изъ рукъ молодыхъ женщинъ, которыя ухватываются еще крѣпче и еще усерднѣе, со смѣхомъ и подмиги-

ваніями и довольно ясными намеками на возможность весело и пріятно провести въ ихъ обществѣ ночь, уговариваютъ его остаться ночевать. Но онъ, сконфуженный, покраснѣвшій и растерянный, наконецъ, вырывается и, вскочивъ на коня, безъ оглядки, удираетъ домой.

Слѣдующій день—день самой свадьбы. Родители невѣсты еще заранѣе получили указаніе отъ ламъ въ какого цвѣта платъѣ: красномъ, желтомъ, синемъ, бѣломъ или черномъ—ѣхать въ домъ жениха. Какихъ лѣтъ мужчина долженъ вести за поводъ лошадь невѣсты, какихъ лѣтъ мужчина долженъ нести рисунокъ жабы, съ какой стороны подѣхать къ юртѣ жениха и наконецъ, въ какой изъ двѣнадцати цаковъ¹⁾, на которые монголы и тибетцы дѣлятъ сутки, слѣдуетъ прибыть къ юртѣ жениха.

До означеннаго цака въ домѣ невѣсты идетъ попойка. Потомъ всѣ садятся на коней и везутъ невѣсту и все ея дѣвичье имущество, а также вино, кумысъ, баранью грудину и вареное мясо и проч. Впереди поѣзда несутъ изображеніе—на полотнѣ или бумагѣ—жабы и кушугъ—занавѣсъ для жертвенника передъ бурханами.

Между тѣмъ и въ домѣ жениха въ этотъ день идутъ приготовления. Заранѣе увѣдомленные о времени прибытія поѣзда невѣсты, передъ новой юртой разстилаютъ большой новый войлокъ. Посреди войлока ставится мѣрка съ хлѣбнымъ зерномъ, въ которую воткнута стрѣла, обвѣшанная хадаками; по сторонамъ этой мѣрки ставится по лонхону кумыса и рядомъ съ послѣдними по лонхону водки. До пріѣзда невѣсты, на этомъ войлокѣ садятся приглашенные ламы и отправляютъ богослуженіе, которымъ испрашиваютъ у неба ниспосланіе счастья и благополучія новому дому, а также чтобы во время свадьбы не случилось несчастья, которое могло бы омрачить не только пиршество, но и всю жизнь молодыхъ. Послѣ богослуженія они уходятъ съ войлока, оставляя на немъ все поставленное. Подлѣ юрты стоятъ двое сильныхъ молодыхъ людей, держа въ поводу выхоленныхъ быстрыхъ лошадей. Имъ предстоитъ, какъ увидимъ ниже, сыграть очень опасную роль. Съ ними же, подлѣ юрты родителей жениха, стоитъ, въ ожиданіи своего дѣла, ловкій и сильный мужчина, которому, въ свою очередь, предстоитъ также примѣнить свою ловкость и силу, чтобы удачно снять съ сѣдла быстро скачущую верхомъ невѣсту. Женихъ, съ находящейся при немъ безотлучно бѣргэнъ, сидитъ все время въ своей новой юртѣ.

¹⁾ Цакъ равняется нашимъ двумъ часамъ.

Лишь только родственники жениха увидят вдали приближающийся тихим шагом поѣздъ невѣсты, какъ немедленно же высылаютъ на встрѣчу двухъ верховыхъ съ лонхонами кумыса и водки для привѣтствія поѣзжанъ. Вслѣдъ за ними ѣдутъ двое другихъ на лучшихъ лошадяхъ. Въ рукахъ этихъ послѣднихъ спрятаны чашки, наполненныя мясомъ, дзамбой, кумысомъ, водкой и проч. снѣдью, вмѣщающей въ одной общей чашкѣ. Первые двое угощаютъ первыхъ встрѣчныхъ поѣзжанъ, окружающихъ невѣсту, и, не ожидая приближенія другихъ, возвращаются обратно къ юртамъ. Тогда вторая пара быстро насканиваетъ на невѣсту и еще быстрѣе выбрасываетъ на голову ея коня всю дрянъ изъ чашекъ и скачетъ въ карьеръ обратно. Вслѣдъ за ними въ погоню несется изъ поѣзда невѣсты съ десятокъ молодцовъ, вооруженныхъ нагайками, и горе первымъ, вылившимъ снѣдъ на голову коня невѣсты, если ихъ лошади не успѣютъ донести бѣглецовъ до юрты; они будутъ безпощадно избиты нагайками по лицу, по головѣ, по чѣмъ попало.

Обычай выливать на голову лошади невѣсты чашку, наполненную всевозможными напитками и ѣдою, очень древній. Дѣлается это для того, чтобы съ поѣздомъ невѣсты, въ образѣ гостя, не явился на пиръ въ домъ жениха «читкуръ», т. е. чортъ, злой духъ, а съ нимъ и несчастье. По вѣрованію монголовъ, читкуръ и вообще всѣ злые духи должны непременно наброситься на выброшенную ѣду и слѣдовательно не попадутъ на пиръ къ жениху. Подозрѣніе въ томъ, что въ поѣздѣ невѣсты, въ образѣ человѣка, можетъ оказаться читкуръ, оскорбляетъ поѣзжанъ и они стараются поймать и жестоко наказать обидчиковъ, что нерѣдко имъ и удается. Но ссоры отъ этого произойти не можетъ, да и обидчики не имѣютъ право защищаться иначе, какъ только бѣгствомъ.

Тѣмъ временемъ невѣста приближается къ юртѣ родителей жениха и, остановившись на одно мгновенье противъ дверей, начинаетъ быстро скакать на конѣ вокругъ юрты—по солнцу. Въ то время когда она, объѣзжая третій разъ юрту, поровняется съ дверью ея, ожидающій этого момента мужчина долженъ быстро бросить хадакъ ведущему въ поводу коня невѣсты и снять или вѣрнѣе сорвать дѣвушку съ сѣдла. Если бы это ему не удалось, то дому жениха ужасный срамъ. Поэтому-то для такого порученія выбирается изъ родни или знакомыхъ самый сильный и ловкій мужчина.

Какъ только невѣста будетъ снята, подбѣгаетъ ея бѣргәнъ, ведетъ и усаживаетъ ее на войлокѣ у новой юрты, лицомъ къ мѣркѣ

съ зерномъ и стрѣлою, т. е. на востокъ, спиною къ двери юрты. Въ то же время изъ юрты выходитъ и женихъ въ сопровожденіи своей бэргэнь. Онъ усаживается на томъ же войлокѣ, рядомъ съ невѣстой, по правую ея руку. Обѣ бэргэнь придавливаютъ полы одежды жениха и невѣсты камнями, чтобы молодые люди, стыдясь своего положенія и сотенъ устремленныхъ на нихъ глазъ, «не вскочили бы, какъ малые дѣти, и не убѣжали бы въ юрту». Затѣмъ имъ выдаютъ кусокъ вареной баранины, шагайто¹⁾, обвязанный хадакомъ. Шагайто держать одновременно и женихъ и невѣста; первый лѣвою рукою, вторая правой, причемъ женихъ держитъ толстый ея конецъ, а невѣста тонкій, нижній. Въ это время ёрбълчи произносятъ за нихъ клятву въ вѣрности другъ другу: «клянемся и беремъ солнце, луну, небо въ свидѣтели, что не оставимъ другъ друга; такъ какъ теперь держимся мы за шагайто—мы будемъ держаться другъ-друга». И женихъ, и невѣста, при произнесеніи ёрбълчи словъ «солнце», «луна», «небо», должны сдѣлать по одному поклону свѣтиламъ и небу; не выпуская изъ рукъ кости, они сидя на одномъ колѣнѣ одновременно склоняютъ головы.

Послѣ произнесенія этой клятвы обѣ бэргэнь, сидяція во все время этого обряда по сторонамъ жениха и невѣсты, разомъ снимаютъ съ обоихъ шапки и бросаютъ ихъ черезъ двери въ юрту. Туда же торопливо уводятъ жениха и невѣсту ихъ бэргэни.

Пока длился обрядъ поклоненія солнцу, лунѣ и небу, вещи невѣсты вносятся въ юрту и въ ней готовится постель изъ привезенныхъ невѣстою матрасовъ. Постель эта завѣшивается привезеннымъ ею же занавѣсомъ—кушугъ. На эту постель сначала, у изголовья, садятъ жениха; рядомъ съ нимъ сидится его бэргэнь. Затѣмъ садится невѣста, а за нею ея бэргэнь. Занавѣсъ скрываетъ ихъ отъ всѣхъ входящихъ или заглядывающихъ въ юрту. Жениха и невѣсту угощаютъ виномъ, кумысомъ, чаемъ и проч. Угощеніе предлагается и со стороны дома жениха и со стороны невѣсты. Послѣ угощенія обѣ бэргэнь, сидяція по сторонамъ невѣсты, берутъ ея заплетенныя косы, вновь переплетаютъ ихъ уже въ двѣ женскихъ косы и одѣваютъ на нихъ чехлы. Этотъ обрядъ называется «обращеніемъ въ женщину». Послѣ уборки косъ, на невѣсту одѣваютъ старинную длинную монгольскую безрукавку, съ разрѣзомъ сзади и сборками впереди, въ тальѣ. Она называется «цэгэдэкъ».

¹⁾ Шагайто—нижняя часть бараньей задней лопки, самый лакомый и почетный кусокъ мяса.

Когда такимъ образомъ дѣвушка не будетъ уже отличаться отъ женщины по наружности—по платью, молодыхъ ведутъ на поклоненіе родителямъ ихъ въ юрту отца жениха. Занавѣсъ отъ постели снимается и уносится раньше; потомъ выходятъ молодые въ сопровожденіи своихъ бѣргэнь. Женихъ и невѣста идутъ рядомъ, невѣста по лѣвую руку жениха, бѣргэни по сторонамъ. Когда молодые приближаются къ юртѣ родителей молодого, то дверь ея закрывается и придавливается камнемъ, а подлѣ, для охраны ея, стоитъ мужчина. Какъ только молодые подойдутъ къ двери, караульный преграждаетъ имъ путь и спрашиваетъ: «куда вы идете!» Бѣргэны молодыхъ отвѣчаютъ: «мы идемъ поклониться родителямъ», причемъ бѣргэнь невѣсты подаетъ караульному хадакъ. Послѣ этого камень отваливается и дверь поднимается. Сначала туда вносятъ кушугъ или занавѣсъ и протягиваютъ ее въ юртѣ передъ дверью. Въ образуемомъ занавѣсомъ и частью юрты у двери пространство становятся молодые рядомъ—невѣста слѣва, а подлѣ нихъ ихъ бѣргэни.

Между тѣмъ въ юртѣ, скрытые занавѣсомъ отъ взоровъ вошедшихъ, сидятъ, слѣва при входѣ, отецъ и мать молодой и ея старшіе родственники. По правой сторонѣ отъ входа юрты сидятъ родители и старшіе родственники молодого. Подлѣ бурхановъ, впереди, на самомъ почетномъ мѣстѣ, сидитъ ёрѣльчи, который во все время этой церемоніи читаетъ ёрѣль, въ которомъ испрашивается богатство, счастье, долготѣе дому родителей и молодыхъ конечно. Молодые слушаютъ за занавѣсомъ ёрѣль и, когда ёрѣльчи упоминаетъ объ очагѣ, «чтобы огонь никогда не потухалъ, т. е. чтобы потомство рода не вымирало», молодые одновременно дѣлаютъ одинъ земной поклонъ очагу. Для этого бѣргэни поднимаютъ временно занавѣсъ настолько, чтобы молодые могли видѣть очагъ. Обыкновенно, прежде поклона огню, молодые молятся бурханамъ, но это не входитъ въ кругъ церемоній, такъ какъ это обязательно всегда и во всякое время, при входѣ въ юрту. Послѣ этого ёрѣльчи упоминаетъ о посудинѣ для кумыса или водки, «чтобы она всегда была полна и поила бы вѣчно потомство», и этой посудинѣ молодые кладутъ земной поклонъ. Затѣмъ ёрѣльчи упоминаетъ отцовъ молодыхъ. Сначала кланяется молодой отцу невѣсты, послѣ него—молодая отцу жениха. Потомъ слѣдуютъ поклоны матерямъ, и тоже сначала молодой кланяется своей тещѣ, а послѣ него молодая свой свекрови—хадамъ. Послѣ поклоновъ тестю и тещѣ, свекру и свекрови, кладутся поклоны всѣмъ, находящимся въ юртѣ по стар-

шинству, родственникамъ. Молодой дѣлаетъ поклоны роднѣ тестя, а молодая роднѣ своего мужа. Каждый разъ бѣргѣнъ приподнимаетъ уголь занавѣса, чтобы указать лицо, которому слѣдуетъ кланяться; послѣ поклона занавѣсъ опускается.

Когда поклоненіе кончится, молодые выходятъ изъ юрты свекра и направляются въ свою юрту. Туда приносятъ занавѣсъ и вѣшаютъ его снова передъ постелью, на которой въ томъ же порядкѣ садятся молодые и ихъ бѣргѣни.

Тѣмъ временемъ въ юртѣ молодыхъ приготовляются къ встрѣчѣ гостей: варятъ чай, раскладываютъ мясо, хлѣбъ, ставятъ посудины съ водкой и кумысомъ. Когда все приготовлено, идетъ человекъ въ юрту свекра пригласить отъ имени молодыхъ всѣхъ въ ней сидящихъ «въ гости въ новую юрту». Родня молодыхъ переходитъ «въ новую юрту» и усаживается уже въ иномъ порядкѣ. Почетную сторону, отъ входа налѣво, занимаетъ родня молодого, а у постели, отъ входа направо, — родители и родственники молодой.

Молодые встрѣчаютъ гостей, стоя у дверей, тамъ, гдѣ сложена домашняя утварь, т. е. справа при входѣ. Съ ними стоятъ и бѣргѣнъ. Какъ только гости займутъ свои мѣста, одна изъ бѣргѣнъ подаетъ ёрѣльчи хадакъ и проситъ его отъ имени молодыхъ сказать ёрѣль на разливательную ложку — шанага. Ёрѣльчи говоритъ приблизительно слѣдующее: «пусть эта ложка наполняется угощеніемъ — виномъ, кумысомъ, чаемъ и молокомъ — всегда такъ же какъ и сегодня; пусть пища налитая ею будетъ здорова, обильна и приносить всегда счастье и долгоденствіе какъ ея хозяевамъ, такъ и ихъ гостямъ, сегодня, завтра и всегда въ будущемъ». Послѣ этихъ словъ онъ обвязываетъ ложку хадакомъ и передаетъ ее «бѣргѣнъ», а эта послѣдняя молодой, которая подходитъ къ очагу и начинаетъ разливать ею въ чашки чай изъ котла, стоящаго на очагѣ. Чашки съ чаемъ, по указанію бѣргѣнъ, подносятъ гостямъ молодой.

Тѣмъ временемъ обѣ бѣргѣнъ перебираютъ и пересматриваютъ всю снѣдь, сложенную подлѣ домашней утвари; кое-что передаютъ гостямъ, вообще дѣлаютъ видъ, что заботятся объ угощеніи яствами, привезенными съ собою невестой, хотя бы на самомъ дѣлѣ этого и не было. Привезенную же молодою вареную баранью грудину обѣ бѣргѣнъ съѣдаютъ тутъ вмѣстѣ.

Побывъ здѣсь недолго, гости уходятъ обратно въ юрту родителей молодого и продолжаютъ тамъ попойку.

Послѣ возвращенія изъ юрты молодыхъ, во время попойки, известное лицо изъ родственниковъ молодой громко перечисляетъ

все приданое, привезенное ею въ домъ мужа. Перечисленіе начинается со скота—«унъчи». Обыкновенно называютъ у богатыхъ по нѣсколько десятковъ головъ лошадей и рогатаго скота, равно барановъ и козъ; бѣдные же даютъ только по нѣсколько штукъ барановъ или козъ. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе имущества—«инцзэ». Столько-то шубъ, столько-то шапокъ, столько-то халатовъ—и изъ какихъ матерій, столько-то рубашекъ, сапогъ. Такія-то кольца, серьги, браслеты, ожерелья.

По окончаніи этого перечисленія, родители молодого подносятъ матери молодой какой либо матеріи на халатъ, бѣдные—на рубашку, а отцу—хадакъ. Послѣ этого родители молодого дарятъ матери молодой или кобылицу съ жеребенкомъ или корову съ теленкомъ, у богатыхъ, или же козу съ дѣтенышемъ, у бѣдныхъ. Это называется «платою за материнское молоко», иначе говоря, за воспитаніе.

Уже въ концѣ дня кто либо изъ родственниковъ молодого объявляетъ: «цул-буринъ-гила-дэчжи цаочжи байнымъ-ди», т. е. «теперь подаемъ прощальный кумысъ-вино». Вслѣдъ за этимъ приносятъ одну или нѣсколько посуды кумыса и водки и разливаютъ напитки гостямъ; когда все будетъ выпито—гости собираются и разъѣзжаются по домамъ.

Молодые остаются одни въ своей юртѣ; съ ними въ продолженіе трехъ сутокъ послѣ свадьбы, по обычаю, должны оставаться обѣ бэргэнь, которыя обязаны пріучать молодую къ роли хозяйки и жены, а молодого—къ роли хозяина и мужа. Онѣ же должны помогать одѣваться и раздѣваться молодымъ и укладывать ихъ въ постель. Но бэргэнь обыкновенно уѣзжаютъ вѣтотъ же день и молодые остаются совершенно одни. Занавѣсъ передъ постелью остается висѣть трое сутокъ для того, чтобы молодые могли спрятаться за него, если бы имъ вдругъ стало стыдно постороннихъ посѣтителей. Сами они выходятъ изъ своей юрты только въ крайней необходимости и все время остаются вмѣстѣ. Молодая сама варить чай и сама же поить имъ мужа и вообще кормить его.

На третій день послѣ свадьбы къ молодымъ пріѣзжаютъ обѣ бэргэнь и нѣкоторые близко живущіе родственники, съ цѣлью «снять занавѣсъ, т. е. сдѣлать новую семью всѣмъ доступной, чтобы молодые вошли въ обычную семейную жизнь и, никого не стѣняясь, могли бы выходить куда угодно и принимать кого угодно.

Этимъ свадебное торжество и оканчивается.

У цайдамцевъ до сихъ поръ сохраняють силу нѣкоторыя законоположенія, данныя когда-то гэгэномъ Гуши-ханомъ. Законъ «Хара-цаганъ дэ курнэ», т. е. «достигнуть обѣленія или очерненія», установленъ имъ съ цѣлью разомъ покончить старое сложное дѣло, въ которомъ власти не въ силахъ самостоятельно разобратся.

«Хара-цаганъ» заключается въ слѣдующемъ. Судьи сами предлагаютъ сторонамъ предоставить рѣшеніе дѣла Провидѣнію, на что обыкновенно и изъясняется согласіе. Обѣ стороны даютъ подписку на согласіе и въ назначенный день собираются во главѣ съ княземъ и судьями въ условленное мѣсто. Въ юртѣ или въ фанзѣ помѣщаются власти, внѣ—тяжущіяся стороны. Судьи отыскивають два небольшихъ одинаковыхъ круглыхъ камня, чернаго и бѣлаго цвѣтовъ. Камни вѣсятъ на дынцахъ или вѣсахъ, и только тогда пускаютъ ихъ въ дѣло, когда оба камня будутъ имѣть одинаковую тяжесть. Каждый камень въ отдѣльности обертывается въ кусокъ одинаково окрашенной матеріи, причемъ обязательно и совершенно одинаковое расположеніе на томъ и другомъ камняхъ складокъ и узелковъ нитокъ, прикрѣпляющихъ матерію къ камню. Затѣмъ кладутъ оба камня, предварительно припечатанные печатью князя, на одинаковыхъ же мѣстахъ, на столикъ передъ бурханами.

Тѣмъ временемъ въ большой желѣзной чашѣ, наполненной до верху водою, разводять глину и, помѣшивая ее палочкою, кипятятъ воду. Водѣ однако не даютъ кипѣть, но непременно нагрѣвають ее настолько, что держать въ ней не только руку, но и палецъ, можно только одно мгновеніе. Когда вода готова, приглашаютъ жалобщика и отвѣтчика и предлагаютъ имъ помолиться бурханамъ, чтобы они указали праваго и виноватаго. Послѣ молитвы князь опускаетъ оба узелка въ котель съ горячею водою и кто-либо изъ сторонъ, по жребію, долженъ вынуть изъ котла свой приговоръ. Жалобщикъ или отвѣтчикъ, чья выпадетъ очередь, засучивъ рукавъ правой руки, по командѣ «бери!» быстро опускаетъ въ котель съ горячей водою руку, схватываетъ попавшій подъ руку узелокъ и вынимаетъ его. За нимъ слѣдуетъ другой и вынимаетъ такимъ же образомъ свой камень. Вода нагрѣвается почти до кипѣнія для того, чтобы вынимающій камень не могъ выбирать, а сразу брать бы то, что попадется.

Вынувшіе камни, въ присутствіи князя и судей, развертываютъ каждый свой узелокъ и узнають приговоръ и рѣшеніе судьбы. Кому достался бѣлый камень, тотъ обѣленъ, выигралъ дѣло; кому—чер-

ный, тотъ проигралъ. До вынутія камней сторонамъ объявляютъ ту кару, которая должна постигнуть вынужшаго черный камень.

Точно такой же смыслъ имѣеть и другой законъ—«цукэ улайтхэна», т. е. нагрѣвать до красна топоръ или «халунъ томырь барина», что въ переводѣ означаетъ держать горячее желѣзо. И жалобщикъ и отвѣтчикъ должны пронести на ладони правой руки, раскаленный до красна, топоръ известное число шаговъ. Чья рука болѣе обгорить, обуглится и приметъ болѣе черный цвѣтъ, тотъ обвиняется или проигрываетъ дѣло, тотъ же, чья рука обуглится меньше и будетъ выглядѣть чище и бѣлѣе, оправдывается, выигрываетъ процессъ.

Къ этимъ обоимъ законамъ, въ настоящее время, цайдамцы прибѣгаютъ рѣже и рѣже.

Въ заключеніе настоящаго очерка небезынтересно будетъ привести нѣсколько монгольскихъ «примѣтъ» и «пословиць».

Примѣты. Рѣзать ножомъ или саблею, держа ихъ остриемъ къ себѣ, нажить врага или опасность.

Брать что-либо, поданное сосѣдомъ одною рукою, не прикрывши ее рукавомъ, поспориться съ подающимъ.

Примѣрно показывать человѣку какъ кто-нибудь кого-либо колоть, стрѣлялъ или билъ, показывая приэтомъ на слушателя и мѣста, получившія уколъ или ударъ,—къ худу.

Женщина не должна брать рукою саблю или ружье, особенно передъ охотой или сраженіемъ: не будетъ успѣха, оружіе портится—лишается силы и мѣткости.

Женщина, несущая воду въ ведрѣ, не должна переходить дороги проѣзжему—не будетъ пути; онъ преградится водою.

Если вошедшій въ юрту проѣзжій или странникъ найдетъ въ ней только-что вскипѣвшій чай—это предназначаетъ ему удачу и счастье.

Еще лучше, если проѣзжій войдетъ въ юрту въ тотъ моментъ, когда хозяйка вынимаетъ изъ посуды только-что сбитое масло—его во весь путь будетъ сопровождать счастье.

Если кость «шагайто» окажется бѣлой—успѣхъ, и наоборотъ, если она будетъ черной. Въ день новаго года бѣлая шагайто обѣщаетъ успѣхъ и счастье на цѣлый годъ.

Встрѣтить покойника—ожидать большаго счастья.

Встрѣтить поѣздъ съ невѣстою—ожидать крупнаго несчастья.

Если въ пути нѣсколько разъ подъ-рядъ вьюкъ сваливается съ вьючнаго животнаго на одну и ту же сторону—жди успѣха и богатой добычи.

Пословицы. Знакомому богу помолиться въ шапкѣ—простить.
У себя на головѣ не видитъ роговъ, а замѣчаетъ на отдаленной
сопкѣ вѣточку.

Самъ ходитъ безъ панталонъ, а у другого видитъ прорванное у
колѣнь.

Этотъ человѣкъ гордится своимъ именемъ, а павлинь своимъ
хвостомъ.

Не говори человѣку дурного, прежде, чѣмъ больно не ущип-
нешь самого себя.

Не говори тайны одному—отъ одного узнаютъ сто человѣкъ.

Сто незавязанныхъ мѣшковъ можно завязать; сотню ртовъ лю-
дей нельзя заставить молчать.

Сторонись начальника, сторонись и собаки.

Не хвастай, что знаешь сотню извѣстныхъ людей, а лучше по-
дружись съ однимъ.

ГЛАВА V.

Путь экспедиціи по Тибету.

День выступленія.—Лагерь въ горахъ Бурханъ-Будда.—Долина озера Алыкъ-норъ и охота на тибетскихъ медвѣдей.—Хребетъ Амнэ-н'коръ и видъ на плато и озеро Русское.—Климатическія невзгоды.—Неожиданная встрѣча съ тибетцами: разбойничье племя н'голокъ.

Съ приходомъ экспедиціи въ Цайдамъ ¹⁾, первый актъ ея дѣятельности могъ считаться оконченнымъ. Цѣлый годъ экспедиція провела главнымъ образомъ среди мирныхъ добродушныхъ монголовъ, изучая ихъ страну, знакомясь съ ихъ бытомъ и пользуясь для передвиженія верблюдами, обхожденію съ которыми въ путешествіи русскіе люди скоро выучиваются, въ особенности подъ руководствомъ опытнаго старшаго.

Въ Цайдамѣ съ этимъ, незамѣнимымъ въ пустынѣ, животнымъ мы должны были разстаться. Его смѣнили быки-яки или хайныки—обитатели горъ и высокихъ плоскогорій Тибета, гдѣ проживаютъ народности, столь же непохожія по своимъ нравамъ и обычаямъ на коренныхъ монголовъ, сколько разнятся и верблюды отъ упрямыхъ, свирѣпыхъ яковъ.

Быки двигаются по горамъ крайне медленно, неся на спинѣ тяжесть, наполовину уступающую таковой силѣ средняго верблюда. При всемъ томъ быки-яки чаще подвергаются повальнымъ болѣзнямъ, нежели верблюды, отчего и путешествіе на этихъ животныхъ обходится нерѣдко значительно дороже, не говоря уже о физическихъ трудностяхъ, которыя являются минимальными только при путешествіи на справедливо прославленномъ «кораблѣ пустыни».

¹⁾ Географическая граница сѣвернаго Тибета.

Громоздкіе и тяжеловѣсные вьюки мы оставили въ Цайдамѣ, при складѣ и метеорологической станціи экспедиціи, а свой тибетскій багажъ, доведенный до самыхъ ограниченныхъ размѣровъ, уложили въ ящики средней и малой величины, а также въ соотвѣствующие мѣшки и сумы. Идеальнымъ вьюкомъ на быка или на яка служить пара ящичковъ патроновъ, представляющихъ вѣсъ, считая и войлочную обшивку, около пяти пудовъ. Однако, какъ мы ни уменьшали свой багажъ въ Тибетѣ, все-таки набралось тридцать пять вьюковъ, согласуясь съ числомъ которыхъ пришлось приобрести до сорока быковъ, почти исключительно хайныковъ.

Въ личный составъ тибетскаго отряда экспедиціи, помимо меня и моихъ ближайшихъ сотрудниковъ, гг. Казнакова и Ладыгина, вошло двѣнадцать человѣкъ гренадеръ и казаковъ, въ подспорье къ которымъ по уходу за непривычными быками были взяты въ Цайдамѣ еще четверо мѣстныхъ монголовъ: двое — Дадай и Чакдуръ — изъ хошуна Цзунъ (Восточный) и двое другихъ — Гардэ и Джэрой — изъ западнаго хошуна. Первый изъ нашихъ туземныхъ спутниковъ по Тибету — Дадай — еще служилъ Н. М. Пржевальскому въ качествѣ проводника и переводчика тибетскаго языка во время его третьяго путешествія по Центральной Азіи, при возвращеніи нашего знаменитаго путешественника изъ-подъ Лхассы въ Цайдамъ. Такимъ образомъ тибетскій отрядъ былъ доведенъ до девятнадцати человѣкъ, долженствовавшихъ слѣдовать на лошадяхъ, съ ружьями за плечами.

Весеннее солнце пригрѣвало между тѣмъ сильнѣе и сильнѣе. Кустарники и травянистая растительность ожили и принарядили унылую долину Цайдама; въ воздухѣ, напоенномъ ароматомъ свѣжей растительности, цѣлыми днями не смолкало жужжаніе насекомыхъ и щебетаніе ласточекъ, витавшихъ надъ хырмой или укрѣпленіемъ. Всѣхъ насъ неудержимо влекло на югъ — въ горы, которыя теперь чаще стали открываться нашему взору своими темно-синими ущельями.

Въ половинѣ мая мы закончили наше тибетское снаряженіе. Наступило и 17-е число этого пріятнаго весенняго мѣсяца, когда назначено было и самое выступленіе въ далекій и малоизвѣстный путь.

Съ ранняго утра мы всѣ были на ногахъ; крѣпостной дворъ весь заполнился вьюками, быками и людьми. Русская рѣчь перемѣшивалась съ монгольской и китайской. Помимо отъѣзжающихъ, набралось не мало и посторонняго люда. Одни хлопчуть, рабо-

тають; другіе праздно толкаются, мѣшаютъ. Началась выючка быковъ, но какъ она не похожа на выючку верблюдовъ: многіе упрямы-быки ложатся, иные прыгаютъ и, освободившись изъ рукъ людей, «даютъ козла», пока не избавятся окончательно отъ выюка. Долго мы провозились съ выючкой въ тѣсномъ запертомъ помѣщеніи и только въ полдень, въ самое жаркое время дня, оставили хырму и вышли на просторъ долины. Тутъ можно было свободнѣе вздохнуть и осмотрѣться. Черезъ два-три часа караванъ быковъ, раздѣленныхъ на три партіи, пошелъ надлежащимъ порядкомъ, держа направленіе къ югу. Оглядываясь назадъ, мы все прощались съ хырмой, которая теперь стала и для насъ очень близка и дорога; надъ ней командующе выдѣлялась метеорологическая будка и русскій, трехцвѣтный, бѣло-сине-красный флагъ. Муравьевъ, обреченный на долгое одиночество, стоялъ на плоской кровлѣ фанзы и слѣдилъ за удалявшимся караваномъ...

За постепенно поднимавшейся по направленію къ горамъ щебне-галечной пустыней, высится хребетъ Бурханъ-Будда, втянувшись въ одно изъ ущелій котораго—Номохунъ—мы расположились бивакомъ. Подлѣ насъ бурлила рѣчка и пріятно рокотали впадающіе въ нее ручьи; вмѣсто пыли и солончаковъ, мы уже ступали по мягкимъ зеленымъ лужайкамъ, слушая монотонные голоса клушицъ, къэликовъ, каменныхъ голубей и другихъ пернатыхъ.

Со стороны внутренняго замкнутаго центрально-азіатскаго бассейна хребетъ Бурханъ-Будда производитъ впечатлѣніе массивнаго однообразнаго вала, поднимающаго свой довольно плоскій гребень до 17,000 футовъ надъ моремъ, но, тѣмъ не менѣе, только мѣстами касается онъ линіи вѣчнаго снѣга, который поддерживаетъ рѣчки, стремящіяся изъ горъ въ двѣ противоположныя стороны. Ущелья обоихъ склоновъ хребта каменисты, дики, мѣстами крайне узки и мрачны и, благодаря скудному орошенію, довольно пустынно и унылы. Немногія и сравнительно маловодныя рѣчки, по выходѣ изъ горъ, въ большинствѣ случаевъ, скрываются въ землю, чтобы затѣмъ обнаружиться на днѣ долины въ видѣ ключей или источниковъ.

Миновавъ кочевья монголовъ, экспедиція прибыла въ средній поясъ хребта, въ область богатыхъ альпійскихъ пастбищъ, гдѣ, въ цѣляхъ бѣльшаго ознакомленія съ горами и выкормки животныхъ, мы прожили около недѣли.

Такая сравнительно продолжительная стоянка была кстати еще и для постепеннаго приспособленія къ разрѣженному воздуху нашихъ организмовъ, въ особенности новичковъ спутниковъ, болѣе слабые изъ которыхъ тутъ же, на 13,500 футовъ надъ моремъ, поболѣли день-два; затѣмъ все миновало благополучно и всѣ мы съ успѣхомъ могли экскурсировать въ окрестныхъ безлюдныхъ ущельяхъ. Горная флора стала пробуждаться все больше и больше и обогащать нашъ гербарій. Неутомимый коллекторъ-ботаникъ Ладыгинъ съ приходомъ въ горы ожилъ и цѣлые дни проводилъ въ ущельяхъ, тщательно изслѣдуя ихъ. Въ давшему сборами главнымъ образомъ безпозвоночныхъ, Казнакову, было не менѣе интересно наполнять банки и ящики неизвѣстными ему дотолѣ видами моллюсковъ, жуковъ и мухъ, а также ящерицъ и змѣй, какъ равно препаратору Телешову стрѣлять свойственныхъ Тибету звѣрей и птицъ. Словомъ, дѣятельность членовъ экспедиціи проявилась въ горахъ, въ лучшее время года, во всю ширь: не даромъ такъ сильно всѣхъ насъ влекло сюда изъ непривѣтливаго Цайдама.

Наша огромная, свирѣпая собака Гарза все еще находилась на привязи изъ опасенія жестокихъ нападеній на монголовъ, не исключая даже и своихъ прежнихъ хозяевъ, тогда какъ со всѣми нами она успѣла освоиться, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ изъ бурятъ, которые иногда одѣвали свои національные костюмы: на этихъ она продолжала бросаться. Сила этой собаки была просто изумительна; во время напряженнаго лая она легко перетаскивала съ одного мѣста на другое патронный ящикъ, вѣсомъ въ два съ половиною пуда, къ которому была привязана въ теченіе дня. Ночью же ей предоставлялась полная свобода; тогда монголы должны были держать ухо остро.

Двадцать седьмого мая, на зарѣ, мы двинулись впередъ съ цѣлью перевалить хребетъ Бурханъ-Будда, что и удалось сдѣлать къ девяти часамъ морознаго яснаго утра. Подъемъ на сѣдловину хребта крутъ и каменистъ и въ верхней части былъ покрытъ плотнымъ слоемъ снѣга.

Со стороны Цайдама, окутаннаго сѣро-желтой пыльной дымкой, дулъ рѣзкій пронизывающій вѣтеръ при температурѣ въ пять съ половиною градусовъ холода; слоисто-кучевыя облака, сбиваясь у главныхъ вершинъ, образовывали свинцовыя мрачныя тучи, которыя по временамъ разражались снѣжной крупой. Видъ на тибетское нагорье представлялся крайне суровый: надъ общимъ

темно-желтымъ сонмомъ горныхъ уваловъ, словно вата, висѣли кучевыя облака.

Въ сосѣдствѣ перевала животной жизни не было обнаружено; растительная также находилась въ оцѣпенѣніи отъ холода. Только спустившись къ окраинѣ короткаго южнаго склона горъ, рѣчка оказалась свободной отъ льда и на ея берегахъ стали чаще показываться пріятныя для глазъ лужайки, на которыхъ валялись черепа и другія кости дикихъ яковъ, иногда удивительно большихъ размѣровъ. Самыхъ же звѣрей въ этой мѣстности мы не встрѣтили, хотя свѣжіе слѣды, отпечатанные на влажной глинистой почвѣ, большого стада дикихъ яковъ довольно ясно указывали на ихъ здѣсь пребываніе; небольшое же общество каменныхъ барановъ или аргали и одинокій медвѣдь пробѣжали въ виду нашего каравана.

Дальнѣйшій путь экспедиціи лежалъ въ юго-западномъ направленіи, къ озеру Алыкь-норъ, на сѣверо-восточномъ берегу котораго мы и расположились бивакомъ среди мягкой зелени. Пользуясь удовлетворительной погодой, гг. Казнаковъ и Ладыгинъ совершили въ первый же день, двадцать восьмого мая, плаваніе по озеру въ лодкѣ съ цѣлью произвести измѣреніе глубины воднаго слоя и собрать планктонъ. Озеро было пересѣчено съ сѣвера на югъ, въ восточной половинѣ, причемъ наибольшая глубина—пятнадцать сажень—обнаружена у южнаго возвышеннаго берега, а наименьшая у низменнаго сѣвернаго; отсюда глубина постепенно увеличивалась на протяженіи семи-восьми верстъ и только за одну версту до южнаго берега стала быстро уменьшаться.

На второй день пребыванія на Алыкь-норѣ я отправился съ ранняго утра для глазомѣрной съемки озера. Начавъ объѣздъ послѣдняго съ сѣвернаго берега, я долженъ былъ возвратиться по восточному. Въ личный составъ разѣзда вошелъ, кромѣ меня, Бадмажапова и Бадукшанова, еще и монголь. Всѣ мы ѣхали верхомъ на лошадяхъ, имѣя у сѣделъ только самое необходимое въ охотничьей экскурсіи—чайникъ, чашки и небольшой запасъ продовольствія. Погода стояла отличная—тихая, ясная и мы, восхищаясь чудною лазурью неба, могли въ то же время, благодаря прозрачности воздуха, отлично различать и отдаленные предметы прилежащей долины.

Сѣверный берегъ озера носитъ однообразный характеръ; илистые отмели выдѣлялись полуостровками или островками, служившими пристанищемъ для многочисленныхъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ; кое-гдѣ залежали родники, окаймленные свѣжей зе-

ленью, на которой паслись хулары и антилопы; но больше всего насъ интересовали медвѣди, свѣжіе слѣды которыхъ были замѣчены вскорѣ по выступленіи съ бивака; казалось, что звѣри, переночевавъ на возвышенной площадкѣ, съ наступленіемъ утра отправились тѣмъ же берегомъ и въ ту же сторону, куда держали направление и мы. Дѣйствительно, медвѣди вскорѣ показались; не только въ бинокль, но и простымъ глазомъ можно было различить крупнаго самца и значительно меньшихъ размѣровъ самку, слѣдовавшихъ вмѣстѣ. Соблазнъ поохотиться за звѣрями увеличивался тѣмъ болѣе, что медвѣди были какъ разъ на нашей дорогѣ. По мѣрѣ приближенія къ звѣрямъ стало выясняться, что послѣдніе были заняты любовною игрою и что поэтому подойти къ нимъ на дистанцію выстрѣла не представить особаго труда.

Оставивъ лошадей, я съ Бадмажаповымъ направился къ медвѣдямъ, соблюдая, конечно, охотничью сноровку; въ воздухѣ все еще стояла обычная утренняя тишина: подброшенная вверхъ тонкая пыль возвращалась на то же мѣсто или едва замѣтно относилась въ противоположную сторону, слѣдовательно не было основанія опасаться того, что звѣри насъ учуютъ; достигнувъ, однако, ровной площадки, на которой находились медвѣди, мы были тотчасъ ими замѣчены. Мишка мгновенно остановился и поднялся на дыбки, пристально глядя въ нашу сторону; медвѣдица приблизилась къ самцу и также насторожилась; оба звѣря превратились словно въ изваяніе. Настала минута общаго напряженнаго вниманія. Условившись заблаговременно кому стрѣлять въ того или другого звѣря, мы одновременно пустили въ медвѣдей двѣ пули. Мой Мишка грузно свалился на-земь, медвѣдица также послѣдовала было его примѣру, но вскорѣ поднялась и почти незамѣтно отползла въ ложечекъ, а затѣмъ совершенно скрылась; когда же мы подошли къ убитому на повалъ медвѣдю, то медвѣдица была уже на значительномъ разстояніи; бинокль обнаруживалъ ея быстрое движеніе и временныя остановки, когда напуганный звѣрь напрасно оглядывался въ нашу сторону. Мой спутникъ взгрустнулъ было объ ушедшей медвѣдицѣ, но я его постарался утѣшить тѣмъ, что онъ будетъ имѣть возможность много разъ исправить свою ошибку.

Снявъ шкуру съ убитаго звѣря и приторочивъ ее къ сѣдлу одной изъ лошадей, мы были готовы слѣдовать дальше, какъ неожиданно, со стороны сосѣдняго болота, я замѣтилъ шедшаго къ намъ навстрѣчу одинокаго медвѣдя. Пока я находился въ раздумьѣ, какъ поступить съ этимъ новымъ звѣремъ, послѣдній будто нарочно при-

ближался и приближался къ намъ; наконецъ, шагахъ въ четырехстахъ отъ насъ залегъ. Сойдя съ лошади, я быстро направился къ медвѣдю и, подойдя къ нему шаговъ на сто двадцать, двумя пулями, выпущенными одна за другой изъ штуцера Бердана, окончательно уложилъ и этого Мишку. Шкура второго медвѣдя была такая же хорошая, какъ и перваго убитаго самца; поэтому мы тотчасъ же приступили къ ея препарировкѣ.

Въ желудкѣ послѣдняго медвѣдя оказалось содержимое яицъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, какимъ-либо плавающимъ или голенастымъ птицамъ, гнѣздившимся на болотѣ; желудокъ же перваго Мишки, наслаждавшагося передъ смертью любовною игрою, былъ совершенно пустъ.

Завьючивъ и вторую шкуру медвѣдя, мы успѣшно продвинулись къ подножью холма Тологойнынъ, гдѣ, на берегу прозрачной рѣчки, устроили временный приваль. Сухое топливо дало возможность быстро развести хорошій, яркій огонь, на которомъ поджарили шашлыкъ и сварили чаю; аппетитъ у насъ былъ завидный. Отпущенныя на свободу лошади благодушествовали на зеленыхъ лужайкахъ. День нашей экскурси отличался превосходной погодой: небо было совершенно безоблачно; высоко поднявшееся солнце грѣло ощутительно. Лежа на лугу, я невольно смотрѣлъ на манившее къ себѣ лазурное небо. Тамъ, высоко-высоко, мелькали хищныя птицы-грифы, отъ остраго зрѣнiя которыхъ не ускользнули оставленные нами трупы медвѣдей; воздушные странники держали путь къ добычѣ, куда потомъ словно бомбы низвергались съ высоты. Вооружившись биноклемъ, я сталъ вглядываться въ мѣсто, гдѣ были убиты медвѣди; къ одному изъ труповъ приблизился сначала хуланъ и, описавъ около него дугу, подозрительно остановился, поднявъ высоко голову, затѣмъ понесся съ мѣста въ карьеръ. Въ небѣ все еще мелькали хищники, направлявшіеся къ общему центру—добычѣ, гдѣ теперь, какъ говорится, шелъ «пиръ-горой».

Къ вечерней зарѣ мы благополучно возвратились на главный бивакъ, въ недалекомъ сосѣдствѣ съ которымъ паслось много хулановъ и антилопъ-оронго, вызывавшихъ у моихъ юныхъ спутниковъ восторженное удивленіе красивыми формами своего сложенiя, величиной и посадкой роговъ, а также быстрой и оригинальной побѣжкой.

Прослѣдовавъ почти на всемъ восточномъ протяженiи долиной Алыкъ-норинъ-хола, мы затѣмъ ее оставили и вблизи ключа Кукубулыкъ втянулись въ одно изъ ущелій Амнэ-н'кора, съ цѣлью перева-

лечь означенный хребетъ и двигаться дальше опять въ южномъ направленіи. Вначалѣ довольно привѣтливое ущелье это, по мѣрѣ нашего движенія вверхъ, становилось болѣе дикимъ, каменистѣе, круче и тѣснѣе; тропинка то появлялась, то исчезала. Одинъ изъ нашихъ монголовъ-спутниковъ, Джэрой, незамѣнимый какъ пастухъ караванныхъ животныхъ и никуда негодный какъ проводникъ, въ роли какового онъ былъ данъ намъ Барунъ-цзасакомъ, вскорѣ по вступленіи въ горы вынужденъ былъ сознаться, что онъ не знаетъ дороги. Принявъ это обстоятельство къ свѣдѣнію, я перевелъ добродушнаго Джэроя изъ авангарда въ арьергардъ, а по отношенію къ направленію пути сталъ довѣряться собственному соображенію, пріобрѣтенному за время моихъ продолжительныхъ странствованій.

Первый день, 6-го іюня, пребыванія въ горахъ Амнэ-н'коръ ознаменовался страшнымъ холодомъ, въ связи съ обильнымъ снѣгомъ, падавшимъ хлопьями съ ранняго утра до полудня и покрывшимъ землю толстымъ, выше фута, слоемъ. Выбившіеся изъ силъ быки требовали отдыха и мы принуждены были остановиться у подножія главной оси горъ, освободивъ животныхъ изъ подъ ихъ тяжелыхъ вьюковъ. Сосѣднія скалистыя вершины, вѣнчающія гребень, порою открывались, порою совершенно заволакивались набѣгавшими облаками, картинно стлавшимися по горамъ. При наибольшей крутизнѣ, какая только допустима при подъемахъ на перевалы, мы стали взбираться на сѣдловину остраго каменистаго гребня, абсолютная высота котораго опредѣлилась въ 16,000 фута.

Виды по сторонамъ перевала были закрыты: съ сѣвера—не перестававшимъ падать снѣгомъ, съ юга—второй цѣпью хребта. Обычнаго на перевалахъ обо здѣсь не было; слѣдовательно, этимъ проходомъ туземцы не пользуются; дорога же была проторена, по всему вѣроятію, звѣрями—дикими яками и хуланами.

Спускъ съ безымяннаго перевала сѣверной цѣпи оказался круче подъема, но зато скорѣе вывелъ насъ на луговое дно ущелья, несмотря на то, что быковъ приходилось мѣстами проводить по одному и поддерживать отъ возможнаго ихъ паденія въ пропасть. Къ сумеркамъ мы устроились бивакомъ и могли отдохнуть отъ перенесенныхъ невзгодъ. Усталость была такъ велика, что медвѣдь, появившійся у насъ чуть не на бивакѣ, смогъ уйти отъ насъ «по-добру по-здорову». Мишка слѣдовалъ по дну ущелья, снизу вверхъ, и, проходя мимо скаль, поднимался на заднія лапы и презабавно чесалъ спину о шероховатые выступы камней.

Проживъ нѣсколько дней въ области Амнэ-н'корскихъ горъ, мы направились въ дальнѣйшій путь къ югу. Теперь пришлось подниматься на южную цѣпь горъ по перевалу, отысканному нашимъ разъѣздомъ. Змѣеобразная тропа извивалась по крутому скату или пересѣкала болѣе доступные лога, по которымъ ютились замѣчательно красивые и интересные вьюрки (*Kozłowia Roborowskii*). Не надолго остановившись, я застрѣлилъ парочку изъ нихъ, спѣша скорѣе на вершину гребня. Еще полчаса, и мы были на перевалѣ, откуда радостно смотрѣли на широкой горизонтъ, открывавшійся въ южную сторону. Туда уходило типичное тибетское нагорье, спускъ на которое былъ значительно короче, нежели подъемъ. Приблизительно въ серединѣ открывшагося пространства, среди зеленовато-желтыхъ мягкихъ холмовъ, блестѣла поверхность довольно большого озера Оринъ-нора, за нимъ, въ синѣющей дали, темнѣлъ въ основаніи и бѣлѣлъ по гребню вало-образный хребетъ—водораздѣлъ Желтой и Голубой рѣкъ. Разрѣженный воздухъ былъ замѣчательно прозраченъ и способствовалъ обманчивому приближенію озера, на которомъ безъ особеннаго труда можно было различить его береговья очертанія. Долго я не могъ оторваться отъ наблюденія этой своеобразной картины...

Спустившись съ горъ въ долину, мы на первомъ луговомъ участкѣ разбили бивакъ. Мѣсто нашего лагеря, судя по очагамъ, нерѣдко посѣщалось мѣстными охотниками. Погода между тѣмъ измѣнилась къ худшему; холодный порывистый вѣтеръ давалъ себя порядкомъ чувствовать; въ продолженіе всей ночи падалъ снѣгъ, покрывшій землю полуфутовымъ слоемъ; температура спустилась до 7 градусовъ. Впечатлѣніе было настоящей зимы и это двѣнадцатаго іюня! Нѣсколько смягчающимъ обстоятельствомъ служила темная безснѣжная полоса, разстилавшаяся на югѣ, въ сосѣдствѣ Оринъ-нора.

Обождая просвѣтленія воздуха, мы направились внизъ по долинѣ, держа направленіе къ ближайшему сѣверному заливу озера. Снѣгъ быстро таялъ, въ особенности когда изъ-за кучевыхъ облаковъ показывалось солнце; природа снова оживилась—послышались звонкіе голоса большихъ и малыхъ жаворонковъ, перелетавшихъ по холмамъ.

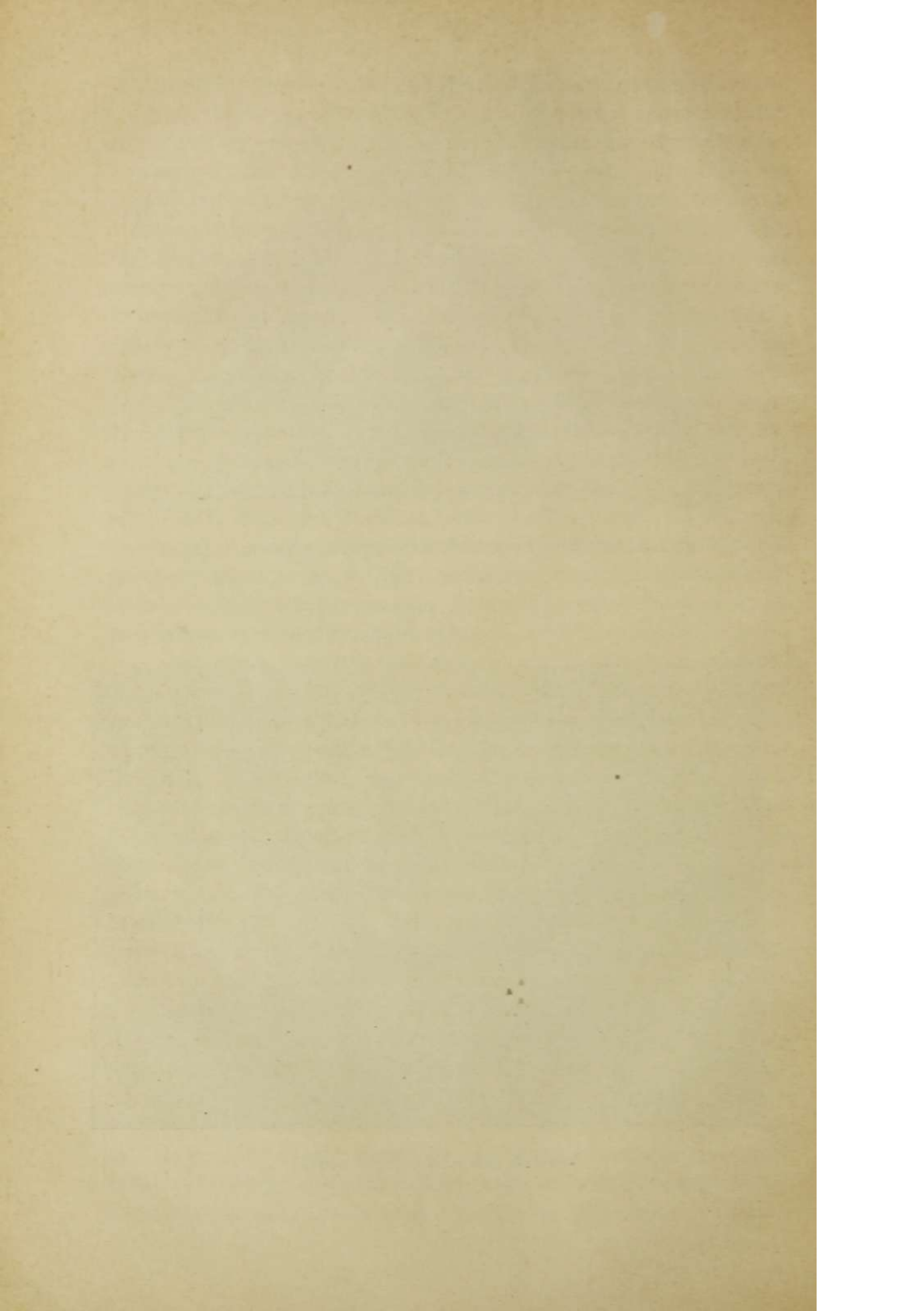
На слѣдующій день, въ десять часовъ утра, экспедиція уже раскинула свои бѣлые шатры въ мѣстѣ истока знаменитой рѣки Китая, на берегу озера, зеленовато-голубыя волны котораго гулко ударялись объ его песчано-галечные берега.

Дадай, цайдамскій монголь, переводчикъ тибетскаго языка.

Хребетъ Амнэ-н'корь (съ сѣвера).

Наканунѣ прихода на Оринъ-норъ, мы встрѣтили разъѣздъ тибетцевъ племени Н'голокъ, численностью въ четыре человѣка, которые были приняты нами съ обычнымъ гостепріимствомъ. Н'голоки сообщили намъ, что они составляютъ маленькій авангардъ многочисленнаго н'голокскаго каравана, бивакирующаго на сѣверо-западномъ берегу того же Оринъ-нора. Общее число паломниковъ, возвращавшихся изъ Лхассы въ извилину Желтой рѣки, н'голоки намъ опредѣлили въ шестьсотъ человѣкъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, раздѣленныхъ на восемьдесятъ огней или группъ, слѣдовавшихъ во главѣ съ однимъ изъ своихъ начальниковъ.

Во время посѣщенія нашихъ палатокъ, н'голоки украдкою смотрѣли на наше вооруженіе, стараясь скрыть настоящее впечатлѣніе. Замѣтивъ это, мы показали имъ свою новую трехлинейную винтовку съ магазиномъ. «Несмотря на вашу малочисленность, говорили н'голоки, васъ никто не обидитъ; ваши драгоценныя ружья всегда спасутъ васъ; если многіе изъ насъ были того же мнѣнія и раньше, то естественно, что теперь еще больше укрѣпятся въ такомъ взглядѣ. Намъ н'голокамъ можно побѣдить васъ только хитростью, коварствомъ: пробравшись въ вашъ лагерь подъ видомъ продавцевъ съѣстныхъ продуктовъ, партией человѣкъ въ тридцать, и по извѣстному сигналу, врасплохъ, обнаживъ сабли, наброситься на васъ, чтобы въ минуту-двѣ перерубить весь вашъ отрядъ. Вести же съ вами сраженіе, въ особенности въ открытой долині, какъ, напримѣръ, здѣсь, совершенно безразсудно». Увидѣвъ затѣмъ револьверъ послѣдняго образца, н'голоки пришли въ еще большій восторгъ, замѣтивъ: «пожалуй и нашъ затаенный планъ при наличности у «русскихъ» подобнаго вооруженія ни къ чему не приведетъ—они вынутъ изъ кармановъ такія маленькія мим-да—ружья и перебьютъ насъ прежде, нежели кто-либо изъ «н'голоковъ» попытается лишь обнаружить свой заговоръ».—«Я помню, продолжалъ говорить одинъ изъ н'голоковъ, какъ мы пытались было въ свое время воевать съ такими же людьми, какъ вы, въ Амнэ-мачинѣ, но ничего не вышло—намъ порядочно попало»!... Ну, пріятель, подумалъ я, съ тобою мы уже давно знакомы. Заинтересовавшись сообщеніемъ н'голока, я предложилъ ему вопросъ: «куда же направились тѣ люди, о которыхъ онъ намъ рассказываетъ». Н'голокъ, нисколько не задумываясь, отвѣтилъ: «въ монастырь Рарча-гомба!»

На этомъ свиданіи съ первыми встрѣчными н'голоками у насъ и окончилось.

На пути же къ озеру Оринъ-норъ, а также и во время самой стоянки на его берегахъ, мы наблюдали движеніе главнаго н'голок'скаго каравана, слѣдовавшаго эшелонами. Н'голоки двигались семьями--съ большими и малыми дѣтьми, завьюченными въ открытыхъ ящикахъ или корзинахъ по обѣ стороны животнаго, за исключеніемъ грудныхъ малютокъ, которыхъ матери везли за пазухами. Въ теченіе двухъ дней н'голоки проходили въ виду нашего бивака. Глядя на передвиженіе этой дикой орды, мнѣ живо вспомнилось изъ исторіи описаніе нашествій гунновъ, готовъ и другихъ кочевниковъ на Европу.

Разсчитывая провести значительную часть дѣла въ извилинѣ верхней Хуанъ-хэ, мною было принято за правило держаться дружественныхъ отношеній съ номадами вообще, въ особенности же съ н'голоками, съ которыми русскимъ экспедиціямъ приходилось уже по необходимости, въ видахъ самозащиты, вступать въ вооруженныя столкновенія. Поэтому при встрѣчѣ съ н'голоками, направлявшимися домой во главѣ съ однимъ изъ главныхъ управителей, мы были обрадованы, надѣясь путемъ дружбы и знакомства расположить его къ себѣ и такимъ образомъ обезпечить экспедиціи свободный путь внизъ по невѣдомому уголку Хуанъ-хэ. Лишь только мы успѣли устроить нашъ бивакъ при озерѣ, въ стрѣлкѣ, обезпечивающей намъ отличную и выгодную въ боевомъ отношеніи позицію, какъ къ намъ прибыло трое н'голоковъ. Старикъ, помощникъ Ринчинъ-шяма, явился за начальника, будучи сопровождаемъ двумя бравыми тибетцами, не считая человѣкъ семи молодежи, упражнявшейся по дорогѣ къ намъ въ джигитовкѣ. Весь тибетскій эскортъ былъ вооруженъ обычнымъ порядкомъ. Трое гордыхъ н'голоковъ, сойдя съ лошадей, непринужденно направились въ нашу палатку, при входѣ въ которую, только по нашему требованію, разстались съ ружьями; затѣмъ, занявъ обычное для гостей мѣсто и коротко привѣтствовавъ насъ, они спросили: «кто мы такіе и куда направляемся?» Я отвѣтилъ, что мы русскіе, пришли издалека, познакомились со многими странами и людьми и въ скоромъ времени надѣемся также посѣтить и ихъ землю, почему очень рады представившемуся случаю познакомиться съ храбрыми изъ тибетцевъ, для начальника которыхъ имѣемъ хорошіе подарки. Надѣюсь, заключилъ я, что мое желаніе завязать хорошія отношенія съ ихъ начальникомъ не встрѣтитъ препятствій, какъ одинаково мнѣ не будетъ отказано и въ проводникахъ для дальнѣйшаго слѣдованія внизъ по Желтой рѣкѣ или Ма-чю. На

послѣдній вопросъ старикъ, безъ предварительнаго доклада Ринчинъ-шяму, энергично, не колеблясь отвѣтилъ: «проводниковъ вамъ не дадутъ, хотя онъ и доложитъ своему начальнику какъ объ этомъ, такъ и о томъ приметъ ли Ринчинъ-шямъ одного изъ моихъ помощниковъ, командруемаго съ подарками и для личныхъ переговоровъ. Послѣ часовой бесѣды н'голоки уѣхали обратно, охотно отвѣдавъ предложеннаго имъ чая и сластей.

Отвѣтъ, ожидавшійся нами съ большимъ нетерпѣніемъ, наконецъ былъ привезенъ тѣмъ же престарѣлымъ дипломатомъ. Старикъ повелъ рѣчь: «Нашъ князь не желаетъ ни знакомства съ вами, ни тѣмъ болѣе вашей дружбы, поэтому отказываетъ и въ просимыхъ вами проводникахъ. Знакомство съ княземъ и давные имъ проводники еще не могутъ служить русскимъ полной гарантіей безопасности, такъ какъ у нихъ вооруженное столкновение можетъ произойти не исключительно съ н'голоками, входящими въ составъ хошуновъ, подвѣдомственныхъ нашему князю, но скорѣе подобнаго рода недоразумѣнія предвидятся со стороны обитателей другихъ хошуновъ, подлежащихъ вѣдѣнію прочихъ шести князей, что можетъ навлечь на Ринчинъ-шяма невольную отвѣтственность».

Несмотря на всѣ мои доводы, я не получилъ благосклоннаго отвѣта; на слѣдующее утро секретарь князя совсѣмъ не показался въ нашъ лагерь, что навело насъ на очень грустныя размышленія, такъ какъ, согласно уговору, въ непріѣздѣ къ намъ секретаря мы должны были видѣть нерасположеніе къ намъ н'голоковъ и допустить возможность вооруженнаго столкновения.

Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, намъ не удалось посѣтить кочевій н'голоковъ ни въ передній путь экспедиціи, ни во время обратнаго ея слѣдованія въ Цайдамъ. Тѣмъ не менѣе краткія свѣдѣнія, собранныя нами путемъ разспросовъ частью отъ самихъ н'голоковъ, частью отъ ихъ сосѣдей Дзачюкавасцевъ, не будутъ излишними, такъ какъ могутъ пролить немного свѣта на ту крайне интересную народность, о которой намъ до послѣдняго времени почти что ничего не было извѣстно.

Какъ давно существуетъ и извѣстно племя н'голоковъ, намъ не удалось узнать. Намъ лишь рассказывали, что черезъ земли н'голоковъ нѣкогда проходилъ Линъ-Гэсуръ или Гэсуръ-ханъ и что въ очень давнія времена одинъ изъ далай-ламъ проклялъ н'голоковъ одновременно съ другимъ тибетскимъ племенемъ, живущимъ гдѣ-то на югѣ, вблизи границы Индіи, за то будто бы, что эти два племени не принимали буддизма и не хотѣли признать власти далай-ламы.

Проклятіе это и до сихъ поръ тяготѣетъ надъ н'голоками, хотя теперь они и буддисты, но власти далай-ламы надъ собою не признаютъ, какъ и власти Китая. Ограбятъ ли они кого, украдутъ ли кто нибудь у нихъ скоть, они въ переговорахъ по такимъ дѣламъ всегда заносчиво заявляютъ прежде всего: «насъ, н'голоковъ, нельзя сравнивать съ прочими людьми! Вы, кого бы это изъ тибетцевъ ни касалось, подчиняетесь чужимъ законамъ: законамъ далай-ламы, Китая и всякого своего маленькаго начальника; боитесь каждого человѣка; каждому человѣку, страха ради, вы подчиняетесь, короче—вы боитесь всего! Не только вы, но и дѣды и прадѣды ваши были таковы. Мы же н'голоки съ незапамятныхъ временъ подчиняемся только своимъ собственнымъ законамъ и побужденіямъ. Каждый н'голокъ родится уже съ сознаниемъ своей свободы и съ молокомъ матери познаетъ свои законы, которые никогда не были измѣнены. Каждый изъ насъ чуть не рождается съ оружіемъ въ рукахъ; наши предки были воинственны, храбры, такими же являемся и мы—достойные ихъ потомки. Чужихъ совѣтовъ мы не слушаемъ и слѣдуемъ лишь указаніямъ своего ума, съ которымъ каждый н'голокъ рождается непременно. Вотъ почему мы были всегда свободны, какъ и теперь, не подчиняемся никому — ни богдохану, ни далай-ламѣ. Наше племя одно изъ самыхъ достойныхъ, высокихъ въ Тибетѣ, и мы вправѣ съ презрѣніемъ смотрѣть на всѣхъ остальныхъ сосѣдей и не только на тибетцевъ, но даже и на китайцевъ».

Что они дѣйствительно не признаютъ власти далай-ламы и Китая, н'голоки доказываютъ тѣмъ, что грабятъ гэгэновъ и разносятъ богдоханскія войска.

Говорятъ, что вообще всѣ семь главныхъ начальниковъ н'голоковъ, обитающихъ въ извилинѣ верхней Хуанъ-хэ, завели очень строгій этикетъ: никто изъ подчиненныхъ не имѣетъ права беспокоить ихъ по маловажнымъ дѣламъ, никто не смѣетъ войти въ ихъ помѣщеніе безъ доклада и проч. Живутъ они или въ своихъ красивыхъ постройкахъ, сооруженныхъ изъ камня, глины и дерева, или же въ палаткахъ, или даже въ монгольскихъ юртахъ, извѣстныхъ у нихъ подъ названіемъ «урго».

Среди населенія н'голоковъ, да и во всемъ Тибетѣ вообще, существуетъ легенда о томъ, откуда берется и держится въ н'голокахъ воинственный духъ и чѣмъ обуславливается ихъ успѣхъ въ грабежахъ и войнахъ. Говорятъ, что Линъ-Гэсуръ, проходя черезъ земли н'голоковъ, въ урочищѣ Арчунъ, потерялъ свой чудодѣйственный ножъ и не нашелъ его. Этому-то ножу, который такъ и

остался не найденнымъ съ тѣхъ поръ, какъ пропалъ, и приписываютъ воинственный духъ и успѣхи н'голоковъ. Независимо отъ сего, поддержаніе богатства и обезпеченіе успѣховъ, въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ н'голоковъ, приписывается также и святымъ горамъ Амнэ-мачинъ или иначе Мачинъ-бумра; послѣднее названіе, вѣроятно, принадлежитъ одной изъ главнѣйшихъ вершинъ общаго хребта Амнэ-мачинъ, который въ восточной окраинѣ, омываемой съ трехъ сторонъ рѣкою Ма-чю, особенно высоко поднятъ надъ моремъ и вслѣдствіе этого богатъ колоссальными ледниками, производящими своеобразное зрѣлище при солнечномъ и лунномъ освѣщеніи. На горѣ Мачинъ-бумра, гдѣ много небольшихъ кумиренъ, н'голоки лѣтомъ приносятъ жертвы и отправляютъ богослуженія. Гора эта настолько чтима, что ни одинъ н'голокъ, утромъ собираясь ѣсть дома или въ пути, или наконецъ отправляясь на грабежъ, не рѣшится прикоснуться къ ѣдѣ и питью, не бросивъ предварительно нѣсколько ложекъ въ воздухъ, по направленію къ горѣ, принося ей такимъ образомъ съ молитвою жертву...

ГЛАВА VI.

Въ бассейнѣ Ян-цзы-цзяна.

Бивакъ на берегу озера Русскаго.—Усиленіе ночныхъ карауловъ.—Сильная гроза на озерѣ.—Дальнѣйшій путь.—Охота на дикаго яка.—Тибетцы «Намцо» съ начальникомъ Намцо-Пурзекъ.—Ихъ восторгъ отъ нашей стрѣльбы.—Тибетская джигитовка.—Переправа черезъ Ян-цзы-цзянъ.—Женско-мужской монастырь.—Горы Дютрейль-де-Ренса.—Стоянка въ Чжэрку.

... Вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній н'голокскій эшелонъ прошелъ мимо нашего лагеря, долина озера Оринъ-нора опустѣла, временное оживленіе ея кочевниками смѣнилось обычной тишиной, царящей надъ многими частями Тибета. Нашъ маленькій и одинокій бивакъ среди обширнаго тибетскаго нагорья представлялся чѣмъ то сказочнымъ.

Какъ сейчасъ помню нашу стоянку на берегу этого высоконагорнаго озера, темноголубая или зеленоватая поверхность котораго красиво изрѣзана обрывистыми мысами и заключенными между ними заливами; живо представляю себѣ также высокія, украшенныя барашками, волны Оринъ-нора съ монотоннымъ гуломъ разбивающіяся о берега, или, порою, совершенно зеркальную гладь его водъ, отражавшую прибрежныя высоты и кучевыя облачка, тихо пронесившіяся надъ озеромъ. Дождется ли когда нибудь этотъ бассейнъ отраженія на своей поверхности разросшейся по его берегамъ культуры?.. Или оно будетъ и впредь также дѣвственно, какъ въ прошломъ и настоящемъ, и человекъ будетъ бывать здѣсь лишь въ качествѣ временнаго или случайнаго посѣтителя, зорко оберегающаго свою безопасность.

Пришлось усилить ночныя дежурства, имѣть на рукахъ каждому участнику экспедиціи полный комплектъ патроновъ—сто

штуку—и спать не раздвываясь, чуть ни съ ружьемъ въ объятыхъ. При пастыбѣ скота постоянно находилось двое вооруженныхъ казаковъ или гренадеръ и монголы, острое зрѣніе которыхъ лучше всякаго бинокля открывало по вершинамъ восточныхъ прибрежныхъ холмовъ и голокскіе разѣзды, ежедневно сторожившіе насъ.

Тѣмъ не менѣе съ извѣстной осмотрительностью мы экскурсировали по окрестностямъ, стрѣляли звѣрей и птицъ, а на бивакѣ свободные отъ очередныхъ службъ люди занимались ловлей рыбы на удочку. Рыбы въ рѣкѣ и въ озерѣ много; кромѣ орлановъ, скопъ, баклановъ, крахалей и чаекъ ее здѣсь никто и никогда не ловить, а потому наши любители-рыболовы постоянно вознаграждались успѣхомъ. Счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи бывалъ г. Ладыгинъ, который въ полчаса или часъ времени излавливалъ около десятка маринокъ, вѣсомъ каждая отъ трехъ до пяти и болѣе фунтовъ. Въ дивно прозрачной водѣ я часто видѣлъ рыбъ; чудны онѣ въ своей родной стихіи. Подобное наблюденіе мнѣ лично доставляло бѣльшее удовольствіе, нежели самая ловля.

Ночью, двадцать шестого іюня, разразилась сильнѣйшая гроза при сѣверо-западномъ штормѣ; рѣзкіе и глухіе раскаты грома страшно потрясали воздухъ; ночной мракъ фантастически прорѣзывался блескомъ змѣеобразныхъ молній, часто освѣщавшихъ обширную поверхность озера. Высокія, пѣнистыя волны набѣгали одна за другой, гулко ударяясь о берегъ. Подобное состояніе, продолжавшееся до разсвѣта, сопровождалось, кромѣ того, снѣгомъ, покрывшимъ окрестныя горы ниже ихъ подошвы. Съ восходомъ же солнца все успокоилось, за исключеніемъ величественнаго озера, продолжавшаго бушевать.

Продолжая двигаться по безлюдному тибетскому нагорью, мы почти ежедневно наблюдали стада дикихъ яковъ, хулановъ, антилопъ и другихъ млекопитающихся. До прихода въ долину Джагынъ-гола мы однако любовались на дикихъ яковъ съ значительнаго разстоянія и спеціальной охоты за ними не предпринимали, а между тѣмъ всехъ насъ очень занималъ вопросъ, насколько сильно или велико разрушительное дѣйствіе пули новаго трехлинейнаго ружья-винтовки именно по самому крупному изъ звѣрей Тибета—дикому яку. Долина Джагынъ-гола, гдѣ мы всего больше нуждались въ продовольствіи и гдѣ, на наше счастье, больше другихъ мѣстъ наблюдалось дикихъ яковъ, представила возможность чуть не каждому участнику экспедиціи, если не убить, то во всякомъ

случаѣ поохотиться за «буху-гурёсу», какъ монголы называютъ дикаго яка.

Вскорѣ по вступленіи въ долину Джагынъ-гола, въ одно раннее утро, когда экспедиція двигалась у подножія высокихъ холмовъ, ниспадавшихъ многочисленными выступами или гривами, я, ѣдучи, какъ всегда, впереди, обнаружилъ на скатѣ такого выступа небольшую группу дикихъ яковъ. Зачувъ насъ, звѣри насторожились и стали потихоньку удаляться, за исключеніемъ одного стараго быка, который круто повернулъ въ нашу сторону и, сдѣлавъ нѣсколько напряженныхъ шаговъ, въ нерѣшительности остановился; въ быкѣ не замедлило обнаружиться крайнее раздраженіе, проявляемое боевой позой головы и поднятымъ вверхъ мохнатымъ хвостомъ, которымъ звѣрь помахивалъ словно султаномъ.

Отдѣлившись отъ лошадей въ сторону, я опустился на колѣно и открылъ пальбу по могучему животному. Четвертый выстрѣлъ свалилъ быка, покотившагося было по откосу, но удержавшагося на разрыхленномъ выступѣ или карнизѣ; якъ приподнялся на переднія ноги, заднія же бездѣйствовали, такъ какъ позвоночный столбъ былъ перешибленъ. Огромное животное было безпомощно, но вмѣстѣ съ тѣмъ озлоблено до крайней степени: глаза налились кровью, переднія ноги инстинктивно переступали, голова энергично двигалась—казалось звѣрь тотчасъ бросится и раздавить своею большою тушею, но это только казалось; на самомъ дѣлѣ якъ былъ пораженъ смертельно и, чтобы прекратить его страданія, пришлось выпустить въ упоръ по сильному звѣрю еще три пули, прежде нежели дикій якъ окончательно свалился и сталъ бездыханнымъ трупомъ.

Результатъ стрѣльбы русскаго трехлинейнаго ружья по звѣрямъ большой: пуля дробитъ кости и рветъ мускулы и тѣмъ съ большимъ осложненіемъ, чѣмъ глубже проникаетъ, въ особенности же, когда еще срывается оболочка.

Во время нашего пребыванія въ долинѣ Джагынъ-гола и днемъ и ночью шли дожди, изрѣдка лишь перестававшіе въ утренніе часы, когда намъ удавалось продвинуться караваномъ верстъ на пятнадцать, чаще же и того меньше. По ночамъ или къ утру температура опускалась ниже нуля до—3,8° и земная поверхность блестяла отъ инея.

Замѣчательно, что растенія въ борьбѣ за существованіе приспособились переносить безъ особеннаго вреда нѣкоторую крайность климата: днемъ, при повышеніи температуры, они разви-

ваются, ночью же или вообще въ холодное время словно засыпаютъ; трудно вѣрится, что въ одинъ и тотъ же июньскій день въ одномъ и томъ же мѣстѣ долины въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ путешественникъ можетъ наблюдать—утромъ зимній пейзажъ, а въ полдень или немного позже картину настоящаго лѣта.

Въ періодъ дождя, правильнѣе было бы назвать—дождя и снѣга, вьючныя принадлежности, палатки, войлоки и многое другое пропитывалось влагой насквозь, почва разминалась въ невылазную грязь, обувь быстро изнашивалась. Особенно тяжела была въ это время служба конвоя экспедиціи, по преимуществу отбывавшихъ очереди пастуховъ, поваровъ и ночныхъ дежурныхъ. Пуще всего донимала послѣднихъ варка утренняго чая; чтобы вскипятить воду въ котлѣ или чайникѣ на сыромъ аргалѣ (топливѣ), требовалось усиліе обѣихъ очередей дежурныхъ: перво-очередной успѣвала лишь высушить топливо, второй, также не разставааясь ни на минуту съ раздувальнымъ мѣхомъ, разжигала огонь.

Оружіе сильно ржавѣло и требовало внимательнаго ухода.

Одинъ изъ верхнихъ правыхъ притоковъ Джагынъ-гола вывелъ насъ на мягкій, луговой перевалъ Чжабу-врунь, поднятый надъ моремъ на 15.200 футовъ; это былъ хребетъ водораздѣла Желтой и Голубой рѣкъ. Отсюда къ сѣверу и западу убѣгаетъ гигантскими волнами нагорье Тибета, къ югу же представляется полный контрастъ рельефа: въ эту сторону открывались глубокія ущелья и, красиво выдѣляясь на голубомъ фонѣ неба, гордо стояли остроконечныя вершины, принадлежащія снѣговой группѣ горъ Гату-джу.

Вступивъ въ бассейнъ Голубой рѣки, мы были словно обласканы природой; прежнія климатическія невзгоды остались за переваломъ. Здѣсь же, съ каждымъ днемъ нашего движенія внизъ по ущелью, становилось теплѣе, суше и общій видъ мѣстности представлялъ болѣе пріятные для глазъ пейзажи. Гербарій и энтомологическая коллекція стали быстро пополняться, такъ какъ вездѣ кругомъ пестрѣли ковры цвѣтовъ, надъ которыми порхали бабочки или бисто проносились съ цвѣтка на цвѣтокъ пчелы, осы, шмели и другія насѣкомыя, нарушавшія тишину жужжаніемъ.

Первые встрѣчные обитатели, ютившіеся по рѣкѣ Хи-чю, были сѣверные тибетцы хошуна Намцо, заранѣе предувѣдомленные Сининомъ о нашемъ движеніи въ ихъ страну. Поэтому, какъ только узнали сыновья отсутствовавшаго старика-начальника, что прибыла русская экспедиція, тотчасъ же оставили производимый ими смотръ боевой готовности своихъ подчиненныхъ и при-

скакали въ нашъ лагерь вмѣстѣ съ посланными Бадмажаповымъ и Дадаемъ и полусотней своихъ вооруженныхъ съ ногъ до головы воиновъ.

Знакомство и хорошія отношенія съ обитателями Намцо'скаго хошуна у насъ завязались быстро; старшій сынъ начальника, замѣнявшій отца, очень извинялся, что, не зная, когда именно придутъ русскіе, не встрѣтилъ насъ еще на перевалѣ. Оба сына хошуннаго начальника, въ особенности старшій, оказались большими любителями выпить и съ радостью отвѣдали предложенныхъ имъ коньяку и водки. Позднимъ вечеромъ молодые чиновники уѣхали въ свой станъ, отстоявшій отъ нашего бивака въ пяти верстахъ ниже по ущелью, предварительно условившись съ нами встрѣтиться на-завтра, раннимъ утромъ, уже подлѣ своего жилья, гдѣ обѣщали приготовить намъ свободное мѣсто для бивака и открыть пастбища самого старшины.

Такъ дѣйствительно и случилось; вблизи стойбища начальника хошуна мы были встрѣчены его старшимъ сыномъ, выглядѣвшимъ не совѣмъ хорошо, вслѣдствіе весело проведенной ночи, и тутъ же неподалеку расположились лагеремъ.

Въ тотъ же день, шестнадцатаго іюля, по установкѣ бивака, я съ А. Казнаковымъ, имѣя при себѣ Бадмажапова и Дадаю въ качествѣ переводчиковъ, отправился съ визитомъ въ домъ отсутствовавшаго начальника, въ сопровожденіи его старшаго сына. Войдя въ обширную уютную палатку, раздѣленную на двѣ части, изъ которой въ одной принимались гости, а въ другой помѣщались женщины и домашній скарбъ, мы расположились въ первой, занявъ обычныя мѣста. Противъ насъ дымился огромный очагъ, съ уступами, на которыхъ стояло до восьми мѣдныхъ или чугуновыхъ посудинъ, разныхъ величинъ; поваръ и хозяйка дома усердно хлопотали подлѣ очага. Тутъ же, поодаль, ея молодая дочь и слуга въ огромныхъ кадкахъ сбивали масло.

Послѣ извѣстныхъ привѣтствій намъ былъ предложенъ чай и «джюма», то есть корешки гусиной лапчатки, а затѣмъ въ огромномъ количествѣ мясо барана, убитаго специально для насъ. Мнѣ и товарищу все время прислуживалъ будущій старшина или бэйху, а нашимъ переводчикамъ—его совѣтникъ; хозяйка съ дочерью не переставали разглядывать насъ до самаго ухода. Поблагодаривъ за угощеніе, что впрочемъ здѣсь не принято, мы собрались уходить и тогда молодой хозяинъ поднесъ мнѣ хадакъ и лисицу, обычный подарокъ почетнымъ гостямъ.

По возвращеніи нашемъ на бивакъ, къ намъ стали стекаться туземцы—мужчины, женщины и дѣти. Тибетцевъ привлекали наши европейскія вещи или предметы, въ особенности электромагнитная батарея, прослышавшая вскорѣ въ Тибетѣ за «чудодѣйственную». Немного поздиѣе прибыли также и хозяйки дома хошуннаго начальника, причемъ дородная жена его подъ зонтомъ, а миловидная дочь, отъ излишняго тепла, вмѣсто шубы нарядилась въ шерстяной красный халатъ, не забывъ придать матовому загорѣвшему лицу искусственный румянецъ. Прочія молодежькія тибетки также принарядились, каждая по своему; всѣ онѣ держали себя непринужденно. Жена начальника часто улыбалась со всѣми дѣвушками и довольно прозрачно поощряла ихъ къ большому сближенію. Женщины и дѣвушки такъ смѣло заглядывали и вообще осаждали нашу палатку, что Казнакову не представилось труда снять съ нихъ нѣсколько фотографій. Говорятъ, что здѣсь нравы слабы и женщины держатъ себя весьма свободно, въ особенности по отношенію къ проѣзжимъ черезъ эти мѣста сининскимъ посольскимъ китайцамъ, которымъ родители сами приводятъ своихъ дочерей. Когда мои молодцы гренадеры или казаки подъ звуки гармоникки плясали «русскую», туземцы приходили въ восторгъ и старались подражать нашимъ хохламъ; затѣмъ, мѣстные красавицы, по желанію дородной жены начальника, начали пѣть пѣсни. Ихъ напѣвы и манеры пѣнія носятъ обще-азиатскій характеръ. Въ пѣсняхъ, исполненныхъ тибетками въ нашу честь, нельзя было не замѣтить намека столь же лестнаго, сколько и прозрачнаго на нашу щедрость.

Вечеромъ возвратился изъ поѣздки по хошуну и самъ начальникъ его Намцо-Пурзекъ-Намчже—семидесятисеми-лѣтній старикъ. Ровный, послѣдовательный въ разговорѣ и очень сдержанный Пурзекъ произвелъ на насъ хорошее впечатлѣніе. Онъ принесъ въ подарокъ также лисицу и хадакъ, извиняясь, подобно сыну, что не встрѣтилъ насъ на границѣ своего хошуна. Пурзекъ пожелалъ видѣть наше новое ружье и боевую стрѣльбу одновременно всѣмъ отрядомъ, что тотчасъ было показано на общее удивленіе и восторгъ старика и его многихъ подчиненныхъ. Передъ отходомъ домой, Пурзекъ получилъ отъ насъ въ подарокъ револьверъ. Бодрой походкой старикъ направился къ дому, прижимая подарокъ къ груди и съ блескомъ въ глазахъ замѣтивъ: «такой даръ я не промѣняю ни на что въ свѣтѣ!».

На слѣдующій день я со своими товарищами отправился навѣстить старика, чтобы имѣть лишній случай еще поразспросить

его кое-о-чемъ. Опять повторилось прежнее угощеніе, за которымъ бэй-ху обѣщаль показать боевую выправку своихъ подчиненныхъ. Разговоръ на эту тему оживилъ старика: быстро засверкали его темные, умные глаза, старикъ выпрямился и заговорилъ энергичнѣе, вспоминая минувшіе лихіе походы и тотчасъ стали появляться на сцену ружье за ружьемъ, которыми гордился Пурзекъ.

Подъ вечеръ, наканунѣ нашего выступленія въ дальнѣйшій путь, состоялся обѣщанный смотръ. Къ назначенному времени изъ ближайшихъ палатокъ собрались на ровную береговую площадь долины всадники, расположившіеся противъ нашего лагеря. Отсюда, еще до отхода на смотръ, мы могли видѣть; какъ туземцы упражнялись въ предстоящей джигитовкѣ по дорогѣ къ выбранному мѣсту. Ихъ привычныя лошади то несли всадниковъ ровнымъ спокойнымъ галопомъ, описывая вольты, то скорымъ шагомъ, то, наконецъ, когда ѣздоки издавали свое характерное гиканье, пускались въ карьеръ. Подлѣ самого бивака пронесли старшій сынъ Пурзека, его гордость, помощникъ и двое двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, всѣ въ лучшихъ одеждахъ и на лучшихъ лошадяхъ. Старикъ-начальникъ, сидѣвшій все время въ нашемъ лагерѣ, наконецъ, предложилъ намъ отправиться вмѣстѣ къ смотровой площадкѣ, гдѣ собрались всѣ всадники-тибетцы, человекъ двадцать пять, и время отъ времени производили одиночные выстрѣлы, какъ бы выказывая свое нетерпѣніе. Черезъ десять минутъ мы были тамъ.

На лицахъ всадниковъ нельзя было не замѣтить нѣкоторой возбужденности; лошади ихъ были также неспокойны: то всхрапывали, то взвивались на дыбы, то, наконецъ, били копытами землю, тревожно оглядываясь по сторонамъ.

Вначалѣ намъ была показана примѣрная атака на непріятелиа одиночками; выѣхавъ впередъ шаговъ на тридцать или сорокъ отъ линіи прочихъ тибетцевъ, мальчикъ-всадникъ, изображая врага, по сигналу «впередь!» сразу скакалъ въ карьеръ, преслѣдуемый также быстро однимъ изъ тибетцевъ, снимавшимъ на всемъ скаку свое фитильное неуклюжее ружье, довольно красивымъ приѣмомъ, и производившимъ выстрѣлъ. Проскакавъ шаговъ триста-четыреста, оба всадника поворачивали лошадей въ нашу сторону и, держась прежняго порядка, мчались на оставленное мѣсто, съ тою на этотъ разъ разницею, что теперь нападающій уже не стрѣлялъ, а увертывался въ свою очередь отъ непріятельскихъ пуль, прикрываясь тѣмъ или другимъ бокомъ лошади, въ зависимости отъ того, съ какой стороны грозила бѣлая опасность. Нѣкоторые тибетскіе

воины, въ особенности будущій старшина, который и скакалъ въ первую очередь, джигитовали довольно ловко, касаясь шапкой земли.

Послѣдующіе выѣзды состояли въ томъ же. Чаше другихъ показывалъ свою ловкость сынъ Пурзека, надѣвавшій иногда по два ружья и успѣвавшій на прежней дистанціи выстрѣливать изъ обоихъ, не забывая продѣлывать предварительно разные приемы каждымъ ружьемъ отдѣльно. Всякая подобная скачка сопровождалась обычнымъ гиканьемъ, издаваемымъ тибетцами, стоявшими на мѣстѣ, и каждый разъ, въ особенности если выѣзжалъ сынъ Пурзека, старикъ своимъ голосомъ покрывалъ всѣ остальные. Потомъ одновременно поскакали восемь тибетцевъ, по четыре человека на прежнемъ интервалѣ; на этотъ разъ зрѣлище вышло полнѣе и интереснѣе, будучи сопровождаемо выстрѣлами въ передній и обратный путь, такъ какъ стрѣляли обѣ партіи.

Широкія одежды, длинные, разсыпанные по плечамъ волосы и ужасныя фізіономіи усиливали общее впечатлѣніе. Въ миниатюрѣ тибетскій военный смотръ живо напомнилъ мнѣ прежнія атаки н'голоковъ-разбойниковъ, дважды нападавшихъ на экспедицію покойнаго Пржевальскаго. Въ заключеніе была показана одиночная и залпами боевая стрѣльба тѣхъ же воиновъ; результатъ получился не важный, несмотря на то, что въ дѣло было пущено огромное и тяжеловѣсное ружье, требовавшее зарядъ въ три-четыре раза больше обыкновеннаго.

Съ самымъ лучшимъ впечатлѣніемъ мы вспоминали всегда Пурзека, который, при дружескомъ разставаніи съ нами, снабдилъ насъ письмами къ своимъ друзьямъ старшинамъ, проживавшимъ на нашей дальнѣйшей дорогѣ. Благодаря его же заботамъ, намъ была сильно облегчена переправа черезъ многоводный, быстрый Ян-цзы-цзянь и подъемъ на очень высокій переваль южной цѣпи горъ.

Въ мѣстѣ переправы экспедиціи черезъ Голубую рѣку нельзя не упомянуть объ одномъ небольшомъ и небогатомъ монастырѣ Согонь-гомба, который ютитъ въ своихъ стѣнахъ одновременно и монаховъ и монахинь, принадлежащихъ къ послѣдователямъ желтошапочниковъ. По отзыву туземцевъ монастырь славится хорошей репутаціей вообще и въ частности по отношенію къ чистотѣ нравовъ. Настоятель этого монастыря уклонился отъ знакомства съ нами, тогда какъ его братія не одинъ разъ перебивала въ нашемъ лагерѣ.

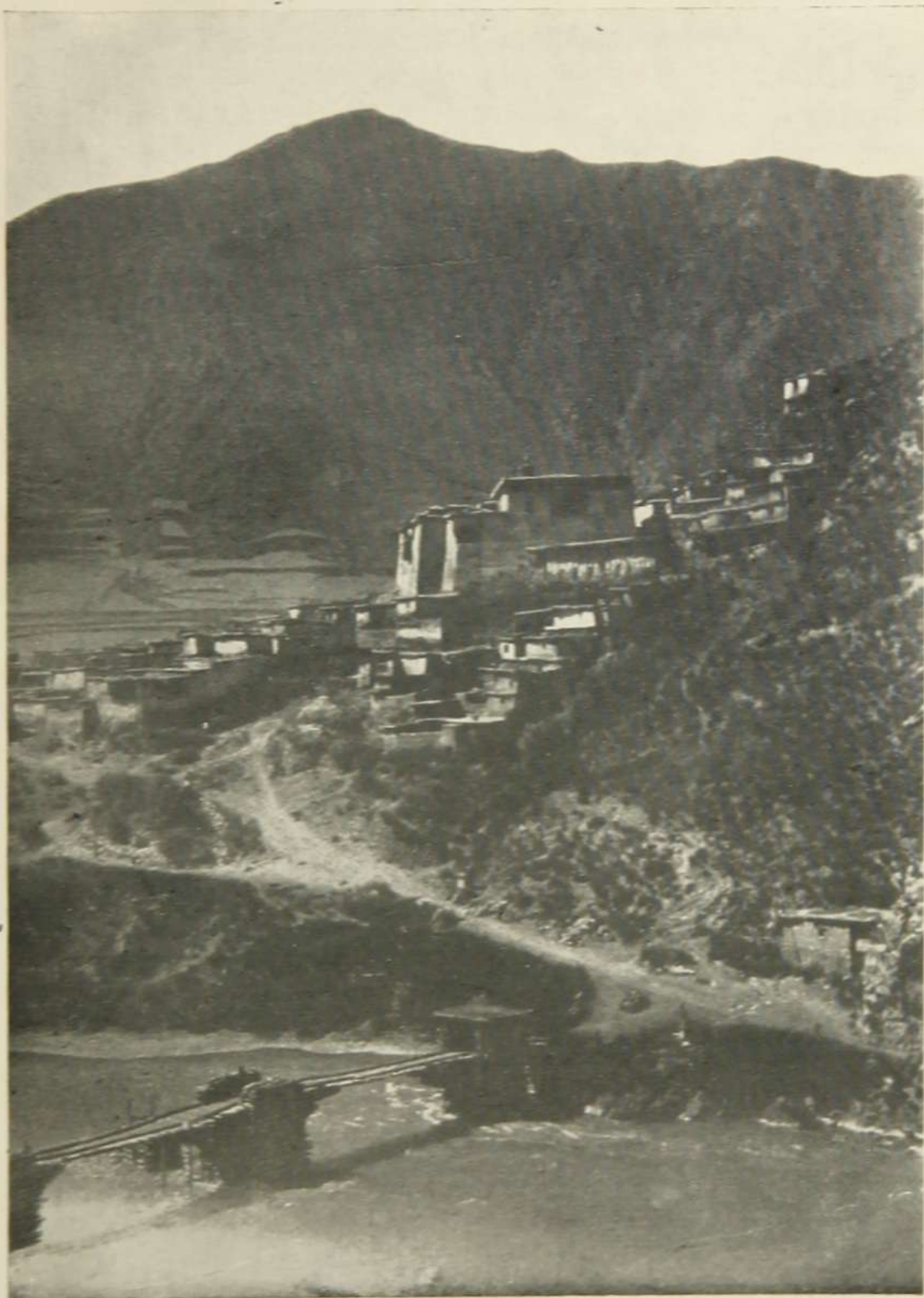
Рѣка Ян-цзы-цзянь или, какъ ее называютъ мѣстные тибетцы, Н'ды-чю, въ районѣ переправы имѣетъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, согласно направленію горныхъ цѣпей, сдавливающихъ ее своими скалистыми подножіями. Ширина рѣки колеблется отъ пятидесяти до шестидесяти сажень, при глубинѣ ея мутныхъ водъ въ три-четыре сажени. Только осенью голубая окраска ея поверхности дѣйствительно оправдываетъ названіе, данное ей французами.

На всемъ верхнемъ теченіи Голубой рѣки тибетцы добываютъ золото, что не вяжется съ суевѣрнымъ представленіемъ народа, поддерживаемаго ламами въ слѣдующемъ воззрѣніи: «если выкопать изъ земли самородокъ золота, то исчезнетъ все золото, находимое въ рѣчномъ пескѣ; самородки—это корни золотоноснаго растенія или само растеніе, золотой же песокъ—цвѣты или сѣмена этого растенія».

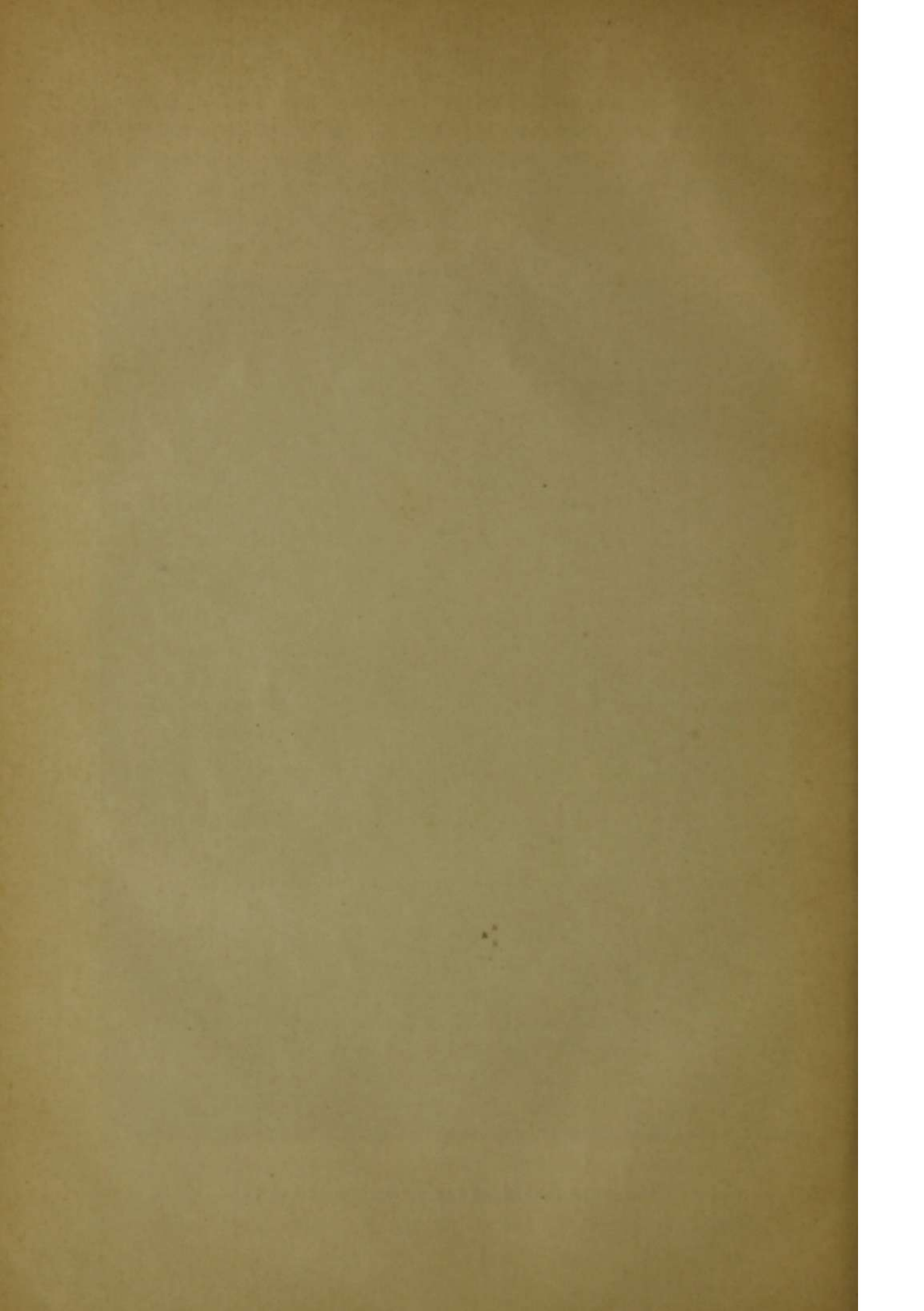
На дальнѣйшемъ своемъ пути экспедиція познакомилась съ горами Ніэрчи, составляющими западную оконечность обособленной горной группы, которую я позволилъ себѣ назвать заслуженнымъ въ географической наукѣ именемъ извѣстнаго французскаго путешественника по Центральной Азіи Дютрейль-де-Ренса, погибшаго отъ необузданности тибетцевъ на восточной окраинѣ этихъ горъ.

Днемъ мимо нашего бивака, расположеннаго въ этомъ памятномъ ущельи горъ Дютрейль-де-Ренса, никто изъ туземцевъ не проѣзжалъ; ночью же мы были разбужены громкимъ топотомъ лошадей, которыхъ угоняли вору однохошунцы съ нашими проводниками. Послѣдніе ухитрились переговорить съ грабителями и на утро доложили намъ, что эта партія ихъ товарищей-богатырей, успѣшно совершивъ воровской набѣгъ на одинъ изъ отдаленныхъ хошуновъ, спѣшить пробраться домой не замѣченными. Мы всѣ удивлялись тому молодечеству, съ какимъ неслись вору-тибетцы, несмотря на страшную темень, въ особенности въ глубокихъ каменныхъ ущельяхъ.

Вскорѣ затѣмъ экспедиція вступила на сѣверный берегъ озера Р'хомбо-мцо, гдѣ недалеко отъ стойбища мѣстнаго старшины ей отведенъ былъ районъ какъ для бивака, такъ и для пастьбы караванныхъ животныхъ. Старшина, подобно своимъ сосѣдямъ-подчиненнымъ, выглядѣлъ крайне грязнымъ и испуганнымъ. Дрожащими руками онъ поднесъ мнѣ хадакъ и лисицу, произнося привѣтствіе также дрожащимъ голосомъ. Причина испуга озерныхъ кочевни-

Монастырь К'ардинъ-гомба (Восточный Тибетъ).

ковъ таилась въ ихъ предположеніи, что прибыли наконецъ русскіе отмстить за смерть погибшаго товарища — Дютрейль-де-Ренса — убитаго тибетцами-однохошунцами.

Слѣдующими четырьмя небольшими переходами, держась юго-восточнаго направленія, экспедиція прибыла въ селеніе Чжэрку, спустившись вновь въ культурную зону — 12,000 футовъ надъ моремъ. Здѣсь мы почувствовали вѣяніе очень теплаго и сравнительно сухого воздуха.

Разсчитывая прожить въ этомъ селеніи порядочное время, съ цѣлью обстоятельнаго выясненія дальнѣйшаго пути, а также имѣя въ виду свиданіе съ сининскими китайцами, мы устроились бивакомъ у самаго селенія, а караванныхъ животныхъ отправили въ сосѣднее урочище Дарин-до, замѣчательное своимъ періодическимъ водопадомъ. Въ этомъ урочищѣ, между прочимъ, на нашъ пастушескій лагерь, охраняемый шестью гренадерами и казаками, однажды, на утренней зарѣ, было произведено шайкой, въ 30 человекъ, тибетцевъ-воровъ нападеніе, выразившееся обычной у тибетцевъ атакой съ гиканьемъ. По счастью, грабители въ-время были замѣчены и успѣшно отражены огнемъ винтовокъ.

Чжэрку порядочное селеніе — около сотни глинобитныхъ домовъ, удобно расположенныхъ на южномъ скатѣ восточной оконечности горъ Дютрейль-де-Ренса. Со стороны долины оно окаймлено полями, засѣваемыми ячменемъ, который въ дни нашего пребыванія, съ 9-го по 20-е августа, окончательно созрѣлъ и его начали повемногу жать.

Съ восточной стороны Чжэрку, на вершинѣ крутой горы, замѣчательно красиво пріютился мѣстный богатый монастырь, Кегудо, съ пятью стами ламъ, послѣдователей старовѣрскаго ученія. Чжэркуйскій монастырь поддерживается девятью прилежащими хошунами и состоитъ въ непосредственномъ подчиненіи лицу, одновременно вѣдающему и мѣстный хошунъ — Рада. Въ роли фактическихъ дѣятелей по управленію послѣднимъ, при гэгэнъ-бэй-ху состоятъ два ближайшихъ помощника, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ кочевымъ населеніемъ, другой же — осѣдлымъ. Оба они, по вечерамъ, втихомолку отъ народа, являлись въ нашъ лагерь, но въ разговорѣ всегда старались быть очень сдержанными; наша попытка разъяснить этимъ тибетцамъ разницу или отличіе англичанъ, владѣющихъ землею на югѣ, отъ русскихъ — живущихъ далеко на сѣверѣ, повидимому, ни къ чему не привела; кажется они, какъ и всѣ прочіе обитатели восточнаго Тибета, насъ отождествляли

съ англичанами точно также, какъ многія монгольскія племена именуютъ англичанъ русскими, когда англичане случайно проѣзжаютъ гдѣ-либо въ предѣлахъ Монголіи, восточнаго Туркестана, Кукунора и Цайдама. Интересно, между прочимъ, то обстоятельство, что тибетцы не могли равнодушно смотрѣть на участниковъ экспедиціи блондиновъ съ свѣтлыми глазами и волосами, считая таковыхъ за несомнѣнныхъ англичанъ.

Благодаря положенію при большой Сы-чуанско-лхасской дорогѣ, Чжэрку постоянно оживлено проходящими караванами, купцы которыхъ имѣютъ здѣсь склады товаровъ, преимущественно чаевъ. Черезъ этотъ пунктъ ежегодно проходитъ товаровъ свыше нежели на сто тысячъ ланъ, причемъ изъ Сы-чуани въ Лхасу везутъ, кромѣ чая, составляющаго семьдесятъ процентовъ отпускной торговли Китая въ Тибетъ вообще, бязь, далимбу, шелкъ, красное сукно, сахаръ, юфть и фарфоръ; обратно же вывозятъ: шерсть, мѣха, мускусъ, оленьи рога, курительныя свѣчи, статуетки, золото и немногое другое. Почти ежедневно приходилось наблюдать въ долинѣ рѣчки новые биваки путниковъ, привлекавшихъ вниманіе мѣстнаго населенія; съ другой стороны, пріѣзжіе тибетцы посѣщали селеніе или монастырь; словомъ, народъ двигался постоянно въ ту или другую сторону, нерѣдко съ цѣлью лишь подѣлиться новостями; въ Тибетѣ, да и вообще въ Центральной Азій, караваны играютъ роль газетъ.

Нашъ лагерь также осаждался досужими тибетцами, среди которыхъ однажды былъ замѣченъ и мѣстный музыкантъ, игравшій на однострунномъ инструментѣ. На мое предложеніе тибетскому музыканту продать его инструментъ онъ рѣшительно отказался, такъ какъ, по его словамъ, онъ не будетъ въ состояніи найти себѣ иного рода занятій, а слѣдовательно можетъ лишиться и источника пропитанія.

Изъ нашихъ палатокъ открывался видъ на южную горную цѣпь, которую въ юго-западномъ направленіи отъ Чжэрку часто пересѣкали бычачьи караваны, направлявшіеся въ Лхасу или обратно въ Сы-чуань. Это вдали; вблизи же разстилалась довольно широкая долина съ пріятною зеленью, прорѣзаемой серебристыми рукавами слившихся рѣчекъ. Тутъ паслись ослы, телята, козы, подлѣ которыхъ цѣлыми днями рѣзвились туземныя дѣтишки, раздѣленные на группы мальчиковъ и дѣвочекъ. Первые бѣгали въ запуски и возились съ ослиами, пытаясь устроить джигитовку, но обыкновенно, ничего не добившись отъ упрямыхъ животныхъ, оставляли ихъ и

набрасывались на козлятъ, которыхъ безцеремонно погружали нѣсколько разъ въ воду. Дѣвочки по большей части были только скромными зрительницами продѣлокъ мальчиковъ и предпочитали держаться вблизи матерей, полоскавшихъ бѣлье. Во все время пребыванія дѣтей на берегахъ рѣчки слышались ихъ беззаботные звонкіе голоса и смѣхъ.

Въ прозрачныхъ и очень стремительныхъ водахъ чжэркусской рѣчки мы нѣсколько разъ довольно успѣшно ловили неводомъ рыбу.

Въ день прихода въ Чжэрку мы получили изъ склада отъ Иванова извѣстіе, доставленное намъ курьерами китайскаго посольства. Въ наше отсутствіе изъ Цайдама, перваго іюля, на людей, пасшихъ экспедиціонный скотъ, было произведено разбойниками—тангутами нападеніе съ цѣлью грабежа. Къ счастью, несмотря на многочисленность разбойниковъ, двое моихъ юныхъ спутниковъ не растерялись, а молодцами отстрѣливались. Утромъ грабители отступили, мои же спутники выгнали животныхъ изъ горъ въ равнину, въ сосѣдство укрѣпленія, откуда наблюдатель Муравьевъ могъ обстоятельнѣе помочь малолѣткамъ словомъ и дѣломъ. Послѣ неудачи разбойники сочли за лучшее оставить русскихъ въ покоѣ. Впослѣдствіи цайдамскіе монголы передавали намъ, что тангуты не возобновляли попытокъ грабежа русскихъ животныхъ потому только, что въ перестрѣлкѣ съ казаками потеряли убитыми трехъ или даже четырехъ человѣкъ, но зато, озлобленные этимъ, они безпощадно громили монголовъ отдаленныхъ хошуновъ Цайдама.

На третій день пребыванія нашего въ Чжэрку пріѣхали китайскіе чиновники, сборщики дани — ма-гунъ. Ихъ вѣздъ въ селеніе, несмотря на дождливую погоду, сопровождался нѣкоторой церемоніей: поставленные вдоль дороги и на кровляхъ домовъ ламы трубили въ трубы и раковины, махали флагами; простой народъ глазѣлъ и здоровался съ знакомыми писцами, переводчиками и солдатами. Устроившись здѣсь на долгое время, китайскіе чиновники явились къ намъ съ визитомъ, но настолько рано, что мы еще были въ постели и волей-неволей китайцы вынуждены были ждать нѣсколько минутъ у входа въ палатку, что тибетцы объясняли себѣ превосходствомъ русскихъ надъ длиннокосыми китайцами.

Черезъ день и мы навѣстили представителей посольства—чиновниковъ особыхъ порученій, съ которыми у насъ съ перваго же дня свиданія завязались отличныя отношенія. Оба чиновника-манч-

журы старались оказать экспедиціи посильное содѣйствіе, но, къ сожалѣнію, по ихъ признанію, они здѣсь безсильны въ чемъ-либо, выходящемъ за рамки ихъ специальной миссіи. Единственно въ чемъ китайское посольство помогло намъ, это въ обмѣнѣ ихъ ямбоваго серебра, которымъ экспедиція располагала, на индійскія рупіи и въ предоставленіи возможности скорѣе разрѣшить вопросъ о пріобрѣтеніи продовольствія и опытныхъ проводниковъ на дальнѣйшій путь, во владѣніе хана Нанчин-чжалбо.

Во время двѣнадцати-дневнаго пребыванія экспедиціи въ Чжэрку мы нѣсколько разъ были въ гостяхъ у китайцевъ; послѣдніе въ свою очередь также нерѣдко навѣщали насъ, постоянно жалуясь на предстоящую скуку и томительное выжиданіе времени отъѣзда въ Сининь. Въ высшей степени склонные къ семейной жизни китайцы обзаводятся и здѣсь, какъ вездѣ на окраинахъ, временными женами изъ мѣстныхъ тибетокъ, которыя иногда сопровождаютъ своихъ мужей на обратномъ ихъ пути въ Сининь, гдѣ обыкновенно обманутыя тибетки покидаются китайцами на произволь судьбы. Вотъ почему, въ одномъ изъ кочевій тибетцевъ, по дорогѣ экспедиціи въ Чжэрку, мѣстные туземцы, принявъ насъ было за посольскихъ китайцевъ, спрашивали у насъ: «не ѣдутъ ли съ нами такія-то и такія-то ихъ женщины или дѣвушки, увезенныя такими-то китайцами въ предыдущій разъ, и если не ѣдутъ, то, не можемъ ли мы сказать имъ, какъ онѣ поживаютъ на чужбинѣ?» На глазахъ нѣкоторыхъ изъ любопытствовавшихъ тибетцевъ мы видѣли слезы...

Ни мы, ни китайцы, свѣдѣній изъ своихъ странъ не получали, почему совершенно ничего не знали о китайско-европейской войнѣ, завязавшейся на Дальнемъ Востокѣ; иначе крайне неумѣстны были бы наши скромные обѣды съ провозглашеніемъ тостовъ, приличествующихъ представителямъ дружественныхъ державъ.

Тогда же въ Чжэрку я сдалъ китайцамъ для отправления по назначенію небольшой пакетъ писемъ, въ одномъ изъ которыхъ вкратцѣ знакомилъ Географическое общество съ ходомъ дѣлъ экспедиціи за время ея пребыванія въ Камѣ. Судьба этого пакета мнѣ до сихъ поръ неизвѣстна.

ГЛАВА VII.

Въ бассейнѣ Меконга.

Последніе дни въ системѣ Голубой рѣки.—Новый хребетъ, открытый экспедиціей.—
Долина рѣки Дзз-чю и прилежащіе монастыри.—Верхній Меконгъ.—Встрѣча съ
совѣтниками хана Намчи-чжалбо.—Бивакъ въ живописномъ ущельѣ Бар-чю.—
Обезьяны.

Двухнедѣльное пребываніе экспедиціи въ селеніи Чжэрку прошло замѣчательно скоро, несмотря на то, что всѣхъ насъ по-прежнему влекло въ сердце Тибета, куда ежедневно направлялись торговые караваны. Въ душѣ я не могъ не завидовать ѣдущимъ въ Лхасу, какъ равно не переставалъ надѣяться и самъ туда проникнуть.

21-го августа 1900 года мы оставили сининское посольство, снабдившее экспедицію проводниками. Въ утреннемъ прозрачномъ воздухѣ чувствовалась нѣкоторая свѣжесть; небо было подернуто, высоко-стоявшими надъ горами, слоисто-кучевыми облаками; стайка улитовъ-чернышей хлопотливо направлялась къ югу. Отдохнувшія караванныя животныя бодро переправились черезъ рукава слившихся рѣчекъ и, вступивъ на лѣвый берегъ Ба-чю, зашагали въ полуденномъ направленіи. Большая тибетская дорога была сильно оживлена туземцами. У небольшого, но очень привѣтливаго предмѣстья Чжэрку, Шикоръ-томба, подлѣ нарядной часовни, отъ насъ отдѣлилась лхасская дорога, скрывавшаяся въ ближайшихъ предгорьяхъ. Нашъ караванъ также втянулся въ извилистое ущелье и вскорѣ сталъ невидимъ для обитателей покинутыхъ селеній. Чѣмъ выше по теченію, тѣмъ сильнѣе горы сдавливали Ба-чю, громко рокотавшую по каменному ложу. Въ мѣстѣ высоко-поднятыхъ и

сближенных гнейсо-известняковых береговъ былъ переброшенъ деревянный мостъ, ведущій въ кумирню Тангу-гомба.

Послѣдняя, красиво пріютившаяся въ боковомъ ущельѣ, содержитъ въ своихъ стѣнахъ около ста ламъ, преимущественно старовѣровъ, хотя въ тоже время здѣсь имѣется и небольшое число послѣдователей ученія Цзонхавы.

У окраины пройденныхъ горъ мы встрѣтили опять монастырь—Бэнчинъ-гомба, придерживающійся исключительно бѣлаго толка, при трехстахъ человѣкахъ братіи съ двумя гэгэнами во-главѣ. Внѣшній видъ этого монастыря очень красивъ; въ особенности видъ главнаго храма, выкрашеннаго въ кирпичный цвѣтъ и имѣющаго золоченый куполь, ярко блестящій на солнцѣ; еще живописнѣе лѣпились по скату горъ такъ называемые ритоды—убѣжища ламъ отшельниковъ. Ритодъ—мѣсто молитвъ аскета. Одни ритоды со временемъ разрастаются въ цѣлые монастыри; другіе, наоборотъ, создаются въ сосѣдствѣ уже существующихъ монастырей для добровольнаго уединенія кого-либо изъ старѣйшихъ ламъ. Нѣкоторыя ритоды имѣютъ видъ обыкновенныхъ пещеръ; у иныхъ бываетъ или только сужено входное отверстіе или пристроенъ домикъ, порою выдающійся въ видѣ балкона. Проживаніе въ ритодахъ есть удѣлъ монаховъ отшельниковъ, подобныхъ нашимъ схимникамъ.

Завидѣвъ русскихъ, расположившихся лагеремъ у журчащаго источника, ламы тотчасъ заперли двери храмовъ и жилищъ и частью попрятались, частью, раздѣлившись на группы, приготовились энергично охранять монастырь, на случай нашего посѣщенія.

Подлѣ монастыря протекаетъ небольшая рѣченка, въ которой мы наловили гольцовъ и маринокъ, а въ кустарникахъ, одѣвающихъ ближайшіе холмы, добыли въ орнитологическую коллекцію свѣтлаго большого сорокопута и кукушку.

На утро, 23-го августа, оставивъ въ покоѣ монастырь и его черзчуръ трусливыхъ ламъ, экспедиція направилась на пересѣченіе долины къ водораздѣльному хребту, а слѣдующими двумя переходами уже поднялась на самый хребетъ. Переваль Гур-ла, лежащій на нашей дорогѣ, имѣетъ 15.700 футовъ надъ моремъ. Отсюда, къ югу, начинается бассейнъ Меконга, той великой рѣки, которая несетъ свои воды въ Южно-китайское море. У самаго перевала, къ западу отъ него, высится колоссальная гора Гаик-ган-ри съ характерно взъерошенной конусообразной вершиной, покрытой снѣ-

гомъ. Абсолютная высота этой горы, служащей, по повѣрью туземцевъ, пристанищемъ духа-покровителя скотоводовъ, та же, что и Эльбруса. Немного ниже проходить граница вѣчнаго снѣга, котораго болѣе или менѣе касаются и отдаленныя на западѣ вершины. Дважды мы располагали свой бивакъ въ виду горы Ганган-ри, любуясь ею и съ сѣвера, и съ юга. Отовсюду она производитъ впечатлѣніе величественнаго конуса, поднимающагося своей шероховатой вершиной высоко къ небу.

Этотъ хребетъ—одинъ изъ самыхъ величественныхъ хребтовъ, видѣнныхъ нами въ восточномъ Тибетѣ, у тибетцевъ не имѣетъ названія; названія имѣютъ лишь отдѣльныя выдающіяся вершины. По праву перваго русскаго изслѣдователя, проникшаго въ бассейнъ Меконга и поработавшаго въ немъ въ теченіе полугода, благодаря довѣрью и широкой поддержкѣ Императорскаго русскаго географическаго общества, я позволилъ себѣ назвать этотъ хребетъ—хребтомъ Императорскаго русскаго географическаго общества, и, какъ таковой, онъ справедливо напомнитъ каждому европейцу о дѣятельности нашего родного учрежденія.

Разсматриваемый хребетъ шлетъ отъ себя много большихъ и малыхъ рѣчекъ, разрывающихъ горы на сложно-переплетающуюся сеть довольно красивыхъ ущелій, по которымъ верѣдки пѣнистые каскады и водопады, въ особенности на сѣверномъ склонѣ хребта, въ окрестности горы Мурто, гдѣ вода стремительно несется отовсюду, ниспадая болѣе или менѣе круто; спокойные бассейны, обыкновенно расположенные уступами, встрѣчались только изрѣдка. Словомъ, проходя въ этой очаровательной мѣстности, мы положительно ничего другого не слышали, кромѣ оглушительнаго рѣва каскадовъ или шума водопадовъ или же своеобразнаго рокота скрытно бѣгущихъ ручейковъ.

Исполинскимъ валомъ тянется этотъ водораздѣльный хребетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ верстъ на семьсотъ, а то и болѣе, давая отъ скалистаго гребня до подножій того и другого склоновъ приволье кочевникамъ съ ихъ многочисленными стадами барановъ и яковъ.

Вступивъ въ бассейнъ Меконга, мы среди первыхъ обитателей хошуна Бучунъ, дружелюбно встрѣтившихъ экспедицію, устроили дневку. Здѣсь намъ охотно продавали барановъ и масло, а потому, пользуясь случаемъ, мы пополнили запасы продовольствія болѣе, нежели на мѣсяць. Кочевые тибетцы и здѣсь выглядели грязными, лохматыми и нѣсколько дикими. Когда однажды, засидѣвшись у

насъ на бивакѣ, они неожиданно услышали пѣніе нашего конвоя, то просили поскорѣе отпустить ихъ домой, такъ какъ ихъ будто бы пугаютъ ужасные русскіе голоса, отъ которыхъ волосы на головѣ поднимаются дыбомъ. Переводчикъ старался имъ объяснить, что въ пѣніи русскими людьми своихъ національныхъ пѣсенъ худого ничего нѣтъ. — «Нѣтъ, это не пѣсни», продолжали стоять на своемъ туземцы, «это вызываніе духовъ, живущихъ на горѣ Гаик-ганри; особенно дѣлается страшно», замѣтили они, «когда во время пѣнія слышится громкій свистъ!»

Тутъ будетъ кстати упомянуть, что невѣжественные туземцы и теперь, какъ и въ прошлыя путешествія, пренаивно спрашивали насъ что скрыто въ нашихъ ящикахъ? «Правда ли», разспрашивали дикари, «что тутъ хранятся солдаты въ яйцахъ и что, въ случаѣ необходимости, они вылѣзутъ оттуда драться?» То же мнѣніе раздѣлялъ, впрочемъ, и чамдойскій чиновникъ, да-лама, впоследствии встрѣтившій насъ на рѣкѣ Ному-чю, на другой день послѣ вооруженнаго столкновенія экспедиціи съ тибетцами; онъ, кромѣ того, былъ увѣренъ, что въ этихъ ящикахъ мы веземъ и нашихъ женъ, которыхъ по ночамъ выпускаемъ въ палатки къ мужьямъ, а утромъ снова прячемъ въ ящики.

Болѣе или менѣе дружелюбнымъ отношеніямъ, установившимся у насъ съ бучунцами, помогли, между прочимъ, наши молодые проводники, тибетецъ и тибетка, сопровождавшіе экспедицію послѣдніе три дня, въ теченіе которыхъ мы успѣли перевалить черезъ главную ось водораздѣла. Несмотря на то, что проводники всю дорогу шли пѣшкомъ, они не разу не упустили случая помочь намъ при вьючкѣ и развьючкѣ каравана; веселые, беззаботные, они кажется успѣли всюду завязать дружескія отношенія. Особенно неутомимой, ловкой и живой была сильная, мускулистая тибетка, въ пользу которой еще болѣе располагали ея спокойный нравъ и постоянная улыбка. Будучи въ описываемое время еще только двадцатилѣтней, эта дѣвушка уже два года тому назадъ совершила путешествіе съ торговымъ караваномъ въ Лхасу и обратно и въ теченіе всего далекаго и продолжительнаго пути постоянно поражала тибетскихъ купцовъ своимъ молодечествомъ и несвойственнымъ женщинамъ геройствомъ. По признанію самой тибетки видно было, что она страстная любительница путешествовать и отправилась въ Лхасу тайкомъ отъ своихъ родителей, не желавшихъ отпустить ея

изъ-дому добровольно. Съ того времени она считается, среди своихъ сосѣдей, неустрашимой, почему и была назначена въ качествѣ опытной проводницы въ нашу экспедицію. Своему товарищу однохошунцу она не была ранѣе извѣстна; онъ познакомился съ ней лишь теперь; несмотря на то, молодой человекъ готовъ былъ предложить тибеткѣ все, только бы окончательно завоевать ея симпатію, но тибетка, видимо, предпочитала полную самостоятельность, такъ какъ на послѣднемъ совмѣстномъ ночлегѣ она надолго исчезала съ бивака въ сосѣдній банагъ (палатку), куда была заранѣе приглашена молодымъ красивымъ радасцемъ.

На прощанье оба проводника получили отъ насъ денежные подарки, а тибетка, сверхъ того, еще и ножницы. Молодые люди, вскочивъ верхомъ на лошадей, которыхъ они должны были увести обратно въ радаскій хошунъ, безъ сѣделъ, довольные понеслись въ карьеръ во-свояси.

Дальнѣйшій путь экспедиціи въ теченіе нѣсколькихъ дней шелъ въ юго-западномъ направленіи поперекъ горныхъ цѣпей и многихъ большихъ и малыхъ рѣчекъ, стремительно несшихся къ юго-востоку и скрывавшихся тамъ среди болѣе расчлененныхъ горъ, принадлежащихъ все той же системѣ водораздѣльнаго хребта. За третьимъ, болѣе низкимъ луговымъ переваломъ Чжонни-ла, караванъ уже началъ спускаться къ многоводной рѣкѣ Дзэ-чю, по одному изъ ея лѣвыхъ притоковъ Чок-чю. На этой послѣдней мы были очень порадованы первымъ еловымъ лѣсомъ и густыми зарослями разнообразныхъ кустарниковъ. Наша орнитологическая коллекція стала быстро пополняться не только знакомыми мнѣ видами птицъ, но и такими, которыхъ я никогда и нигдѣ не наблюдалъ. Бѣлый ушастый фазанъ, зеленый всѣре, кривоноски, гималайскій клестъ, дубоносъ, самые разнообразные вьюрки, краснохвостки, синицы, мухоловки, новая камская пищуха и многія другія составили предметъ сборовъ нашихъ препараторовъ; лично же мнѣ этотъ пернатый міръ, помимо охоты, доставлялъ большое удовольствіе или своимъ пѣніемъ, или украшеніемъ тѣхъ уголковъ, гдѣ мы располагали свой бивакъ. Однимъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ лагеря экспедиціи были скалистые ворота на Чок-чю. Нависшія скалы, густой лѣсъ, шумъ бѣшеной рѣчки дѣлали эту часть дикаго ущелья чрезвычайно живописнымъ.

Главная рѣка Дзэ-чю, одинъ изъ видныхъ лѣвыхъ притоковъ верхняго Меконга, протекала вблизи, верстахъ въ двухъ отъ би-

вака. Ширина ея прозрачно-голубыхъ водъ достигаетъ двадцати пяти—тридцати сажень, при глубинѣ, въ это осеннее время, отъ десяти до пятнадцати футовъ. Теченіе стремительное, а на порогахъ и очень бурливое; въ такихъ мѣстахъ гребни волнъ покрываются барашками.

Общій характеръ долины этой рѣки крайне привлекательный: береговые горные скаты покрыты густыми зарослями лѣса, кустарниками и травами, по большей части уже отцвѣтшими и завявшими. Надъ растительнымъ покровомъ нерѣдко выдѣляются типичныя, напоминающія собою искусственныя крѣпостныя стѣны, известняковыя обнаженія, которыя при дорогахъ и переправахъ исписаны мистическими формулами, а также и изображеніями различныхъ божествъ буддійскаго пантеона. Самыя дороги то вьются по мягкимъ косогорамъ, то взбираются на береговыя скалы, то, наконецъ, спускаются въ расширенную часть долины, отведенную подъ селенія и пашни. Во время прохожденія по Дзэ-чю, поднявшись на уступы скалъ, невольно останавливаешься, чтобы полюбоваться ея живописными видами. Внизу, въ глубинѣ долины, шумитъ рѣка, гигантскою змѣею извиваясь среди угрюмыхъ скалъ или окаймляя мягкія луговыя площади, полого ниспадающія къ каменистымъ галечнымъ берегамъ. По скатамъ противоположнаго берега медленно пробираются туземцы; тамъ, вверху, подобно орлинымъ гнѣздамъ, темнѣютъ низкіе шатры кочевниковъ.

Въ нашъ лагерь, располагавшійся въ красивыхъ мѣстахъ, нерѣдко заходили попутные туземцы. Одинъ изъ такихъ туземцевъ, охотникъ, вскорѣ освоился съ нами и часто сопровождалъ насъ въ экскурсіяхъ. У него же мы добыли отличную шкуру дикой кошки, промышлявшей въ лѣсу за грызунами и птичками. Изъ другихъ звѣрей въ ближайшей окрестности чаще всего можно было видѣть куку-ямановъ и кабаргу, державшихся на святой горѣ, покровительствуемой монастыремъ. Послѣдній налагаетъ большое наказаніе на тибетцевъ-охотниковъ, замѣченныхъ въ нарушеніи ихъ постановленія—не стрѣлять звѣрей. Нашъ приходъ сюда какъ разъ совпалъ съ произнесеніемъ обвинительнаго приговора надъ тѣмъ молодымъ туземцемъ, который сопровождалъ насъ на охотахъ; бѣдняга напрасно старался доказать ламамъ-судьямъ, что онъ не виноватъ, такъ какъ злосчастная кабарга, подстрѣленная имъ вдали отъ монастырской святой горы, прежде нежели достигла запретныхъ мѣстъ и испустила духъ, успѣла пробѣжать значительное разстояніе. Ламы не вняли его доводамъ и приговорили къ

ослабленію на одинъ глазъ, съ правомъ, однако, замѣнить это жестокое наказаніе своевременнымъ взносомъ гуцена или штрафа. Несчастный, раздобывшій кое-что изъ причитающихся девяти предметовъ, все еще нуждался во многомъ и дрожалъ при мысли о предстоящемъ наказаніи. Экспедиція сочла умѣстнымъ оказать охотнику посильную помощь и тѣмъ выручить его изъ бѣды. Конечно, это обстоятельство не осталось тайной среди ближайшихъ тибетцевъ, отъ которыхъ вскорѣ узнали и отдаленные обитатели, относившіеся къ экспедиціи вообще болѣе или менѣе дружелюбно.

За слѣдующей высокой скалистой цѣпью горъ протекалъ самый Меконгъ, который своими размѣрами не уступаетъ далеко оставленному позади Ян-цзы-цзяну. У мѣстныхъ туземцевъ верхній Меконгъ извѣстенъ подъ названіемъ Дза-чю. Въ мѣстѣ переправы экспедиціи черезъ эту рѣку насъ ожидалъ одинъ изъ четырехъ совѣтниковъ Нанчин-чжалбо—Шэрабъ-Чумпырь, который, въ отвѣтъ на привѣтствіе, принесенное имъ отъ имени своего хана, получилъ отъ экспедиціи паспорта, для представленія ихъ въ ханскую ставку, запрятанную въ одномъ изъ ущелій на рѣчкѣ Бар-чю.

Въ званіи Нанчинъ-чжалбо въ настоящее время состоитъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, котораго ревниво оберегаютъ его приближенные. При малолѣтнемъ ханѣ, въ качествѣ воспитателя и учителя, проживаетъ одинъ изъ старѣйшихъ лхасскихъ ламъ. Нѣкоторые изъ подчиненныхъ Нанчин-чжалбо не хотятъ признавать своего начальника потомственнымъ ханомъ, потому что покойный ханъ не оставилъ себѣ наслѣдника отъ законной жены. Этотъ же мальчикъ былъ разысканъ впоследствии въ одномъ изъ семействъ нанчинскихъ тибетцевъ, пользовавшихся благосклонностью покойнаго хана, который въ свое время при жизни навѣщаль сильно приглянувшуюся ему красивую дѣвушку, ставшую затѣмъ матерью нынѣшняго малолѣтняго начальника. Ближайшіе родственники мальчика, занимавшіе видное положеніе при покойномъ ханѣ, помогли его побочному сыну утвердиться во власти законнаго наслѣдника...

Мое желаніе посѣтить юнаго чжалбо встрѣтило непреодолимое препятствіе, подъ предлогомъ тяжелой болѣзни матери хана, хотя, въ сущности, дѣло обстояло иначе: въ ставкѣ Нанчина всѣ были здоровы, за исключеніемъ его самого; вотъ это то болѣзненное состояніе юноши, приближенные его, изъ суевѣрія, и скрывали не

только отъ чужестранцевъ, но даже и отъ своихъ. Тогда же, вмѣстѣ съ паспортами, мы поручили передать начальнику южныхъ тибетцевъ и приличные подарки.

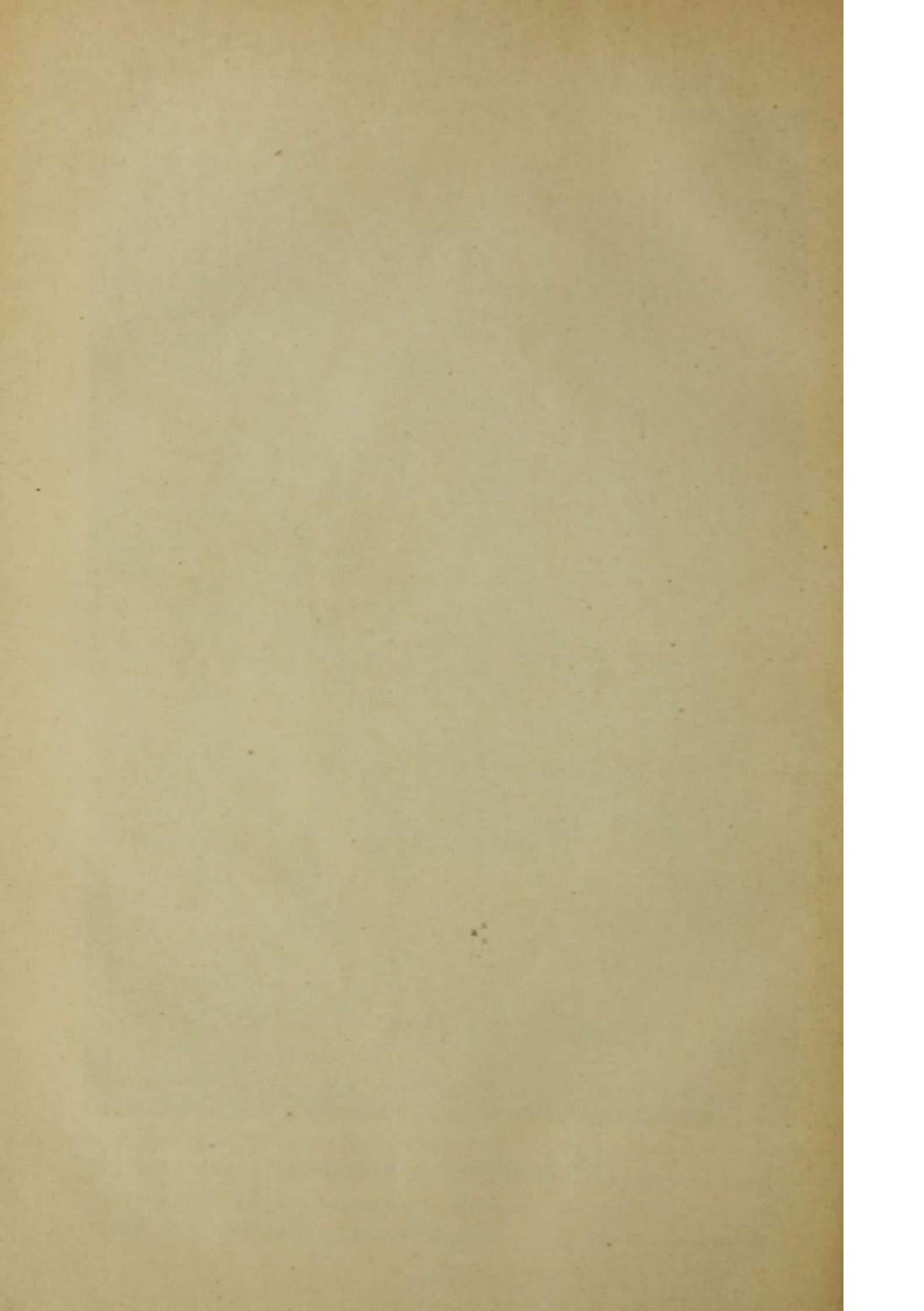
На третій день посланный къ хану возвратился съ разрѣшеніемъ безпрепятственнаго пропуска экспедиціи по всѣмъ нанчинскимъ владѣніямъ, не стѣсняя ея срокомъ, причемъ чжалбо прикомандировалъ въ наше распоряженіе знакомаго уже намъ чиновника—Шэрабъ-Чумпыра. Въ заключеніе ханъ прислалъ отвѣтные подарки, заключавшіеся, главнымъ образомъ, въ предметахъ продовольствія. По словамъ посланца, ханъ много разспрашивалъ о «русскихъ» и выразилъ сожалѣніе, что ему не пришлось увидѣть этихъ людей, впервые посѣтившихъ его землю. Изъ нашихъ подарковъ юному хану больше всего понравился стереоскопъ съ видами и типами Россіи.

Такимъ образомъ намъ удалось установить прочное знакомство и съ южными тибетцами, въ чемъ, конечно, видную роль сыгралъ Шэрабъ-Чумпыръ, довольный назначеніемъ состоять при экспедиціи на ея дальнѣйшемъ пути къ лхасскимъ владѣніямъ.

Личность Шэрабъ-Чумпыра довольно интересна. Получивъ отъ отца въ управленіе хошунъ, онъ располагалъ въ то же время и порядочнымъ наслѣдственнымъ состояніемъ, что ставило молодого старшину на видное мѣсто и давало возможность въ большей степени проявлять свою самостоятельность. Будучи въ душѣ великимъ воиномъ, Шэрабъ-Чумпыръ не только не стѣснялъ въ грабежахъ своихъ подчиненныхъ, но даже и самъ часто принималъ въ нихъ главное участіе, правда, такъ несчастливо, что вскорѣ дошелъ до разоренія и устраненія отъ должности, а затѣмъ и до заключенія въ кандалы... И только война, веденная Нанчин-чжалбо съ нѣкоторыми хошунами центральнаго Тибета, помогла Шэрабъ-Чумпыру вновь подняться. Ему и двумъ другимъ опальнымъ бэй-ху ханъ рѣшилъ довѣрить командованіе отрядами для одержанія побѣды, столь долго не дававшейся прежнимъ его ставленникамъ. И, дѣйствительно, въ роли исключительно воина, Шэрабъ-Чумпыръ блестяще одерживалъ побѣду за побѣдой и вскорѣ вернулъ всѣ земли, отошедшія было къ сосѣднимъ хошунамъ, чѣмъ и восстановилъ прежнее вліяніе своего извѣстнаго чжалбо. Обрадованный ханъ простилъ ему всѣ проступки и постепенно возвелъ его до настоящаго положенія—ближайшаго совѣтника, потребовавъ предварительно отъ него клятвенное обѣщаніе не возвращаться къ прежнимъ грабежамъ однохошунцевъ. «Да», замѣтилъ мнѣ од-

Тибетець чиновникъ Шэрабъ-чумныръ.

нажды Шэрабъ-Чумпырь, «лихой я былъ въ болѣе молодые годы; не одинъ десятокъ тибетцевъ пали мертвыми отъ моихъ пуль или ударовъ сабли», приэтомъ да-бэй-ху указаль мнѣ на одного мужественнаго тибетца, случайно проходившаго мимо насъ въ сопровожденіи мальчика-поводыря: «вотъ этотъ прежній лихой грабитель былъ ослѣпленъ ханомъ по моему настоянію, такъ какъ онъ былъ причиною нашихъ многократныхъ войнъ съ сосѣдями».

Верхній Меконгъ, согласно общему направленію хребтовъ и заключенныхъ между ними долинъ, стремительно катитъ свои голубыя волны въ юго-восточномъ направленіи. Зародившись изъ обильныхъ ключей, эта рѣка, по словамъ туземцевъ, вначалѣ течетъ на востокъ по открытому, высокому, холодному плато центральнаго Тибета, затѣмъ, постепенно склываясь къ югу, все болѣе и болѣе стѣсняется сближенными между собою цѣпами горъ, образующими довольно часто тѣнины и пороги, бѣшено низвергаясь по нимъ, она оглушаетъ шумомъ своихъ водъ, сбивающихся у каменныхъ прибрежныхъ стѣнъ въ блестящую пѣнистую массу. Боковые ручьи и многочисленныя рѣчки, напоминая собою, по быстротѣ теченія, горные потоки, увеличиваютъ дикость и своеобразную прелесть Меконга. Тамъ и сямъ, въ капризно-извилистыхъ его расширеніяхъ, пріютились селенія тибетцевъ, къ крохотнымъ полямъ которыхъ обрываются скалы, убранныя рододендронами, дикимъ абрикосомъ, бѣлой и красной рябиной; темный лѣсъ изъ могучихъ елей, лиственницъ и можжевельника тянется съ одной стороны, свѣтлыя березовыя рощи—съ другой; на дно самыхъ долинъ, къ берегамъ водъ, спускаются густыя кустарники: ива, жимолость, барбарисъ, боярышникъ, такъ называемые ягодные кусты: крыжовникъ, смородина, малина и множество всевозможныхъ высокихъ и низкихъ травъ. Выше лѣсной и верхнекустарной зонъ пестрятъ самыми разнообразными цвѣтами альпійскіе луга, гдѣ, на просторѣ, пасутся стада кочующихъ обитателей, въ свою очередь мало стѣсняющіе дикихъ млекопитающихъ, не говоря уже про птицъ, въ большинствѣ случаевъ, держащихъ себя совершенно безбоязненно и по отношенію къ стадамъ, и по отношенію къ туземцамъ.

На дальнѣйшемъ пути къ югу снова встаютъ высокія синеватыя горы, за которыми, по словамъ Шэрабъ-Чумпыря, насъ ожидаютъ глубокія лѣсныя ущелья, населенныя обезьянами и всевозможными птицами. Къ сѣверу точно также громоздятся горныя

цѣпи, но онѣ уже знакомы намъ; мы живо представляемъ себѣ что находится въ нихъ и за ними. Горы же, преграждавшія намъ южный горизонтъ, представлявшія, такъ сказать, задачу дальнѣйшихъ изслѣдованій экспедиціи, манили насъ своею неизвѣстностью, въ особенности въ данномъ случаѣ, послѣ такихъ интересныхъ сообщений о нихъ совѣтника Нанчин-чжалбо.

Переваль Радэб-ла, возвышающійся надъ моремъ на 14.550 футовъ, открылъ намъ первое живописное ущелье Бар-чю. Долго я стоялъ на перевалѣ и не могъ налюбоваться этимъ ущельемъ, гармонично сочетавшимъ въ себѣ отвѣсныя каменные кручи, густые лѣса ели и древовиднаго можжевельника и темную извилистую рѣчку, положительно тонувшую среди причудливо нависшихъ надъ нею гигантскихъ скалъ и цѣплявшихся по нимъ хвойныхъ зарослей. Даже мои тупые монголы-спутники и тѣ, при видѣ Барчюскаго ущелья, много разъ повторяли: «гадзэръ сэйнъ-байна!» что значитъ — «мѣсто очень хорошее, красивое».

Съ обѣихъ сторонъ ущелье запирается мрачными тѣсинами, а съ восточной, кромѣ того, и высокимъ каменнымъ порогомъ, съ которымъ Бар-чю яростно сражается, превращаясь при этомъ въ одну сплошную пѣнистую массу, играющую на солнцѣ цвѣтами радуги. Ревъ и шумъ Барчюской стремнины былъ въ состояніи заглушить самый громкій людской голосъ. Обаятельной дикой прелести каскада способствовали также дѣвственные заросли, нависшія съ отвѣсно ниспадавшихъ береговыхъ стѣнъ. Это было любимѣйшее мѣсто моихъ охотничьихъ экскурсій.

По цѣлымъ часамъ я просиживалъ въ сосѣдствѣ стремнины, наблюдая подъ ея монотонный гулъ за жизнью мѣстныхъ пернатыхъ. Чуть только блеснутъ солнечные лучи по скалистымъ стѣнамъ ущелья и вершинамъ хвойныхъ деревьевъ, какъ уже просыпаются птицы и покидаютъ мѣста ночевокъ. Снѣжные грифы, ягнятники бородатые и орлы-беркуты дозоромъ понеслись надъ вершинами горъ; высоко надъ елями парить вновь открытый ястребъ, котораго по временамъ беспокоятъ попутно-пролетающіе сокола, сарычи, галки и крикливыя клушицы; сверху ущелья волнистымъ полетомъ прилетѣлъ зеленый дятель и съ размаха уцѣпился за пень; въ гущѣ кустарниковъ перелетаютъ или прыгаютъ по вѣтвямъ бурая кустарница и дроздъ Кесслера; рядомъ съ ними можно было нерѣдко вспугнуть рябчика; повыше—цѣпляются въ хвоѣ всевозможныя синицы, нѣсколько видовъ пѣно-

чекъ и золотистолобый королекъ; изрѣдка въ стайкахъ перелетали съ одной стороны ущелья на другую гималайскіе клесты и каменные голуби; тамъ и сямъ перемѣщались на скалахъ или на деревьяхъ, помахивая хвостиками, красивыя горихвостки; въ гущѣ можжевельниковъ запрятались дубоносы и нарядные розовыя вьюрки; у прибрежныхъ, обмытыхъ водою корней, ютился крапивничекъ, а по рѣчнымъ валунамъ—водяная оляпка, часто прыгивавшая на воду.

Къ полдню птички становятся менѣе энергичными и, напившись воды, незамѣтно скрываются въ кустарники и скалы. Пора и охотнику возвращаться къ биваку. Тихо бредешь по знакомой тропинкѣ, порою на минуту остановишься, прислушаешься и въ то же время помотришь въ бинокль на ближайшія скалы. Среди тишины вдругъ польются, словно изъ свирѣли, нѣжные, тонкіе звуки зеленого красавца всере, усѣвшася гдѣ-либо на бугоркѣ, подлѣ стайки этихъ птицъ, спустившихся къ рѣчкѣ напиться; по мѣрѣ того, какъ умолкаетъ одна пріятная трель вблизи, за поляной раздается новая, тамъ дальше еще и еще; мелодичные переливы звуковъ доврчивыхъ всере и замѣчательно нарядное ихъ опереніе часто совершенно обезоруживали меня и я ограничивался однимъ прицѣливаніями въ этихъ птицъ. Истый охотникъ-коллекторъ и любитель природы меня пойметъ....

На южномъ склонѣ сосѣдняго нашему биваку Нанчинскаго хребта удалось найти обезьянъ. Встрѣченные звѣрьки держались компаніей, штукъ въ двадцать, вблизи гребня горъ, по скаламъ, одѣтымъ можжевеловымъ лѣсомъ. Умные, забавные звѣрьки беззаботно рѣзвились на южномъ тепломъ солнцѣ, не боясь близкаго сосѣдства человѣка-тибетца, вселившаго въ нихъ увѣренность въ томъ, что онъ для нихъ неопасенъ. Однѣ изъ обезьянъ ловко прыгали по деревьямъ, другія съ меньшимъ искусствомъ и проворствомъ цѣплялись по скаламъ, въ то время, какъ прочія, усѣвшись на выступы камней, спокойно наблюдали за всѣмъ окружающимъ или же кувыркали другъ черезъ друга. Вслѣдствіе особенной подвижности обезьянъ, онѣ то и дѣло мѣняли свои мѣста и невольно подолгу привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Крайне интересными звѣрьки бывали на деревьяхъ, когда они старались свалить другъ друга на землю: вотъ одинъ изъ нихъ быстро поднялся на самую вершину можжевельника и приготовился взглянуть по сторонамъ, какъ другой, тотчасъ догнавъ его, началъ усердно трясти вершинку дерева; тамъ, на скалахъ, одинъ дру-

гого надѣляютъ пощечинами, или же, наоборотъ, послѣ такихъ недоразумѣній, трогательно оказываютъ другъ другу вниманіе и ласку. Обезьяны вообще вели себя свободно и безбоязненно, словно не замѣчали людей, устремившихъ на нихъ свои, болѣе чѣмъ пытливые, взгляды.

Послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ, раздавшихся по обезьянамъ, послѣднія, однако, сообразили въ чемъ дѣло и успѣшили скрыться за исключеніемъ двухъ, поплатившихся за излишнюю довѣрчивость и доставшихся въ трофей охотникамъ. Ручной молоденькій звѣрекъ, подпущенный къ убитымъ обезьянамъ, не проявлялъ особенной тревоги и неудовольствія: пугливо, жалостно обнюхавъ своихъ собратьевъ, онъ вскорѣ же сталъ спокойно изслѣдовать ихъ густую шерсть на головѣ и шеѣ—излюбленное занятіе камскихъ обезьянъ, такъ живо напоминающихъ собою за этимъ дѣломъ ихъ близкихъ сосѣдей—тибетцевъ.

Здѣсь будетъ уместно вообще сказать нѣсколько подробнѣе о камской обезьянѣ (*Macacus vestitus*).

Этотъ звѣрь, называемый тибетцами «аргэ», довольно обыкновененъ въ бассейнѣ верхняго Меконга, въ особенности въ окрестностяхъ Чамдо, преимущественно выше по долинамъ и ущельямъ рѣкъ и рѣчекъ, которыя богаты скалами и лѣсами.

Обезьяны бродятъ стадами иногда до сотни и болѣе особей. Облюбовавъ извѣстный районъ, звѣри держатся его болѣе или менѣе продолжительное время, затѣмъ исчезаютъ, передвигаясь въ скалы сосѣднихъ ущелій. При встрѣчѣ рѣчки, звѣри успѣшно ее переплываютъ, за исключеніемъ дѣтенышей, которые, при такихъ передвиженіяхъ взрослыхъ, помѣщаются на спины родителей. Обиженные мѣста обезьянъ видны по ихъ лѣжкамъ, помету и по разрытой рыхлой почвѣ.

Лѣтомъ звѣри ищутъ болѣе прохладныхъ мѣстъ, поднимаясь до верхняго предѣла лѣсовъ; зимою, наоборотъ, спускаются ниже, выбирая солнечные пригрѣвы у скалъ. Ночуютъ обезьяны въ выемкахъ скалъ, въ пещерахъ; чуть пригрѣетъ солнышко, онѣ оставляютъ ночевку, выдѣзаютъ на скалы; позднѣе прыгаютъ по вѣткамъ древовиднаго можжевельника, собирая его сѣмена. Обезьяны охотно питаются, кромѣ того, корнями гусиной лапчатки, многими ягодами, а при случаѣ, лѣтомъ, приходятъ на поля, засѣянные рѣпой и немилосердно ихъ вытравляютъ.

Туземцы, усматривая въ обезьянѣ нѣкоторое подобіе людей, ихъ не стрѣляютъ, боясь грѣха, равносильнаго убіенію человѣка. По-

этому описываемый звѣрь нисколько не боится тибетцевъ. Мнѣ не одинъ разъ приходилось видѣть, какъ зимою обезьяны стадами кормились по пашнямъ и лужайкамъ, вблизи тибетскихъ жилищъ, иногда даже въ стогахъ ихъ соломы, и какъ близко взрослые люди и обезьяны проходили другъ отъ друга, повидимому, не обращая вниманія одинъ на другого. На мальчишекъ же, пытавшихся прогнать этихъ звѣрей, въ особенности съ полей, засѣянныхъ рѣпой, обезьяны жестоко нападаютъ, сваливаютъ съ ногъ и безжалостно колотятъ передними ногами. Другое дѣло, если появлялся кто нибудь изъ насъ: мирное состояніе всего стада обезьянъ тотчасъ нарушалось и всѣ онѣ скоро исчезали въ скалы или въ лѣсъ. Вожаками бывають по большей части взрослые самцы.

Опредѣленнаго любовнаго періода у обезьянъ не существуетъ; поэтому дѣти появляются на свѣтъ во всякое время года. Мать заботливо скрываетъ родившееся дитя въ ямочку, предварительно выстлавъ ее мягкой травой и замаскировавъ вѣточками. Въ такомъ гнѣздышкѣ обезьяна-мать держитъ малютку дня три и тогда стадо ютится поблизости. Затѣмъ, мать беретъ дитя въ охапку, точнѣе—подмышку, слѣдуя въ пути на трехъ ногахъ. При отдыхѣ или срываніи корма обезьяна кладетъ дѣтеныша рядомъ съ собою. По истеченіи двухъ недѣль молодые уже въ силахъ держаться на спинахъ родителей, ловко тамъ усаживаются, крѣпко держась за длинную мягкую шерсть. Замѣчательно забавную картину представляетъ стадо разсматриваемыхъ звѣрей, идущее гуськомъ по гребню горъ, когда нѣкоторые изъ нихъ, имѣя на спинахъ малышей, шествуютъ точно лошади подъ сѣдокомъ. Мой юный спутникъ-забайкалецъ находилъ, впрочемъ, другое сравненіе для дѣтенышей, ѣхавшихъ верхомъ на взрослыхъ обезьянахъ; онъ выражался: «маленькія завьючены на большихъ». Этотъ же препараторъ, Мадаевъ, на одной изъ своихъ охотъ за обезьянами, долженъ былъ первоначально отступить отъ нихъ, такъ какъ звѣри, находясь выше охотника, дружно стали бросать въ него камнями, которые по крутому косогору катились очень быстро; иные пролетали въ воздухѣ со свистомъ.

Обезьяны между собою также нерѣдко серьезно дерутся; недоразумѣнія, повидимому, рождаются очень быстро, изъ-за пустяковъ. Такъ, на ряду съ большой дружбой и вниманіемъ другъ къ другу, выказываемыми въ особенности при взаимныхъ услугахъ въ отысканіи паразитовъ, можно видѣть, какъ тѣ же обезьяны

щедро надѣляютъ одна другую пощечинами. Пострадавшая громко кричитъ отъ боли.

Тибетцы иногда ловятъ дѣтенышей обезьянъ и держать ихъ у себя въ домахъ для забавы. Въ неволѣ этотъ звѣрекъ быстро осваивается и привыкаетъ къ людямъ. По мнѣнію туземцевъ, прирученнымъ обезьянамъ слѣдуетъ отрубать хвосты, что нерѣдко они безжалостно и продѣлываютъ съ ними, въ цѣляхъ будто бы проявленія большаго разума этими человѣкоподобными существами. Во избѣжаніе бѣдъ, которыхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, не мало натворитъ обезьяна, ее держать на привязи, отпуская ежедневно на часъ-другой въ сосѣдній лѣсъ или скалы. Привязывать этого звѣря слѣдуетъ очень искусно; иначе онъ всегда сумѣетъ развязать даже довольно сложный узелъ.

У насъ была также прирученная обезьянка, подаренная мнѣ Шэрабъ-Чумпыромъ, которую мы впослѣдствіи прозвали Мандрилъ. Эта общая наша любимица съ перваго дня появленія въ лагерь экспедиціи сдѣлалась предметомъ развлеченія ея участниковъ. Для этого звѣрка была устроена трапедія, на которой онъ продѣлывалъ всевозможныя упражненія. Со всѣми нами Мандрилъ скоро освоился, но привязывался только къ тому, кто не позволялъ себѣ по отношенію къ нему злыхъ или мальчишескихъ шутокъ; ласковое же отношеніе и лакомыя подачи очень цѣнили, какъ равно не проявлялъ обиды или неудовольствія, если его по временамъ наказывали, заставляя на мѣстѣ преступленія.

Нашъ свирѣпый песъ Гарза вначалѣ порывался уничтожить Мандрила, но, получая за каждую подобную попытку должное внушеніе, скоро смирился и освоился съ нимъ, а недѣли двѣ спустя оба нашихъ спутника стали если не друзьями, то во всякомъ случаѣ и не врагами. Гарза позволялъ Мандрилу безнаказанно гладить себя по головѣ или навязчиво цѣпляться за ноги, за хвостъ, но только не выносилъ его назойливыхъ прыжковъ на спину; въ такомъ случаѣ собака убѣгала отъ обезьяны и пряталась гдѣ-либо въ кустахъ. Интереснѣе всего было наблюдать, какъ Гарза защищалъ Мандрила отъ нападенія чужихъ, встрѣчавшихся собакъ: застигнутая врасплохъ туземными псами, обезьяна безъ оглядки мчалась къ лагерю или каравану, неистово крича отъ страха; на ея крикъ быстро появлялся Гарза и тотчасъ же устранялъ опасность отъ своего товарища. Иногда, впрочемъ, обезьяна вспрыгивала къ кому-либо изъ насъ на плечи и оттуда

старалась излить свой гнѣвъ своеобразнымъ отрывистымъ фырканьемъ.

.... Короткіе осенніе дни въ глубокомъ ущельи Бар-чю проходили скоро, сумерки длились также непродолжительно, а за ними быстро надвигалась ночь своимъ темнымъ, мрачнымъ покровомъ. Благодаря богатству сухихъ дровъ, люди отряда, по вечерамъ, устраивали веселые костры, подлѣ которыхъ мы частенько засиживались позднѣе обыкновеннаго, въ особенности, когда еще сквозь медленно плывущія облака проглядывала луна, таинственно озарявшая нашъ тихій уголокъ и ближайшія сѣрыя скалы. Густой высокоствольный лѣсъ стоялъ безмолвно, словно погруженный въ дремоту, лишь совершенную тишину ночи нарушалъ, монотонный рокоть рѣчки да унылое гуканье филина, по временамъ раздававшееся въ томъ или другомъ углу ущелья. Непріятный голосъ этой ночной птицы будилъ нашу собаку и привлекалъ ее съ лаемъ въ свою сторону; затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, недруги успокаивались и опять наступала прежняя убаюкивающая тишина.

Глава VIII.

Въ бассейнѣ Меконга.

Измѣненіе маршрута на Чамдо.—Крайне пересѣченная и живописная страна на новомъ пути.—Прегражденіе послѣдней дороги: стычка съ чамдойцами.—Встрѣча и переговоры съ чиновникомъ.—Новый подъемъ на хребетъ и новые красивые виды Меконга.—Монастырь Чамдо и расположеніе на зимовку.

Между тѣмъ, съ границъ лхасскихъ владѣній пришла бумага, въ которой насъ просили не вступать на дэвашунскую землю, такъ какъ изъ Лхасы будто бы получено было строжайшее приказаніе не пускать кого бы то ни было изъ европейцевъ въ далай-ламскія владѣнія. За неисполненіе же подобнаго распоряженія лхасскія власти угрожали постами на проходахъ смертною казнью.

Подобная бумага произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Всѣ мы такъ стремились, если не въ самую Лхасу, то, по крайней мѣрѣ, на берега Брамапутры; тяжело было тѣмъ болѣе, что эту мысль мы лелѣяли въ теченіи всего путешествія, легко перенося всѣ невзгоды и лишенія; тяжело было, но пришлось уступить религіозному фанатизму тибетцевъ. Долго обсуждая наше положеніе, я рѣшилъ двинуться въ Чамдо, внизъ по теченію рѣчки Бар-чю; но такъ какъ послѣдняя протекала по большей части въ глубокихъ каменныхъ коридорахъ, гдѣ невозможно пройти даже пѣшкомъ, то мы часто ее оставляли, уклоняясь къ сѣверу и пробираясь по косогорамъ, причемъ иногда поднимались на плоскую вершину хребта Вудвиль Рокхиля и такимъ образомъ удлинити маршрутъ вдвое.

Съ плосковершиннаго здѣсь хребта рокхильскихъ горъ мы увидѣли въ сѣверо-восточной дали знакомую уже намъ конусообразную вершину Гаик-ган-ри, дивно блестящую на солнцѣ яркою бѣлизною снѣга. Въ сторону Чамдо, на продолженіи нашего хребта,

также высоко устремлялись къ небу остроконечные сѣдые пики. Въ сосѣдствѣ съ нами прыгали граціозныя антилопы-ада, а изъ птицъ перелетали одни лишь жаворонки, издававшіе тонкіе пискливые звуки.

Вслѣдъ за симъ караванъ экспедиціи началъ спускаться въ очаровательную по красотѣ и богатую растительнымъ и животнымъ міромъ тѣснину рѣчки Цатимъ, по которой движеніе затруднялось, съ одной стороны, дѣвственными зарослями могучихъ елей и лиственницъ, съ другой же—присутствіемъ высокихъ, узкихъ карнизовъ, а еще болѣе—сближенными до крайности отвѣсными боками ущелья. По дну каменистаго русла-дороги струилась, во всю ширину ея, порядочная рѣчка съ прозрачной и крайне студеной водой. Въ подобную тѣснину солнечные лучи заглядываютъ лишь на самое короткое время, а въ ея въ высшей степени характерныхъ боковыхъ выемкахъ, провалахъ и отвѣтвленіяхъ, исписанныхъ, между прочимъ, громадными цвѣтными мани, царятъ вѣчный мракъ и холодная, пронизывающая сырость, свойственная большинству настоящихъ буддійскихъ храмовъ. По счастью, въ этой тѣснинѣ мы ни съ кѣмъ изъ проѣзжихъ туземцевъ не встрѣтились, иначе я не знаю, какъ бы мы вышли изъ неудобнаго положенія при разѣздѣ; но самымъ большимъ несчастіемъ, могущимъ обрушиться на долю случайныхъ путниковъ, слѣдующихъ черезъ эту тѣснину, безспорно служитъ ливень, который въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ состояніи превратить небольшую рѣчку въ могучій потокъ и унести или уничтожить все, что ни встрѣтится.

За главной тѣсниной слѣдуютъ второстепенныя, иногда на подобіе каменныхъ воротъ, чередующихся съ многими карнизами и луговыми скатами. Дорога или вѣрнѣе тропа часто открыто перебѣгаетъ съ одного берега рѣчки на другой, порою же прячется въ чащѣ лѣса, пока не минуетъ мѣста сліянія рѣчекъ Цатима и Барчю и не вступаетъ на возвышенный полуостровъ Цзѣдоси, гдѣ мы могли свободнѣе вздохнуть и удобнѣе размѣститься съ караваномъ. Здѣсь, съ сѣвера, круто впадаетъ сине-зеленая красавица Барчю, еще болѣе стремительно низвергаясь по валуннымъ нагроможденіямъ. Отъ самой воды начинались густыя заросли лѣса и кустарниковъ, взбѣгающихъ на вершины привѣтливыхъ горъ; только мѣстами встрѣчались неприятыя для глазъ участки лѣса, погибшаго отъ пожара.

Наши пернатые сосѣди по Бар-чю—вороны и сороки, привыкшія получать ежедневныя подачки, прилетѣли за нами и расположились на ближайшихъ еляхъ.

Отсюда вернулся домой Шэрабъ-Чумпырь, получившій отъ насъ за свою усердную службу приличный подарокъ. Въ качествѣ проводника на дальнѣйшій путь онъ рекомендовалъ намъ отибетившагося китайца, по имени Вэй, который сначала занимался торговлей, разъѣзжая по окрестностямъ, но, ограбленный тибетцами, лишенъ былъ возможности вернуться на родину и прожилъ здѣсь около двѣнадцати лѣтъ, причеъ успѣлъ обзавестись и семьею. Теперь, при встрѣчѣ съ нами, Вэй охотно согласился быть нашимъ проводникомъ въ Чамдо. Отъ туземцевъ мы уже знали, что въ Чамдо ведутъ двѣ дороги по обоимъ берегамъ Ному-чю, причеъ путь по правому берегу удобнѣе, и что въ пяти верстахъ ниже по рѣкѣ существуетъ мостъ, по которому удобно переправиться на противоположный берегъ и по немъ слѣдовать къ намѣченной цѣли.

Съ такимъ расчетомъ, оставивъ мѣсто сліянія рѣкъ, мы направились внизъ по Ному-чю, въ сопровожденіи старшины. Пока шли по лѣвому берегу до моста, все обстояло благополучно, но лишь только мы хотѣли вступить на него, какъ скрывавшіеся въ оврагѣ тибетцы быстро подбѣжали къ мосту съ противоположной стороны и приготовились стрѣлять въ насъ. Я черезъ проводника спросилъ въ чемъ дѣло? Получивъ отвѣтъ, что за мостомъ уже лхасскія владѣнія, куда лхасскими же властями не приказано пускать насъ, я попытался было вызвать къ себѣ для объясненія начальника стражи, но напрасно: на нашъ зовъ никто не явился. Зная, что по лѣвому берегу также существуетъ дорога въ Чамдо, я оставилъ тибетцевъ въ покоѣ и направился дальше.

Не знаю, за что еочли туземцы нашу вторую уступку, но думаю, что не за великодушіе, а за слабость, чему подтвержденіемъ можетъ служить встрѣча съ ними на другой день, двадцать восьмого октября, при селеніи Согторо. Здѣсь, на нашей послѣдней дорогѣ въ Чамдо, я былъ еще болѣе удивленъ неожиданно, стѣною вставшимъ передъ мной, тибетскимъ отрядомъ, начальникъ котораго, Нинда-Гунчюкъ, поднявъ саблю, крикнулъ: «стой, ни шагу дальше!... выслать переводчика!» Пока шли переговоры тибетцы держали себя крайне вызывающе, то и дѣло бросая на сошки свои длинныя фитильныя ружья и прицѣливаясь въ насъ. Отпустивъ переводчика, Гунчюкъ, охора-

шиваясь, стали прохаживаться впереди своихъ подчиненныхъ и ободрять ихъ.

Отъ переводчика мы узнали, что тибетцы приготовились сейчасъ гнать насъ огнемъ своихъ ружей; на доводы же, приводимые переводчикомъ относительно того, кто мы, какіе у насъ паспорта и куда мы идемъ, Гунчюкъ совсѣмъ не отвѣчалъ, гордо отвернувшись отъ посредника. Тѣмъ временемъ нашъ караванъ станулся въ одно мѣсто; гренадеръ Шадриковъ, сопровождавшій первый эшелонъ, передалъ мнѣ, что въ него по дорогѣ тибетцы бросали камнями, смѣялись и злобно показывали рукою впередъ, по направленію къ засадѣ тибетцевъ. Теперь еще болѣе стало яснымъ съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло; противъ насъ, маленькой горсти русскихъ людей, въ глубинѣ Тибета, неожиданно-негаданно, возстали его обитатели, подстрекаемые ламами многочисленныхъ монастырей, но главнымъ образомъ Чамдо и его верховнымъ представителемъ Пакпалой.

Съ большою поспѣшностью удалось счастливо сплотить свой караванъ и, занявъ удобную позицію, очистить себѣ дорогу. Скорострѣлки вѣрнѣе всякаго китайскаго паспорта обезпечили лучший для насъ исходъ дѣла. Тибетцы бросились бѣжать частью въ селеніе, частью къ рѣкѣ, прикрываясь ея обрывистыми берегами; часть же воиновъ засѣла въ легкомъ строеніи и продолжала стрѣлять въ нашъ маленькій отрядъ, перешедшій теперь въ наступленіе. Чтобы вполне обезпечить себѣ проходъ, намъ пришлось поджечь постройку, занятую разбойниками, откуда они и стали выбѣгать группами и поодиночкѣ. Въ теченіе полутора - часовой перестрѣлки мы израсходовали триста патроновъ. Тибетцы были разсѣяны и, какъ впоследствии выяснилось, понесли тяжелыя потери: убитыми двадцать три человѣка и тяжело и легко ранеными семнадцать. Мы всѣ, по великому счастью, уцѣлѣли.

По окончаніи стычки, мы привели караванъ въ порядокъ и рѣшили скорѣе оставить это тяжелое по воспоминанію мѣсто, продолжая двигаться въ прежнемъ направленіи. Вскорѣ, поднявшись на высокій косогоръ и оглянувшись назадъ, мы увидѣли тибетцевъ, шедшихъ съ разныхъ сторонъ къ мѣсту, гдѣ лежали ихъ павшіе въ бою товарищи. На нашей же дорогѣ никого не было, не видѣли мы также ни одного изъ ламъ у пройденныхъ нами богатыхъ и живописно расположенныхъ на береговой террасѣ Ному-чю кумирень: Нинда-гомба и Лушуг-гомба, отстоящихъ одна

отъ другой въ разстояніи не болѣе трехъ верстъ. Выбирая болѣе широкую часть долины для своей остановки, мы принуждены были двигаться до полныхъ сумерокъ, когда, наконецъ, дали и себѣ, и животнымъ отдыхъ. Но какой могъ быть намъ отдыхъ, когда нравственное состояніе было такъ потрясено! Никто не могъ знать, что насъ ожидало впереди... Въ теченіи всей ночи, казавшейся мнѣ вѣчностью, я положительно не могъ уснуть ни на минуту: мысли самаго разнообразнаго свойства роились въ моей головѣ. Чтобы поразнообразить и сократить время, я оставлялъ палатку и часами смотрѣлъ на ясное, спокойное небо. Яркія звѣзды медленно перемѣщались съ восточной стороны горизонта на западную, таинственные метеоры изрѣдка озаряли извѣстную часть небеснаго свода и, померкнувъ, беззвучно исчезали въ міровомъ пространствѣ. Съ сосѣдняго карниза-обрыва сурово глядѣлъ на нашъ бивакъ домикъ ламы-отшельника, пріютившійся словно орлиное гнѣздо. Внизу глухо бурлила и плескалась рѣка; по верхушкамъ лѣса порою пробѣгаль слабый ночной вѣтерокъ. Едва своеобразная ласка природы успѣла навѣять дремоту, какъ уже на востокѣ зажглась алая полоска зари и лагерь пробудился.

Двигаемся. Утренняя свѣжесть воздуха придаетъ бодрости. Ближайшіе придорожные домики пусты, тогда какъ изъ жилищъ противоположнаго берега рѣки поднимаются струйки сѣраго дыма. Стада направляются въ горы, гребень которыхъ уже успѣлъ позолотиться лучами солнца. Пернатые пробудились и поодиночкѣ или въ небольшихъ стайкахъ перемѣщаются черезъ ущелье съ одной его стороны на другую; рыжегорный дроздъ звонко затрещалъ въ кустахъ, будучи обезпокоенъ мимо пробѣжавшей нашей собакой, которая неожиданно наткнулась на трусливаго зайца и погналась за нимъ вдоль опушки лѣса. Немного спустя, на дорогѣ показалась фигура тибетца, высланнаго къ намъ навстрѣчу мѣстнымъ гембу—старшиной въ качествѣ проводника. По дорогѣ тибетецъ сталъ насъ увѣрять, что его маленькій начальникъ страшно скорбитъ о вчерашнемъ происшествіи, тѣмъ болѣе, что онъ ни въ чемъ неповиненъ, такъ какъ съ нами воевали другіе тибетцы; они же всѣ узнали о стычкѣ только вечеромъ, при паническомъ бѣгствѣ пострадавшихъ воиновъ.

Общій характеръ долины Ному-чю оставался прежній; рѣка капризно извивалась и мѣстами совершенно терялась среди густыхъ зарослей лѣса; открытые террасовидные уступы лѣваго бе-

рега въ то же время давали возможность свободно слѣдовать каравану и наблюдать впереди себя, по направленію къ юго-востоку. Вскорѣ, на командующемъ скатѣ, у заповѣднаго лѣса, показалась кумирня Момда-гомба и окаймляющее ее съ запада боковое ущельице, въ которомъ былъ сосредоточенъ небольшой конный отрядъ тибетскихъ воиновъ, очевидно наблюдавшихъ за нами. Давъ намъ подойти на полверсты, тибетцы быстро исчезли.

У самой кумирни рѣка Ному-чю описываетъ своимъ теченіемъ еще болѣе прихотливые зигзаги, что, въ связи съ высокими каменными берегами, съ ихъ выступами, карнизами и нишами, представляло красивѣйшій видъ, отъ котораго глазъ не въ состояніи былъ оторваться. Скатъ противоположнаго берега ютиль на стрѣлкахъ ручьевъ и небольшихъ рѣчекъ, отдѣльные домики-фермы. Рамкой долины служили иглы хвойнаго лѣса, исчезавшаго за ближайшими гребнями горъ.

Невдалекѣ за кумирней Момда-гомба, мы встрѣтили трехъ нарядно одѣтыхъ всадниковъ, выѣхавшихъ къ намъ изъ Чамдо для веденія дипломатическихъ переговоровъ въ качествѣ представителей мѣстной тибетской администраціи. Старшій изъ нихъ, въ званіи да-лама, высокій брюнетъ, съ черными пронизательными глазами, былъ въ темно-красныхъ одеждахъ и парадной шляпѣ, украшенной синимъ шарикомъ. Черезъ плечо этого чамдосца, подобно генеральской лентѣ, висѣла связка серебряныхъ гау—ладанокъ, а въ лѣвомъ ухѣ—наградная массивная золотая серьга, художественно отдѣланная бирюзой и кораллами. Двое другихъ меньшихъ чиновниковъ составляли его свиту. При встрѣчѣ съ нами чамдосцы тотчасъ сошли съ своихъ богато убранныхъ лошадей и вѣжливо привѣтствовали насъ; мы отвѣтили тѣмъ же. Вслѣдъ за симъ, да-лама сталъ просить меня не заходить въ Чамдо, согласно будто бы желанію находившихся тамъ лхасскихъ чиновниковъ, привезшихъ изъ резиденціи далай-ламы такого рода распоряженіе. Умоляюще складывая руки и устремляя глаза къ небу, да-лама продолжалъ настоятельно просить о томъ же. «Пожалѣйте мою голову», показывая пальцемъ на шею, повторялъ представитель чамдоской власти и каждый разъ, въ ожиданіи перевода фразы, его напуганное лицо страшно блѣднѣло. Со своей стороны я выразилъ да-ламѣ большое удивленіе, что чамдоская администрація рѣшила заговорить съ нами позже, нежели слѣдовало, иначе такого сложнаго недоразумѣнія не могло бы произойти. Вовсякомъ случаѣ поступокъ ти-

бетцевъ, дѣйствовавшихъ по наущенію главы великаго монастыря и окрестныхъ кумиренъ, переполненныхъ монахами, послужить большимъ укоромъ совѣсти для того, кто благословилъ воиновъ поднять противъ насъ оружіе и кто теперь, потерявъ голову, командировалъ ихъ къ намъ для улаживанія этого неприятнаго дѣла. На мои доводы хитрый чиновникъ ничего не отвѣтилъ и, чтобы не дать прочесть выраженія своего лица, низко склонилъ голову. Послѣ этого я предложилъ чиновнику прослѣдовать внизъ по долинь рѣки до мѣста бивака, гдѣ можно будетъ обстоятельнѣе выяснитъ этотъ тяжелый вопросъ.

Селеніе Бэнопъ для экспедиціи было послѣднимъ, котораго она могла достигнуть на пути по долинь Ному-чю, такъ какъ, въ концѣ концовъ, я уступилъ просьбѣ да-ламы, исходившей непосредственно изъ Лхассы.

Второго ноября экспедиція вновь поднялась на хребетъ Вудвилъ Рокхила, въ восточной, еще болѣе величественной, его части, гдѣ переваль Мо-ла, поднятый на 15.400 футовъ надъ моремъ, открываетъ безконечный лабиринтъ горъ по всѣмъ направленіямъ. Командующими, блестящими на солнцѣ вершинами того же Рокхильскаго хребта были снѣговья вершины Моды и Зачжи, на которыя, по словамъ нашего чамдосца-спутника, старѣйшіе ламы ихъ богатаго монастыря часто обращаютъ взоры, такъ какъ, при созерцаніи послѣднихъ «чистыхъ» ступеней земного міра, человѣкъ въ состояніи скорѣе отрѣшиться отъ житейской суеты и приблизиться къ познанію нирваны... Гребни горъ по большей части состояли изъ обнаженныхъ сѣрыхъ скалъ; бока же ихъ въ это осеннее время темнѣли зарослями лѣса, среди котораго змѣйками извивались серебристыя ленты многочисленныхъ ручьевъ и рѣчекъ, съ шумомъ низвергавшихся въ долину. При сліяніи рѣчекъ, тамъ и сямъ, ютилось земледѣльческое населеніе съ своими обособленными или сгруппированными по нѣскольку вмѣстѣ домиками, рѣзко выдѣлявшимися на золотомъ фонѣ высохшей травянистой растительности. Очень крутой спускъ вывелъ насъ на рѣчку Шопа, а эта послѣдняя—въ ближайшее сосѣдство кумирни того же имени — Шопа-гомба, расположенной уже въ долинь Меконга, еще болѣе богатой и еще болѣе живописной и привѣтливой, нежели долина Ному-чю.

Многоводный Меконгъ стремительно несется по широкому (отъ сорока до пятидесяти или даже до шестидесяти сажень) галечному руслу, обставленному желто-бурыми или буро-мѣловыми песчани-

ковыми берегами. Его зеленовато-голубыя волны, скрывающіяся зимою подъ льдомъ лишь на самое ограниченное время, да и то въ мѣстахъ плавнаго теченія, пестрятъ барашками, разбивающимися на порогахъ въ мельчайшую водяную пыль, играющую на солнцѣ нѣжными цвѣтами радуги. Мѣстами же рѣка катится величаво-спокойно и представляетъ собою стальную, зеркальную гладь, красиво отражающую прилежащія скалы и лѣса. Глубина верхняго Меконга, по опредѣленію туземцевъ, варьируетъ въ предѣлахъ отъ трехъ до семи-восьми сажень, а уровень— отъ семи до двадцати футовъ.

Чамдо, котораго намъ такимъ образомъ видѣть не удалось, представляетъ собою, однако, большой интересъ, а потому здѣсь я привожу тѣ свѣдѣнія, которыя мы добыли какъ отъ тибетцевъ, такъ и отъ китайцевъ, постоянно тамъ живущихъ.

Основанъ городъ Чамдо и его монастырь, говорятъ, еще во времена Ландорма-хана, т. е. въ девятомъ или десятомъ вѣкѣ нашей эры. Городъ представляетъ собою главный центръ торговли въ Камѣ; онъ расположенъ на стрѣлкѣ при сліяніи Меконга съ его правымъ или южнымъ притокомъ Ному-чю; черезъ ту и другую рѣки имѣются мосты, выводящіе на сычуаньскую и юнаньскую дороги.

Населеніе Чамдо, за исключеніемъ монастыря, насчитывающаго въ своихъ стѣнахъ около двухъ тысячъ ламъ, достигаетъ пяти тысячъ человѣкъ обою пола и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ тибетцевъ. Китайцевъ и дунганъ, проживающихъ въ этомъ городѣ по службѣ, и торговцевъ считается не менѣе пятисотъ человѣкъ, въ томъ числѣ и сто семействъ китайцевъ, поженившихся на тибеткахъ.

Какъ самый городъ, такъ и весь округъ, управляются главнымъ ламою, перерожденцемъ Пакпала, получающимъ ежегодно отъ пекинскаго двора около четырехсотъ ланъ серебра и пятьдесятъ чetyре куска шелковыхъ матерій въ жалованье. Ближайшими помощниками этого великаго перерожденца являются Даин-хамба, вѣдающій монастыремъ, и три другихъ свѣтскихъ большихъ чиновника, въ вѣдѣніи которыхъ находятся городъ, земледѣльцы и кочевники.

Изъ небогатыхъ однообразныхъ сѣрыхъ домовъ, которые частью группируются въ двѣ правильныя улицы, проложенныя вдоль внутреннихъ береговъ обѣихъ рѣкъ, частью же разбросаны въ безпорядкѣ на западной окраинѣ города, когда-то обнесеннаго зем-

лянымъ валомъ, красиво выдѣляется большой и богатый монастырь, расположенный на горѣ.

Во время нашего путешествія въ чамдоскомъ районѣ, глава этого великаго и пользующагося большой славой монастыря, молодой тридцатитрехлѣтній Пакпала, велъ борьбу съ мѣстной тибетской администраціей или, иначе говоря, со своими подчиненными, выступившими вмѣстѣ съ престарѣлымъ отцомъ перерожденца ярыми обличителями его поведенія, позорящаго монастырь.

Главнѣйшіе изъ тибетскихъ чиновниковъ, своего рода мѣстная аристократія и знать, совмѣстно съ представителями богдыханской власти, рѣшили открыто заявить Пакпалѣ, что ведомый имъ образъ жизни сталъ наконецъ невыносимъ для нихъ и для народа и что, если онъ не въ силахъ сдержать свою страсть, то долженъ отказаться отъ представительства монастыря и перейти къ мірянамъ; иначе они вынуждены будутъ принять рѣшительныя мѣры къ удаленію его отсюда, дабы тѣмъ спасти славу монастыря и удержать отъ подобнаго соблазна многочисленную монастырскую молодежь.

Малодушный, лицемерный Пакпала искусственно внялъ этимъ доводамъ и торжественно обѣщаль избраннымъ чиновникамъ оставить порочашій его образъ жизни, объявивъ всѣмъ имъ о своемъ намѣреніи отправиться въ Лхасу, съ цѣлью замолить тамъ свои грѣхи. Обрадованный народъ быстро собралъ большую сумму денегъ и такимъ образомъ предоставилъ своему главѣ возможность съ подобающей пышностью направиться въ столицу Тибета—Лхасу. Приѣхавъ въ резиденцію далай—ламы, Пакпала сталъ не столько думать о молитвѣ и раскаяніи, сколько о томъ, какимъ бы образомъ приговорить къ наказанію всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлился осудить его поступокъ. Приближенные далай—ламы помогли осуществленію его плановъ и повели дѣло такъ, что въ Чамдо экстренно помчались судьи съ заранѣе намѣченными приговорами жестокихъ наказаній какъ для отца святителя, такъ и для трехъ главныхъ чиновниковъ округа. Престарѣлый отецъ перерожденца былъ мучительно казненъ, чиновники же—ослѣплены и лишены всего ихъ имущества. Подобная участь готовилась и другимъ виднымъ чамдосцамъ; однако, послѣдніе не допустили себя до этого и въ одну ближайшую мрачную, глухую ночь, въ числѣ шестидесяти человѣкъ, бѣжали къ н'голокамъ, захвативъ съ собою оружіе, деньги и всѣ важныя бумаги—грамоты, хранившіяся въ управленіи.

Описанное событіе, достовѣрно нами дознанное, случилось въ Чамдо за полгода до посѣщенія нами этого округа, т. е. въ началѣ лѣта 1900-го года, когда недовольство народа достигло крайняго напряженія и когда чамдосцы во всѣхъ своихъ неудачахъ готовы были видѣть наказаніе, ниспосылаемое свыше.

Слухъ о приближеніи русскаго отряда къ Чамдо въ такое тревожное время вызвалъ въ обитателяхъ этого округа опасеніе за новое испытаніе; всѣхъ больше появленія русской экспедиціи въ чамдоскомъ монастырѣ боялся, конечно, главный виновникъ скандала — Пакпала, именемъ котораго, но главнымъ образомъ именемъ далай-ламы, немногочисленные приверженцы чамдоскаго хутухты, во главѣ съ Даин-хамбой, успѣли собрать военный отрядъ, который и благословили сражаться до послѣдней капли крови, чтобы только не விустить въ свой округъ Пименовъ — иностранцевъ, могущихъ оглашеніемъ скандала съ Пакпалой омрачить многовѣковую славу чамдоскаго монастыря. Начальство надъ отборными храбрыми воинами, охотно вызвавшимися охранять Чамдо отъ экспедиціи, принялъ на себя извѣстный своими боевыми качествами, богатырь Нинда-Гунчюкъ, который нѣсколько разъ переводился въ роли бэй-ху изъ одного округа въ другой, постоянно интригуя и измѣняя ввѣряемымъ ему хошунамъ, ради собственныхъ корыстныхъ цѣлей. Однако, въ одной изъ дракъ съ враждебными хошунами, Нинда-Гунчюкъ былъ схваченъ непріятельскими воинами и подвергнутъ вырыванію ноздрей, что обезобразило этого атлетически сложеннаго тибетца-воина.

Только послѣ всего этого намъ стала ясна настоящая причина того враждебнаго отношенія, которое было проявлено по отношенію къ экспедиціи встрѣченными на Ному-чю тибетцами, предводительствуемыми «безобразноносымъ» командиромъ.

Съ Меконга мы поднялись на крутой выступъ массива, съ двухъ сторонъ отвѣсно ниспадающаго къ долинѣ этой рѣки и рѣчки Рэ-чю; съ вершины этого выступа, я въ послѣдній разъ любовался Меконгомъ, его меридіанальной долиной, по дну которой темно-голубой блестящей лентой картинно извивался этотъ многоводный данникъ Южно-китайскаго моря. Въ сѣверной части горизонта тѣснились угрюмыя скалы, на югѣ рѣка терялась въ гигантскихъ каменныхъ воротахъ, за которыми въ синѣющей дали, словно облака, граничили съ голубой полоской неба снѣговая восточная окраина Рокхильскаго хребта и вершины болѣе отдаленныхъ далай-ламскихъ горъ. Ближайшій къ намъ сонмъ боковыхъ скалистыхъ отроговъ

темнѣль многочисленными складками сплошной заросли хвойнаго лѣса; ручьи и маленькія рѣчки терялись на днѣ глубокихъ овраговъ или второстепенныхъ ущелій.

Лѣтомъ долина Меконга несомнѣнно представляетъ еще болѣе очаровательную картину.

За рѣчкой Рэ-чю, черезъ которую мы переправились по легкому, гибкому мосту, экспедиція, взявъ направленіе круто къ сѣверу, поднялась на двойной переваль Цара-ла, имѣющей около 16.000 футовъ надъ моремъ. Съ вершины этого перевала рамки кругозора опять значительно раздвигаются и въ какую бы изъ сторонъ горизонта наблюдатель ни бросилъ взглядъ, всюду онъ видитъ горы, горы и горы, то бѣлыя снѣговья или темно-сѣрыя, обнаженные, то скалистыя острыя, то луговья закругленные, а въ глубинѣ горъ, въ ихъ ущельяхъ, все тотъ же прежній безконечный лѣсъ.

Въ истекшемъ году, этотъ переваль былъ для меня послѣднимъ; а сколько ихъ оставлено за собою съ начала лѣта, со времени вступленія экспедиціи на нагорье Тибета? На этотъ вопросъ сразу даже трудно и отвѣтить... Взглянувъ еще разъ на обширную панораму при-меконгскихъ горъ, мы начали спускаться по крутой, узкой тропинкѣ, убѣгавшей въ долину рѣчки Рон-чю, впадавшей затѣмъ въ Рэ-чю. На послѣднемъ своемъ ночлегѣ, памятномъ по обилію обезьянъ, мы были встрѣчены обитателями лхасскаго округа, а на слѣдующій день, двадцатаго ноября (1900 г.), въ восемь часовъ утра, въ ихъ обществѣ уже вступили въ селеніе Лун-ток-ндо, гдѣ экспедиція и остановилась на зимовку.

ГЛАВА IX.

Зимовка экспедиціи въ Камѣ.

Округъ Лхадю.—Князь лхадюг-чжалбо.—Занятіе, пища, одежда лхадюцевъ.—Обычай дѣвушекъ и женщинъ не входить въ чужой домъ.—Селеніе Луи-ток-идо.—Нравственныя качества туземцевъ.—Жизнь путешественниковъ на зимовкѣ.—Богатство животнаго міра.—Нравъ леопарда.—Новый горный козель.—Общіе праздники.—Фейерверкъ.—Поиска бѣглеца-проводника.

Округъ Лхадю, въ которомъ тибетская экспедиція расположилась на зимовку, незначительный по населенію въ настоящее время, прежде былъ густо населенъ монголами, смѣшавшимися съ пришлыми тибетцами. Коренное населеніе, шарайголы или желторѣченцы, вело долгія и упорныя войны съ тибетцами Дэргэ и особенно съ населеніемъ округа Гончжуръ и, благодаря этимъ войнамъ, уменьшилось, смѣшалось съ тибетцами и утратило свой языкъ и обычаи.

Тѣмъ не менѣе, лхадюцы до сихъ поръ считаютъ себя монголами, а не тибетцами. Съ сосѣдями своими, вслѣдствіе этой племенной розни, они живутъ не дружно. Дружатъ же только съ населеніемъ Нанчин-чжалбо, которое считаютъ родственнымъ по происхожденію, т. е. шарайголами же. Съ нанчинскимъ населеніемъ лхадюцы никогда не вели войнъ и всегда поддерживали, какъ продолжаютъ поддерживать и теперь, родственныя связи посредствомъ браковъ.

Всего теперь въ округѣ Лхадю насчитывается лишь около шестисотъ семействъ или приблизительно около трехъ тысячъ чело-вѣкъ. Пятая часть населенія живетъ осѣдло и занимается земледѣліемъ; остальные—кочевники, живутъ исключительно скотоводствомъ.

Округъ подчиненъ китайцамъ, но вліяніе Лхасы въ настоящее время въ немъ преобладаетъ. Подчиненіе Китаю выражается только взносомъ разъ въ годъ извѣстной подати, собираемой самими китайцами, прїѣзжающими за сборомъ ея изъ Чэн-ду-фу.

Весь этотъ небольшой округъ дѣлится на четыре хошуна. Во главѣ управленія стоитъ лхадог-чжалбо, потомокъ Эрхэ-тайчжи. Нынѣшній лхадог-чжалбо, по имени Норво-даши, имѣетъ отъ роду сорокъ восемь лѣтъ; это родной племянникъ предшествовавшего чжалбо. Жена его десять лѣтъ тому назадъ умерла, оставивъ сына, которому нынѣ уже четырнадцать лѣтъ и который является наслѣдникомъ и будущимъ лхадог-чжалбо.

Земледѣльцы сѣютъ изъ хлѣбовъ только ячмень, изъ котораго приготавливаютъ дзамбу, и изъ овощей—одну лишь рѣпу; послѣдняя, хотя и заготавливается главнымъ образомъ для лошадей, но ее нерѣдко ѣдятъ и сами тибетцы.

И осѣдлые, и кочевые лхадосцы ткутъ для своихъ потребностей шерстяныя матеріи изъ бараньей шерсти, которую первые обыкновенно покупаютъ или вымѣниваютъ у своихъ же кочевниковъ; помимо шерсти осѣдлое населеніе вымѣниваетъ у кочевого и шкуры барановъ. То и другое, т. е. шерстяныя ткани и овчины, лхадосцамъ нужны для шитья одежды.

Живутъ вообще лхадосцы по своему удовлетворительно, но на нашъ взглядъ совсѣмъ дурно. Обычная ихъ ѣда это дзамба съ масломъ, да и то лишь среди зажиточнаго населенія; бѣдняки же ѣдятъ дзамбу безъ масла или сала, и вмѣсто чая обыкновенно пьютъ отваръ изъ ячменной муки. Мясо у нихъ большая рѣдкость; даже богатые кочевники и тѣ специально ради мяса убиваютъ свой скоть лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Лхадосцы ѣдятъ мясо преимущественно состарившихся животныхъ или задавленныхъ звѣремъ; не брезгаютъ они также и мясомъ издохшей скотины, а тѣмъ болѣе мясомъ убитыхъ и изловленныхъ звѣрей и не только травоядныхъ, но и хищниковъ, въ родѣ лисиць, леопардовъ, рысей и другихъ дикихъ кошекъ, причемъ, какое бы то ни было мясо, лхадосцы ѣдятъ его совершенно въ сыромъ видѣ. Описываемые туземцы избѣгаютъ лишь употребленія въ пищу «человѣкоподобныхъ» тварей—обезьянъ.

Одѣваются лхадосцы также, какъ и другіе обитатели восточнаго Тибета; маленькая разница замѣчается только въ головномъ убранствѣ женщинъ, въ распредѣленіи ими связокъ янтарей, искусствен-

ныхъ серебряныхъ раковинъ, и въ числѣ болѣе или менѣе широкихъ матерчатыхъ лентъ, въ свою очередь, различно приспособляемыхъ на головахъ и спинахъ богатыхъ туземокъ. Лхадскія женщины и дѣвушки—большія любительницы всевозможныхъ женскихъ украшеній и нарядовъ; онѣ норовятъ заманить продавца съ подобными товарами въ сосѣдство своего дома, чтобы тѣмъ самымъ скорѣе дать понять мужьямъ или отцамъ о представляющемся случаѣ исполнить обѣщаніе, данное ими когда-то купить ту или иную вещь, на зависть гордыхъ сосѣдокъ. Отъ множества различныхъ бусъ, янтарей и раковинъ, отъ связокъ ключей, нацѣпленныхъ на женщинъ и дѣвушекъ, отъ своеобразныхъ звуковъ, издаваемыхъ всѣмъ этимъ убранствомъ во время движенія, лхадоскамъ положительно невозможно пройти не замѣченными. По части раскрашиванія лицъ обитательницы Лхадо такія же мастерицы, какъ и прочія тибетки. Наболѣе интереснымъ представляется, между прочимъ, наблюдавшееся нами среди чамдоскихъ модницъ намазываніе зимою щекъ упомянутымъ раньше прромомъ, который будто бы предохраняетъ наболѣе нѣжную кожу женщинъ отъ вѣтра и холода въ дорогѣ.

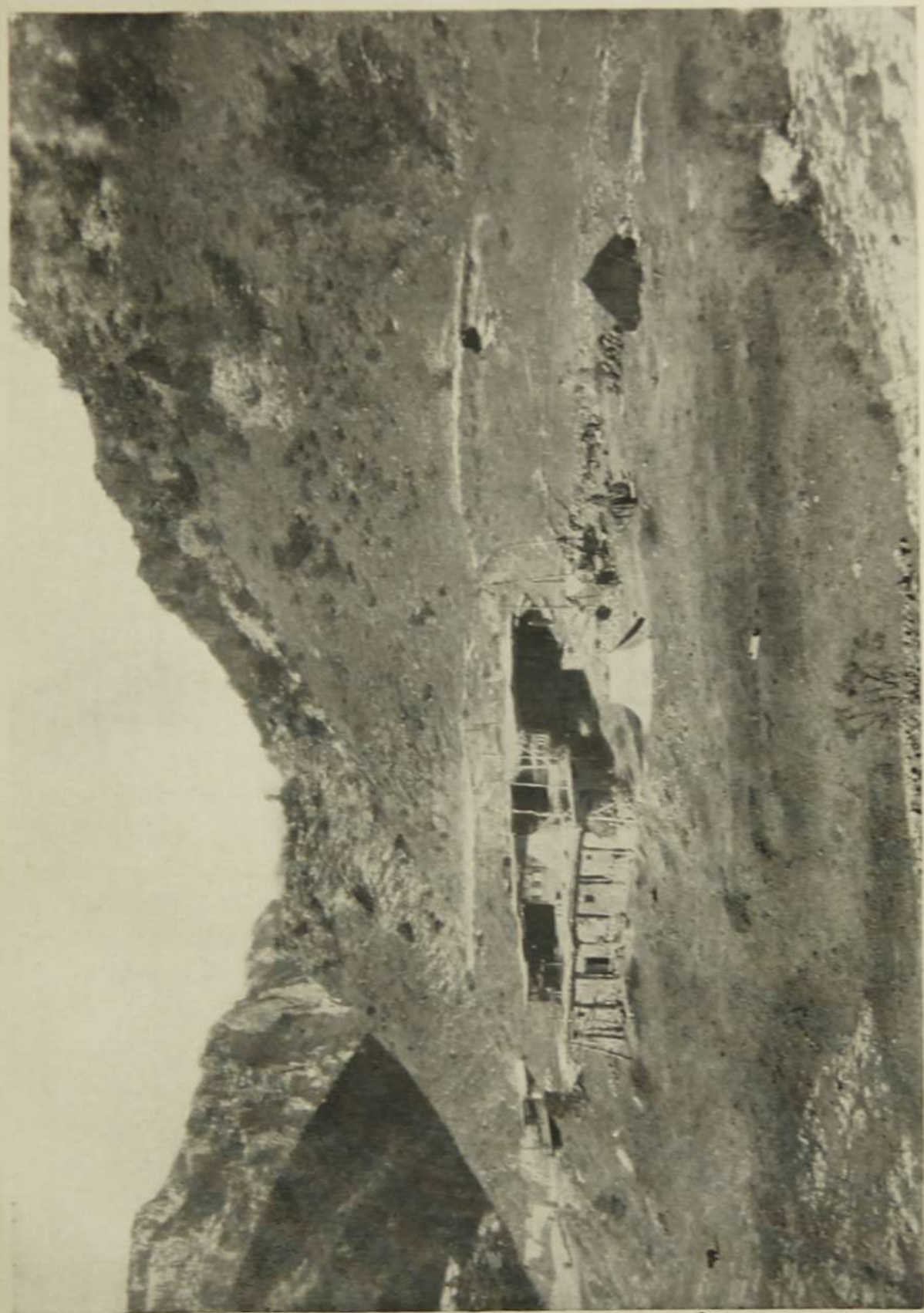
Обычай намазыванія тибетскими женщинами себѣ лицъ, съ точки зрѣнія отрицательнаго кокетства, введенъ былъ, говорятъ, въ этой странѣ издавна и продолжаетъ существовать, какъ пережитокъ, до настоящаго времени въ Лхасѣ и въ тѣхъ областяхъ Кама, гдѣ сосредоточены монастыри, а слѣдовательно и многочисленная монастырская молодежь. Дабы не вводить ламъ въ искушеніе, тибетки обязаны, кромѣ того, избѣгать встрѣчи съ ними, въ крайнихъ же случаяхъ должны, по меньшей мѣрѣ, «потуплять взоръ долу...»

Нравственныя качества лхадосцевъ мало чѣмъ отличаются отъ таковыхъ же вообще обитателей восточнаго Тибета; имъ присущи та же дѣнь, грубость, лицемѣріе, низкопоклонство; то же ханжество и суевѣріе. Подобно всѣмъ тибетцамъ, лхадосцы безцеремонныя попрошайки: потомкамъ монголовъ ничего не стоитъ протянуть руку и причитывать прославленіе: «куцэренъ, куцэренъ... сирену...» При встрѣчѣ съ почетными ламами или чиновниками, лхадосцы заранѣе слѣзаютъ съ лошадей, а при еще большемъ приближеніи присѣдаютъ и, одновременно съ присѣданіемъ, высовываютъ языкъ, часто оттягивая правою рукою соотвѣтствующую щеку, а затѣмъ произносятъ «дэму» или «тэму», равносильное нашему «здравствуй!» Въ разговорѣ со старшими лицами простолюдины молчаливо и почтительно стоятъ и только изрѣдка одобрительно киваютъ

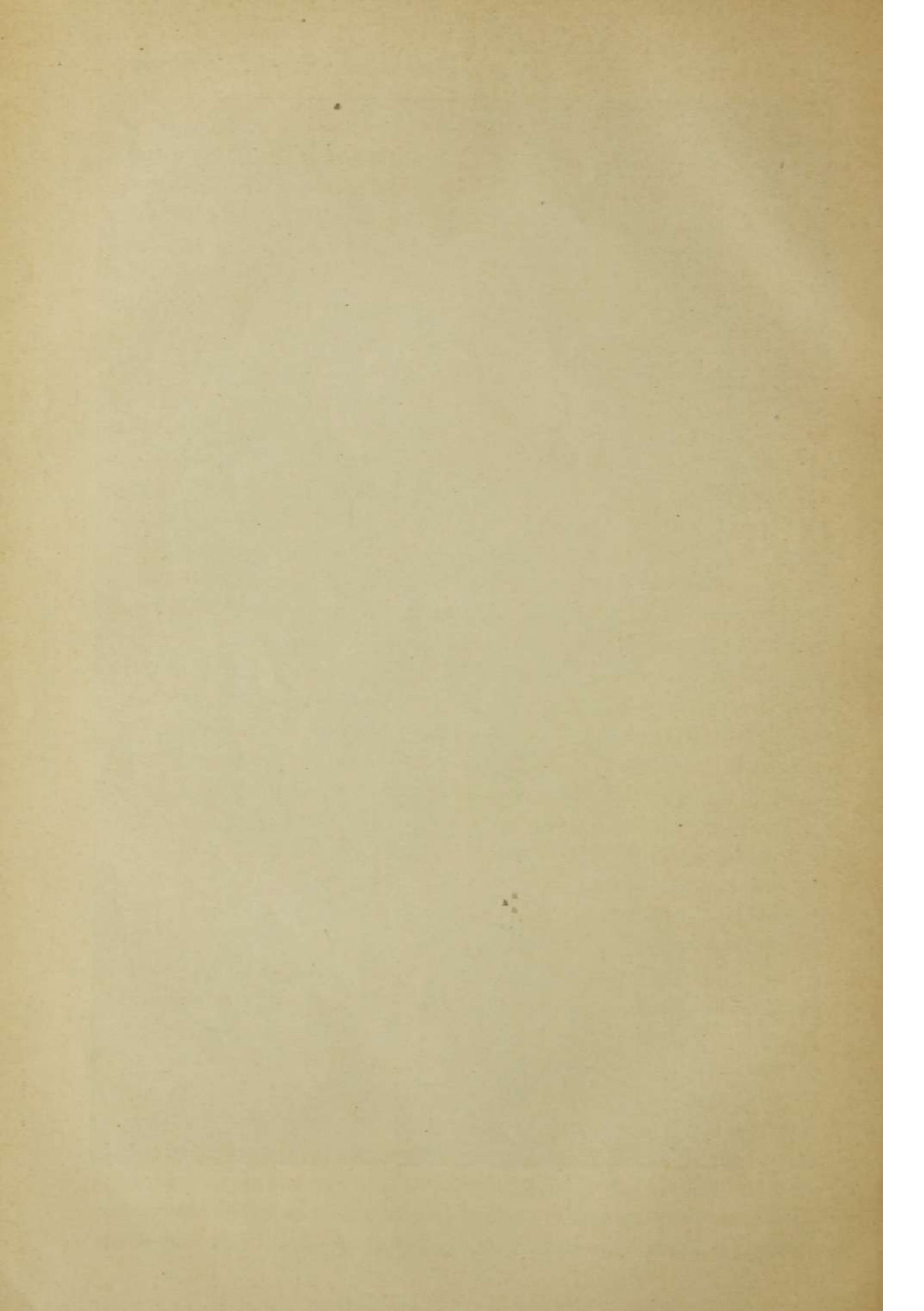
головой и покорно повторяютъ «лаксу», «лаксу», т. е. «да, да», даже выслушивая жестокий приговоръ надъ собою. Въ знакъ одобренія тибетцы поднимаютъ вверхъ большой палецъ, тогда какъ поднятый мизинецъ опредѣляетъ собою низшее качество; промежуточные же пальцы указываютъ на соответствующую ихъ расположенію степень; два большихъ или два малыхъ пальца, поднятыхъ или выставленныхъ одновременно, выражаютъ или высшую похвалу, или крайнее порицаніе. Какъ и у другихъ обитателей Тибета, у лхадосцевъ принято встрѣчать и провожать гостей до лошади. О всякомъ постороннемъ или чужомъ человѣкѣ, направляющемся въ домъ тибетца, или проходящемъ мимо, но вблизи жилища, во-время даютъ знать своимъ неистовымъ лаемъ огромныя злыя собаки.

Для лхадосскихъ дѣвушекъ, начиная съ 13-ти-лѣтняго возраста, равно и для молодыхъ женщинъ, считается въ высшей степени неприличнымъ войти въ чужой домъ или даже во дворъ (у осѣдлыхъ). Ни одна дѣвушка и женщина, за исключеніемъ старухъ, не рискнетъ этого сдѣлать изъ боязни, чтобы люди не заподозрили ее въ любовной связи съ мужчинами чужого дома. Если явится необходимость видѣться съ хозяйкою дома, съ ея дочерьми или вообще потребуется передать какое-либо словесное порученіе въ такой-то домъ, то онѣ, подходя къ нему, громко выкрикиваютъ имена тѣхъ женщинъ, съ которыми желаютъ говорить. Тѣ въ свою очередь выходятъ изъ дома и гдѣ-либо въ сторонѣ имѣютъ свиданіе. Такимъ же образомъ сосѣдки-женщины навѣщаютъ другъ друга и въ праздничное время, подъ видомъ гостей; угощеніе предлагается дѣвушкамъ и молодымъ женщинамъ также внѣ дома. Бѣдныя дѣвушки-пастушки, пасущія чужой скотъ, ночуютъ обыкновенно у себя дома, а пищу, получаемую ими отъ хозяина или владѣльца скота, сѣдаютъ внѣ дома этого лхадосца. Мужчины же и старухи входятъ въ чужой домъ свободно.

Въ одномъ изъ селеній лхадоскаго округа—Лун-ток-ндо экспедиція прожила ровно три мѣсяца: съ 20-го ноября 1900 года по 20-е февраля 1901 г. Означенное селеніе отстоитъ отъ Чамдо къ сѣверо-востоку, верстахъ въ сорока. Поднятое надъ моремъ безъ малаго на 12.000 футовъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, по отношенію къ окружающимъ его горамъ, словно спрятано на днѣ глубокаго каменистаго ущелья рѣчки Рэ-чю, тамъ, гдѣ ущелье это заперто съ обѣихъ сторонъ почти недоступными тѣснинами, сложенными главнымъ образомъ изъ плотнаго известняка и глинистаго сланца.

Зимовка експедиції вь Камф.

Отдѣльные домики этого селенія разбросаны по обоимъ берегамъ рѣчки и ютятся или на днѣ самаго ущелья или же на крутомъ скатѣ его, подобно тому жилищу, которое было отведено, разумѣется за извѣстную плату, подъ экспедицію. Этотъ красивый уголокъ приходится на горномъ мысѣ, у подножья котораго протекають воды, съ одной стороны, главной рѣчки Рэ-чю, съ другой—ея праваго притока Рон-чю, по которому экспедиція прибыла на зимовку.

Сѣверные склоны горъ почти сплошь одѣты еловымъ лѣсомъ, южные, во многихъ мѣстахъ, зарослями древовиднаго можжевельника; тамъ и сямъ стелятся разнообразнѣйшіе кустарники, съ уцѣлѣвшими на нѣкоторыхъ изъ нихъ красными ягодами. Увядшіе и засохшіе стебли травянистыхъ растеній давали поводъ предполагать богатство луговъ мѣстной альпійской области.

Богатому растительному покрову соответствуетъ и богатый животный міръ, въ особенности въ отдѣлахъ млекопитающихъ и птицъ. Надежды наши на интересные и разнообразные сборы въ этомъ отношеніи вполнѣ оправдались, какъ оправдался и предполагаемый сухой, мягкій климатъ зимы и невраждебное отношеніе къ экспедиціи туземцевъ вообще и лунтокндосцевъ въ частности.

Въ домѣ, занятомъ экспедиціей только на половину, въ его верхнемъ этажѣ, прежніе его обитатели во главѣ съ Цереномъ вначалѣ было перепугались и разбрелись по сосѣдямъ, но вскорѣ, убѣдившись, что имъ худого ничего не причинять, возвратились и сгруппировались въ нижнемъ этажѣ. Тамъ же, въ небольшомъ бревенчатомъ помѣщеніи, было и отдѣленіе для кумирни, въ которой, между прочимъ, устроился нашъ переводчикъ Бадмажаповъ и гдѣ также находили всегда пріютъ чиновники, пріѣзжіе изъ Чамдо или изъ ставки мѣстнаго лхадог-чжалбо.

Члены экспедиціи размѣстились въ единственной клѣтушкѣ второго этажа, тамъ, гдѣ на рисункѣ бѣлѣтъ окно, затянутое кисеею, а въ правомъ темномъ углу основались забайкальцы. Гренадеры же предпочли остаться въ палаткѣ, расположенной на вольномъ воздухѣ, по сосѣдству съ кухней. Для нашихъ спутниковъ-монголовъ была истребована тибетская черная палатка, въ которой цайдамцы отлично устроились, благодаря множеству войлочныхъ сѣделъ экспедиціонныхъ вьючныхъ животныхъ. Послѣднія всю зиму провели подъ открытымъ небомъ—днемъ въ сосѣднихъ ущельяхъ на пастбищѣ, ночью—на-привязи, рядомъ съ гренадерской палаткой. Гарза за свой строгій нравъ платился дневной свободой, но зато,

отпущенный съ вечера, всю ночь производилъ судъ и расправу съ чужими псами, которыя, томимые голодомъ, осмѣливались заглядывать въ нашъ лагерь. Въ затишьѣ и теплѣ, между, такъ называемымъ, офицерскимъ помещеніемъ и казаками, подъ навѣсомъ, гдѣ обыкновенно у хозяевъ хранилась солома, былъ пристроенъ нашъ общій любимецъ, Мандрилъ. Днемъ онъ тщательно перебиралъ мелкую солому, разыскивая зерна; ночью же, въ особенности когда было холодно, совсѣмъ зарывался въ нее.

Ровная площадка, находившаяся выше дома, занятого экспедиціей, сослужила хорошую службу для установки астрономическихъ инструментовъ. Багажъ нашъ былъ разсортированъ по частямъ, въ непосредственной близости съ нами. Въ палаткѣ, стоявшей на верху, находились почти исключительно текушіе сборы коллекцій птицъ и мелкихъ звѣрей, подлѣ которыхъ, въ видѣ охраны, спали препараторы. Общее же охраненіе бивака, по-прежнему, ввѣрялось часовымъ двухъ очередей, съ одной смѣной около полуночи.

Вставали мы на зимовкѣ также сравнительно рано: конвой около шести часовъ, а мы, члены экспедиціи, около семи, ко времени утренняго метеорологическаго наблюденія. Послѣ утренняго чаепитія, каждый принимался по обыкновенію за свое дѣло. Въ цѣляхъ большаго ознакомленія съ мѣстнымъ животнымъ міромъ, оба препаратора ежедневно экскурсировали въ окрестностяхъ Лунток-ндо; отъ времени до времени охотились также и люди отряда, соблюдая между собою строгую очередь.

По части ботаники собирались сѣмена.

Относительно продовольствія мы были обезпечены главнымъ образомъ мѣстными средствами и лишь отчасти прибѣгали къ содѣйствию чамдоскаго базара. Баранье мясо мы теперь разнообразили мясомъ болѣе жирныхъ яковъ, а вмѣсто дзамбы порою лакомились печенымъ хлѣбомъ, не дурно выходявшимъ изъ печи, устроенной въ песчано-глинистомъ обрывѣ при содѣйствіи плоскихъ булыжниковъ.

Съ управителемъ округа Лхадо лхадог-чжалбо, черезъ посредство его совѣтниковъ и ламъ, имѣвшихъ свиданіе съ нами въ первый день вступленія экспедиціи въ Лунток-ндо, установились порядочныя отношенія. Самъ чжалбо почему-то сторонился отъ насъ и производство дѣлъ по отношенію къ экспедиціи возложилъ на прикомандированнаго въ мое распоряженіе одного изъ совѣтниковъ — Юнди.

Мѣсто самой зимовки выбрано было очень удачно. Глубокое ущелье Рэ-чю, богатое скалами, лѣсами, ягодными кустарниками, альпійскими лугами и населенное оригинальными представителями маммологической и орнитологической фауны, превосходило многія другія въ ближайшихъ окрестностяхъ. Лхадосцы, узнавъ, что мы покупаемъ шкуры звѣрей за выгодныя для нихъ цѣны, стали нести намъ на продажу все, чѣмъ богата страна. Только благодаря этому мы могли узнать, что здѣсь водится очень интересный новый звѣрь джара или джагуръ, описанный мною ниже; затѣмъ большая лѣтяга, рѣчная выдра, кошки. Превосходныя шкуры нѣсколькихъ леопардовъ были также приобрѣтены у лхадосскихъ охотниковъ, которые вообще старались доставлять намъ добытыхъ ими звѣрей въ тушахъ, за что, конечно, получали надбавку.

Китайскій леопардъ или «зэгъ», какъ его называютъ лхадосцы, очень распространенъ въ системѣ верхняго Меконга, по крайней мѣрѣ въ той ея части, которую удалось посѣтить нашей экспедиціи. Здѣсь онъ ходитъ чаще въ одиночку, но во время любовной поры, которая бываетъ осенью, бродитъ парами, рѣже по три (два самца). Матери съ однимъ или двумя дѣтенышами показываются на глаза туземцамъ въ апрѣлѣ.

Леопардъ наносилъ тибетцамъ ощутительный убытокъ, давая ихъ скотъ, главнымъ образомъ небольшихъ коровъ, телятъ и козъ; не брезгаетъ онъ также и собаками. Такъ, однажды ночью, этотъ звѣрь прокрался къ одиноко-стоящему въ нашемъ селеніи жилищу, откуда слышался громкій лай собаки, и, задавивъ пса, понесъ свою добычу въ лѣсъ. На утренней зарѣ, хозяинъ дома, могучій по сложенію и слывшій въ округѣ за отличнаго стрѣлка, втихомолку направился вслѣдъ за звѣремъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ дома, въ оврагѣ, поросшемъ высокимъ кустарникомъ, лхадосецъ засталъ леопарда, пожирающаго остатки собаки. Осторожно приблизившись на разстояніе не болѣе десяти сажень, счастливый охотникъ мѣткимъ выстрѣломъ въ голову уложилъ леопарда на мѣстѣ. Больше всего описываемый звѣрь, однако, охотится, говорятъ лхадосцы, на многочисленныхъ обезьянъ, которыхъ мастерски скрадываетъ, притаившись въ скалахъ, въ то время, когда обезьяны предаются отдыху или забавамъ. Раздирающій душу крикъ, по словамъ мѣстныхъ охотниковъ, всегда служитъ явнымъ признакомъ, что пестрый хищникъ напалъ врасплохъ на обезьянъ и душилъ или грызетъ ихъ. Въ первый моментъ обезьяны словно теряются, чѣмъ и пользуется леопардъ, успѣвая иногда умерт-

вить трехъ—пятерыхъ изъ этихъ безобидныхъ тварей, прежде нежели онѣ успѣютъ опомниться и удрать въ скалы.

Днемъ зэга показывается рѣдко, отдыхая въ это время гдѣ-либо въ укромномъ мѣстѣ. Съ закатомъ же солнца, а въ пасмурные дни и раньше, этотъ красавецъ звѣрь покидаетъ свое логовище и идетъ на промыселъ или къ недоѣденной ранѣ добычѣ, какойнибудь задавленной скотинѣ. Въ послѣднемъ случаѣ туземцы — охотники сторожатъ звѣря. На такую охоту неувѣренные въ себѣ стрѣлки идутъ по два или по три человекъ, такъ какъ раненый звѣрь всегда бросается на охотника и мнетъ его подобно тигру. Здѣсь, въ Лхадо, мнѣ назвали трехъ такихъ охотниковъ, которые были болѣе или менѣе серьезно поранены леопардами.

Лхадосцы предпочитаютъ устраивать на зэга западню, которая мастерится въ лѣсу изъ десятка, а то и болѣе, тяжелыхъ бревень, связываемыхъ на подобіе щита. Послѣдній ставится по возможности на ровную поверхность земли подъ небольшимъ угломъ, оставляющимъ впрочемъ достаточно свободный входъ для звѣря, котораго манить внутрь засады голосъ, привязаннаго къ стойкѣ, поддерживающей щитъ, козленка. Испуганный неожиданнымъ появленіемъ леопарда, козленокъ бросается въ глубь западни, прячась въ ямку, нарочно для него устроенную, и тѣмъ самымъ роняетъ стойку и щитъ, давящій леопарда.

Большая, хорошая шкура звѣря цѣнится на мѣстѣ около десяти ланъ серебра и идетъ главнымъ образомъ на отдѣлку шубъ богатыхъ и знатныхъ тибетцевъ. Подобныя шкуры у тибетцевъ вообще играютъ большую роль при обмѣнѣ подарками. Мясо же леопарда многіе лхадосцы ѣдятъ съ удовольствіемъ, считая его очень вкуснымъ.

Слѣдующій звѣрь, заставляющій на себѣ остановиться, это «джара» или китайскій яманъ, среднее между антилопой и козломъ, названный мною *Nemorhoedus chamensis*. Въ цѣломъ этотъ звѣрь очень наряденъ, особенно когда быстро несется по опушкѣ лѣса.

По свѣдѣніямъ, добытымъ отъ туземцевъ, а также отчасти и согласно нашимъ личнымъ наблюденіямъ, весною, джагуръ держится одиночками и въ весьма трудно доступной мѣстности. Природные балконы, карнизы, крутые обрывающіеся лога дикаго каменистаго ущелья Рэ-чю—вотъ обстановка, среди которой живетъ и гдѣ можно встрѣтить описываемаго звѣря: притомъ крайняя

осторожность джара къ малѣйшему шороху и его большая выносливость на рану затрудняютъ охоту на него.

Лѣтомъ джагуръ поднимается въ верхній поясъ горъ, до 15.000 футовъ надъ моремъ, держась гребня хребта; днемъ онъ отдыхаетъ гдѣ либо въ прохладѣ нависшихъ скалъ, у верхняго предѣла лѣса или кустарниковъ, съ вечернею же зарею выходитъ на покормку.

Любовный періодъ у камскихъ козловъ проходитъ черезъ послѣднюю треть октября и первую треть ноября мѣсяцевъ: самцы въ гоньбѣ за самками издають голосъ, подобный голосу домашнихъ козъ; самцы же изъ за права обладанія подругами ожесточенно дерутся между собою; бой заключается въ боданіи или сшибаніи лбами и тогда, по словамъ тибетцевъ, всего легче скрасть и убить звѣря. По окончаніи течки, самцы снова отдѣляются отъ самокъ до слѣдующаго года. Дѣтеныши, по одному, рождаются въ апрѣлѣ и въ маѣ.

Позднею осенью и зимою, когда туземцы спускаются на дно ущелій или долинъ, звѣри также покидаютъ вершины гребня и вступаютъ въ область оставленныхъ тибетцами кочевій; здѣсь, нерѣдко, джара подбирается къ складамъ сѣна и, поднимаясь на дыбы, достаетъ его; полакомившись разъ—другой, звѣрь продолжаетъ ходить систематически почти каждую ночь, прокладывая тропинки; подобныя же дорожки можно наблюдать также и къ мѣсту водопада.

Что касается пернатого царства, то среди послѣдняго замѣчено большое богатство и разнообразіе, несмотря на то, что наши наблюденія касаются только осѣдлыхъ и зимующихъ птицъ; несравненно полнѣе получился бы списокъ послѣднихъ за круглый годъ, такъ какъ окрестныя мѣста, повторяю, представляютъ для нихъ самыя выгодныя условія, особенно въ періодъ гнѣздовья.

Мѣстная зима характеризуется мягкостью климата: почти полнымъ безснѣжіемъ, сравнительною сухостью, довольно прозрачною атмосферой, отсутствіемъ вѣтровъ по ночамъ и утрамъ и систематическимъ ежедневнымъ ихъ появленіемъ съ запада и юго-запада послѣ полудня.

Переходъ отъ прекрасной осенней погоды къ порядочной зимней совершается почти незамѣтно; безснѣжная зима мало разнообразитъ общій пейзажъ мѣстности; незначительный снѣгъ наблюдается только во время его паденія, рѣже въ теченіе одного или

двухъ послѣдующихъ дней; лишь по склонамъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу и покрытыхъ лѣсомъ, этотъ осадокъ сохраняется болѣе продолжительное время. Въ самый холодный періодъ зимы, въ послѣдней трети декабря и первой трети января, по ночамъ, температура хотя и падаетъ до $-26,5^{\circ}$ С, но днемъ, на солнцѣ, настолько тепло, что ледъ, лежащій по горнымъ ручьямъ и небольшимъ рѣчкамъ, замѣтно таетъ; главная же рѣчка Рэ-чю, въ Лунток-ндо и ниже, до впаденія въ Меконгъ, въ теченіе всей зимы не имѣетъ ледяного покрова. Въ концѣ того же мѣсяца, отличающагося наибольшей облачностью, лхадосцы удобряютъ свои поля навозомъ. Февральское солнце грѣетъ еще болѣе по весеннему и успѣшно будитъ къ дѣятельности жуковъ и мухъ. Согрѣтый и холодный воздухъ часто нарушаютъ равновѣсіе атмосферы, выражающееся въ вѣтрахъ различныхъ направленій. Свободное отъ облаковъ южное небо манитъ къ себѣ постоянно: днемъ — лазуревой прозрачностью, ночью — дивнымъ блескомъ свѣтилъ.

Въ теченіе всего ноября и первой трети декабря, въ ясныя ночи по небу проносились блестящіе метеоры или болиды, изъ которыхъ одинъ, своей величиной и эффектнымъ паденіемъ, привлекъ вниманіе многихъ и служилъ долгое время предметомъ самыхъ различныхъ толковъ.

Праздникъ Рождества Христова и первый день новаго, двадцатаго столѣтія экспедиція отмѣтила нѣкоторой торжественностью, такъ какъ у насъ все еще существовали предметы роскоши: сардины, консервированное молоко и кофе, всевозможные леденцы, коньякъ, ликеры, сигары и проч., тщательно сберегаемые про такіе исключительные праздники или другіе дни, чѣмъ либо знаменательные въ нашемъ далекомъ и продолжительномъ странствованіи. Надо, однако, замѣтить, что, по части «питій», экспедиція располагала на весь тридцатимѣсячный срокъ путешествія за границей всего лишь двадцатью бутылками и полубутылками коньяка и ликеровъ, причемъ изъ этого скромнаго запаса три бутылки цѣликомъ были подарены именитымъ туземцамъ; кромѣ того, значительная часть коньяка пошла имъ въ видѣ обычнаго угощенія; изъ остального же запаса, служившаго достояніемъ всего персонала экспедиціи, мы еще сохранили по бутылкѣ коньяка и ликера подъ названіемъ «завѣтная», до вступленія на родную землю. Этими словами я хочу сказать, что такъ называемые горячительные напитки въ нашей экспедиціи представляли скорѣе лекарственное

средство, нежели тотъ «необходимый повседневный предметъ», въ какой ихъ возводятъ другіе путешественники. Правда, пьющіе нижніе чины получали отдѣльную «чарку» водки, которую мы фабриковали сами, на мѣстѣ, изъ восьми ведернаго запаса спирта, везомаго специально для коллектированія рыбъ, змѣй, ящериць, мелкихъ грызуновъ и другихъ образцовъ зоологическихъ сборовъ. Непьющіе же чины конвоя, а такихъ было нѣсколько человекъ, взамѣнъ водки, получали лишнюю порцію сахара или леденцовъ, обыкновенно экономно расходуемыхъ ими вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ, единственнымъ напиткомъ, на который мы не скупились, не смотря ни на какую его дороговизну. Сардины и сласти—эти «вкусные заѣдочки и усладеньки», выражаясь словами незабвеннаго Пржевальскаго, также получали и нижніе чины и почти въ той же мѣрѣ, какая полагалась и по отношенію къ любому изъ главныхъ членовъ экспедиціи, не позволявшихъ себѣ никакого излишка и комфорта, наоборотъ,—съ перваго дня путешествія съ караваномъ разставшихся съ привычками цивилизованной обстановки, до спанья на кроватяхъ или койкахъ включительно: всѣ члены экспедиціи спали прямо на землѣ, лишь подославъ подъ себя войлокъ. Короче—мы жили братьями.

Такіе исключительные праздники, какъ указанный или, напримеръ, вступленіе экспедиціи на нагорье Тибета, въ бассейнъ Янцзы-цзяна или Меконга, добыча новыхъ формъ млекопитающихъ и птицъ, мы ознаменовывали тѣмъ, что нашъ однообразный супъ смѣнялся вкуснымъ пловомъ и помянутыми заѣдочками и усладеньками, которыя мы дѣлили съ дѣтской наивностью и простотою. Въ подобныя минуты, сидя за чашкой чая, мы считали себя положительно счастливейшими изъ людей, въ особенности, если къ тому же еще выпадали на долю такіе чарующіе уголки, на какіе не разъ указывалось выше. Къ своему столу, къ завтраку или обѣду, мы иногда приглашали знакомыхъ и пріятелей туземцевъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ рождественскихъ праздниковъ мы устроили фейерверкъ, привлекшій вниманіе обитателей всего селенія и послужившій затѣмъ долгое время для нихъ воспоминаніемъ о чемъ то сверхъестественномъ.

По поводу нашихъ праздниковъ и торжествъ туземцы замѣтили, что скоро и у нихъ настанутъ такіе же дни и что они теперь уже приглашаютъ насъ къ себѣ въ гости. Лхадосцы къ своему новому году, въ 1901-мъ году къ 7-му февраля, готовились за нѣсколько

дней; все чистилось, мылось, прибиралось. И мужчины, и женщины, и взрослые и дѣти—все приводили въ порядок свои лучшія одежды и наряды. Наканунѣ же самаго праздника у каждаго дома, на открытомъ тепломъ воздухѣ, можно было видѣть чуть не поголовное мытье туземцевъ. Въ роли куаферовъ являлись по большей части женщины, на долю которыхъ вообще выпадало много всевозможныхъ хлопотъ. Кажется, онѣ въ теченіе всей новогодней ночи не смыкали глазъ и не покладали рукъ. Даже лѣнливые мужья и тѣ встрѣтили этотъ праздникъ на ногахъ, при громкомъ чтеніи молитвъ, а нашъ хозяинъ, Церень, молотобоецъ, успѣлъ, кромѣ того, приготовить нѣсколько мани и заблаговременно отнести ихъ на сосѣдній горный выступъ. Чуть же забрезжила заря перваго дня новаго года, какъ населеніе Лун-ток-ндо оставило жилища и сошло на берегъ рѣчки къ заранѣе приготовленному большому костру можжевельника, который не столько пылалъ огнемъ, сколько разносилъ густой дымъ, клубами стлавшійся по долинѣ-ущелья. Можжевеловый дымъ—тотъ же ѳиміамъ, воскуриваемый буддистами своимъ божествамъ. Подлѣ жертвенника толпилось особенно много женщинъ и дѣтей, оживлявшихъ берега рѣчки звонкими голосами. Изъ хозяевъ многіе еще наканунѣ уѣхали въ ставку своего князя для принесенія ему обычныхъ новогоднихъ поздравленій. Съ восходомъ солнца нарядные лхадосцы возвратились въ дома и принялись за праздничную трапезу.

Въ первые дни новаго года родные и знакомые обыкновенно навѣщаютъ другъ друга.

Наши монголы-спутники въ этотъ праздникъ также побывали кое у кого изъ сосѣдей лхадосцевъ; въ другое же время они предпочитали сидѣть дома или уходить со скотомъ въ ближайшее ущелье. Джэрой—безсмѣнный пастухъ, забравшись куда нибудь на вершину скалы, такъ громко читалъ молитвы о сохраненіи животныхъ и общемъ нашемъ благополучіи, что распугивалъ звѣрей и птицъ, находившихся поблизости. Этотъ добродушный человѣкъ, попрежнему, былъ любимцемъ всего отряда. По вечерамъ у экспедиціоннаго костра, продолжавшаго служить клубомъ, онъ потѣшалъ моихъ спутниковъ всевозможными рассказами, но больше всего воспоминаніями о совмѣстномъ съ нами странствованіи по Тибету. Мы все не мало удивлялись до какихъ мелочей развито наблюденіе, повидимому, очень ограниченнаго монгола. Нѣсколько вечеровъ Джэрой интересно и неумоимо рассказывалъ, послѣдовательно шагъ за шагомъ, о нашемъ путешествіи. На выраженное

мною удивленіе по поводу наблюдательности и памяти цайдамских монголовъ, Дадай—одинъ изъ самыхъ толковыхъ туземныхъ спутниковъ—замѣтилъ, что его дядя, сопровождавшій покойнаго Н. М. Пржевальскаго, въ его первое путешествіе по Тибету, по возвращеніи въ Цайдамъ, написалъ интересную исторію путешествія русскаго нойона. Дадай закончилъ свою рѣчь обѣщаніемъ написать подобное его дяди повѣствованіе о теперешнемъ путешествіи русскихъ по Тибету.

Наши минуты досуга по-прежнему раздѣлялъ Мандриль, который, по мѣрѣ надвиганія весенняго тепла, чаще и чаще отпускаясь на свободу. Забравшись по обыкновенію на сосѣднее экспедиціонному дому дерево, ловкій звѣрекъ подолгу проводилъ тамъ время въ удивительныхъ прыжкахъ съ вѣтви на вѣтвь, нерѣдко въ погоняхъ за пристававшими къ нему воронами. Соображая о будущемъ своего невольнаго спутника, я попытался было его пристроить одному изъ мѣстныхъ тибетцевъ, но Мандриль на пятый день вновь прибѣжалъ въ нашъ лагерь и въ такомъ жалкомъ, несчастномъ видѣ, что у всѣхъ насъ вызвалъ глубокое сожалѣніе, усилившееся подъ впечатлѣніемъ той радости, которую проявилъ бѣдный звѣрекъ при видѣ всѣхъ насъ: въ глазахъ и движеніяхъ обезьяны, дѣтски прижавшейся къ моей груди, нельзя было не видѣть выраженія просьбы не покидать ее. Пробовалъ я также отпускать Мандрила въ стадо его дикихъ собратій, но ничего хорошаго не выходило: нашъ звѣрекъ получалъ нѣсколько пощечинъ, которыми его щедро надѣляли дикія обезьяны. Послѣ того мы рѣшили больше не разставаться съ Мандриломъ.

Двухъ другихъ молоденькихъ обезьянъ, изловленныхъ Мадаевымъ на охотѣ живьемъ, мы никакъ не могли приручить: все онѣ стремились въ лѣсъ; даже нашъ Мандриль и тотъ у этихъ дикарей не могъ вызвать желанія порѣзвиться. Въ концѣ концовъ одинъ изъ нихъ сбѣжалъ при содѣйствіи Мандрила, помогшаго развязать узелъ ремня, къ которому новичекъ былъ привязанъ; другой же, за свой злой нравъ, былъ приговоренъ къ смерти и попалъ въ жестянку со спиртомъ, въ каковомъ видѣ и доставленъ въ Зоологическій музей. Не измѣнялъ намъ одинъ лишь Мандриль, къ которому, со своей стороны, мы также сильнѣе привязались. Гренадеры, въ заботахъ о предстоящей дорогѣ, сшили для него теплый шерстяной костюмъ, въ которомъ Мандриль выглядѣлъ замѣчательно комичнымъ: сѣрая курточка съ кушакомъ и колпачекъ, казалось, парализовали всякое свободное движеніе звѣрька и онъ превращался въ

настоящую мумію. Стоило же только, бывало, дать понять Мандрилу, что онъ можетъ освободиться отъ одежды, какъ умный звѣрекъ тотчасъ сбрасывалъ ее долой и возвращался къ прежнему оживленію.

Такимъ образомъ наша жизнь на зимовкѣ шла вполнѣ удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Туземцы, послѣ одного-двухъ случаевъ удачнаго излеченія ихъ экспедиціоннымъ «лейбъ-медикомъ», какъ въ шутку мы называли нашего фельдшера Бохина, стали часто приходять къ намъ за лекарствами и совѣтами. Изъ особенно распространенныхъ болѣзней среди небогатыхъ лхадосцевъ извѣстны ревматическія, происходящія отъ неблагоприятныхъ условій жизни. Лучшимъ средствомъ для леченія этихъ болѣзней, по словамъ мѣстныхъ обитателей, служатъ чамдоскія горячія воды, на которыя больные ѣздятъ купаться.

Благодаря недалекому разстоянію отъ Чамдо, насъ нѣсколько разъ навѣстилъ, по порученію Даинъ-хамбы или ближайшаго помощника главнаго чамдоскаго перерожденца—Пакпалы, нашъ хорошій знакомый, да-лама, давшій экспедиціи много интересныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній. Почти исключительно благодаря этому чамдоскому чиновнику, охотно откликнувшемуся на мою просьбу поѣхать вмѣстѣ съ урядникомъ Бадмажаповымъ на розыски бѣглеца-китайца, обворовавшаго А. Казнакова въ разѣздѣ, преступникъ со всѣмъ похищеннымъ имуществомъ былъ найденъ. Это обстоятельство произвело на всѣхъ окрестныхъ тибетцевъ сильное впечатлѣніе, возстановившее прежнее обаяніе экспедиціи, намъ же лично дало возможность свободнѣе вздохнуть и еще больше вѣрить въ неразлучнаго нашего спутника—счастье.

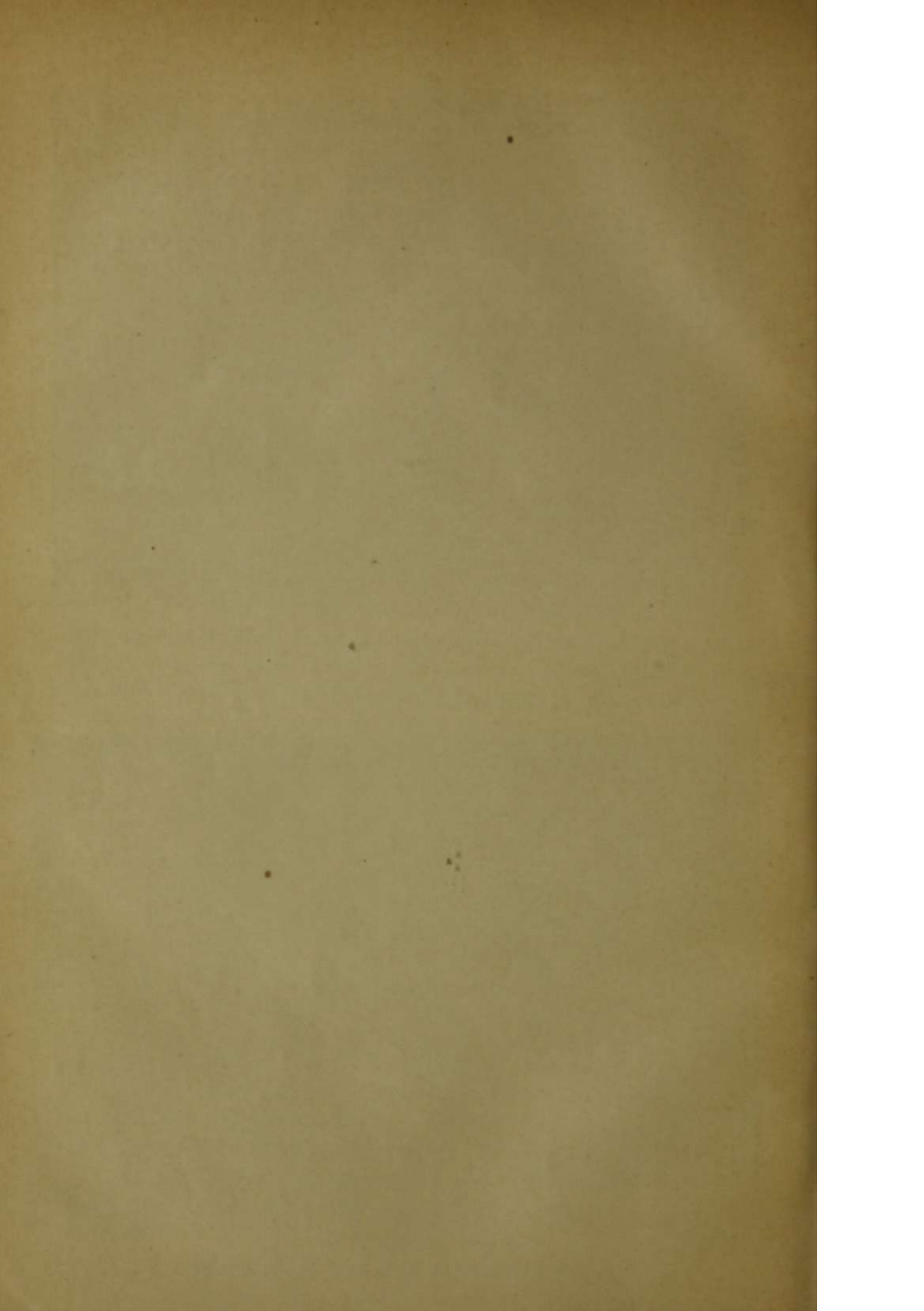
Несчастный Вей, черезъ нѣсколько дней послѣ побѣга, во время котораго выдавалъ себя за посланца отъ русскихъ съ важнымъ порученіемъ къ Нанчинъ-чжалбо, былъ тѣмъ не менѣ схваченъ, вблизи своего дома, тибетцами Ріучискаго хошуна и все время, пока не прибыли мои посланные, находился подъ строгимъ арестомъ, ежедневно подвергаясь тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, отъ которыхъ пришелъ въ неузнаваемый видъ. Послѣ продолжительныхъ и сложныхъ переговоровъ съ туземцами, да-ламѣ и Бадмажапову удалось наконецъ получить сначала вещи, украденныя китайцемъ, а затѣмъ и его самого. По дорогѣ къ зимовкѣ, во время переправы черезъ Меконгъ, изстрадавшійся китаецъ, не ожидая пощады съ нашей стороны, прыгнулъ съ плота въ рѣку и

Группа Лхадосцевъ.

Дадай, Бадмажановъ и Да-лама со спутникомъ.

тотчасъ же пошелъ ко дну; лишь веревка, на которой тащили связаннаго по рукамъ виновнаго, указывала направленіе, куда понесло быстрымъ теченіемъ утопленника... Возможно также допустить, что Вей былъ очень ловко сброшенъ въ рѣку тибетцами перевозчиками, заблаговременно подговоренными хитрымъ да-ламой, который такимъ образомъ избѣгалъ возможныхъ дальнѣйшихъ непріятностей, по отношенію къ лян-тайю—китайскому гражданскому чиновнику въ Чамдо. Подобное предположеніе представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, по случаю незначительныхъ размѣровъ плота, при переправѣ черезъ рѣку, китайца сопровождали одни лишь туземцы; мои же посланцы находились на берегу, въ ожиданіи возвращенія перевозочныхъ средствъ. На крикъ и замѣшательство тибетцевъ перевозчиковъ, достигнувшихъ середины Меконга, Бадмажаповъ могъ только констатировать мгновенное исчезновеніе Вей.

Между тѣмъ время бѣжало; солнце съ каждымъ днемъ пригрѣвало сильнѣе и сильнѣе. Наступали длинные благодатные дни. Въ теплое воздухъ начало слышаться жужжаніе насѣкомыхъ, а затѣмъ стали показываться и пролетныя птицы. Пришла пора и намъ собираться въ далекій обратный путь.

ГЛАВА X.

Отъ зимовки до селенія Бана-джунъ.

Движеніе по лхадоскимъ владѣніямъ.—Опять на высококомъ, холодномъ плоскогорьи.— Въ хребтѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.—Высочайшіе перевалы.—Смерть Мандрила.—Лагерь на Голубой рѣкѣ. Свиданіе съ послами Далай-ламы.—Замѣтка о Лхасѣ и о верховномъ правителѣ Тибета.—Оживленіе большой дороги; охота-облава.

Послѣдняя недѣля пребыванія экспедиціи въ селеніи Лунток-ндо прошла въ неустанныхъ хлопотахъ по снаряженію каравана и приведенію его въ походный порядокъ: сортировкѣ багажа, переукладкѣ коллекцій, пополненіи запасовъ продовольствія и въ ремонтірованіи вьючныхъ и верховыхъ животныхъ. Общее число послѣднихъ было доведено до шестидесяти пяти, на что потребовалось не мало труда и денегъ. Знакомые сосѣди туземцы приходили въ нашъ лагерь и приносили въ даръ обычные предметы продовольствія—мѣстную «хлѣбъ-соль», сопровождая ее своеобразными напутствованіями въ дорогу.

Эти же лхадосцы, наканунѣ нашего выступленія съ зимовки, устроили въ нашу честь хороводъ—круговой танецъ съ пѣснями. И мужчины, и женщины, и взрослая молодежь, раздѣлившись на двѣ равныя группы, человекъ по двѣнадцати, открыли танцы мѣрнымъ притопываніемъ ногъ, подѣ тактъ пѣсенъ, двигаясь то въ ту, то въ другую сторону. На флангахъ помѣстились болѣе опытные танцоры и танцорки, руководившіе общимъ хороводомъ. Во время ускореннаго оживленнаго темпа, танцоры стройно подвигались на нѣсколько шаговъ въ одну изъ сторонъ, во время же его замедленія исполняли танецъ на мѣстѣ, приподнимая довольно высоко правую или лѣвую ногу, въ зависимости отъ того, въ какую изъ сторонъ направлялись танцующіе. Танецъ на мѣстѣ заканчивался

общимъ поворотомъ танцующихъ и новымъ плавнымъ движеніемъ въ другую сторону или на встрѣчу другому полукругу. Такимъ образомъ кругъ нѣсколько разъ смыкался и размыкался. Лучшіе исполнители хоровода, получивъ громкое одобреніе со стороны зрителей, входили въ экстазъ. Лица танцоровъ и танцорокъ то краснѣли, то блѣднѣли, черные глаза загорались блескомъ, острые взгляды устремлялись куда-то вдаль. Неутомимые дирижеры доводили танцующихъ до полного изнеможенія и танецъ оканчивался.

Двадцатаго февраля, въ десять часовъ утра, нашъ большой караванъ потянулся вверхъ по ущелью Рэ-чю. Вскорѣ мы прошли по мосту, гдѣ я много разъ сидѣлъ въ напрасномъ ожиданіи выдры: тамъ, вправо, виднѣлись мѣста, излюбленныя бѣлыми и зелеными фазанами; пониже, у скалъ, часто рѣзвились обезьяны; все это теперь оставлялось на-долго, быть можетъ, навсегда.

Поднявшись на крутой горный выступъ, одѣтый густымъ хвойнымъ лѣсомъ, я невольно еще разъ взглянулъ на этотъ прекрасный тихій уголокъ, уютившійся подъ защитою массивныхъ известняковъ и сланцевыхъ скалъ. Дикое каменное ущелье постепенно выводило насъ на просторъ, сначала по главной своей рѣчкѣ, а затѣмъ по правому ея притоку Ю-чю, при которомъ, за послѣднимъ прорывомъ скалъ, была скрытно расположена ставка лхадог-чжалбо. Мѣстный князь жилъ, подобно великимъ ламамъ богатыхъ монастырей, въ просторномъ деревянномъ домѣ, выкрашенномъ въ густой кирпичный цвѣтъ.

Съ княземъ мы имѣли случай обмѣняться, хотя и заочно, прощальнымъ привѣтствіемъ и подарками. Князь, конечно, дипломатически выразилъ сожалѣніе, что болѣзненный недугъ не позволилъ ему принять «дорогихъ гостей» у себя дома. Совсѣмъ иначе отнеслись къ намъ монахи при слѣдованіи экспедиціи подлѣ монастыря Мцзоцзэ-гомба, красиво расположеннаго на скатѣ горы. Здѣсь наиболѣе фанатичные изъ ламъ, поднявшись на кровлю монастырскаго храма, махали черными флагами въ нашу сторону и трубили въ берцовыя человѣческія кости, давая тѣмъ понять ихъ явное недружелюбіе по отношенію къ пришельцамъ. Это обстоятельство навело на откровенную мысль одного изъ многихъ туземцевъ, сопровождавшихъ насъ до дэргэской границы. Умный лхадосецъ замѣтилъ: «въ васъ ламы вполне естественно видятъ недруговъ, потому что не въ далекомъ будущемъ, черезъ васъ же и подобныхъ вамъ людей, роль этихъ дармоѣдовъ утратится, взамѣнъ чего

простые смертные свободнѣе вздохнуть»; этимъ самымъ либеральный туземецъ желалъ сказать, что какое бы ни было будущее, но оно, во всякомъ случаѣ, не можетъ оказаться хуже современнаго административнаго строя, созданнаго или непосредственно ламами, или при ихъ ближайшемъ участіи.

Вскорѣ затѣмъ экспедиція вступила на нагорье, гдѣ застала настоящую зиму. На перевалѣ Джам-ла мы вынесли на себѣ ея ужасныя невзгоды, такъ какъ снѣжный штормъ, начавшійся съ утра, не прекращался до полудня. Виды съ перевала хребта, занесеннаго глубокимъ снѣгомъ, были, конечно, закрыты и мы подвигались впередъ чуть не ощупью. Сильные порывы бури относили въ сторону и людей, и животныхъ, крѣпившихся подъ ея ударами. Всѣмъ было тяжело, но больше другихъ выстрадалъ, разумѣется, бѣдный Мандриль, который самъ просился къ одному изъ вблизи слѣдовавшихъ казаковъ, Жаркому, подъ защиту его широкой теплой груди, гдѣ благополучно и просидѣлъ до остановки каравана.

На границѣ дэргэскаго округа, тибетцы, заранѣе прознавшіе о времени и направленіи движенія экспедиціи, выставили въ своихъ владѣніяхъ отрядъ, силою до полутора ста человекъ, въ цѣляхъ воздѣйствія на лхадосцевъ, чтобы тѣ, съ своей стороны уговорили русскихъ избрать сѣверную дорогу на Хор-гамдзэ, а не среднюю, какъ того желали русскіе, или южную, проходившую въ труднодоступной мѣстности. Свои доводы дэргэскій чиновникъ Бдуйму-Гачи подкрѣплялъ угрозою лхадосцамъ, что если русскіе все таки пойдутъ черезъ ихъ монастырь, то онъ сейчасъ двинетъ своихъ воиновъ только не на русскихъ, съ которыми онъ не въ состояніи справиться, а на ближайшихъ жителей Лхадо и разнесетъ ихъ. Не желая навлекать на экспедицію нареканій, я согласился слѣдовать сѣвернымъ путемъ тѣмъ охотнѣе, что пересѣченіе горной страны въ этомъ направленіи было совершенно новымъ, а поэтому и болѣе интереснымъ, нежели черезъ монастырь и ставку дэргэскаго чжалбо, куда уже совершилъ поѣздку съ зимовки мой сотрудникъ А. Казнаковъ. Уступка съ нашей стороны въ пользу Дэргэ обязывала чиновника или тонкора сопровождать экспедицію въ теченіе нѣсколькихъ дней и давать намъ подводы для облегченія экспедиціонныхъ животныхъ, которымъ предстояли еще большія трудности на дальнѣйшемъ пути къ Цайдаму.

Послѣ такого рѣшенія воинственный пылъ дэргэсцевъ исчезъ. Высоты праваго берега Гэ-чю, занятыя ихъ сторожевыми разъѣздами, стали освобождаться; изъ овраговъ, тамъ и сямъ, начали

показываться спѣшенные воины и разѣзжаться во-свояси. Жилища, державшіяся словно въ осадномъ положеніи, вдругъ обнаружили обычную дѣятельность, стада потянулись на пастбища, тибетки побрели за топливомъ, словомъ, все вошло въ мирную обстановку и дэргэсцы, вмѣсто враговъ, сдѣлались весьма доброжелательными, спѣша съ различныхъ сторонъ въ нашъ лагерь съ предложеніемъ купить у нихъ барановъ, масла и прочихъ жизненныхъ продуктовъ. Подъ такимъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, мы окончательно разстались съ вполне успокоенными лхадосцами.

Дальнѣйшими нашими спутниками являлись дэргэсцы, которые, ставъ въ дружественныя отношенія, просили насъ показать имъ наше вооруженіе. Опять, какъ и прежде, повторилась показная стрѣльба изъ трехлинейныхъ винтовокъ, а также и стрѣльба дробовыми ружьями. Туземцы, при видѣ нашихъ ружей, приходили въ недоумѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ въ дикій восторгъ. Мѣткость винтовки, дальность полета пули и ея страшное разрушительное дѣйствіе, совершенно отуманивали головы тибетскихъ номадовъ, рассказывавшихъ потомъ про русскія мим-да всевозможныя чудеса.

Дэргэскій чиновникъ старался насъ увѣрить, что китайское вліяніе въ Тибетъ съ каждымъ годомъ падаетъ, вліяніе же лхаскаго правительства, напротивъ, все болѣе усиливается и что всякаго рода бумаги и приказанія послѣдняго стали въ глазахъ тибетцевъ неизмѣримо выше распоряженій богдыхана. Однако, когда Бдуйму-Гачи были показаны наши пекинскіе паспорта, то онъ ихъ сначала торжественно приложилъ къ своему лбу, а затѣмъ уже началъ бережно развертывать и читать.

Изъ дальнѣйшихъ откровенныхъ разговоровъ съ тонкоромъ, мы пришли къ общему заключенію, что простые обитатели округовъ восточнаго Тибета въ основѣ своей имѣютъ много добропорядочнаго, но бѣда въ томъ, что они страшно забиты произволомъ чиновниковъ и ламъ. Въ большинствѣ случаевъ ни семья, ни имущество простолюдина-тибетца не гарантированы; приказа вліятельнаго чиновника выдать для него одно, прислать другое, принять въ домъ, славящійся красавицей хозяйкой, предвѣстника почетнаго ночлежнаго гостя, — его богато-отдѣланную саблю или иную вещь, не долженъ никто ослушаться, иначе жестокое наказаніе ожидаетъ всякаго изъ тибетцевъ, дерзнувшаго противиться желанію властнаго и надменнаго бэй-ху. Послѣдній въ исключительныхъ случаяхъ не задумается даже пригласить къ себѣ такого несчастнаго собрата, ясно понявшаго совершившійся надъ нимъ приго-

воръ, и предложить ему, подъ видомъ «пріятельской» чашки вина, проглотить отравленный напитокъ... Мѣстнымъ начальникамъ ничего не стоитъ подвести подъ тѣлесное наказаніе любого ненавистнаго тибетца; о чувствахъ общечеловѣческаго достоинства здѣсь не имѣютъ понятія: все основано на силѣ и богатствѣ, причемъ очень часто первая подчиняется послѣднему.

Всю послѣдующую недѣлю, съ 3-го по 10-е марта, экспедиція провела въ области третьяго или средняго пересѣченія хребта Императорскаго русскаго географическаго общества, а именно въ той его части, гдѣ этотъ могучій водораздѣль не менѣе могучихъ рѣкъ Голубой и Меконга раздѣленъ на двѣ высокихъ скалистыхъ цѣпи, поднимающихся въ главныхъ вершинахъ до 18.000 футовъ надъ моремъ, и простирается въ ширину по кратчайшему разстоянію около семидесяти верствъ. Подъемъ на ту или другую цѣпь съ юга, гдѣ снѣговой покровъ обнаруживался лишь въ верхнемъ поясѣ горъ, болѣе или менѣе доступенъ; спуски же на сѣверную сторону ужасно круты, каменисты и по причинѣ глубокаго снѣга стоили намъ неимовѣрныхъ усилій и трудовъ, помимо холода и прочихъ связанныхъ съ нимъ невзгодъ. Но всего тяжелѣе вспомнить первый или южный переваль, отнявшій у насъ нашего любимца Мандрила. Впрочемъ, объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже.

Особенно дикое и подавляющее впечатлѣніе производятъ горы въ тѣсномъ промежуткѣ между двумя высокими цѣпями хребта Императорскаго русскаго географическаго общества, гдѣ небольшая по протяженію, но многоводная рѣчка Бар-чю, съ крутымъ паденіемъ и бѣшенымъ стремленіемъ водъ, ведетъ борьбу со скалами и порогами, нагроможденными въ хаотическомъ безпорядкѣ въ тѣснинѣ сѣверной цѣпи, не представляющей никакой возможности для движенія каравана. Бѣшеная рѣчка Бар-чю, словно стальная змѣя, разрываетъ передовыя горы, шумно клокочетъ и пѣнится на днѣ темной расщелины и далѣе, по направленію къ долинѣ Ян-цзы-цзяна.

Не менѣе дика и величественна картина вообще въ верхнемъ поясѣ этого хребта, обильнаго мощными скалами и высокоствольными хвойными лѣсами, нерѣдко предоставляющими своеобразную прелесть. Множество высокихъ и низкихъ, густыхъ и разрѣженныхъ кустарниковъ лѣпится, тамъ и сямъ, по карнизамъ и сопкообразнымъ выступамъ отроговъ или поднимается по крутизнамъ, изрѣзаннымъ каменистыми руслами, мѣстами прерываемыми шумными каскадами. Въ лѣтнюю пору года здѣсь найдутъ богатую до-

бычу и зоологъ, и ботаникъ, въ особенности послѣдній; для зоолога же не малый интересъ можетъ представить и зимняя фауна въ отдѣлахъ млекопитающихъ и птицъ. Послѣднихъ въ лѣсной и кустарной областяхъ почти такое же богатство и разнообразіе, какое было обнаружено нами на зимовкѣ экспедиціи.

Туземное кочевое населеніе ютилось въ это время въ районѣ ниже-средняго пояса горъ того и другого склоновъ хребта, въ за-тишьѣ, гдѣ вовсе не было снѣга или гдѣ онъ лежалъ тонкимъ, быстро испаряющимся слоемъ и гдѣ уже чувствовалось вѣяніе весны. Въ области же верхняго пояса этого грандіознѣйшаго хребта еще царила настоящая зима и пустынное безмолвіе, нарушавшееся лишь завываніемъ вѣтра и бури. Поэтому окраины или точнѣе нижнія зоны хребта мы могли изслѣдовать съ большей полнотою, нежели его высокій скалистый гребень, засыпанный глубокимъ снѣгомъ. Мѣстами на нашемъ пути свѣжій рыхлый снѣгъ былъ такъ глубокъ, что скрывалъ всѣ неровности, и быки или лошади, уклонившись съ заметной тропинки, нерѣдко проваливались и исчезали подъ его поверхностью, словно въ глубокомъ омутѣ. Мѣстами же сохранялись старыя проторенныя дорожки въ родѣ узкихъ траншей, гдѣ нашимъ большею частью громоздкимъ вьюкамъ приходилось преодолевать значительныя затрудненія.

Самыми трудными переходами для насъ были третій и четвертый, т. е. тѣ дни, въ которые мы пересѣкали горныя цѣпи хребта, поднимаясь и спускаясь съ сѣдловинъ ихъ гребней выше версты по вертикалу. Въ южной цѣпи переваль Го-ла-ларги возвышается на 16.210 футовъ надъ моремъ; въ сѣверной переваль Сэнкэ-ла—на 16.600 футовъ, или, другими словами, болѣе нежели на тысячу футовъ превышаетъ вершину Казбека. Послѣдняя цифра можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ самой высшей точки, которой коснулся караванъ нашей экспедиціи за все время двухъ съ половиной годового движенія по Центральной Азіи и Тибету.

Въ срединѣ, между цѣпями хребта Императорскаго русскаго географическаго общества, въ урочищѣ Бачам-да, намъ пришлось устроить невольную дневку, такъ какъ въ теченіе ночи, съ 5-го на 6-е марта, выпалъ снѣгъ глубиною отъ полуфута до цѣлаго фута и, по-временамъ, проглядывавшее сквозь болѣе или менѣе густой туманъ солнце съ одной стороны согрѣвало насъ, съ другой же болѣзненно ослѣпляло глаза, не давая возможности безъ сѣтчатыхъ очковъ ступить шагу или хоть на минуту покинуть палатку.

Эта же стоянка еще болѣе омрачилась для насъ гибелью на только что пройденномъ перевалѣ нашего спутника Мандрила, умершаго подъ тяжелымъ вьюкомъ, свалившимся на него вмѣстѣ съ быкомъ, одновременно везшимъ и несчастнаго Мандрила. Со-знаюсь, что мнѣ лично очень тяжело было перенести смерть обезья-ны, дѣтски привязавшейся къ намъ и отлично знавшей каждого изъ участниковъ экспедиціи. Гренадеры, вооружившись лопатами, вы-рыли яму на красивомъ горномъ скатѣ, вблизи звонкой и прозрач-ной рѣчки. Холодный трупикъ нашего любимца былъ бережно опу-щенъ и засыпанъ землей, поверхъ которой мы соорудили изъ кам-ней пирамидку. Рядомъ съ могилой Мандрила лежитъ огромная каменная глыба.

Сопровождавшіе насъ туземцы, которыхъ было свыше десяти человѣкъ, во время неожиданной дневки собрались подъ навис-шими скалами и вели громкую оживленную бесѣду, нерѣдко пре-рываемую еще болѣе громкимъ пѣніемъ и пляской. Своеобразное веселье у туземцевъ продолжалось почти всю ночь, что не помѣшало имъ на другой день, 7-го марта, ходко двигаться пѣшкомъ при пе-ресѣченіи высокой и крутой сѣверной цѣпи хребта. Вообще, оби-татели восточнаго Тибета замѣчательно неутомимые и ловкіе хо-доки по горамъ, равно и незамѣнимые погонщики караванныхъ бы-ковъ. Движеніе каравановъ часто только и обнаруживается одними громкими голосами и свистомъ тибетцевъ, которые, кромѣ того, то и дѣло бросаютъ камни въ наиболѣе непокорныхъ животныхъ. У любого тибетца-погонщика постоянно имѣется за пазухой запасъ гальки, расходуемый по мѣрѣ надобности и опять пополняемый въ каменистыхъ руслахъ рѣчекъ.

Ненастная погода, перемежающійся вѣтеръ, снѣгъ и холодъ всего чувствительнѣе доняли насъ на перевалѣ Сэнкэ-ла. Сѣрыя тучи набѣгали одна за другой, проносясь то надъ гребнемъ хребта, то у его скатовъ. Виды не только вдаль по ущельямъ, но даже до ближайшихъ изломовъ ихъ, были закрыты. По временамъ вѣтеръ дулъ съ силою бури и обдавалъ насъ тончайшей снѣжной пылью. Тяжело было подниматься на перевалъ, но еще тяжелѣе былъ его крутой обледенѣлый спускъ, обильный острыми камнями, залегав-шими по скату. При подъемѣ на перевалъ, на днѣ узкаго ущелья, мы видѣли лежавшую большую глыбу, недавно свалившуюся съ утеса, круто ниспадавшаго футовъ около тысячи относительной вы-соты. Огромнѣйшій, величиною въ палатку, отторженецъ еще но-силъ слѣды свѣжихъ изломовъ при паденіи, равно зіяла и та свѣтло-

сѣрая рана утеса, откуда оторвался этотъ гигантъ, глубоко избороздившій песчано-глинистую почву ложа ущелья. По словамъ туземцевъ-очевидцевъ, нѣчто ужасное происходитъ въ томъ мѣстѣ горь, гдѣ рушится скала и падаютъ ея обломки.

Спустившись по ущелью Сэн-чю въ зону густого лѣса, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, вышли изъ области снѣга и на террасовидныхъ лужайкахъ, въ сосѣдствѣ одинокой тибетской палатки, съ радостью разбили бивакъ на нѣсколько дней. И люди, и животныя были сильно утомлены послѣднимъ переваломъ...

Сосѣднй монастырь Чункоръ-гомба зналъ уже о нашемъ приходѣ и приготовилъ для насъ людей и лодку, чтобы экспедициі затѣмъ въ тотъ же день можно было и переправиться черезъ Голубую рѣку. Послѣдняя въ это время имѣла низкій уровень и отличалась дивной прозрачностью своихъ голубыхъ водъ, отражавшихъ словно въ зеркалѣ прибрежныя скалы. Галечное дно рѣки также хорошо было видно; поэтому, стоя на возвышенныхъ береговыхъ террасахъ, не трудно было отмѣчать наибольшія темныя глубины и просвѣчивающія отмели. Мѣстами со дна рѣки выступали огромныя валуны, обдаваемые пѣнистыми брызгами серебристыхъ стремительныхъ волнъ. Монотонный шумъ послѣднихъ разносился далеко по сторонамъ долины, занятой земледѣльческимъ населеніемъ.

Нашъ бивакъ, свободно размѣстившійся на береговой террасѣ Ян-цзы-цзяна, постоянно былъ оживленъ народомъ, такъ какъ къ намъ заглядывали не только мѣстные обитатели, но даже и нѣкоторые изъ сычуаньцевъ, направлявшихся съ торговыми караванами или въ Чжэрку и далѣе по направленію къ столицѣ Тибета или же шедшихъ обратно въ Сы-чуань. Цѣлыми днями просиживали у насъ лѣнливыя тибетцы, часто засыпая въ растяжку на землѣ или прислонившись другъ къ другу.

На второй день нашего прихода на Голубую рѣку, 11-го марта, мы были радостно удивлены неожиданнымъ прїѣздомъ вслѣдъ за нами лхасскаго посольства, которое, не заставъ насъ на зимовкѣ, ускореннымъ маршемъ направилось въ догонку экспедициі. Лхасское посольство состояло изъ двухъ чиновниковъ—дзэ-нчонирь Джам-ин-Шэрабъ-Усура и дзэ-нирпанъ Дондубъ-Чундэна—и многочисленной свиты, слѣдовавшей частью непосредственно съ главными членами посольства, частью при ихъ громадномъ караванѣ. При лхасскомъ посольствѣ, между прочимъ, состоялъ и дэргэскій тонкоръ, нашъ старый знакомый. Послы рѣшились прибыть въ

нашъ лагерь и начать съ нами переговоры лишь послѣ того, какъ убѣдились въ томъ, что мы русскіе.

«Въ послѣднее полугодіе», говорилъ главный посоль, «далай-лама, получая о вашей экспедиціи довольно часто самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія, рѣшилъ, наконецъ, командировать насъ, меня и товарища, для выясненія вопроса кто вы такіе—русскіе или англичане? Если русскіе, то приказано тотчасъ же познакомиться съ вами и передать отъ далай-ламы привѣтъ, а если англичане, то, не заводя никакихъ разговоровъ, ѣхать обратно въ Лхасу».

«Прежде всего, далай-лама великодушно проситъ извиненія у сильнаго Русскаго Государя за то, что Его экспедицію не пустили въ Лхасу, но это сдѣлано только въ силу основныхъ древнихъ законовъ и завѣтовъ лхасскихъ, обязывающихъ всѣхъ и cadaго изъ тибетцевъ свято охранять Будалху отъ посѣщенія чужеземцевъ».

Собственно Тибетъ подчиненъ какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ отношеніяхъ, далай-ламѣ, который стоитъ во главѣ обширнаго управленія, извѣстнаго подъ наименованіемъ «Дэвашунъ». Послѣдній состоитъ изъ четырехъ главныхъ помощниковъ (далай-ламы)—хутухтъ—перерожденцевъ.

Какъ прежде, когда далай-ламы не брали на себя свѣтской власти, такъ и теперь, когда въ лицѣ далай-ламы соединена и та и другая власть, онъ является главою и единственнымъ распорядителемъ и судьей въ дѣлахъ религіи. Онъ самъ по своему усмотрѣнію смѣщаетъ и назначаетъ ламъ настоятелями и въ отдаленные монастыри всего Тибета, и въ монастыри лхасскіе.

Лхаса—«страна боговъ»—представляетъ собою обширный населенный пунктъ въ Тибетѣ, какъ по пространству, занятому постройками, такъ и по количеству его населенія. Среди многочисленныхъ построекъ, принадлежащихъ тибетцамъ-мірянамъ, торговцамъ-хачи и китайскимъ купцамъ, особенно выдѣляются Буда-лха, управленія, дворцы и храмы.

Буда-лха построена на вершинѣ невысокой горы, привезенной, подобно горѣ Чжагбо-ри, по преданію, на вьюкахъ изъ Индіи. Буда-лха—это дворцы и кумирни—резиденція самого далай-ламы; на горѣ же Чжагбо-ри красуется кумирня и монастырь «Маньбадацанъ», въ которомъ живутъ ламы, главнымъ образомъ, для изученія медицины.

Въ центрѣ города расположена большая кумирня Чжово-канъ, въ которой находится наиболѣе чтимая святыня Лхасы—изображеніе Будды Шакья-муни, называемаго тибетцами «Чжово», а на

Послы . Далай-Ламы .

Нищѣ въ Камѣ .

сѣверномъ краю города стоитъ кумирня Рамочэ съ изображеніемъ Чжово, но меньшихъ размѣровъ, чѣмъ то же изображеніе въ Чжово-канѣ; первый бурханъ извѣстенъ монголамъ подъ названіемъ Мунку или Ихэ-цзу, второй—Бага-цзу.

Среди этихъ двухъ кумиренъ построено много зданій, между прочимъ и то, которое служитъ помѣщеніемъ для управленія—дэ-вашунъ. Это помѣщеніе извѣстно подъ названіемъ «Нанца-шагъ». Здѣсь происходятъ засѣданія членовъ управленія, разбирательство дѣлъ и приведеніе въ исполненіе тѣлесныхъ наказаній, между которыми были извѣстны—смертная казнь, ослѣпленіе, отрѣзаніе пальцевъ, вѣчные кандалы и колодки и битые плетью; здѣсь же находится тюрьма и квартиры мелкихъ чиновниковъ управленія.

Въ разныхъ мѣстахъ города расположены дворцы съ кумирнями при нихъ, принадлежащіе четыремъ главнымъ помощникамъ хана.

Въ городѣ же, на окраинѣ, проживаетъ въ своемъ ямынѣ китайскій посланникъ Чжу-ца-да-чень со своимъ конвоемъ.

Особенную славу Лхасы составляютъ три большихъ монастыря, расположенные въ ея окрестностяхъ. Эти три монастыря носятъ общее названіе «Сэр-брай-гэ-сумъ» и принадлежатъ одной господствующей сектѣ гелюгба, основанной Цзонхавою въ началѣ XV-го вѣка. Самый большой изъ нихъ Брайбунъ, затѣмъ слѣдуетъ Сэра и наконецъ Галданъ. Брайбунъ вѣдаетъ семью расположенными вблизи него монастырями и знаменитъ проризателями; второй, Сэра, вѣдаетъ тремя монастырями и извѣстенъ «ритодами» — кельями аскетовъ; Галданю, богатому разными чудесными останками, подчинены въ свою очередь два монастыря. Во всѣхъ монастыряхъ считается до двадцати пяти тысячъ ламъ.

Третьяго числа первой луны, ежегодно, указанное число ламъ собирается въ Лхасу для отправленія богослуженія, извѣстнаго подъ названіемъ «лхаса-монь-ламъ». Послѣ богослуженія всѣмъ ламамъ раздается въ даръ: тибетская серебряная монета «дхамха», чай, дзамба, масло и проч. какъ отъ самого далай-ламы, такъ и отъ мірянъ и богомольцевъ-пришлыхъ.

Въ окрестностяхъ Лхасы и трехъ монастырей есть безчисленное множество всевозможныхъ предметовъ, признаваемыхъ священными: деревьевъ, камней, скалъ, сопокъ, горокъ, ключей и ручейковъ и мелкихъ кумиренъ или часовенъ. На каждомъ шагу встрѣчаются молящіеся, многіе изъ которыхъ еще заранѣе ставятъ себѣ въ священную обязанность не только совершеніе кругового обхода «лингоръ» пѣшкомъ, но нерѣдко и растяжными поклонами.

Нынѣшній далай-лама «всеѣдущій предметъ вѣры», родился, по слухамъ, недалеко къ западу отъ Лхасы, въ бѣдной семьѣ. Его родители и старшіе братья существовали тѣмъ, что съ утра уходили собирать по дорогамъ и улицамъ скотскій пометъ, продажею котораго и жили. Нерѣдко случалось, что ребенокъ оставался, въ ожиданіи возвращенія матери съ ѣдою, голоднымъ цѣлый день. Такъ какъ за нимъ некому было присматривать, то мать, уходя на работу, привязывала малютку на веревкѣ къ столбику на терассѣ дома. Однажды, вернувшись домой уже поздно вечеромъ къ голодному ребенку, она увидѣла, что столбикъ, къ которому онъ былъ привязанъ, треснулъ вдоль и изъ трещины текло молоко, а ребенокъ его пилъ. Это чудо дало знать семьѣ ребенка, что онъ не обыкновенный смертный. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время изъ Лхасы, гдѣ всѣ хутухты и ламы ворожили объ указаніи мѣста, гдѣ переродился далай-лама, явились въ домъ этого ребенка ламы и, признавъ въ немъ переродившагося «чжамгонь-тамчжадь-чэньба», какъ принято называть далай-ламу, увезли его въ Буда-лху. Въстѣ съ нимъ туда же была перевезена и его мать и братья. Отца его въ это время уже не было въ живыхъ.

Тогда же къ нему былъ назначенъ воспитатель, на обязанности котораго было обучать малолѣтняго далай-ламу грамотѣ и слѣдить за его характеромъ. Такой учитель или воспитатель носить титулъ—Юнь-цзинь-хамба при каждомъ далай-ламѣ. Назначается онъ изъ старѣйшихъ и умнѣйшихъ ламъ, бывшихъ приближенныхъ предшественника малолѣтняго.

Нынѣ, въ 1907 году, далай-ламѣ тридцать одинъ годъ, родился онъ въ годъ Мыши (1876). По свидѣтельству близкихъ къ нему лицъ — вышеупомянутыхъ членовъ посольства, характеръ онъ имѣетъ мягкій, открытый и веселый. Внѣ молитвъ, въ кругу своихъ приближенныхъ и родственниковъ, далай-лама нерѣдко громко и весело смѣется; жизнь ведетъ скромную; не пьетъ, не куритъ и сторонится женщинъ. Достигнувъ, приблизительно, двадцати лѣтъ, онъ рѣшилъ взять на себя и свѣтскую власть въ собственномъ Тибетѣ, которая до того времени принадлежала регенту Дэмо-хутхтѣ и быстро привелъ это намѣреніе въ исполненіе.

Штатъ ламъ въ Буда-лхѣ при далай-ламѣ значителенъ; всѣхъ ихъ при немъ насчитывается до пятисотъ человекъ. Кромѣ того, при далай-ламѣ состоятъ семь ламъ шабдэнъ-хамба, обязанность которыхъ состоитъ только въ томъ, что они круглый годъ изо-дня въ день освящаютъ воду, которою разъ въ мѣсяцъ поочередно омы-

вають лицо, руки и ноги далай-ламы. Затѣмъ слѣдуютъ четыре казначея дзэ-нирцанъ, завѣдующіе личнымъ состояніемъ далай-ламы, его продовольствіемъ, хозяйствомъ и раздачею милостыни ламамъ и наградъ чиновникамъ управленія и его приближеннымъ. При далай-ламѣ безотлучно находится одинъ лама Сойбонъ-хамбо, который вѣдаетъ гардеробомъ далай-ламы и вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ ему каждый день одѣваться и раздѣваться.

Всѣ ламы въ Буда-лхѣ живутъ и одѣваются на собственный счетъ далай-ламы. Этихъ ламъ сразу можно отличить отъ прочихъ, такъ какъ далай-лама не только одѣваетъ ихъ роскошно, сравнительно конечно, въ шелковое платье, но самъ выбираетъ въ свой штатъ людей статныхъ, красивыхъ и приличныхъ.

Самъ далай-лама, слѣдуетъ при этомъ замѣтить, невысокаго роста, стройный и довольно красивый; носить черные усы; одѣвается всегда чисто и нерѣдко очень просто.

День свой онъ проводитъ или въ чтеніи книгъ или выслушиваетъ уроки своего воспитателя, который продолжаетъ давать ихъ ему и до сихъ поръ, или же занимается разговорами съ приближенными. Каждый день, кромѣ того, разъ или два онъ принимаетъ и благословляетъ паломниковъ, являющихся съ приношеніями и безъ приношеній.

Въ теченіе недѣльнаго совмѣстнаго пребыванія на берегахъ Ян-цзы-цзя-на, мы хорошо познакомились съ лхасцами. Въ бесѣдахъ съ ними, намъ удалось разспросить этихъ лицъ о вышеприведенномъ, касающемся столицы Тибета и его верховнаго управителя. Благодаря ихъ же содѣйствію, экспедиціи посчастливилось на дальнѣйшемъ пути еще болѣе расширить свои географическія изслѣдованія на востоко-юго-востокъ—къ Хор-гамдзэ, а не идти въ меридіанальномъ направленіи къ Цайдаму, какъ это предполагалось до пріѣзда лхасскаго посольства.

Къ нашимъ драгоманамъ Бадмажапову и Дадаю члены тибетской миссіи относились съ довѣріемъ, въ особенности послѣ того, какъ они окончательно убѣдились и досконально узнали о мѣстожительствѣ того и другого. При этихъ обоихъ моихъ спутникахъ тибетское посольство, станъ котораго былъ расположенъ на противоположномъ берегу Голубой рѣки, не стѣснялось производить судъ и расправу между своими подчиненными, какъ духовенствомъ, такъ и мірянами. Нирва чункорскаго монастыря и его помощникъ были наказаны плетью, свыше пятидесяти ударовъ каждый, послѣ которыхъ и тотъ и другой едва были въ состояніи подняться съ земли.

Самое наказаніе производилось слѣдующимъ образомъ: виновныхъ клали на землю, спиною кверху, держа за голову и ноги, и по обнаженному низу ударяли въ двѣ плети. Роль палачей съ увлеченіемъ отправляли юные спутники главныхъ членовъ посольства. Орудіемъ наказанія служили обыкновенныя плети, тонкія, упругія, съ короткими основательными рукоятками, возимыя въ ящикахъ. Для большаго удобства дѣйствія во время экзекуціи, палачи сбрасывали съ себя верхнія одежды и освобождали правыя руки. Нанося удары, палачи увлекались настолько, что на замѣчаніе своихъ начальниковъ: «однако будетъ, пятьдесятъ уже дали!» — спокойно отвѣчали: «нѣтъ, мы ошиблись въ счетѣ; еще полагается пятнадцать ударовъ». Надо замѣтить, что тибетскіе палачи не принимали въ соображеніе первоначальныхъ ударовъ, такъ называемыхъ пробныхъ, равно пренебрегали двумя ударами, случайно произведенными обоими палачами въ разъ, считая таковыя за одинъ.

Въ числѣ приговоренныхъ къ плетямъ находился и дэргэскій тонкоръ, котораго моему Бадмажапову, однако, счастливо удалось отстоять, какъ стараго нашего знакомаго, служившаго интересамъ экспедиціи во время движенія по долинкамъ рѣчки Гэ-чю. Бдуйму-Гачи былъ несказанно радъ и благодаренъ вліятельному заступничеству русскихъ и въ послѣдствіи нѣсколько разъ старался доказать мнѣ, что подобнаго великодушія съ нашей стороны онъ никогда не забудетъ...

На прощанье послы далай-ламы снабдили насъ до Хор-гамдзэ своими людьми, въ родѣ нашихъ урядниковъ, съ приказаніемъ послѣднимъ быть послушными нашей волѣ. Дэргэску Бдуйму-Гачи также вмѣнялось въ обязанность сопровождать насъ до селенія Банаджунъ.

Путь къ этому послѣднему почти на всемъ полутора-верстномъ разстояніи проходитъ по-прежнему въ горномъ районѣ между хребтами, по долинамъ верхнихъ теченій рѣчекъ Ном-чю, Рок-чю и И-чю, затѣмъ поперекъ восточной окраины сѣверныхъ горъ, короче, въ области округа Лин-гузэ.

Округъ Лин-гузэ считается третьимъ по значенію округомъ въ восточномъ Тибетѣ. Обитатели этого округа на половину осѣдлые или земледѣльцы, наполовину же кочевники-скотоводы. Какъ и всѣ прочіе округа восточнаго Тибета сычуаньскаго Кама, Лин-гузэ управляется потомственнымъ княземъ — тусы. Тусы имѣетъ коралловый шарикъ отъ богдыхана. Все населеніе этого округа

раздѣлено на двадцать пять хошуновъ, во главѣ которыхъ стоятъ управители, назначаемые и смѣняемые по усмотрѣнію тусы.

Нынѣшній тридцатитрехлѣтній тусы постоянно живетъ въ монастырѣ Гузэ-гомба. Женатъ онъ на двоюродной сестрѣ дэргэскаго князя и, благодаря этому, прекратились постоянныя войны между округами.

Населеніе округа Лин-гузэ извѣстно своею храбростью и дерзостью. Оно является грозою для сосѣднихъ мелкихъ округовъ и даже нголоки не рѣшаются пріѣзжать къ нимъ на грабежъ. Лингузцы ведутъ постоянную войну съ сѣверными хошунами хорскаго округа, также извѣстными воинственностью и грабежами.

Полное вооруженіе лучшаго мѣстнаго воина должно состоять: изъ ружья, двухъ сабель—одной пристегнутой сбоку и другой заткнутой спереди за поясъ, пики и пращи. Среди обитателей лингузскаго округа подобныхъ воиновъ не мало. Правила обязываютъ каждую семью поставлять, по требованію начальства, одного воина, непременно коннаго и съ своимъ продовольствіемъ на указанный срокъ.

Грабежомъ занимаются въ лингузскомъ округѣ почти исключительно кочевники, дѣлающіе набѣги на сосѣдніе округа, а также промышляющіе и на большой торговой дорогѣ, идущей черезъ ихъ земли, изъ Хор-гамдзэ въ Чжэрку. Лингузцы грабятъ и въ одиночку, и собираются для того же въ большія партіи до сорока-пятидесяти человѣкъ. Такія партіи ожидаютъ торговые караваны китайцевъ и тибетцевъ—хорва и грабятъ ихъ. Разрѣшенія на грабежъ они не испрашиваютъ, а ограничиваются лишь совѣтами какаго нибудь старшины. Добычу они дѣлятъ между собою поровну, выдѣляя для коновода двѣ части. Кромѣ того, они выдѣляютъ часть добычи для того монастыря, въ приходѣ котораго они считаются, а также и часть тому ламѣ, который гадалъ и молился объ успѣхѣ предпріятія. Удачна ли окажется поѣздка на грабежъ или неудачна, грабители обязаны донести объ этомъ своему тусы. Правила эти заведены въ виду того, что пострадавшіе не упускаютъ случая принести жалобу своему начальнику, который сноситъ по такимъ дѣламъ съ начальствомъ грабителей. Тусы лингузцевъ всегда отстаиваетъ подчиненныхъ, такъ какъ считаетъ грабежъ молодечествомъ, обогащающимъ населеніе округа. Ему, однако, грабители никогда не подносятъ части награбленнаго, да онъ ее и не требуетъ.

Среди осѣдлыхъ грабежи рѣдки. Недавно, впрочемъ, одинъ осѣдлый обитатель сталъ сильно беспокоить грабежами не только чужихъ, но и своихъ однохошунцевъ, что считается уже страшнымъ

преступленіемъ. Это былъ старѣйшій въ родѣ, заключавшемъ въ себѣ около тридцати семействъ, частью осѣдлыхъ, частью кочевыхъ, такихъ же молодцовъ, какъ и онъ самъ. Его много разъ наказывали, даже ослѣпили на одинъ глазъ, но храбрецъ не унимался; наконецъ тусы, выведенный изъ терпѣнія, но нежелавшій потерять очень умнаго и ловкаго грабителя, предложилъ ему званіе чжисуна—совѣтника, съ условіемъ оставить грабежъ въ своемъ округѣ. Но грабитель-богатырь отказался и вскорѣ же вновь ограбилъ одного изъ своихъ однохошунцевъ; тогда тусы рѣшилъ не только лишиться его послѣдняго глаза, но и конфисковать все его имущество. Прознавъ объ этомъ, грабитель со всѣми своими родственниками, въ числѣ тридцати палатокъ, бѣжалъ къ дзачюкавасцамъ, среди которыхъ и проживаетъ въ настоящее время.

Лин-чжалбо обмѣнялся привѣтствіями и велъ съ экспедиціей переговоры черезъ своихъ чиновниковъ, доставившихъ намъ уже на слѣдующую, за Гузэ-гомба, стоянку экспедиціи, при урочищѣ Номин-кунгъ, хайныка и шкуру леопарда. Эти же чиновники, на мое желаніе простоять лишній день на хорошемъ пастбищѣ, у святой горы съ заповѣднымъ лѣсомъ, а также и поохотиться въ этомъ лѣсу, дали полное согласіе, замѣтивъ, что ихъ ламы помолятся онашихъ грѣхахъ за убійство звѣрей и птицъ, обитающихъ въ этой мѣстности.

Въ первый день мнѣ посчастливилось здѣсь добыть двѣ кабарги, а препараторамъ превосходнаго орла-беркута и нѣсколько штукъ мелкихъ птичекъ. На слѣдующій день погода еще болѣе благоприятствовала экскурсіи, хотя кабарги на этотъ разъ мы уже не встрѣтили, но зато зайцевъ было больше, нежели достаточно и мы, убивъ одного для коллекціи, на прочихъ только любовались, когда они пугливо выскакивали и пробирались среди кустарниковъ, стараясь быть незамѣченными.

При охотѣ въ здѣшнихъ небольшихъ, въ смыслѣ занимаемаго пространства, лѣсахъ, растущихъ островками среди луговыхъ площадей, мы примѣняли тотъ же способъ, какой на этотъ случай существуетъ во многихъ мѣстахъ средней Россіи, то-есть «загономъ»; съ одной стороны лѣса становятся стрѣлки, съ окраины другой идутъ загонщики, покрикивая и постукивая палочками о стволы деревьевъ. Все, что держится въ лѣсу—звѣри и крупныя птицы—направляется тотчасъ въ сторону охотниковъ.

Первая наша охота загономъ была устроена вечеромъ, вторая раннимъ утромъ, когда чаще случается лучшая погода. Мы во-время

успѣли обойти лѣсъ и занять свои знакомыя мѣста. Воздухъ былъ тихъ и прозраченъ. Небо изъ темно-синяго постепенно переходило въ болѣе нарядный и живой ярко-синій оттѣнокъ; позднѣе, отъ южныхъ высокихъ горъ стали отдѣляться тонкія облачка и медленно неслись въ нашу сторону; тамъ, въ вышинѣ, среди облачковъ, въ лазоревыхъ пространствахъ, мелькали точками снѣжные грифы и бородатые ягнятники; здѣсь, внизу, вдоль святой горы, съ шумомъ, пролетала пара благородныхъ соколовъ и беркутъ, осиротѣвшій наканунѣ; первыя птицы вѣроятно не терпѣли сосѣдства орла, ожесточенно нападая на него съ разныхъ сторонъ, но гордый сильный хищникъ спокойно слѣдовалъ впередъ и лишь порою опрокидывался спиною внизъ или продѣлывалъ другія эволюціи. По удаленіи орла, сокола на свободѣ занялись любовною игрою, спиралью поднимаясь въ высь, въ которой и скрылись совершенно. Рядомъ, въ лѣсу, перелетали мелкія птички, однѣ молчаливо, другія, наоборотъ, съ звонкой, веселой трелью. Въ восточномъ направленіи открывалась долина, по которой змѣилась рѣчка, блестящая ледяною поверхностью. На сѣверѣ, по луговымъ откосамъ горъ, пестрѣли стойбища тибетцевъ-скотоводовъ. Въ бинокль отлично было видно, какъ женщины возились съ барашками, отнимая ихъ отъ матерей, спѣшившихъ къ удалявшимся стадамъ. Окрестъ святой горы паслись наши караванныя животныя. На югѣ ослѣпительной бѣлизной сіяли и искрились снѣга Дѣргэскаго хребта. Стоя на своемъ номерѣ, въ ожиданіи загонщиковъ, пригрѣваемый теплымъ весеннимъ солнышкомъ, я невольно восхищался величіемъ окружавшей меня природы. Между тѣмъ голоса загонщиковъ сдѣлались болѣе громкими; надо стоять на-сторожѣ, зорко смотрѣть и напряженно вслушиваться. Въ чащѣ лѣса что-то подозрительно треснуло — все вниманіе охотника направлено къ мѣсту звука; затѣмъ опять тишина и томительное ожиданіе; подлѣ испуганно промелькнула синица, за нею краснохвостка, въ высокихъ вѣтвяхъ перемѣстился дятель, а пониже, въ кустарной чащѣ, затрещалъ дроздъ, выдавшій присутствіе зайца, быстро вынесшагося къ сосѣдней опушкѣ лѣса; вдругъ грянулъ выстрѣлъ, красивымъ эхомъ откликнувшійся въ хвойномъ лѣсу, вѣтеръ пахнулъ дымомъ и все стихло. Охота кончилась.

Большая тибетско-китайская дорога все время была оживлена; мы ежедневно наблюдали многочисленныя караваны, двигавшіеся въ ту или другую сторону. Помимо тяжелыхъ каравановъ намъ попадались навстрѣчу или обгоняли насъ и легкія кавалькады на-

рядныхъ богатыхъ паломниковъ или купцовъ. Красивые, гордые всадники, звеня убранствомъ бойкихъ иноходцевъ, особенно стройно проѣзжали вблизи насъ, съ намѣреніемъ, вѣроятно, «не ударить въ грязь лицомъ» передъ пилинами.

На дѣвухахъ и женщинахъ начали встрѣчаться мерлушковые шапки на манеръ мужскихъ, носимыхъ нерѣдко и въ другихъ частяхъ Тибета; говорятъ, что въ такія же шапки иногда наряжаютъ свои головы и нголокскія женщины.

По мѣрѣ нашего приближенія къ Хор-гамдзэ, нашъ переводчикъ Дадай съ бѣльшимъ и бѣльшимъ усиліемъ примѣнялся къ мѣстному нарѣчію, значительно отличавшемуся отъ такъ называемаго лхасскаго или чамдоскаго, тогда какъ сопровождавшіе насъ люди лхасскихъ пословъ легко справлялись съ нимъ и въ теченіе двухъ-трехнедѣльнаго времени помогли Дадаю освоиться и болѣе или менѣе свободно разбираться въ немъ.

При входѣ въ сѣверныя горы, насъ встрѣтилъ мѣстный начальникъ съ многочисленными погонщиками и проводниками для оказанія экспедиціи услугъ. Путь въ горахъ былъ довольно трудный, къ тому же началъ падать снѣгъ и мы принуждены были остановиться вблизи вершины перевала. Выглянувшее было 28-го марта солнце освѣтило на нѣсколько минутъ высокую бѣлую стѣну Дэргэскаго хребта, затѣмъ снѣговья тучи закрыли все, и солнце, и горы.

Вмѣсто обычнаго спуска на сѣверную или противоположную сторону, мы встрѣтили плато, покрытое глубокимъ снѣгомъ, придавшимъ пейзажу зимній оттѣнокъ. Нѣсколько разрушило, впрочемъ, иллюзію зимы превосходное пѣніе тибетскихъ хохлатыхъ жаворонковъ, немногіе изъ которыхъ, побуждаемые сильнымъ чувствомъ любви, поднимались даже въ высь съ своею звонкой пѣсней, а затѣмъ пологой или крутой дугой спускались внизъ къ подругамъ, сидѣвшимъ нахохлившись на вершинкахъ снѣжныхъ кочекъ. Вдали, на снѣжномъ плато, мелькали, будто призраки, стройныя красавицы антилопы. На всемъ восьми-верстномъ разстояніи по плато насъ обдувалъ холодный пронизывающій вѣтеръ и только при спускѣ въ ущелье-долину мы стали попадать въ область большаго затишья и тепла, снѣгъ исчезъ, открылись поляны, а затѣмъ и сплошные альпійскіе луга. Еще пониже—и древесная растительность, за которой показались и пашни банаджунцевъ. Зимній пейзажъ и стужа пронеслись словно во снѣ.

ГЛАВА XI.

Въ области верхняго Я-лун-цзяна.

Селеніе Бана-джунъ.—Поѣздка Бадмажапова въ Хор-гамдза.—Необузданное городское населеніе: нѣсколько часовъ между жизнью и смертью.—Женскій монастырь Аниг-гомба.

Селеніе Бана-джунъ красиво расположено по подножію южнаго склона горъ, на лѣвомъ берегу рѣчки Сэр-чю, въ трехъ съ половиной верстахъ выше ея впаденія справа въ Я-лун-цзянъ. Съ сѣвера проходитъ маленькое ущельице съ можжевельнымъ лѣсомъ, въ гущинѣ котораго скрывался отшельникъ, буддійскій монахъ; съ противоположной стороны — другое ущелье, значительно большихъ размѣровъ, при входѣ въ которое бѣлѣли палатки нашей экспедиціи.

Дома, числомъ до двадцати, прочно сложены изъ рѣчной гальки, сцементированной глиной, и сгруппированы въ два длинныхъ прямоугольника, образующихъ узкую улицу, за исключеніемъ двухъ-трехъ домовъ, прицѣпившихся къ крутизнамъ того и другого скатовъ ущелья. Общій характеръ здѣшнихъ построекъ тотъ же, какой указанъ выше, т. е. дома имѣютъ по нѣсколько этажей, изъ которыхъ нижній служитъ помѣщеніемъ для скота, а верхній — жильемъ самихъ хозяевъ и для склада ихъ имущества до запасовъ хлѣба, сѣна и соломы включительно. Въ домахъ зажиточныхъ тибетцевъ красиво выдѣляются веранды-балконы, открытые на полуденную сторону, гдѣ мѣстные обитатели часто проводятъ время за домашнимъ дѣломъ или угощеніемъ родныхъ и знакомыхъ. На этихъ же верандахъ въ лѣтнюю пору тибетцы и ночуютъ, нерѣдко оставляя открытыми двухстворчатые цвѣтныя ставни. Внутри домовъ тибетцевъ по большей части царитъ полумракъ: въ небольшія окна, вмѣстѣ со слабымъ свѣтомъ, проникаетъ и наружный воздухъ теплый или холодный — безразлично; тибетцы съ оконными рамами и стекломъ для защиты отъ непогоды незнакомы, какъ не-

знакомы и съ занавѣсками. Дымъ съ безтрубныхъ очаговъ поднимается къ потолку и выходитъ наружу въ отверстіе, специально устроенное для этой цѣли въ плоской кровлѣ. Во время вѣтра и дождя сидѣть въ такомъ помѣщеніи не особенно пріятно; дымъ, не имѣя выхода, ѣстъ глаза, дождь брызжетъ словно подъ открытымъ небомъ. Впрочемъ, чиновники и знатныя ламы устраиваются практичнѣе: у нихъ въ зимнее время ставни запираются на-глухо, въ помѣщеніе же вносятся тазъ съ горячими углями и ставится у низкаго стола, стоящаго или просто на полу, или на нѣкоторомъ отъ пола возвышеніи. Содержать дома вообще довольно чисто; даже имѣются и тѣ приспособленія, о которыхъ въ нашихъ деревняхъ сплошь и рядомъ не имѣютъ понятія, какъ о специальныхъ пристройкахъ или помѣщеніяхъ.

Нашъ лагерь былъ расположенъ напротивъ самого селенія, будучи отдѣленъ отъ послѣдняго лишь рѣчкой, пѣшеходное сообщеніе черезъ которую производилось по узкому, крайне примитивному мосточку, а верховое и вьючное — бродомъ. Жизнь тибетцевъ текла передъ нашими глазами обычнымъ чередомъ. На утренней зарѣ, когда мы еще находились въ постеляхъ, за рѣчкой раздавалось пѣніе пѣтуховъ, отрадно напоминавшее нашу деревню; немного позднѣе просыпались пернатые сосѣдняго лѣса и одинъ за другимъ своими голосами вносили оживленіе. Съ восходомъ весенняго солнца, скоро согрѣвавшего нашу палатку, лагерь возобновлялъ свою дневную дѣятельность. Въ то же время изъ жилищъ тибетцевъ поднимался дымъ, стада прогонялись на пастбу, женщины спускались за водой; часовъ около десяти утра тибетцы тащились на поля, а около пяти пополудни уже возвращались обратно. Съ пригономъ стада домой и погасаніемъ вечерней зари селеніе погружалось въ дремоту; смолкали и дѣтскіе звонкіе голоса, хоромъ вzywавшіе къ небу о испосланіи обильныхъ урожаевъ.

Южное ущелье, занятое экспедиціей, вполне удовлетворяло насъ. По сосѣдству съ лагеремъ, на вершинѣ скалы, скрытно располагалось убѣжище нѣсколькихъ монаховъ, изрѣдка отправлявшихъ богослуженіе; въ глубинѣ же ущелья, напротивъ заповѣднаго лѣса, въ сланцевой пещерѣ обиталъ отшельникъ, ни разу не показавшійся на глаза не только никому изъ насъ, но даже и монголамъ-пастухамъ, охранявшимъ экспедиціонный скотъ.

Въ виду довольно поздняго развитія свѣжихъ кормовъ въ горахъ, мною было рѣшено, еще до прихода въ Бана-джунъ, прі-

ютиться здѣсь лагеремъ, съ тѣмъ, чтобы недѣли на двѣ дать отдыхъ животнымъ и въ то же время организовать поѣздку Бадмажапова въ Хор-гамдзэ, въ обществѣ лхассцевъ, дэргэца и двухъ нашихъ цайдамскихъ монголовъ Дадайя и Чакдура. Только такой составъ лицъ поѣздки къ ненокорному хорскому населенію и могъ еще служить гарантіей въ достиженіи цѣли; о принятіи же участія въ ней кого бы то ни было изъ русскихъ не могло быть и рѣчи.

Въ послѣдній день истекавшаго марта мѣсяца пестрый и нарядный разъѣздъ съ Бадмажаповымъ во-главѣ двинулся въ Хор-гамдзэ. Долженъ сознаться, что я вѣрилъ въ успѣхъ этого предпріятія, казавшагося мнѣ тогда самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, и рассчитывалъ на полученіе интересныхъ свѣдѣній о почти неизвѣстной странѣ и ея обитателяхъ.

Свѣтлый праздникъ мы встрѣтили и провели, слѣдовательно, безъ Бадмажапова. И на этотъ разъ я похристовался съ конвоемъ экспедиціи вмѣсто краснаго яйца золотыми монетами. «Завѣтныя» заѣдочки и усладеньки помогли намъ отпраздновать второй весенній праздникъ въ нашемъ путешествіи съ нѣкоторой торжественностью. В. О. Ладыгинъ, знакомый съ кулинарнымъ искусствомъ, угостилъ насъ вкуснымъ сладкимъ пирогомъ. Мѣстный и дэргэскій чиновники были нашими гостями, и имъ по вкусу пришлись русскія яства, но еще больше водка. Уйдя, затѣмъ, къ себѣ въ селеніе, подъ веселымъ впечатлѣніемъ, они продолжали тамъ еще двое сутокъ справлять «русскій праздникъ», угощаясь виномъ, конечно, мѣстнаго приготвленія.

На третій день праздника, какъ и раньше, было условлено, чтобы банаджунскій старшина сопровождалъ меня на берегъ Я-лун-цзяна, который, стремительно пробѣгая по каменистому галечному руслу, обставленному высокими мягкими берегами, далеко разносилъ по сторонамъ свой шумъ. Сѣрыя некрасивыя волны пестрѣли по всей видимой поверхности рѣки, имѣющей въ ширину отъ тридцати до сорока сажень, при глубинѣ, по словамъ туземцевъ, около десяти футовъ при теперешнемъ сравнительно низкомъ уровнѣ и раза въ полтора болѣе въ періодъ наибольшаго поднятія воды. Общее направленіе рѣки шло отъ сѣверо-запада къ юго-востоку и, насколько хваталъ глазъ, вся прилежащая долина была занята земледѣльческимъ населеніемъ. Сѣрые дома одиночками и группами чередовались съ разграничивающими ихъ полями, носившими такой же сѣрый, безжизненный печальный видъ, какой имѣли въ это время и ближайшіе и отдаленные горные скаты, по которымъ кое-гдѣ виднѣ-

лись маленькіе участки лѣса и кустарника. Стада крупнаго и мелкаго скота паслись тамъ же по непривѣтливимъ луговымъ уваламъ. Свѣжая травка еще боязливо выглядывала изъ земли и нужно было пристально всматриваться, чтобы обнаружить ея присутствіе. Нѣсколько обыкновенныхъ мельницъ, расположенныхъ въ рядъ по рѣчкѣ Сэр-чю, молчали; нѣкоторыя же изъ водяныхъ мельницъ-молеленъ или хурдэ, пристроенныхъ на боковыхъ ручьяхъ, вертели молитвенные цилиндры.

Пользуясь свободнымъ временемъ вообще, я приводилъ въ порядокъ мои дневники и журналы и приступилъ было къ составленію отчета, соглашаясь съ двухнедѣльнымъ отсутствіемъ Бадмажапова, но внезапное появленіе послѣдняго, на пятый или шестой день, прервало это занятіе. Свѣтлыя мечты не оправдывались.

Бадмажаповъ провелъ въ Хор-гамдзэ всего лишь нѣсколько критическихъ часовъ и при исключительныхъ условіяхъ покинулъ его.

Когда мои посланные поднялись на послѣдній уваль, то съ вершины его имъ открылся сначала огромный монастырь, красиво расположенный по скату большого холма и занимающій своими постройками лѣсовыя террасы. Внизу, у подножья холма, расположенъ городъ, сѣрыя, высокія каменные постройки котораго очень скучены; улицы узки, глубоки и страшно пыльны. Своего посланца, который долженъ былъ встрѣтить Бадмажапова еще за городомъ, онъ не встрѣтилъ и безъ него въѣхалъ во внутрь этого многолюднаго пункта, въ надеждѣ, что кто нибудь изъ тибетцевъ проводитъ его куда слѣдуетъ. Вскорѣ, однако, ему повстрѣчался лхасскій посланецъ, смущенный, растерянный и на ходу проронившій: «дѣло плохо, насъ рѣшено не пускать въ городъ». Что было дѣлать?..

Такъ какъ въ городѣ находился въ это время какой-то лхасскій чиновникъ-лама, то Бадмажаповъ и рѣшилъ остановиться у него и выяснить свое положеніе. Мой спутникъ думалъ найти содѣйствіе у китайцевъ, но не зналъ, гдѣ находится ихъ ямынь или управленіе, а разыскивать его было не время. У дома же, гдѣ проживалъ лхасскій чиновникъ, Бадмажаповъ оставилъ свой караванъ и людей, за исключеніемъ Дадайя и обоихъ лхассцевъ, съ которыми прошелъ черезъ дворъ, окруженный постройками, и по лѣстницѣ поднялся во второй этажъ, въ комнату, гдѣ жилъ лама-лхасецъ. Послѣ привѣтствій, Бадмажаповъ объяснилъ ему свое дѣло и попросилъ его повліять на мѣстныя власти, чтобы ему отвели какое-нибудь помѣщеніе, добавивъ въ заключеніе, что не только русскіе, которыхъ такъ боялись хорцы, не придутъ сюда, но даже и онъ

пробудеть здѣсь самое ограниченное время, достаточное лишь для пріобрѣтенія на базарѣ самага необходимаго изъ предметовъ продовольствія и снаряженія. Лхасскій лама отвѣтилъ моему спутнику слѣдующее: «ни мѣстныя власти, ни онъ не въ состоянн сговориться съ городскою чернью, требующею одного — изгнанія «русскихъ изъ города!». Но онъ надѣялся все же, что, при содѣйствіи китайскаго чиновника, проживающаго въ городѣ, ему удастся устроить моихъ людей хотя бы на одну ночь или въ ямынѣ у китайцевъ, или у него въ домѣ; поэтому онъ вѣжливо предложилъ Бадмажапову обождать его нѣсколько времени здѣсь, пока онъ сходитъ къ китайцамъ, и вышелъ; больше его Бадмажаповъ уже не видѣлъ ¹⁾).

Между тѣмъ на улицѣ происходилъ ужасный шумъ и Дадай съ однимъ изъ лхассцевъ отиравился туда, чтобы присмотрѣть за своими вещами. Лишь только они вышли изъ двора, какъ туда ворвалась толпа вооруженныхъ саблями тибетцевъ, а минуто спустя она уже заняла всю лѣстницу и корридоръ, равно и плоскую кровлю нижняго этажа, куда выходило единственное окно изъ комнаты ламы-лхассца. Въ комнату толпа, однако, не вошла, а расположилась отъ порога ея по всему корридору. Передніе грубо спросили: «что вы за люди и зачѣмъ сюда явились?» — Бадмажаповъ, какъ могъ, при посредствѣ оставшагося съ нимъ въ комнатѣ лхасскаго хондо, немного говорившаго по-монгольски, объяснилъ возбужденной толпѣ, что присланъ сюда за покупками, имѣетъ при себѣ паспортъ отъ китайскаго богдыхана и отъ лхасскихъ властей. Но несдержанная толпа галдѣла безъ умолку, мѣшая Бадмажапову говорить, а передніе на его заявленіе о паспортахъ грубо ему отвѣтили: «паспорта твои для насъ ничего не значать; мы плюемъ на далай-ламу и знать его не хотимъ, такъ какъ онъ самъ въ Лхасу васъ не пустилъ и требовалъ того же отъ насъ, между тѣмъ теперь посылаетъ пилиновъ къ намъ, да еще въ сопровожденіи своихъ людей. Богдыхана мы презираемъ еще болѣе: онъ выдаетъ пилинамъ паспорта, а самъ пѣшкомъ удираетъ отъ нихъ изъ столицы въ Сянъ-фу. Измѣнники оба — и далай-лама, и богдыханъ и мы еще разъ плюемъ на нихъ и бросаемъ имъ въ глаза пепель. Вы же немедленно убирайтесь, если хотите остаться живыми, иначе будете перерублены!» Толпа, повидимому, озвѣрѣла и пришла въ неисток-

¹⁾ Пріѣздъ Бадмажапова въ Хор-гамдзэ совпалъ съ серьезной враждой тибетцевъ двухъ городскихъ хошуновъ, Кансаръ и Мансаръ, перешедшей въ вооруженное столкновеніе, во время котораго начальникъ хошуновъ, Кансаръ былъ убитъ. Опьяненная кровью и возбужденная виномъ городская чернь находилась въ повышенномъ настроеніи и готова была предпринять все, что угодно.

ство, требуя отъ переднихъ рядовъ скорѣе прикончить Бадмажапова и его спутника, а тѣла ихъ выбросить къ нимъ на осмотръ.

Предчувствуя недоброе, Бадмажаповъ потихоньку спряталъ за пазуху револьверъ и не вынималъ оттуда правой руки, невольно сжимавшей рукоятку его, въ лѣвой же рукѣ держалъ пачку патроновъ. Сидѣвшимъ впереди, на ихъ требованіе немедленно уйти, мой спутникъ отвѣтилъ: «обождите немного и дайте мнѣ возможность переговорить съ посланнымъ въ китайскій ямынь; выяснивъ дѣло, я немедленно уѣду». Толпа вняла было вѣжливой просьбѣ Бадмажапова и удалилась во дворъ, очевидно для совѣщанія. Полтора часовой напряженный разговоръ утомилъ моего спутника и не столько физически, какъ нравственно... Не успѣлъ онъ вздохнуть свободнѣе, какъ толпа еще болѣе многочисленная и еще болѣе возбужденная ворвалась въ корридоръ и заградила выходъ, крича и всячески понося моего спутника, и требуя немедленнаго удаленія его изъ Хор-гамдзэ. Бадмажаповъ продолжалъ стоять на своемъ, надѣясь, что посланный къ китайцамъ, наконецъ, явится; но послѣднему, какъ оказалось впоследствии, не было возможности протиснуться къ нему черезъ огромную толпу черни, занявшей не только всѣ ближайшія улицы, но и крыши домовъ. Самая же отчаянная компанія съ звѣрскими налитыми кровью глазами то приходила въ корридоръ, то его оставляла и наконецъ явилась въ послѣдній разъ и, подойдя къ порогу, уже не уходила, а грозила схватить Бадмажапова, если онъ, на ихъ послѣднее требованіе немедленно удалиться, останется въ комнатѣ.

Неизвѣстность того, что происходитъ съ остальными людьми на улицѣ, гдѣ шумъ увеличивался, невозможность сговориться съ дикой разбойничьей толпой не оставляли моему спутнику другого исхода, какъ уѣхать изъ Хор-гамдзэ, о чемъ онъ и объявилъ ближайшимъ тибетцамъ; при этомъ попросилъ ихъ оставить корридоръ, биткомъ набитый туземцами, и дать ему дорогу. Но толпа озвѣрѣвшихъ тибетцевъ предложила Бадмажапову идти между нею, иначе говоря, она рѣшила схватить его въ тѣснотѣ, гдѣ мой спутникъ не могъ бы и руки освободить изъ-за пазухи, или просто заколоть его мечами. Тогда онъ вынулъ револьверъ и объявилъ тибетцамъ, что, если они не очистятъ корридора, то онъ половину ихъ перестрѣляетъ. Это заявленіе подѣйствовало и толпа быстро освободила дорогу изъ дома, но заняла весь дворъ. Выйдя со своимъ спутникомъ на лѣстницу, онъ и здѣсь съ револьверомъ въ рукѣ потребовалъ удаленія толпы изъ двора, что она также исполнила.

Со двора Бадмажаповъ направился къ воротамъ и на улицу, гдѣ были его люди съ караваномъ. При его появленіи въ воротахъ толпа отхлынула и глазамъ Бадмажапова представилась слѣдующая картина: Дадай, Чакдуръ, лхасецъ, проводники и избитый дэргэскій хондо стояли прижавшись къ стѣнѣ съ лицами, почернѣвшими отъ ужаса. Какъ потомъ Бадмажаповъ узналъ, они натерпѣлись страха, да и было отъ чего. Толпа въ буквальномъ смыслѣ приперла ихъ къ стѣнѣ и не давала имъ покоя въ продолженіи шести съ половиною часовъ, проведенныхъ въ свою очередь Бадмажаповымъ безъ движенія въ тѣсномъ помѣщеніи, и всячески надъ ними издѣвалась. Особенно набрался страха Чакдуръ, на котораго точилъ зубы одинъ отъявленный разбойникъ; послѣдній говорилъ, обращаясь къ нему: «Ты монголь! а... это хорошо! да какой же ты молодой и толстый! Вотъ эта моя сабля еще никогда не рубила монголовъ и я теперь оченьрадуюсь, что онапоработаетъ натвоейкруглой шеѣ». При этомъ негодай вынималъ клинокъ и, посматривая на Чакдура, пробовалъ пальцемъ лезвіе сабли. «Вы, обращаясь къ толпѣ, говорилъ тибетецъ, оставьте мнѣэтого монгола, я его убью, а сами займитесь другими»...

Однако, при появленіи Бадмажапова на улицѣ, толпа и здѣсь отступила и онъ со своими спутниками, пользуясь замѣшательствомъ тибетцевъ, вскочилъ на своихъ лошадей и направился вонъ изъ города. Теперь онъ былъ увѣренъ, что его маленькій караванъ спасенъ и благополучно выберется отъ недруговъ, начавшихъ бросать въ нихъ камнями, глиной, сопровождая все это площадною бранью. Летѣли въ моихъ людей камни и сверху, съ крышъ домовъ; всѣ, за счастливымъ исключеніемъ Бадмажапова, были побиты: особенно серьезно пострадалъ дэргэскій хондо, который былъ жестоко избитъ еще тогда, когда Бадмажаповъ сидѣлъ въ фанзѣ; несчастнаго били беспощадно и таскали по землѣ за длинные волосы; въ концѣ концовъ отняли саблю и шаль, повязываемую вокругъ головы.

Такимъ образомъ толпа хоргамдзэсцевъ провожала моихъ посланныхъ за черту города; и только тамъ стали частями отставать отъ нихъ, но зато отрядъ конныхъ тибетцевъ слѣдилъ за ними до селенія Тэвунго, гдѣ Бадмажаповъ расположился на ночлегъ.

Итакъ моему спутнику не только не пришлось выполнить порученій, но не удалось даже видѣться съ мѣстными властями и познакомиться съ городомъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Хоргамдзэ, о населеніи, торговлѣ и административномъ дѣленіи Хорскаго округа, Бадмажаповъ собралъ лишь на обратномъ пути.

На обратномъ же пути мой спутникъ отмѣтилъ по дорогѣ и женскій монастырь Аниг-гомба, живописно пріютившійся на скалистомъ берегу Я-лун-цзяна. Это первый *женскій* монастырь, встрѣченный нами въ Тибетѣ. Въ немъ считается пятьдесятъ монахинь желтаго толка; основанъ онъ не особенно давно, лѣтъ около семидесяти тому назадъ, одной старухой, выстроившей себѣ вначалѣ на этомъ мѣстѣ небольшую хижину и часовню. Вскорѣ образовалась община, постепенно затѣмъ разросшаяся до размѣровъ нынѣшняго монастыря. Сюда принимаются молодыя женщины и дѣвушки, изъявившія желаніе постричься; равно не отказываютъ въ допускѣ въ монастырскія стѣны всевозможнымъ несчастнымъ: калѣкамъ, уродамъ и вообще неспособнымъ къ труду. Нѣсколько монахинь въ роли учительницъ занимаются обученіемъ вновь поступившихъ грамотѣ и чтенію священныхъ книгъ.

Правила въ этомъ монастырѣ, по словамъ тибетцевъ, несравненно строже, нежели въ мужскихъ монастыряхъ. Молодыя монахини могутъ отлучаться изъ монастыря только днемъ, на ночь же обязаны возвращаться въ его стѣны. Мужчины допускаются въ Аниг-гомба тоже только днемъ и на время, достаточное лишь для того, чтобы успѣть помолиться богамъ и сдать свои приношенія. Эти правила распространяются и на ламъ, которые вообще рѣдко заглядываютъ въ женскій монастырь. Вечеромъ же ни одинъ мужчина не смѣетъ подняться къ монастырю по двумъ узкимъ, крутымъ дорожкамъ: монахини неминуемо побьютъ его камнями сверху.

Буддійскія монахини брѣютъ голову и одѣваются почти такъ же, какъ и ламы-мужчины, но онѣ несравненно чистоплотнѣе послѣднихъ. Бадмажаповъ, дважды проѣжая вблизи Аниг-гомба, видѣлъ молодыхъ монахинь, моющихъ на рѣкѣ. Здоровье ихъ не оставляло желать лучшаго; онѣ выглядѣли округлыми, румяными и несравненно бѣлѣе своихъ сестеръ-мірянокъ. Нрава онѣ были, по видимому, довольно веселаго, такъ какъ встрѣчали и провожали моего спутника улыбками и звонкимъ смѣхомъ.

Служба въ женскомъ монастырѣ происходитъ совершенно такъ же, какъ и въ мужскихъ монастыряхъ. Чины и администрація въ Аниг-гомба носятъ такія же названія, какъ и у послѣднихъ. Во время службы кафедру занимаетъ настоятельница, а монахини по старшинству садятся въ два ряда, какъ и ламы въ мужскихъ монастыряхъ. Трубы, бубны и тарелки употребляются по положенію, принятому также въ мужскихъ монастыряхъ.

Глава XII.

Въ бассейнѣ верхняго Я-лун-цзяна.

Вверхъ по Я-лун-цзяну.—Разбойничій кошунъ Дунза.—Рѣшительная стычка съ лингузцами: успѣшная атака перевала, неожиданный ударъ во флангъ.—Мирные переговоры: ламы посредники.—Бивакъ на Я-лун-цзянѣ и переходъ во владѣнія Дза-чю-кава.

Преждевременное возвращеніе Бадмажапова на бивакъ вначалѣ меня опечалило, но затѣмъ, по зрѣломъ обсужденіи и приведеніи въ наличность всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя были доставлены моимъ спутникомъ, я успокоился, помня, что въ путешествіи, да и не въ одномъ только путешествіи, очень часто «обстоятельства повелѣваютъ»: дѣлаешь не исключительно то, что желательно, а лишь только возможное, безъ нарушенія основного плана предпріятія.

Пришлось поналечь на мѣстнаго старшину и на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя сопровождали экспедицію до Бана-джуна, чтобы послѣднія позаботились о доставкѣ изъ наличныхъ мѣстныхъ средствъ всего того, что намъ теперь было крайне необходимо, такъ какъ до склада нашего въ Цайдамѣ было еще далеко. Послѣ же приобрѣтенія всего наисущественнѣйшаго, а также и промѣна усталыхъ хайныковъ и лошадей, мы отпустили дэргэца и лхасцевъ, одаривъ ихъ деньгами и отечественными предметами.

Съ отъѣздомъ чиновниковъ, нашъ бивакъ не утратилъ оживленія, такъ какъ мѣстные обитатели насъ посѣщали попрежнему, равно заглядывали и проѣзжіе, и многочисленные нищіе, промышлявшіе одиночками или группами. Камскіе нищіе, какъ и вездѣ эти болѣзненные отпрыски человѣчества, въ большинствѣ случаевъ

поражали своей худобой, грязью, рубищемъ и побирались подаеніемъ на ходу отъ селенія къ селенію, отъ палатки къ палаткѣ. Весь свой убогій скарбъ нищіе влчили съ собою, рѣже частями хранили гдѣ-либо въ пещерахъ или въ заброшенныхъ жилищахъ; нищихъ, ѣдущихъ хотя бы на ослахъ, мы не встрѣчали. Одни нищіе просятъ подаенія молча или произнося что-нибудь шопотомъ, другіе вполголоса съ поклонами, иные громко взываютъ къ божествамъ, нѣкоторые же одѣваютъ на головы маски, изображающія домашнихъ животныхъ или звѣрей и пляшутъ передъ жилищами подъ тактъ своихъ пѣснеобразныхъ прославленій и всевозможныхъ лучшихъ пожеланій. Однажды намъ пришлось увидѣть, здѣсь же въ Бана-джунѣ, двухъ нищихъ съ отличительнымъ нищенскимъ атрибутомъ, называемымъ монголами «дулдуй». Орудіе это, есть достояніе такихъ нищихъ, которые состоятъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ кумиренъ. Каждый тибетецъ можетъ пожертвовать на убранство дулдуйя, что пожелаетъ: одинъ даетъ монету, другой—раковину, третій—чѣтки, иной—кольца, бусы и проч. Нищіе съ дулдуйемъ громко поютъ, правильнѣе было бы сказать кричатъ, произнося отрывки изъ первоначальной исторіи жизни Будды, чѣмъ даютъ возможность послѣдователямъ буддизма лишній разъ вспомнить о томъ, что и ихъ первый учитель имѣлъ такой же образъ, какъ и они, проповѣдуя свое ученіе.

Въ половинѣ апрѣля караванъ снялся и направился вверхъ по Я-лун-цзяну, предварительно переправившись на лѣвый берегъ. У селенія Санка, расположеннаго при впаденіи рѣчки Дэн-чю, экспедиція расположилась бивакомъ на лишній день въ цѣляхъ переговоровъ съ тибетцами. Дѣло въ томъ, что именно здѣсь проходитъ граница дэргэсцевъ, лингузцевъ и дунзасцевъ, такъ или иначе желавшихъ скорѣе избавиться отъ насъ. Болѣе несговорчивыми и даже враждебно настроенными по отношенію къ экспедиціи оказались лингузцы. Въ виду полученія затѣмъ новыхъ болѣе достовѣрныхъ слуховъ, подтверждавшихъ явно враждебное отношеніе къ намъ этихъ тибетцевъ, которые сосредоточивали значительныя силы въ мѣстѣ тѣснины Я-лун-цзяна, я рѣшилъ слѣдовать восточнѣе, вверхъ по Дэн-чю, черезъ владѣнія дунзасцевъ, съ тѣмъ, чтобы по минованіи опаснаго для движенія каравана суженія долины, вновь вступить на Я-лун-цзянъ и держаться заранѣе намѣченнаго пути, ведущаго по направленію къ озерамъ верхней Хуанъ-хэ, а слѣдовательно и къ Цайдаму.

Разбойничій хошунъ Дунза, обитающій по берегамъ рѣчки Дэн-чю и насчитывающій въ себѣ восемьсотъ пятьдесятъ семействъ, никогда не считалъ себя подчиненнымъ кому-либо. Онъ не признаетъ ни власти китайцевъ, ни власти Лхасы и живетъ совершенно обособленно.

Главнаго начальника надъ всѣмъ Дунза нѣтъ, но имѣются три равноправныхъ наслѣдственныхъ управителя, по одному на каждый районъ, которые и вѣдаютъ съ одной стороны дѣлами частнаго характера, съ другой—дѣлами общими, касающимися всего хошуна. Каждый районъ или отдѣлъ хошуна носитъ названіе своего начальника «конъ» или верхній, «варъ» или средній и, наконецъ, «юкъ» или нижній. Обитатели этихъ самостоятельныхъ отдѣловъ Дунза живутъ между собою дружно и въ важныхъ случаяхъ собираютъ совѣтъ, рѣшенію котораго безпрекословно подчиняются всѣ дунзасцы. Съ сосѣдями своими нголоками дунзасцы стараются поддерживать пріятельскія отношенія, установившіяся между этими независимыми народами издавна; грабежей между ними не бываетъ и они свободно ѣздятъ другъ къ другу, причемъ дунзасцы проникаютъ до Желтой рѣки, ведутъ мѣновую торговлю скотомъ и пр.

Проходя по мѣстностямъ съ осѣдлымъ населеніемъ, мы нигдѣ не видали столь хорошо вооруженныхъ тибетцевъ, какъ Дунза; здѣсь даже старики имѣютъ кромѣ ружей длинныя пики и по двѣ салби. Даже во время пастбы скота мужчины не расстаются съ ружьемъ. Въ Дунза же между прочимъ мы не замѣчали обуви, сшитой изъ матерій, какъ вообще у тибетцевъ; здѣсь ее готовятъ изъ кожъ мараловъ и другихъ звѣрей, за которыми при случаѣ охотится все мужское населеніе.

Языкъ дунзасцевъ настолько не сходенъ съ языкомъ или нарѣчіемъ дэргэсцевъ, лингузцевъ и нголоковъ, что нашъ Дадай, хорошо говорившій со всѣми указанными тибетцами, совсѣмъ почти не понималъ обитателей описываемаго хошуна. Говорятъ, что и обычаи дунзасцевъ сильно разнятся отъ обычаевъ сосѣдей, но вслѣдствіе недѣльнаго времени, проведеннаго нами среди этихъ интересныхъ тибетцевъ, собрать и записать ихъ намъ не удалось. Народъ выглядитъ здоровымъ, жизнерадостнымъ, смѣлымъ и воинственнымъ. Многіе изъ обитателей этого хошуна съ гордостью показывали намъ свои огнестрѣльныя и колотыя или рубленныя раны, полученныя ими въ стычкахъ съ сосѣдними тибетцами. Длинныхъ, растрепанныхъ волосъ и косъ среди мужского населенія дунза-

сцевъ мы не видѣли. Гордые всадники, стройно проѣзжавшіе вблизи нашего лагеря, на небольшихъ, но крѣпкихъ и сытыхъ коняхъ, бряцая оружіемъ и сѣдельнымъ убранствомъ, всегда вызывали съ нашей стороны похвалу и одобреніе, а со стороны моихъ цайдамскихъ спутниковъ удивленіе и зависть.

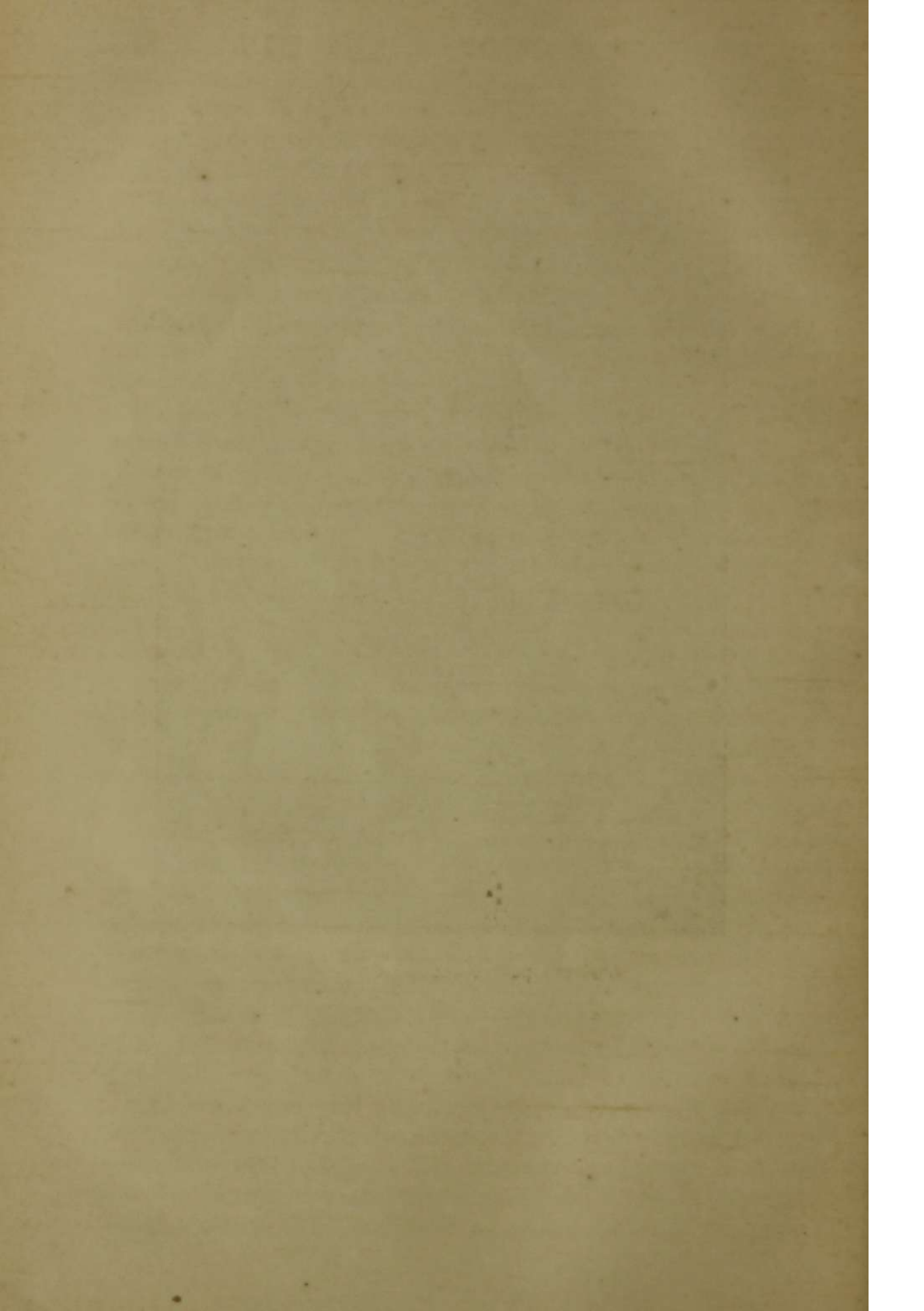
Съ перваго дня вступленія въ этотъ разбойничій хошунъ къ намъ смѣло заглядывали его обитатели и обитательницы, съ одной изъ которыхъ удалось снять и фотографію. Много дунзасцевъ перебывало у насъ на бивакѣ, интересуясь невиданными ими дотолѣ людьми и ихъ предметами, въ особенности по части боевого снаряженія. Туземцы пренаивно заглядывали къ намъ всюду; осматрѣвъ палатку, багажъ, они стали интересоваться нами лично, для чего не стѣсняясь подходили къ намъ, ощупывали наши одежды, дѣлая вполголоса замѣчанія о качествѣ русскихъ тканей и съ дѣтскимъ любопытствомъ упражнялись въ разстегиваніи и застегиваніи пилинскихъ костюмовъ. Нашимъ переводчикамъ стоило огромнаго труда втолковать этимъ дикарямъ хотя бы маленькое представленіе о китайцахъ и о значеніи ихъ паспортовъ; на все это дунзасцы отвѣчали полнымъ непониманіемъ и незнаніемъ съ присоединеніемъ, что подобныхъ людей, какъ мы, они впервые видятъ.

Убѣдившись въ нашей постоянной бдительности и готовности постоять за себя, эти тибетцы вскорѣ оставили свой затаенный планъ напасть на насъ, наоборотъ, стали увѣрять въ своемъ лучшемъ расположеніи и довѣрїи къ намъ, доказательствомъ чего могло служить ихъ своевременное увѣдомленіе объ опасности, грозившей экспедиціи со стороны лингузцевъ. Дѣйствительно, по мѣрѣ нашего большаго знакомства съ дунзасцами и по мѣрѣ приближенія къ новому отвороту пути на Я-луи-цзянь, стало выясняться, что лингузцы въ серьезъ готовятся воевать съ нами, для чего, убѣдившись, что мы направились въ обходъ ихъ укрѣпленной тѣснины, передвинули свой отрядъ выше, для оказанія противодѣйствія нашему движенію съ другой стороны, на перевалѣ Биму-ла, отстоявшемъ отъ послѣдней нашей стоянки среди дунзасцевъ въ семи верстахъ.

На этой стоянкѣ, въ области отличныхъ альпійскихъ пастбищъ, мы устроили дневку, чтобы покормить своихъ животныхъ. Сюда же втихомолку отъ насъ прїѣзжало двое лингузцевъ, въ цѣляхъ, черезъ дунзасцевъ, запугать насъ извѣстіемъ, что они уже заняли нашъ перевалъ и что будто бы ихъ отрядъ поклялся умереть, но

Тибетка разбойничьяго хошуна Дунза.

не пустить насъ въ ихъ владѣнія. Передавая намъ все это, дунзасцы удвлялись не проявленію никѣмъ изъ насъ страха передъ такимъ храбрымъ и многочисленнымъ войскомъ и нашему рѣшенію принять бой и начать готовиться къ нему—протираніемъ своихъ ружей и пополненіемъ боевого комплекта патроновъ. Надо было видѣть, съ какимъ глубокимъ вниманіемъ дунзасцы слѣдили за разборкой и сборкой винтовокъ. Цѣлыми часами они просиживали въ застывшихъ позахъ, глубокомысленно смотря на насъ, на наши манипуляціи съ ружьями. Открытая рѣшительная готовность съ нашей стороны, конечно, способствовала устрашенію дунзасцевъ, а черезъ нихъ косвеннымъ образомъ и нашихъ непріятелей, такъ какъ первые постоянно сносились со вторыми, стараясь быть примирителями враждующихъ сторонъ.

Мое предварительное знакомство съ сѣвернымъ скатомъ перевала Биму-ла заставляло предполагать, что тибетцы отлично защищены гребнемъ, и что намъ будетъ очень затруднительно штурмовать ихъ, по причинѣ открытой мѣстности, круто спускавшейся къ рѣчкѣ, по которой мы должны были слѣдовать къ перевалу. Къ тому же значительная абсолютная высота—14—15.000 футовъ, требуетъ значительнаго напряженія физическихъ силъ.

Погода въ послѣдніе дни стояла, на наше счастье, прекрасная; солнце пригрѣвало по-лѣтнему и снѣгъ, и ледяной покровъ рѣчки энергично таялъ; мѣстные пернатые пѣвцы—соловьи, жаворонки, краснохвостки и другіе, своимъ весеннимъ пѣніемъ вносили отрадное оживленіе въ пробудившуюся природу. Высоко, высоко, въ чудномъ ярко-синемъ небѣ мелькали грифы и бородатые ягнятники; ниже, въ прозрачномъ воздухѣ, рѣвали орлы, сарычи и сокола; у отдаленныхъ скалъ, съ звонкимъ и пріятнымъ крикомъ, вились красноклювыя клушицы. Мы всѣ невольно сожалѣли, что намъ приходится оставлять богатую страну Камъ передъ началомъ самой лучшей лѣтней поры; сколько оставалось здѣсь еще несобранныхъ и неизученныхъ формъ по многимъ отраслямъ естествознанія.

Тихая, полуясная ночь прошла довольно спокойно, какъ равно и слегка морозное раннее утро двадцать пятаго апрѣля, когда экспедиціонный караванъ медленно, но въ то же время и бодро двигался вверхъ по Гэ-чю, держась сосредоточенно. Мелодичное пѣніе соловья долго не прерывалось, между тѣмъ солнце уже освѣтило вершины сосѣднихъ горъ, тонко-перистыя облачка медленно плыли къ востоку, сбиваясь въ сплошную пелену, тогда какъ на

западъ небосклонъ прояснялся все больше и больше. Сдержанный людской говоръ давалъ понять, что отрядъ глубоко проникнуть предстоявшимъ событіемъ. Всѣ внимательно слѣдили за сосѣдними горами, но всего больше, разумѣется, за той частью гребня, гдѣ расположился непріятель. Наконецъ, показался и онъ самъ: почти одновременно на трехъ сосѣднихъ плоскихъ вершинахъ Биму-ла заволновались тибетцы въ развернутомъ конномъ строѣ. Громкіе голоса мѣстныхъ воиновъ, мастерски выводящихъ своеобразныя высокія трели, слились въ общій дикій концертъ, нарушившій тишину утра въ горахъ. Минуть черезъ пять голоса тибетцевъ смолкли, затѣмъ повторились еще и еще. Мы продолжали двигаться до подошвы главнаго ската перевала, отстоявшаго своей вершиной на разстояніе одной версты, гдѣ временно остановились, чтобы подтянуть потуже подпруги, самимъ полегче одѣться и еще разъ осмотрѣть оружіе. Тѣмъ временемъ на гребнѣ сѣверной цѣпи горъ показалась партія, человекъ въ двадцать пять, другихъ тибетцевъ, оставшихся для насъ неизвѣстными. Число же лингузцевъ простиралось отъ двухсотъ пятидесяти до трехсотъ человекъ. На сей разъ наши недруги покрикивали или одновременно съ двухъ сторонъ, или же поочередно, словно переговариваясь о чемъ-то.

Такъ какъ между нами и лингузцами, на первомъ уступѣ горъ, залежали скалистые обнаженія, за которыми могла находиться непріятельская засада, то я, приказавъ каравану осмотрительно двигаться на переваль, самъ съ А. Н. Казнаковымъ и Бадмажаповымъ, постоянно при мнѣ находившимся, поѣхалъ налегкѣ, впередъ съ цѣлью возможно скорѣе обогнуть каменистую преграду. Къ нашему благополучію лингузцы не воспользовались этимъ естественнымъ передовымъ укрѣпленіемъ и мы, миновавъ его, были снова на открытомъ луговомъ скатѣ, обезпечивавшемъ свободное движеніе каравана. Едва мы показались здѣсь, какъ тибетцы еще грознѣе завопили на всевозможные лады и тотчасъ же, несмотря на довольно большую для ихъ ружей дистанцію—въ шестьсотъ шаговъ, одновременно съ трехъ вершинъ открыли огонь изъ своихъ фитильныхъ ружей. Благодаря ихъ командующему положенію тибетскія пули, по инерціи, долетали до цѣли, шумя и свистя то тутъ, то тамъ. Наши лошади испуганно озирались, всхрапывали, и мы принуждены были ихъ отпустить къ каравану, сами же, раздѣлившись поодиночкѣ, въ свою очередь, открыли огонь по тибетцамъ. Я обстрѣливалъ восточную вершину, Бадмажаповъ среднюю, А. Н. Казнаковъ пра-

вую или западную; наша единственная боевая линия вначалѣ состояла изъ трехъ человекъ и должна была противодѣйствовать дикарямъ, которые въ данный моментъ были почти въ сто разъ многочисленнѣе насъ. Медленно двигаясь впередъ, мы по временамъ присаживались и пускали въ тибетцевъ пули. Какъ уже и говорено было выше, стычку пришлось вести на высотѣ около 15.000 футовъ надъ моремъ, гдѣ разрѣженный воздухъ давалъ себя чувствовать даже и привыкшимъ организмамъ. По мѣрѣ нашего приближенія къ перевалу и по мѣрѣ того, какъ наша боевая линия усиливалась людьми, прибывавшими отъ каравана, а слѣдовательно усиливался и нашъ огонь, тибетская пальба стихала; разбойники показывали однѣ лишь головы; еще же черезъ полчаса или часъ, когда мы уже въ числѣ десяти человекъ благополучно поднялись на гребень, послѣднїй былъ свободенъ. Разбойники со страхомъ, подобно горному потоку, бѣжали по крутымъ ущельямъ на югъ, по направленію къ Я-лун-цзяну. Мы не скупились на выстрѣлы и далеко проводили негодаевъ огнемъ нашихъ винтовокъ.

Тѣмъ временемъ караванъ подтянулся на перевалъ, и я поздравилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ молодцовъ-спутниковъ младшими или старшими унтеръ-офицерами и урядниками. Роли теперь перемѣнились: мы стояли на вершинѣ гребня и спокойно завтракали тамъ, гдѣ только что находились наши недруги, заготовившіе большое количество дровъ и льда.

Здѣсь же, на перевалѣ, выяснилось, что въ то время, когда завязался бой съ лингузцами, другой разбойничїй отрядъ, стоявшїй сѣвернѣе, началъ громко кричать на нашихъ подводчиковъ, приказывая послѣднимъ повернуть караванъ въ обратную сторону, грозя въ противномъ случаѣ наказать дунзасцевъ при ихъ слѣдованїи домой. Проводники остановились въ нерѣшительности; замѣтивъ это, находчивый гренадеръ Шадриковъ, ѣхавшїй въ арьергардѣ, началъ обстрѣливать тибетскїй разѣздъ съ дистанціи въ тысячу двѣсти шаговъ и такъ удачно, что вскорѣ свалилъ человекъ, а затѣмъ и лошадь, скатившуюся на дно ущелья. Ошеломленные подобной неожиданностью, разбойники быстро скрылись за горы и больше уже не показывались. Порядокъ былъ возстановленъ. По предположенію дунзасцевъ, это были нголоки или хорцы, во всякомъ случаѣ, искатели приключенїй и жаждавшіе поживиться на счетъ другихъ.

Послѣ временной остановки на перевалѣ, откуда были отпущены проводники, боявшїеся слѣдовать по лингузскимъ владѣніямъ,

мы направились въ сторону убѣжавшихъ грабителей, и какъ всегда при обыкновенномъ движеніи каравана, совершенно тихо, спокойно, обезпечивъ на случай оба фланга развѣздами. Внизу, по главному ущелью, тамъ, гдѣ слѣва впадало другое, въ стрѣлкѣ, разбойники вновь засѣли, условившись, какъ впоследствии выяснилось, съ прибывшимъ въ подкрѣпленіе отрядомъ въ сто человѣкъ, засѣвшимъ еще на версту ниже, ударить на насъ одновременно съ двухъ сторонъ; кромѣ того, часть грабителей размѣстилась въ промежуточныхъ скалахъ, намѣреваясь произвести еще большій безпорядокъ въ нашемъ караванѣ, спуская по крутизнамъ каменные глыбы. Какъ видно, тибетцы не лишены понятія о приспособленіяхъ къ мѣстности и сумѣли устроить для насъ хорошую ловушку. По счастью экспедиціи, засада ихъ была открыта во-время нашимъ развѣздомъ, ѣхавшимъ по командующимъ гребнямъ горъ. Верхніе разбойники, ожидавшіе, что караванъ экспедиціи направится по главному ущелью, были вполне разочарованы неожиданнымъ огнемъ, открытымъ по нимъ со скалистыхъ вершинъ нашимъ передовымъ отрядомъ. Нижній же отрядъ лингузцевъ на раздававшіеся выстрѣлы тотчасъ выскочилъ изъ засады и поскакалъ къ мѣсту дѣйствія, но, встрѣтивъ на пути, вмѣсто ожидаемыхъ русскихъ, своихъ собратьевъ, неудержимо стремившихся внизъ по ущелью, примкнулъ, конечно, къ общему отступленію.

Итакъ, во второй стычкѣ участвовалъ лишь передовой или, вѣрнѣе, боковой развѣздъ, тогда какъ наши главные силы — десять человѣкъ! — удачно соразмѣривъ движеніе и во-время подоспѣвъ къ огню съ фланга, не могли принять участія въ отраженіи разбойниковъ, такъ какъ на встрѣчу нашего каравана выѣхало двое ламъ-посредниковъ, чтобы упросить меня прекратить стычку съ ихъ единовѣрцами. Ёдучи вмѣстѣ съ посредниками, мы были свидѣтелями въ какомъ паническомъ страхѣ бѣжали разбойники. Громкое эхо скорострѣлокъ, крикъ тибетцевъ и ржаніе ихъ лошадей, — все смѣшалось въ общій гулъ, стоявшій въ ущельи долгое время.

Условившись съ ламами посредниками о мирѣ, я велѣлъ одному изъ нихъ, по имени Гасанъ-Дорджи, немедленно скакать вслѣдъ за лингузцами съ приказаніемъ послѣднимъ нигдѣ, на нашемъ дальнѣйшемъ пути, не показываться вооруженными, иначе мы будемъ стрѣлять въ cadaго изъ такихъ туземцевъ. Предписанное условіе лингузцы строго исполнили, и мы благополучно миновали третье и послѣднее загражденіе, гдѣ разбойники намѣревались было еще

разъ попытать счастья, но послѣ конной атаки, произведенной на нихъ небольшою частью нашего отряда, во главѣ съ А. Н. Казнаковымъ, тибетцы вынуждены были, наконецъ, признать себя побѣжденными.

За оба раза всѣми нами было выпущено около пятисотъ патроновъ. По словамъ тѣхъ же ламъ-посредниковъ и нѣкоторыхъ мѣстныхъ воиновъ, приходившихъ потомъ на нашъ бивакъ, подъ видомъ мирныхъ обитателей, тибетцы понесли значительные потери людьми и лошадьми, но выяснить ихъ болѣе или менѣе определенно, благодаря крайней скрытности лингузцевъ, не удалось. Курьезно, что и эти тибетцы вѣрили въ чары русскихъ, отвлекавшихъ отъ себя непріятельскія пули, въ чемъ будто бы убѣдились ихъ лучшіе стрѣлки, стрѣлявшіе въ насъ изъ засады чуть не въ упоръ, но тѣмъ не менѣе дававшіе промахи. Русское же ружье, по мнѣнію тибетцевъ, бьетъ ужасно далеко и отъ его пули ни камни, ни земля, ни деревья не защищаютъ—она все разрушаетъ. Короче, слава нашей трехлинейной винтовки пронеслась по восточному Тибету и обезпечила успѣхъ экспедиціи.

Спускаясь по змѣеобразной тропинкѣ въ долину и проходя среди домовъ тибетцевъ, мы нигдѣ не видѣли самихъ туземцевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ женщинъ и дѣтей, почтительно кланявшихся намъ и съ любопытствомъ и страхомъ смотрѣвшихъ на нашъ караванъ. И только подходя къ мѣсту расположенія бивака, мы встрѣтили одного молодого лингузца, принесшаго, по распоряженію ламъ, кормъ для животныхъ и топливо для нашего лагеря. На мой вопросъ къ нему: «ты, кажется, воевалъ сегодня съ нами»?— смертельно испуганный туземецъ произнесъ: «да, но я еще съ перевала, послѣ того какъ вы убили нашихъ нѣсколькихъ человѣкъ, пустился на уходъ, забывъ даже о своей раненой лошади, но тѣмъ не менѣе бѣжалъ съ такою быстротою, что меня не могли догнать и конные товарищи». — «Почему же ты безъ сабли»? продолжалъ спрашивать я. — «Согласно вашего приказанія, переданнаго ламами». — На послѣдній вопросъ: «будешь ли ты еще воевать съ нами»? туземецъ не задумываясь рѣшительно произнесъ:— «никогда»!

Въ сумеркахъ мы достигли привѣтливой долины Я-лун-цзяна въ мѣстѣ расположенія кумирни Энтокъ-гомба, подлѣ которой и разбили бивакъ. Только теперь почувствовалась сильная усталость ногъ и вообще организма, тогда какъ нервы еще были приподняты. Въ этотъ исключительный день никто изъ насъ не отказался вы-

пить чарку вина или водки, которая вмѣстѣ съ сардинами и шашлыкомъ благотворно подкрѣпила и успокоила насъ; неизмѣнный чай утолилъ жажду, а сладкій и здоровый сонъ далъ возможность забыться до утра...

Ночь прошла въ торжественной тишинѣ, нарушаемой лишь мѣрнымъ всплескиваніемъ волнъ Я-лун-цзяна. Весеннее южное солнце согрѣло и приласкало нашъ лагерь. Вчерашній знакомый лингузецъ уже находился при кухнѣ и исполнялъ всевозможныя порученія повара. Онъ такъ привязался къ намъ, что въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ экспедиціей на этой стоянкѣ, не разставался съ нами. Замѣтивъ, однажды, что я разыскиваю подстрѣленную птичку, онъ поспѣшилъ помочь мнѣ и, дѣйствительно, очень скоро отыскалъ стрижа, лежавшаго среди нагроможденныхъ каменныхъ глыбъ и обломковъ. Понявъ мое удовольствіе при видѣ найденной птички, туземецъ знаками испросилъ позволеніе слѣдовать за мной дальше и, обрадованный моимъ положительнымъ отвѣтомъ, съ осторожностью кошки ступалъ мнѣ вслѣдъ. При немъ я убилъ еще трехъ стрижей, быстро съ рѣзкимъ свистомъ пролетавшихъ вблизи насъ. При каждомъ удачномъ выстрѣлѣ лингузецъ прыгалъ и радовался, какъ ребенокъ, поражаясь мѣткостью стрѣльбы. Надо замѣтить, что тибетцы не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о дробѣ и случайно видѣвшіе ее у насъ считали не за дробь, а за порохъ, равно никогда не стрѣляютъ они даже по тихо движущейся цѣли, поэтому оцѣнка въ стрѣльбѣ, согласно ихъ понятіямъ, не представляется странной. По возвращеніи на бивакъ, тибетецъ долго передавалъ свои впечатлѣнія прочимъ туземцамъ, удивленно смотрѣвшимъ на рассказчика и покачивавшимъ своими головами. Впослѣдствіи лингузцы неоднократно говорили нашему переводчику Дадайю, что они были очень глупы, открывъ съ нами военныя дѣйствія, и что небольшому пилинскому отряду никакой многочисленный составъ тибетскихъ воиновъ не долженъ быть страшенъ.

Лингузцы, проживавшіе на противоположномъ берегу Я-лун-цзяна, подъ видомъ водоносцевъ, часто приходили въ наше сосѣдство и подолгу засиживались, забывая о своихъ обязанностяхъ. Иные переправлялись въ лодкахъ на нашъ берегъ и еще дольше, нерѣдко цѣлыми днями, удовлетворяли свое любопытство.

Двадцать девятого апрѣля, лишь только пересталъ моросить дождь и разсѣялись облака, въ нашъ лагерь явился давно ожидаемый Гасанъ Дорджи съ тридцатью обѣщанными подъ вьюкъ

быками и нѣсколькими человѣками лингузцевъ въ качествѣ погонщиковъ и проводниковъ. Лама сильно извинялся за суточное промедленіе, ссылаясь на ослушаніе туземцевъ, находившихся все еще въ сборѣ и въ полной боевой готовности подлѣ монастыря Мэнчжи-гомба. Всѣ эти дни у ламы съ мѣстными войнами и у тѣхъ между собою шли оживленные переговоры: болѣе пожилые и благоразумные лингузцы полагали оставить насъ въ покоѣ, молодежь же хотѣла вновь попытать счастья сразиться съ нами; перевѣсь, однако, взяла первая партія, успѣху которой помогли старики, не принимавшіе активнаго участія въ стычкѣ.

Я лично долгое время не могъ дать себѣ яснаго отчета, почему ламы такъ настоятельно хлопочуть объ улаживаніи нашихъ съ лингузцами недоразумѣній, такъ какъ краткій отвѣтъ Гасанъ Дорджи: «съ цѣлью спасти монастырь» меня не удовлетворялъ, и только впоследствии я узналъ отъ дзачюкавасцевъ, что виновникомъ такого рѣшительнаго нападенія на насъ лингузцевъ былъ старшій лама монастыря Мэнчжи-гомба, предсказавшій имъ блестящую побѣду надъ пилинами. Послѣ же перваго пораженія лингузцевъ на перевалѣ, когда нѣкоторые изъ нихъ предались постыдному бѣгству, посылая раненныхъ въ монастырь съ проклятіемъ его настоятелю, обманувшему «храбрыхъ» воиновъ, ламы спохватились и рѣшили немедленно явиться примирителями.

Пріѣздъ ламы съ обѣщанными проводниками и животными и улучшеніе погоды прибавили намъ энергіи по сбору каравана, который въ девять часовъ утра и направился въ путь. Такъ какъ движеніе непосредственно по долинѣ Я-лун-цзяна затруднялось новыми суженіями ея скалистыхъ береговъ, то мы принуждены были слѣдовать прежней дорогой до перевала Бяму-ла и только затѣмъ склониться на надлежащее, т. е. сѣверо-западное направленіе. Гасанъ-Дорджи старался меня разувѣрить въ неблагонадежности и коварствѣ мѣстныхъ тибетцевъ, и караванъ обычнымъ порядкомъ змѣеобразно растянулся по ущелью.

На вершинѣ прежняго горнаго мыса, въ ожиданіи передовыхъ быковъ, я остановился. По сторонамъ было тихо, спокойно. Вверхъ по ущелью рѣчки Аму-сэрлон-чю двигалась партія кочевыхъ тибетцевъ, принужденныхъ на время стычки откочевать въ долину. Въ арьергардѣ лингузскаго каравана слѣдовалъ старѣйшій членъ семьи съ ружьемъ за плечами. Замѣтивъ насъ, онъ тотчасъ же спѣшилъ и, проходя у обрывистыхъ береговъ рѣчки, ловко опустил ружье на землю, затѣмъ, словно ни въ чемъ не бывало,

обезоруженный, поскакалъ вслѣдъ за своими. Надѣюсь, читателю очевидна подобная невинная демонстрація туземца, не желавшаго навлечь на себя неприятности по отношенію къ несоблюденію нашихъ правилъ не показываться съ оружіемъ.

Бдучи со мною впереди каравана, Гасанъ-Дорджи невольно посматривалъ на всѣ тѣ мѣста, которыя были нѣмыми свидѣтелями недавнихъ вооруженныхъ столкновеній. По дорогѣ валялись лошадиные скелеты, обглоданные волками и грифами, повыше, на косогорахъ стояли баррикады и проч. Миновавъ засадную стрѣлку и немного продвинувшись вверхъ, мы повернули къ западу по новому ущелью. Вскорѣ небо нахмурилось; по ущелью пронесся порывистый вѣтеръ, и воздухъ наполнился крупными хлопьями снѣга, медленно падавшими на влажную землю. Караванъ вынужденъ былъ остановиться на ночлегъ раньше обыкновеннаго.

Незадолго до сумерекъ, въ виду нашего бивака, занесеннаго снѣгомъ, прошло небольшое стадо козуль. Стройные, красивые звѣри рѣзко выдѣлялись на чистомъ откосѣ горы, выжженномъ пожаромъ. Тибетцы, съ цѣлью ускоренія появленія молодой растительности, нарочью поджигаютъ сухія прошлогоднія травы. Дикія жвачныя млекопитающіяся охотно посѣщаютъ подобныя мѣста, но, по словамъ лингузцевъ, держатъ себя крайне строго, во избѣжаніе опасности привлечь на себя вниманіе человѣка.

Какъ на этомъ, такъ и на слѣдующихъ ночлегахъ лама Гасанъ-Дорджи усердно молился, читая нараспѣвъ священныя книги подъ аккомпаниментъ молитвеннаго колокольчика. Среди вечерней тишины и глубокаго мрака въ горахъ ламское пѣніе и звонкіе удары въ колокольчикъ по временамъ заставляли забыть нашъ уединенный лагерь въ Тибетѣ и мысленно унести въ предѣлы далекой родной Россіи.

Оставивъ долину, мы вмѣстѣ съ тѣмъ оставили и благодатную теплую погоду; на нагорьи, которое колеблется между 14-ю и 15-ю тысячами футовъ надъ моремъ, первая майская утренняя заря встрѣтила насъ морозомъ въ 14,3°; верхній поясъ горъ былъ покрытъ снѣгомъ, ручьи скованы льдомъ. Несмотря на это, проглянувшее солнце скоро согрѣло воздухъ и вызвало къ жизни животное и растительное царства. На взрыхленной пищухами глинистой почвѣ отпечатались слѣды только что прошедшаго медвѣдя, тамъ и сямъ пробѣгали робкія антилопы-ада.

Вершины горъ и холмовъ на нашемъ дальнѣйшемъ пути, къ сожалѣнію, не открывали широкихъ горизонтовъ: одна второстепенная долина смѣнялась другой, другая третьей и такъ до безконечности; общіе виды мѣстности были поразительно однообразны и монотонны. Медленное движеніе каравана еще болѣе усиливало подобное впечатлѣніе.

При урочищѣ Гуда-джи, на богатомъ и свѣжемъ пастбищѣ, мы расположились дневать. Окрестныя горы, прикрытыя густымъ ковромъ невысокаго тальника, ютили въ своихъ складкахъ оленей; наша охота за этими заманчивыми звѣрями не увѣнчалась успѣхомъ; оленей здѣсь хотя и довольно много, но они, будучи, вѣроятно, сильно напуганы мѣстными охотниками, не подпускали къ себѣ на близкое разстояніе. Здѣсь же мы слышали пѣніе вѣщей кукушки, отрадно напомнившее намъ лишній разъ нашу сѣверную родину. Въ горахъ простое ку-ку звучало особенно красиво; еще красивѣе и гармоничнѣе оно отражало свой отзвукъ — эхо.

Тѣмъ временемъ Гасанъ-Дорджи съѣздилъ на Я-лун-цзянъ и удовлетворительно выяснилъ вопросъ относительно подвода на нашемъ дальнѣйшемъ пути по дзачюкаваской территоріи. Дзачюкавасцы явились въ нашъ лагерь на смѣну лингузцамъ, которыхъ мы теперь вознаградили деньгами и подарками и отпустили домой.

Глава XIII.

Дза-чю-кава.

Прошлое и настоящее Дза-чю-кава.—Пренебрежительный взгляд на мирное занятие.—Семейныя начала: полиандрія.—Суровый климатъ страны.—Отношенія съ гордыми тибетцами.—Проводникъ Болу.—Первые медвѣди; охота на нихъ.—Неожиданная встрѣча съ чамдосцами.

Еще до прихода въ Дза-чю-кава мы старались путемъ разспросовъ ознакомиться съ этой частью дэргэскаго округа, съ ея географическимъ положеніемъ, административнымъ устройствомъ, занятіями ея жителей и проч., съ приходомъ же въ эту страну мы могли провѣрить и пополнить эти свѣдѣнія путемъ личныхъ наблюденій во время двухнедѣльнаго походнаго, если можно такъ выразиться, пребыванія въ области ея сѣверо-восточныхъ кочевій.

По разсказамъ стариковъ, Дза-чю-кава образовался съ очень давнихъ временъ на мѣстѣ жительства монголовъ—по обоимъ берегамъ верхняго теченія рѣки Я-лун-цзянь или Дза-чю. Коренные жители долины Я-лун-цзяна монголы; о шарайголахъ современные туземцы не знаютъ, но говорятъ, что сами они потомки монголовъ, смѣшивались съ сосѣдными племенами и, наконецъ, утратили даже свой языкъ.

Когда-то, очень давно, Дза-чю-кава дѣйствительно дѣлился на тридцать семь хошуновъ, отсюда и сохранившееся понынѣ названіе «Дза-чю-кава-бон-сум-чи-соб-дун». Въ тѣ давнія времена и населеніе было значительно гуще. Главными причинами уменьшенія населенія считаютъ бывшя войны съ сосѣдями и періодическія внутреннія смуты, вынудившія большую часть населенія оставить прежнія кочевья и уйти къ нголокамъ, впрочемъ, и теперь населеніе Дза-чю-кава достигаетъ солидной цифры—въ 4.430 палатокъ

или около 18.000 человекъ. Въ настоящее время Дза-чю-кава дѣлится не на тридцать семь хошуновъ, а лишь на двадцать семь, такъ какъ десять хошуновъ или совсѣмъ оставили свои кочевья и ушли къ нголокамъ, или же цѣликомъ вошли въ составъ своихъ другихъ хошуновъ послѣ того, какъ потомство извѣстнаго хошуннаго начальника вымирало, а населеніе не желало себѣ другого.

Иныхъ занятій, кромѣ скотоводства и охоты, среди дзачюкавасцевъ мы лично не наблюдали. Эти тибетцы при наличности матеріала, рабочихъ рукъ и досуга тѣмъ не менѣе не развили даже такого простого обрабатывающаго промысла какъ тканье матерій. На какой бы то ни было физическій трудъ кочевникъ смотритъ съ презрѣніемъ. Только крайніе бѣдняки, почти совсѣмъ не располагающіе скотомъ, живущіе подлѣ кумиренъ и монастырей, имѣютъ ткацкіе станки, на которыхъ ткуть шерстяную матерію для себя, рѣже по заказамъ своихъ однохошунцевъ. Впрочемъ, нѣчто въ этомъ родѣ, можно наблюдать и среди дзачюкавасцевъ скотоводовъ, живущихъ бокъ-о-бокъ съ осѣдлымъ населеніемъ лингузскаго округа.

Относительно богатой и бѣдной семьи въ Дза-чю-кава, объ отдѣленіи ея второстепенныхъ членовъ, мы можемъ сказать почти то же самое, что и о тибетцахъ Кама вообще. Отдѣленіе отъ семьи сыновей явленіе очень рѣдкое въ Тибетѣ, въ особенности среди дзачюкавасцевъ; тѣмъ не менѣе и здѣсь оно бываетъ. Мы лично узнали о двухъ—трехъ подобныхъ отдѣленіяхъ отъ большихъ семей для образованія новыхъ.

Въ одной извѣстной намъ семьѣ было шесть сыновей, изъ которыхъ двое старшихъ имѣли по одной женѣ, а четверо младшихъ— всѣ располагали лишь одной общей женой. Старшіе сыновья пожелали выдѣлиться и сговорились о раздѣлѣ на слѣдующихъ основаніяхъ. Четверо младшихъ братьевъ, оставаясь при главной семьѣ, при отцовскомъ очагѣ, обязались вносить подать полностью, поэтому они получили на каждого нѣсколько большую часть скота противъ двухъ старшихъ братьевъ, которые въ свою очередь получили одинаковыя части.

Слѣдуетъ замѣтить, что и старшіе, и младшіе братья на семейномъ совѣтѣ, въ который, между прочимъ, допускаются только одни члены семьи съ родителями во-главѣ, пользуются правомъ голоса на одинаковыхъ «братскихъ» основаніяхъ. Раздѣлъ возможенъ, конечно, при дружелюбномъ отношеніи и полномъ согласіи на всѣ поставленныя условія всеми братьями. Иначе онъ не можетъ состояться. Фактически отдѣлившіяся семьи, юридически или офи-

ціально, составляют нераздѣльную часть съ главной семьей, отбывающей всякаго рода повинности и представляющей, такъ сказать, административную единицу—палатку; хотя, строго говоря, и въ дѣйствительности происходитъ то же самое: отдѣленные сыновья также держатся ближайшаго сосѣдства отцовской палатки, кочуютъ вмѣстѣ, да и скоть свой держатъ также нераздѣльно.

Въ большинствѣ же случаевъ семьи не дѣлятся, и сыновья живутъ вмѣстѣ съ родителями, имѣя одну общую жену, отправляющую свои супружескія обязанности съ каждымъ изъ мужей—братьевъ по очереди, которая ведется ею очень строго. И только сыновья наиболѣе богатыхъ семей или семей начальниковъ имѣютъ каждый отдѣльную жену. Въ такихъ случаяхъ отцовская палатка служитъ для всей семьи днемъ, гдѣ члены ея объединяются за трапезой или среди работъ и общихъ разговоровъ; на ночь же уходятъ въ небольшія палатки, расположенныя рядомъ съ отцовской.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ старшій братъ уже на возрастѣ, а всѣ другіе братья еще совсѣмъ малыши, родители откладываютъ женитьбу старшаго сына до возмужалости подростковъ. Бываетъ и такъ, что старшій сынъ, соскучившись ожиданіемъ поднятія младшихъ братьевъ до состоянія половой зрѣлости, женится. Жена такого старшаго сына не всегда обязывается стать впослѣдствіи женою другихъ сыновей или братьевъ, для которыхъ родители, обыкновенно, берутъ уже другую жену.

Однако и полиандрическія начала не менѣе нежели обыкновенныя среди номадовъ Центральной Азіи дѣлаютъ половыя сближенія вообще довольно свободными. Услугами одной жены, ея привязанностью пользуются въ достаточной степени лишь старшіе братья, младшіе же, благодаря простотѣ нравовъ, ищутъ взаимности и дружатъ съ прочими женщинами или дѣвушками. Точно такъ же и жена ихъ нерѣдко имѣетъ по нѣскольку поклонниковъ и близкихъ друзей, что совсѣмъ не считается предосудительнымъ и, конечно, не преслѣдуется. И среди дзачюкавасцевъ также существуетъ обычай уступать свою жену пріятелю или просто проѣзжему, въ послѣднемъ случаѣ за подарокъ.

Дзачюкавасцы болѣе нежели прочіе тибетцы стоятъ вдали отъ населенныхъ пунктовъ, большихъ дорогъ, а слѣдовательно и лишены частыхъ общеній съ городскимъ или правильнѣе земледѣльческимъ населеніемъ. Обособленности Дзачюкава способствовали, конечно, удобныя естественныя границы этой страны—высокіе хребты и суровое безлюдное нагорье. Съ трехъ сторонъ—

сѣверной, западной и южной—область окружена горами и лишь съ четвертой—восточной имѣется брешь, созданная Я-лун-цзяномъ, по которому или вдоль котораго и проходятъ наилучшіе пути сообщенія. Этимъ и объясняются своеобразныя особенности описываемыхъ тибетцевъ, болѣе другихъ кочевниковъ сохранившихъ за собою независимость отъ китайцевъ, наоборотъ, мечтающихъ даже о полной изолированности и самостоятельности, какими пользуются ихъ гордые сосѣди-нголоки. Послѣдніе для дзачюкавасцевъ являются большимъ авторитетомъ, хотя и обитатели прочихъ сосѣднихъ округовъ, какъ, напримѣръ, Намцо или Лингузэ, своею примѣрною храбростью и воинственностью также способствуютъ поддержанію независимаго духа среди дзачюкавасцевъ.

Климатъ верховья Я-лун-цзяна, какъ и климатъ сѣвернаго или сѣверо-восточнаго Тибета вообще суровый: не только зимою, но даже и лѣтомъ здѣсь зачастую бываетъ очень прохладно, въ особенности по ночамъ, когда почти постоянно температура падаетъ ниже нуля. Атмосферныя осадки въ эту пору года также нерѣдки и выражаются то въ видѣ дождя и града, то въ видѣ снѣжной крупы и снѣга. Осенью устанавливается несравненно лучшая или пріятная погода—ясная, сухая и относительно болѣе теплая. Зима же характеризуется крѣпкими морозами, безснѣжіемъ или правильнѣе малоснѣжіемъ, а весна—сѣверо-западными бурями, поднимающими тучи пыли, омрачающей воздухъ.

Несмотря на разрѣженный воздухъ мѣстные тибетцы чувствуютъ себя хорошо и живутъ по-своему счастливо; большинство встрѣченныхъ нами дзачюкавасцевъ выглядятъ мужественными, рослыми съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Какъ и у прочихъ тибетцевъ, у дзачюкавасцевъ, нравственныя качества на нашъ взглядъ оставляютъ желать много лучшаго; тибетцы эти дики, грубы, лѣнны, беспечны и крайне подозрительны и суевѣрны; нашего пристальнаго взгляда они не выносятъ, стараясь тотчасъ повернуть голову или потупить лукавый взоръ. Ихъ умственный кругозоръ очень ограниченъ; дальше своихъ горъ и долинъ и многочисленныхъ стадъ, не знающихъ ни изнурительной жары, ни докучливыхъ оводовъ и комаровъ, дзачюкавасецъ ничего не видитъ и ничего не знаетъ. Все свое довольство, благосостояніе онъ черпаетъ только въ скотѣ и въ состояніи его пастбищныхъ угодій. Здоровый скотъ, пышныя травы веселятъ душу номада. Радостно садится онъ на коня и скачетъ къ стадамъ, чтобы полюбоваться тѣми или другими

животными. Считая богатство и ничегонедѣланіе верхомъ всякихъ благъ, тибетецъ подобно монголу, можетъ не сдвинуться, что называется, съ мѣста цѣлыми недѣлями и мѣсяцами. Только длительное бездѣйствіе, скука и нѣкотораго рода тщеславіе толкаютъ кочевника временно оставить свой банагъ и направиться на охоту или грабежъ. И гдѣ бы, и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, всегда лицемѣрный тибетецъ наружно старается показать свое стремленіе къ молитвѣ; въ большинствѣ случаевъ онъ совершенно машинально перебираетъ чѣтки и бормочетъ обычную мистическую формулу, ом-ма-ни-па-дмэ-хумъ; въ богатыхъ жертвахъ на монастыри и монашествующее сословіе, тибетецъ, помимо успокоенія совѣсти, склоненъ также видѣть и избавленіе отъ прегрѣшеній.

Наша встрѣча съ дзачюкавасцами подѣ впечатлѣніемъ пораженія лингузцевъ, была нѣсколько странной, необычной. Большинство этихъ тибетцевъ еще до прихода экспедиціи откочевало съ границы вглубь страны, меньшинство же хотя и осталось на старыхъ стойбищахъ, но держало себя также на-сторожѣ. И только послѣ нѣсколькихъ дней нашего пребыванія здѣсь, туземцы убѣдились въ безопасности и стали чаще показываться на нашемъ бивакѣ. Дзачюкавасцы сильно интересовались нами, ихъ занималъ каждый нашъ шагъ, каждое движеніе, равно, что мы ѣдимъ и даже какъ ѣдимъ, а главное, что насъ спасаетъ отъ тибетскихъ пуль, почему мы не уязвимы? Далѣе, тибетцы силились разгадать, какъ велики наши матеріальныя или денежныя средства? Что послѣднія вообще велики въ этомъ они были убѣждены, по ихъ словамъ, еще до прихода нашей экспедиціи въ ихъ владѣнія, по слухамъ, — «будто бы русскіе настолько богаты, что въ состояніи ежедневно закалывать на мясо барана, чего не можетъ себѣ позволить ни одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ тибетцевъ».

Въ свою очередь отъ дзачюкавасцевъ мы старались получить свѣдѣнія о впереди лежащей мѣстности. Бывалые изъ этихъ тибетцевъ охотно сообщили намъ о большихъ озерахъ верхней Хуань-хэ, о нголокахъ-хорчи и о томъ, между прочимъ, что послѣдніе показывали имъ патронныя гильзы, собранныя нголоками въ окрестностяхъ помянутыхъ озеръ, тамъ, гдѣ эти независимые тибетцы воевали съ такими людьми, какъ мы и такъ же были побиты ими ²⁾, какъ теперь лингузцы побиты нашимъ отрядомъ.

²⁾ Н. М. Пржевальскій. «Четвертое путешествіе», стр. 201—208.

Дзачюкавасцы въ подводахъ намъ почти никогда не отказывали, хотя скорѣе давали въ тѣхъ случаяхъ, когда мы двигались въ районъ густого населенія, стоило же намъ бывало уклониться въ сторону, какъ они уже пытались протестовать, ссылаясь будто бы на возможность нападенія на экспедицію нголоковъ и могущихъ произойти отъ того неприятныхъ послѣдствій не только для насъ, но и для дзачюкавасцевъ. Одинъ же хошунный начальникъ, кажется хошуна Таршю, даже позволилъ себѣ спросить у насъ документъ, удостовѣряющій, какъ онъ замѣтилъ, наше «почетное» званіе.

Дружелюбнымъ отношеніемъ съ туземцами и ихъ нѣкоторому довѣрію къ намъ помогъ одинъ престарѣлый дзачюкавасецъ, по имени Болу, случайно попавшій въ нашъ караванъ въ качествѣ проводника. Дадай не замедлилъ свести съ нимъ знакомство и уговорилъ послужить намъ на дальнѣйшемъ пути къ озерамъ, мѣстоположеніе которыхъ ему было хорошо извѣстно. Послѣ долгихъ разговоровъ бывалый старикъ взялся проводить экспедицію въ долину рѣчки Сэрг-чю и далѣе до большой дороги, издавна существующей между озерами верхней Хуанъ-хэ и народностью Сэрта, обитающей южнѣе извилины Ма-чю, между нголоками съ сѣвера и кочевымъ населеніемъ округа Хоръ съ юга; но такъ какъ путь, ведущій къ озерамъ, на большомъ протяженіи безлюденъ, то старикъ Болу поставилъ условіемъ включить въ составъ погонщиковъ нашего каравана его трехъ земляковъ, долженствовавшихъ затѣмъ ѣхать съ нимъ обратно. На предложеніе опытнаго Болу я согласился охотно, тѣмъ болѣе, что и плата въ восемьдесятъ рублей на всю компанію проводниковъ, въ теченіе десяти переходовъ, по моимъ соображеніямъ, не представлялась особенно высокой, считаясь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что дзачюкавасцамъ придется обратно идти, рискуя попасть въ руки нголоковъ и проч. Располагая же толковымъ проводникомъ, путешественникъ имѣетъ много преимуществъ: прежде всего онъ слѣдуетъ увѣренно, не боится забраться въ непроходимыя ущелья, отмѣчаетъ названіе горъ, рѣкъ, урочищъ, имѣетъ лучшія стоянки, не говоря уже про другія различныя свѣдѣнія, которыя проводникъ можетъ сообщить въ видѣ обыденнаго разговора въ дорогѣ или у костра за чашкой чая. Относительно проводниковъ вообще можно замѣтить слѣдующее: они бывають крайне сдержаны вначалѣ и среди населенныхъ мѣстъ, въ присутствіи собратовъ; совсѣмъ иное дѣло въ безлюдной мѣстности, гдѣ они невольно сближаются съ переводчиками, а не-

рѣдко и со всѣмъ персоналомъ экспедиціи и при такихъ условіяхъ дѣйствительно часто рассказываютъ много интереснаго.

Въ ту и другую сторону отъ перевала Ламлунг-ла, на значительное разстояніе, кочевниковъ не было видно, поэтому здѣсь начали показываться звѣри—антилопы, аргали, маралы и даже медвѣди. Пара послѣднихъ медленно тащилась вверхъ по сырому, топкому дну ущелья, гдѣ слѣдоваль экспедиціонный караванъ, и, конечно привлекла наше особенное вниманіе. Въ прозрачномъ воздухѣ, залитомъ весеннимъ яркимъ солнцемъ, оба медвѣдя выдѣлялись словно на ладони; звѣри шли или рядомъ, или поодиночкѣ, на болѣе или менѣе близкомъ другъ отъ друга разстояніи; наблюденію за медвѣдями помогали боковые увалы, скрывавшіе караванъ. При видѣ первыхъ въ эту весну медвѣдей, мое охотничье сердце сильно забилося.

Наскоро сообразивъ, какъ подкрасться незамѣченнымъ къ звѣрямъ, я тотчасъ, съ своимъ неизмѣннымъ Бадмажановымъ, поѣхалъ легкой рысью вслѣдъ за медвѣдями. Приблизившись къ нимъ изъ-за закрытія, мы спѣшились и съ вершины ближайшаго холма вновь увидѣли медвѣдей, но уже измѣнившихъ направленіе и шедшихъ по косогору, сѣвернѣе первоначальнаго пути. Боясь ихъ обезпокоить и выдать свое присутствіе, я рѣшилъ обождать, пока медвѣди скроются за уваль, къ вершинѣ котораго они уже приближались. Какъ только звѣри скрылись, мы, не теряя ни минуты, поскакали на лошадяхъ къ подножью увала и, вновь спѣшившись, пошли атаковать ничего не подозревавшихъ мишекъ. Осторожно поднявшись на уваль, мы тотчасъ увидѣли обоихъ медвѣдей, спокойно развалившихся на песчаной взрыхленной поверхности. Грянули выстрѣлы, мишки упали, одинъ подлѣ другого: большой красивый медвѣдь былъ пораженъ въ сердце и не сдвинулся съ мѣста, тогда какъ, значительно уступавшая по величинѣ, медвѣдица, пронизанная пулей въ области живота, начала неистово реветъ и прыгать, пока слѣдующія двѣ пули не прекратили ея страданій. Радостно подойдя къ убитымъ звѣрямъ, и я, и Бадмажаповъ невольно вспомнили подобную охоту на медвѣдей въ прошломъ году, на озерѣ Алыкь-норѣ, гдѣ общій характеръ охоты былъ такой же какъ и теперь.

Не успѣли мы приступить къ препарированію медвѣдей, какъ уже къ намъ прилетѣли вѣроны; высоко въ прозрачномъ голубомъ небѣ кружили грифы, также скоро замѣтившіе лакомую добычу. Черезъ двѣ—три минуты эти царственные пернатые звучно раз-

сѣкали воздухъ надъ нашими головами, нетерпѣливо перелетая изъ одной стороны ущелья въ другую.

Въ одной изъ слѣдующихъ долинъ экспедиція имѣла случайное свиданіе съ чамдоскими чиновниками, вынужденными оставить Чамдо и бѣжать къ нголокамъ. Чамдосцы рѣзко выдѣлялись среди дзачюкавасцевъ своимъ общимъ видомъ, одеждой, манерами. На нашъ вопросъ, откуда они пріѣхали въ такую холодную, суровую страну, чамдосцы отвѣтили неопредѣленно и сбивчиво, назвавъ себя чиновниками сининскаго Кама. Однако нашъ Дадай скоро сблизился съ ними и узналъ ихъ настоящее происхожденіе и цѣль посѣщенія этого отдаленнаго края. Послѣ переговоровъ съ Дадаемъ, чамдосцы смѣло явились въ нашу палатку, гдѣ, вслѣдъ за предварительнымъ привѣтствіемъ, откровенно повѣдали намъ о причинахъ, заставившихъ ихъ бросить родину и искать защиты и покровительства у нголоковъ. При дальнѣйшемъ общеніи съ чамдосцами мы убѣдились, что они хорошо освѣдомлены о нашемъ путешествіи по Каму. Всякаго рода извѣстія имъ то и дѣло доставляютъ ихъ посредники чамдосцы; кромѣ того, у этихъ чиновниковъ существуетъ и письменный обмѣнъ съ Чамдо и съ Лхасой исключительно по поводу недоразумѣній, происшедшихъ изъ-за образа жизни Пакпалы. Наши знакомые энергично требуютъ удаленія изъ Чамдо этого великаго перерожденца и его ближайшаго совѣтника Даин-хамбо. Послѣдній независимо отъ сего склоняетъ чиновниковъ къ миру и проситъ возвращенія въ Чамдо. Съ своей стороны бѣглецы чиновники отправили уполномоченныхъ духовныхъ лицъ къ далай-ламѣ лично, съ изложеніемъ причинъ ихъ всеобщаго недовольства и съ просьбой немедленно оказать имъ полное удовлетвореніе, иначе они принуждены будутъ поднять противъ Чамдо нголоковъ, чтобы свергнуть виновника несчастья и разрушить монастырь.

Въ крайнемъ случаѣ чамдосцы рассчитывали прибѣгнуть за помощью къ Ургинскому хутухтѣ, такъ какъ, по ихъ словамъ, у нихъ имѣется грамота Даранаты, которая будто бы гласитъ, что ургинскій монастырь обязанъ въ извѣстныхъ случаяхъ приходить на помощь Чамдо.

«Не можемъ мы привыкнуть къ такимъ холодамъ, вѣтрамъ и снѣгамъ, говорили мнѣ чамдосцы: нашъ благодатный край несравнимъ съ этой страной по мягкости климата, красотѣ и обилію лѣса; здѣсь мы непродуительно проживаемъ свои средства и должны

часто скрывать свое происхождение, боясь открытых грабежей и насилій».

Къ благополучію чамдоскихъ тибетцевъ, Лхаса во-время вняла настоянію и рѣшительности этихъ чиновниковъ и избавили Чамдо отъ Пакпалы, примѣнивъ вѣроятно свой обычный способъ—отравленіе; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ было сообщено впоследствии однимъ моимъ знакомымъ, близко стоявшимъ къ этому дѣлу, въ свое время столь много причинившему шума и тревоги.

Глава XIV.

Въ Цайдамъ.

Снова въ бассейнъ Желтой рѣки.—Одиночество каравана экспедиціи и баснословное обиліе медвѣдей.—Наши охоты на нихъ.—Впечатлѣніе при видѣ голубыхъ волнъ озера Русскаго.—Знакомая стоянка.—Встрѣча съ Ивановымъ и получение почты.—Радостный приходъ въ Цайдамъ.

Теперь, когда экспедиція оставила послѣднія кочевья тибетскихъ номадовъ, мы могли рассчитывать съ большею вѣроятностью, что слѣдующихъ мѣстныхъ обитателей встрѣтимъ только въ Цайдамѣ, такъ какъ промежуточный высоко-горный районъ на протяженіи почти пятисотъ верстъ не обитаемъ, благодаря крайней суровости климата и постоянному рысканью нголоковъ-разбойниковъ. Словомъ, мы очутились въ такомъ же одинокомъ положеніи, въ какомъ находились годъ тому назадъ, при вступленіи экспедиціи на тибетское нагорье.

Самою большою неприятностью въ настоящее время для насъ было тибетское ненастье, выражающееся въ видѣ дождя, чаще же снѣжной крупы и снѣга. Тибетское ненастье съ сѣрыми низкими тучами скорѣе переноситъ къ представленію объ осенней или зимней погодѣ, нежели о весенней или лѣтней. Зато караванныя животныя не томилась отъ жары и докучливыхъ насѣкомыхъ, и въ свободное время были заняты ѣдою свѣжихъ травъ, мѣшавшихся съ прошлогодними.

Въ районѣ маршрута нашей экспедиціи хребетъ Водораздѣль въ верхнемъ поясѣ имѣетъ замѣчательно плоскій характеръ. Непосредственно на вершинахъ переваловъ часто залегаютъ характерныя для всего плоскогорья Тибета «ширики» или болота со множествомъ лужъ и малыхъ озерковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ.

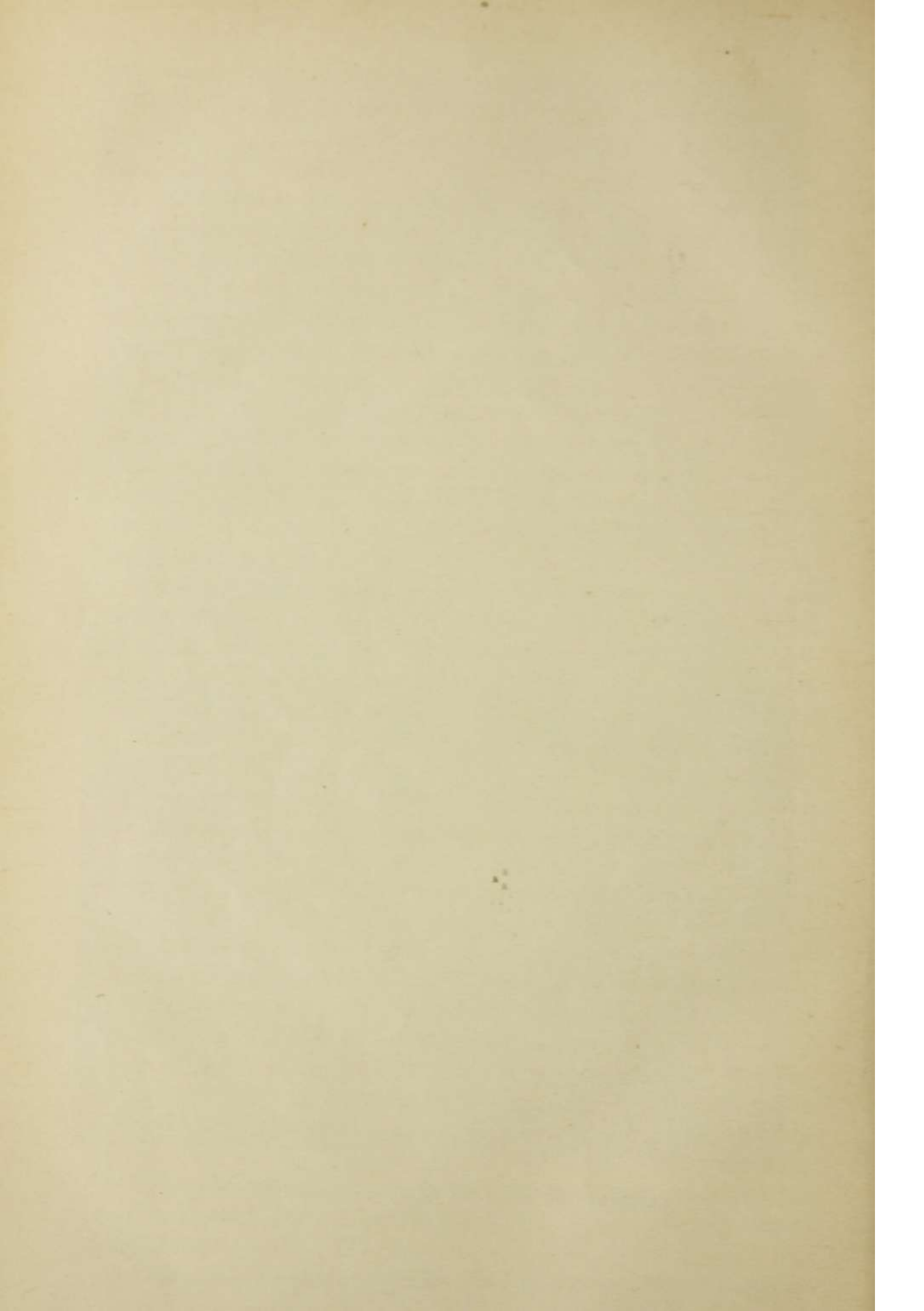
Какъ на самомъ водораздѣлѣ, такъ равно и по сторонамъ отъ него раскидывается плоскогорье, видимое на большее или меньшее пространство, въ зависимости отъ положенія наблюдателя: чѣмъ выше онъ находится и чѣмъ менѣе волнисто плоскогорье, тѣмъ болѣе широкій горизонтъ представляется обозрѣванію и наоборотъ. Спокойная прозрачная атмосфера способствуетъ яркому отраженію многочисленныхъ рѣчекъ и озерковъ, вдоль которыхъ нерѣдко красиво синѣютъ отдаленныя цѣпи горъ. Тамъ и сямъ перемѣщаются стада дикихъ яковъ, косяки хулановъ и группы антилопъ или характернымъ пятномъ выдѣляется косолапый представитель Тибета—медвѣдь, разрывающій норки безчисленныхъ *Lagomys*'овъ. Откуда бы ни наблюдалъ путешественникъ, картина животной жизни представляется одинаковой, измѣняются только детали. Можно положительно утверждать, что сѣверо-тибетское нагорье еще на много десятковъ, если не сотенъ лѣтъ обезпечено въ своей дѣвственно-дикой оригинальной прелести.

Движеніе нашего каравана по безлюдному тибетскому нагорью шло въ общемъ удовлетворительно: ежедневно мы проходили отъ пятнадцати до двадцати верстъ, стараясь выполнить самый переходъ до полудня; такимъ образомъ, остальное время караванныя животныя могли отдыхать на хорошихъ пастбищахъ. При однообразномъ характерѣ мѣстности, однообразно тянулось и самое путешествіе, не только въ теченіе дней, но даже и недѣль. Путешественникъ устаётъ смотрѣть на безконечные увалы и промежуточные рѣчки; минуетъ одну долину, съ вершины холма или высоты открывается слѣдующая, за нею еще и еще и такъ безъ конца. Правда, въ сухую, ясную погоду горизонтъ значительно расширяется и даетъ возможность порою видѣть горы, отстоящія на большое разстояніе, къ тому же лучшая погода вноситъ и большее оживленіе по отношенію къ животной жизни; въ наблюденіяхъ за нею время бѣжитъ несравненно быстрѣе. Старшій проводникъ Болу ѣхалъ со мною впереди и охотно дѣлился свѣдѣніями не только о тибетцахъ Дза-чю-кава, но даже и объ ихъ сосѣдяхъ, такъ какъ за свой вѣкъ онъ перебывалъ во многихъ странахъ. Подобно всѣмъ тибетцамъ, Болу обладалъ отличнымъ зрѣніемъ и почти всегда раньше насъ усматривалъ вдали что-либо интересное—звѣря или тибетскій развѣздъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ просилъ насъ прибѣгать къ помощи бинокля, чтобы разрѣшить его догадку или предположеніе.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ—пяти дней, считая съ

Караванъ изъ яковъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ.

девятнадцатаго мая, экспедиція продвинулась около восьмидесяти верстъ, минуя грань водораздѣла, и съ вершины поперечныхъ холмовъ увидѣла довольно обширную долину рѣчки Сэрг-чю, которая извивается среди мягкихъ зеленыхъ площадей и окаймляющихъ долину горъ, протянувшихся въ сѣверо-западномъ и юго-восточномъ направленіи. Болу радостно замѣтилъ, что по той же самой долинѣ Сэрг-чю и проходитъ нашъ дальнѣйшій путь къ озерамъ верхней Хуанъ-хэ; затѣмъ, прочтя на нашихъ лицахъ удовольствіе, онъ добавилъ, что скоро мы должны увидѣть также и тибетцевъ съ караванами соли, направляющихся къ юго-востоку, въ область Сэрта.

Дѣйствительно, съ перваго дня вступленія на лѣвый берегъ Сэрг-чю, экспедиція стала встрѣчать караваны съ солью, шедшіе вверхъ по долинѣ. Владѣльцы каравановъ сэртасцы выглядѣли такими же грубыми, дикими, подозрительными, какъ и всѣ остальные кочевники-тибетцы, видѣнные нами. Въ дорогѣ они были очень осмотрительны и по отношенію къ караванамъ, и по отношенію къ самимъ себѣ. Небольшіе караваны не превышали сотни яковъ. Отъ численности животныхъ въ караванѣ зависитъ конечно и составъ людей; чѣмъ больше караванъ, тѣмъ многочисленнѣе и отрядъ или партія, его сопровождающая; обыкновенно на десять быковъ приходится одинъ погонщикъ. Днем сэртасцы двигались обычнымъ способомъ, громко посвистывая и покрикивая на животныхъ, но ночью ухитрялись проходить съ соблюденіемъ полной тишины, обезпечивъ фланги, авангардъ и арьергардъ. Сэртасцы ѣхали въ полной боевой готовности съ ружьями за плечами, саблями у пояса и пиками въ правой рукѣ.

Съ перваго нашего бивака на берегу рѣчки Сэрг-чю, наши проводники-дзачюкавасцы получили отъ насъ условленную плату и, сверхъ того, подарки и запасы продовольствія въ дорогу, затѣмъ, пріятельски распрощавшись съ нами, укатили во-своеси, стараясь быть не замѣченными сэртасцами, которыхъ они уже успѣли ввести къ заблужденію относительно настоящаго дня своего отъѣзда.

Какъ здѣсь, въ долинѣ Сэрг-чю, такъ и южнѣе и сѣвернѣе ея, на всемъ нашемъ пути по безлюдному нагорью, но въ особенности въ районѣ бассейна рѣчки Сэрг-чю, намъ ежедневно приходилось наблюдать отъ пяти—шести до десяти—двѣнадцати и болѣе медвѣдей, промышлявшихъ то поодиночкѣ, то большею частью по два, по три, а однажды пришлось видѣть четырехъ взрослыхъ пищухо-

ѣдовъ, бродившихъ тѣсной компаніей. Въ открытой долині Сэрг-чю, гдѣ среди шириковъ, залегаютъ въ видѣ островковъ глинистыя возвышенія, населенныя пищухами, мы насчитывали съ одного наблюдательнаго пункта до десятка медвѣдей: тамъ, невдалекѣ, рѣзвится медвѣдица съ двумя дѣтенышами, здѣсь двое взрослыхъ звѣрей отдыхаютъ, грѣясь на солнцѣ, вдоль сосѣдняго ручья пробираются разрозненной компаніей три медвѣдя, къ одному изъ которыхъ, самому крупному, подходятъ двое изъ нашихъ охотниковъ, и т. д. Обилію медвѣдей въ Тибетѣ, конечно, способствуетъ и то обстоятельство, что туземцы ихъ не стрѣляютъ, за исключеніемъ охотниковъ, желающихъ воспользоваться шкурой, какъ ковромъ, во время охотничьихъ экскурсій за травоядными. Что же касается нашей экспедиціи, то мы, наоборотъ, рѣдко упустили случай, чтобы не поохотиться на этого звѣря. Всѣми нами въ общей сложности за двѣ весны было убито до сорока медвѣдей, изъ которыхъ пятнадцать пришлось на мою долю.

Въ большой маммологической коллекціи, поступившей въ даръ Зоологическому музею Императорской Академіи Наукъ, имѣются пищухоѣды всякихъ возрастовъ и всевозможныхъ оттѣнковъ шерсти: въ ней найдете и довольно темныхъ съ бѣлымъ ошейникомъ, и однообразныхъ темнобурыхъ, и чалыхъ или пестрыхъ, и даже очень свѣтлыхъ съ совершенно бѣлымъ передомъ. Такихъ медвѣдей, однако, встрѣчается немного: по заключенію туземцевъ по одному на тысячу. Во всякомъ случаѣ, дѣлая подборъ коллекціи *Ursus lagomys*, намъ удалось добыть три экземпляра, съ болѣе или менѣе свѣтлой окраской шерсти, подъ стать четвертому наиболѣе свѣтлomu, котораго я добылъ еще въ минувшее путешествіе въ среднемъ Нань-шанѣ.

Охота на медвѣдей здѣсь, въ Тибетѣ, производится въ «открытую», если можно такъ выразиться. Дѣйствительно, замѣтивъ медвѣдя еще издали, охотникъ смѣло идетъ къ нему поближе, соображаясь, съ какой бы изъ сторонъ всего удобнѣе его скрасть, т. е. приблизиться на выстрѣлъ незамѣченнымъ, считаясь съ отличной способностью медвѣдя далеко чутъ по-вѣтру. Зрѣніе же у этого звѣря, сравнительно, довольно слабое. Всего удобнѣе подходитъ къ медвѣдю въ то время, когда онъ занятъ ловлей пищухъ или предается отдыху, и наименѣе подходящее время, когда звѣрь направляется скорымъ «ходомъ», будучи напуганъ. Если же медвѣдь спокойно разрываетъ грызуновъ, то обыкновенно норовятъ идти къ нему ускоренно, останавливаясь во время поворотовъ звѣря въ

сторону охотника. Если на пути къ медвѣдю имѣются хотя маломальскія прикрытія, то не трудно приблизиться къ цѣли на сотню шаговъ, а то и ближе. Подойдя къ звѣрю, охотникъ съ колѣна или лежа стрѣляетъ въ медвѣдя. Въ большинствѣ случаевъ опытный охотникъ и умѣлый стрѣлокъ однимъ—двумя самое большое тремя выстрѣлами изъ обыкновенной винтовки уложить звѣря.

Для охоты на тибетскихъ медвѣдей, мы употребляли именно трехлинейныя винтовки, стрѣлая или обыкновеннымъ патрономъ, или же патрономъ съ отверстіемъ посерединѣ конуса, залитымъ воскомъ. Послѣдніе патроны, какъ болѣе разрушительные или убойные, мы называли разрывными и примѣняли при первыхъ одномъ—двухъ выстрѣлахъ, при прочихъ же, въ особенности при дострѣливаніи звѣря, употребляли обыкновенные. Бывало, однако, и такъ, что мишка падалъ, словно подстрѣленный перепелъ, и отъ одной простой пули, но это случалось рѣдко, когда выстрѣлъ приходился въ сердце, позвоночникъ или голову.

Изъ многочисленныхъ охотъ на медвѣдей, веденныхъ мною и моими спутниками въ послѣднюю весну въ Тибетъ, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, почему-либо наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ. Первый случай имѣлъ мѣсто на рѣчкѣ Шур-чю, южномъ склонѣ хребта Водораздѣль, двадцатаго мая. Мы успѣли сдѣлать переходъ и расположиться лагеремъ въ глубокой, узкой долинкѣ, окаймленной луговыми скатами. Нѣкоторые изъ людей отряда отправились на охоту, я же прилежъ вздремнуть, какъ вдругъ слышу голосъ тибетца Болу, который, надо замѣтить, былъ въ свое время страстнымъ охотникомъ, «пэмбу, джэму эджерри»! — т. е. «господинъ, медвѣдь идетъ»! Дѣйствительно, стояло мнѣ только приподняться, какъ я уже увидѣлъ медвѣдя, медленно шедшаго по косогору. Звѣрь, повидимому, не обращалъ вниманія на нашъ большой бивакъ. Недолго думая, я взялъ свою винтовку, вложилъ въ нее всѣ пять патроновъ—два разрывныхъ и три обыкновенныхъ—и направился на пересѣченіе пути медвѣдя. Однако высота, около 15.000 футовъ надъ моремъ, даетъ себя чувствовать: горло пересыхаетъ, ноги подкашиваются, сердце учащенно бьется. Садисься. Невольно смотришь въ сторону медвѣдя и не спускаешь съ него глазъ; мишка попрежнему то движется впередъ, то разрываетъ землю. Наконецъ, зайдя навстрѣчу звѣрю, я прилежъ за бугоркомъ. Жду. Медвѣдя нѣтъ и нѣтъ. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнѣніе охотника исчезло: медвѣдь невдалекѣ прилежъ. Ползкомъ продвинувшись десятка два шаговъ, я достигъ второго

бугорка. Въ бинокль отлично было видно, какъ вѣтерокъ колышетъ длинную блестящую шерсть медвѣдя; кругомъ тихо, спокойно; могучіе пернатые хищники зачуяли добычу и кружатъ на фонѣ неба; нашъ бивакъ словно замеръ: вниманіе всѣхъ приковано къ медвѣдю и охотнику. Раздался выстрѣлъ, медвѣдь сердито зарычалъ и тяжело приподнялся на ноги; глухо шелкнула вторая пуля—звѣрь грузно свалился наземь. Не мѣняя положенія, я взглянулъ въ бинокль: медвѣдь лежалъ не шевелясь. Встаю и направляюсь къ обрыву, находившемуся отъ меня шагахъ въ двухстахъ поодаль отъ медвѣдя, чтобы оттуда взглянуть по сторонамъ. Тѣмъ временемъ двое препараторовъ казаковъ уже покинули бивакъ и шли къ медвѣдю. Подойдя къ обрыву, я отъ усталости невольно тяжело вздохнулъ, медвѣдь вскочилъ, словно ужаленный, потрясъ своей мохнатой головой и съ страшной стремительностью направился ко мнѣ, неистово рыча и фыркая. Подпустивъ разъяреннаго медвѣдя шаговъ до десяти, я выстрѣломъ въ грудь свалилъ его; звѣрь кубаремъ черезъ голову покотился внизъ. Послѣдній рѣшающій моментъ, когда озлобленный мишка неся съ окровавленной пастью, надолго запечатлѣлся въ моей памяти; въ немъ, въ этомъ моментѣ, и заключалось то особенное чувство, которое такъ дорого и привлекательно охотнику...

Въ долину Сэрг-чю мой юный спутникъ Мадаевъ, какъ препараторъ, а можетъ быть и будущій коллекторъ, искалъ среди этихъ звѣрей наиболѣе интереснаго — бѣлясаго; съ такимъ расчетомъ онъ обошелъ большой участокъ, видѣлъ нѣсколько темныхъ звѣрей, а свѣтлый все не попадался. Уставъ бродить, забайкалецъ рѣшилъ идти домой, на бивакъ, такъ какъ солнце уже склонилось къ горизонту. Покуривая неизмѣнную трубочку, Мадаевъ неожиданно для себя замѣтилъ, наконецъ, бѣлясаго медвѣдя и осторожно изъ-за бугорка сталъ подползать къ нему. Звѣрь, ничего не подозревая и не замѣчая, въ свою очередь, также подходилъ къ нашему охотнику ближе и ближе. «Забавно, говорилъ Мадаевъ, было смотрѣть на медвѣдя, какъ онъ, словно парнишка, рылъ мышей, а онъ все отъ него уходилъ; я долго наблюдалъ и сердился на медвѣдя, который такъ и не поймалъ ни одной мыши». Совершенно забывъ, что это звѣрь и его надо стрѣлять, нашъ Мадаевъ опомнился тогда лишь, когда медвѣдь ушелъ далеко въ сторону. Охотникъ рѣшилъ направиться къ нему всерьезъ, но на сей разъ звѣрь, замѣтивъ человѣка, пустился на уходъ и только случайнымъ выстрѣломъ Мадаевъ убилъ медвѣдя наповаль, иначе ограничился бы одними наблюденіями.

Не могу не рассказать еще про одинъ курьезнѣйшій случай, имѣвшій мѣсто, впрочемъ, съ нашей собакой Гарза, разбудившей медвѣдя и обнюхивавшей его, словно собаку. Сообразивъ, затѣмъ, мишка вдругъ рывкнулъ, и Гарза быстро отскочилъ, но немного спустя, собака опять начала радостно прыгать и ласкаться, будто передъ нею находился не медвѣдь, а такое же животное, какъ она сама. Вся эта исторія происходила въ виду каравана, двигавшагося по долинѣ Сэрг-чю. Пока медвѣдь и собака знакомились другъ съ другомъ, нѣсколько человекъ казаковъ открыли по звѣрю беспорядочную стрѣльбу, поранивъ, впрочемъ, медвѣдя въ пятку, отчего мишка неувѣренно побѣжалъ спасаться отъ непрошенныхъ гостей. Гарза не отставала отъ медвѣдя и я удивляюсь, какъ его не задѣла ни одна шальная пуля. Тибетцы-проводники, вошедшіе въ охотничій азартъ, стремительно понеслись на лошадяхъ за мишкой; послѣдній неуклюже прыгалъ вблизи нашего каравана, часто оглядываясь назадъ. Въ концѣ концовъ мы съ А. Н. Казнаковымъ прикончили съ медвѣдемъ. Послѣдній оказался беззубымъ старикомъ и вызвалъ среди насъ немало искренняго смѣха.

Прекрасному впечатлѣнію, вынесенному вообще о сэргчюской долинѣ способствовала также и порядочная погода, стоявшая нѣсколько дней къ ряду. Въ солнечные, прозрачные проблески сѣверныя и южныя горы представлялись очень красивыми, въ особенности передъ закатомъ солнца, долго не погасавшаго своихъ лучей на ихъ главныхъ вершинахъ, окутанныхъ фіолетовой дымкой. Надъ озеромъ Оринъ-норомъ часто висѣли темныя тучи съ свѣтло-сѣрыми дождевыми полосами.

Тридцатаго мая, по обыкновенію на восходѣ солнца, нашъ караванъ оставилъ послѣднюю изъ значительныхъ рѣчекъ долины Сэрг-чю и сталъ постепенно подниматься въ гору. При взглядѣ на югъ, оставляемая нами долина выдѣлялась рѣзче и рѣзче: это своего рода Одонъ-тала или «звѣздная степь» со множествомъ блестящихъ озерковъ, лужъ и затѣйливыхъ очертаній ручьевъ и рѣчекъ, извивающихся по болотамъ.

Вскорѣ, затѣмъ, экспедиція поднялась на вершину невысокаго безымяннаго перевала, откуда, дѣйствительно, могла радостно привѣтствовать голубую, зеркальную поверхность знакомаго бассейна озера Русскаго. Почти годъ минулъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его покинули съ запада, теперь же вблизи находился его юго-восточный край, манившій насъ своею мягкой лазурью. Въ сѣверной дали вырисовывался силуэтъ хребта Амнэ-нкоръ, бѣлоснѣжная

вершины котораго сливались съ облаками. Цѣлые полчаса я стоялъ на перевалѣ, любуясь видами въ ту или другую сторону. Южный горизонтъ будилъ воспоминанія о красотѣ и богатствѣ природы Кама, сѣверный радовалъ счастливымъ достиженіемъ конца нашей главной тибетской задачи. Пропустивъ весь караванъ мимо себя, мнѣ пріятно было прочесть на лицахъ моихъ спутниковъ удовольствіе и радость. Лично же моей радости въ значительной степени способствовало еще и то очень важное обстоятельство, что моя маршрутно-глазомѣрная съемка, веденная на громадномъ протяженіи по восточному Тибету, сомкнулась безъ какихъ бы то ни было мало-мальски существенныхъ натяжекъ.

Еще часъ—другой и нашъ бивакъ уже красовался на возвышенномъ берегу, о который гулко ударялись высокія, прозрачныя волны озера...

На противоположномъ берегу того же самаго залива, экспедиція Н. М. Пржевальскаго отбила нападеніе нголоковъ-хорчи, нѣсколько разъ смѣло бросавшихся тогда на насъ въ атаку. Все прошлое живо возстановилось въ моей памяти. Не хотѣлось вѣрить, что уже минуло семнадцать лѣтъ со времени посѣщенія этой части озера Русскаго первымъ изслѣдователемъ природы центральной Азіи.

Два дня экспедиція шла по восточному берегу озера, прежде нежели достигла своей прежней стоянки на его сѣверномъ берегу при истокѣ Хуанъ-хэ.

Высокій нагорный берегъ озера состоитъ изъ луговыхъ уваловъ, болѣе или менѣе полого спускающихся отъ гребня главной гряды и круто обрывающихся къ озерной поверхности. Очень удобная дорога проходитъ самымъ берегомъ и съ наиболѣе высокихъ береговыхъ мысовъ открываетъ превосходные виды. Темно-голубая поверхность озера въ большинствѣ случаевъ пестрѣла волнами, плавно катившимися на просторѣ и гулко разбивавшимися о скалистые или песчано-галечные берега. Южные и западные береговые мысы вырисовывались слабо, такъ какъ надъ озернымъ бассейномъ висѣла туманная дымка, сокращавшая горизонтъ. Съ береговыхъ утесовъ и скалъ то и дѣло снимались гнѣздившіеся на нихъ индійскіе гуси, турпаны, бакланы, на волнистой поверхности дивно-прозрачныхъ водъ, словно поплавки, качались чайки, крачки, крахали, гоголи и другія плаваюція птицы. Вблизи берега, въ глубокихъ омутахъ, стояли стаи крупныхъ рыбъ. Пышныя прибрежныя пастбища ютили стройныхъ антилопъ-ада, рогатыхъ

оронго, рѣже аргали и хулановъ; медвѣдей не встрѣчалось вовсе.

Придя къ истоку Хуань-хэ, экспедиція расположилась лагеремъ на прежнемъ мѣстѣ, на правомъ берегу рѣки. Сухой аргаль нашихъ караванныхъ животныхъ послужилъ отличнымъ топливомъ. На площадкѣ бивака, кое-гдѣ изрытой медвѣдями, валялись ненужные предметы, брошенные нами при прежней здѣсь стоянкѣ, но зато цинковыхъ ящиковъ, зарытыхъ подъ очагомъ, не оказалось; вѣроятно нголоки произвели хорошій осмотръ въ наше отсутствіе, и сочли пустые ящики за какую либо драгоценность. Мы же такъ бережно спрятали никуда негодные цинковые ящики отъ патроновъ просто изъ любопытства.

Въ день нашего вступленія на сѣверный берегъ Оринь-нора, перваго іюня, испортившаяся было погода вновь исправилась; утренній дождь способствовалъ лишь очищенію и большей прозрачности воздуха. Хребетъ Амнэ-нкора рѣзко выдѣлялся на сѣверѣ горизонта. Ко времени погасанія зари не осталось ни одного облачка. Немного позднѣе мои знакомыя созвѣздія предстали во всей прелести, и дали мнѣ возможность произвести повторительный рядъ астрономическихъ наблюденій, очень важный для провѣрки хода хронометровъ. На слѣдующій день тѣ же опредѣленія удались и по отношенію къ дневному свѣтилу; затѣмъ, не успѣвъ я еще убрать инструмента, какъ небо покрылось тучами, по долигѣ пронесся порывистый вѣтеръ, озеро потемнѣло, нахмурилось и стало грозно ударять своими пѣнистыми волнами. Позднѣе сталъ накрапывать дождь, не перестававшій въ теченіе всей ночи. Въ такую погоду намъ особенно хотѣлось скорѣе попасть въ Цай-дамъ.

Движеніе экспедиціи въ области Амнэ-нкора шло въ общемъ успѣшно. Новаго противъ прежнихъ наблюденій ничего не прибавилось. Самый переваль представлялъ прежнія удобства и неудобства; попрежнему у гребня, на сѣверномъ склонѣ, лежалъ снѣгъ; попрежнему въ верхнемъ поясѣ было сыро, прохладно и попрежнему самой дорогой добычей по части зоологическихъ сборовъ послужили интересные вьюрки (*Kozłowia Bobrowskii*).

Подходя къ нашей старой стоянкѣ у скаль, окаймленныхъ тальникомъ, мы увидѣли большое стадо куку-ямановъ, пасшихся по гребню горъ. Дадай при этомъ замѣтилъ: «здѣсь напрасно искать медвѣдей, ихъ нѣтъ, иначе куку-яманы не паслись бы

такъ открыто; эти звѣри обладаютъ великой способностью видѣть и чуютъ медвѣдя на порядочное разстояніе». Нами еще раньше рѣшено было днєвать въ этомъ мѣстѣ и послать отсюда на складъ въ Цайдамъ одного изъ цайдамскихъ монголовъ— Гардэ, съ письмомъ къ Иванову, чтобы послѣдній ѣхалъ къ намъ навстрѣчу.

Въ долину Алыкъ-норинъ-холь сильно сказывалось ближайшее сосѣдство сухой, знойной котловины Цайдама; согрѣтый воздухъ былъ наполненъ тонкой пылью; вдоль рѣчки часто проносились высокіе столбы вихрей. Промчавшійся табунъ хулановъ также оставлялъ за собою большое облако пыли. Кромѣ хулановъ, часто смѣло подбѣгавшихъ къ нашему каравану на разстояніе до ста шаговъ, у подножья горъ паслись стада дикихъ яковъ и антилопъ-оронго; тамъ и сямъ показывались волки, лисицы и кярсы, промышлявшіе за пищухами; по зарослямъ обленихи держалось много зайцевъ.

Мои спутники съ большимъ интересомъ охотились на послѣднихъ дикихъ яковъ и антилопъ-оронго; медвѣдей не встрѣчалось, за исключеніемъ одного, застигнутаго, пожирающимъ хулана, вѣроятно, подстрѣленнаго монголами или другими охотниками. Интересно, между прочимъ, то обстоятельство, что тибетскій медвѣдь остатки своей добычи зарываетъ или засыпаетъ землей. Наблюдая медвѣдя за этимъ занятіемъ издали, мы долгое время не могли понять, что имѣемъ дѣло съ означеннымъ звѣремъ, который, находясь впереди нашего каравана, то поднимался на подобіе чело-вѣка, то опускался уподобляясь звѣрю, и только приблизившись къ нему на полверсты, мы отлично различили въ бинокль, что это былъ никто иной, какъ медвѣдь, направившійся затѣмъ въ горы. Соблюдая нѣкоторую осторожность, мнѣ удалось встрѣтиться съ медвѣдемъ на очень близкомъ разстояніи и застрѣлить его.

Между тѣмъ нетерпѣніе наше попасть въ Цайдамъ расло съ каждымъ днемъ. Мы всѣ невольно всматривались въ ту часть хребта Бурханъ-Будда, откуда могъ и долженъ былъ показаться нашъ Ивановъ. Послѣдній, дѣйствительно, былъ обнаруженъ въ ожидаемый нами день и приблизительно въ намѣченномъ направленіи. Пріѣздъ Иванова оживилъ нашъ бивакъ. Пошлипросы и разпросы... Прежде всего цайдамскій отшельникъ порадовалъ меня докладомъ о хорошемъ состояніи склада, а затѣмъ врученіемъ почты—первой со времени нашего двухлѣтняго странствованія, если не считать десятка писемъ, полученныхъ пятнадцать мѣся-

цевъ тому назадъ въ Сининѣ. Кто-то изъ моихъ спутниковъ справедливо замѣтилъ, что Ивановъ, пріѣхавшій къ намъ на прекрасной откормленной лошади, въ бѣломъ нарядномъ кителѣ съ разодѣтымъ цайдамскимъ монголою, составилъ полный контрастъ по отношенію даже къ членамъ экспедиціи, не говоря уже про конвой, — такъ обносились мы всѣ, участники тибетской экскурсіи. Лица наши вполнѣ гармонировали съ нашимъ потрепаннымъ одѣяніемъ.

Спустя нѣкоторое время Ивановъ болѣе спокойно рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Цайдамѣ. Самымъ великимъ лишеніемъ, говорилъ онъ, для всѣхъ ихъ составляло неполученіе прямыхъ свѣдѣній объ экспедиціи; тѣ же нелѣпыя рассказы, которые передавались богомольцами или другими странниками-туземцами ихъ не только не удовлетворяли, но еще пуще огорчали; нѣкоторому сомнѣнію въ благополучіи экспедиціи способствовали позднѣйшіе толки, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ Тибета и согласовавшіеся между собою о гибели экспедиціи, но они твердо вѣрили, что этого не могло случиться, хотя и допускали возможность утраты кого-либо изъ персонала экспедиціи.

До поздней ночи отрядъ не ложился спать; да и въ постеляхъ долго еще можно было слышать мягкіе голоса путниковъ, мирно бесѣдовавшихъ о своей родинѣ: повидимому у всѣхъ на душѣ было легко, хорошо. Къ тому же ночь стояла превосходная: тихая, ясная; сводъ неба былъ унизанъ звѣздами и серпомъ молодой луны.

Переваль Бурханъ-Будда былъ первымъ и послѣднимъ переваломъ на пути экспедиціи по нагорью Тибета. Имѣя наиболѣе низкія точки на сѣверѣ (Цайдамъ 9.380 футовъ) и на югѣ (окрестности Чамдо 11.170 футовъ), въ мѣстахъ, гдѣ проведено экспедиціей всего нѣсколько дней, мы все остальное время находились, принимая во вниманіе, конечно, срокъ лишь одной тибетской экскурсіи, значительно выше — отъ 14.000 до 16.000 футовъ надъ моремъ. Даже относительно низкая и теплая долина ущелья Рэ-чю, гдѣ зимовала экспедиція, и та имѣетъ около 12.000 футовъ. Средняя же высота страны, охваченной маршрутомъ экспедиціи имѣетъ болѣе 13.000 футовъ надъ моремъ или, что то же самое, около четырехъ верствъ выше Петербурга.

Такимъ образомъ, наша тринадцати-мѣсячная тибетская экскурсія была счастливо доведена до конца.

Въ привѣтливомъ и богатомъ пастбищами урочищѣ Шар-толо-

гойныи-амынъ, приподнятомъ почти на 11.000 футовъ надъ моремъ, куда Ивановъ перенесъ свой пастушескій лагерь для встрѣчи экспедиціи, мы всѣ, тибетскіе странники, почувствовали себя легко и хорошо. Нашъ обширный бивакъ удобно расположился на береговой террасѣ, среди густой свѣжей зелени, прорѣзанной журчащими канавками прозрачной воды.

Солнце пригрѣвало по-лѣтнему; по утрамъ и вечерамъ, да и днемъ нерѣдко, насъ донимали комары, отъ которыхъ положительно нигдѣ нельзя было уберечься. Эти кровопійцы проникали съ цайдамскихъ болотъ не только въ предгорья, но даже въ средній и отчасти въ верхній поясъ горъ, не щадя никого и ничего. По счастью, конвой экспедиціи, благодаря заботѣ моей жены, получилъ достаточное количество русскихъ платковъ съ историческими рисунками, сослужившими хорошую службу при защитѣ отъ этого сибирскаго «гноса». Изъ животныхъ, болѣе другихъ страдали отъ укусовъ комаровъ, верблюды, которые находились въ это время въ сильномъ линянїи. Экспедиціонныхъ верблюдовъ къ нашему приходу въ Цайдамъ состояло налицо тридцать одинъ; лошадей—четыре. О прїобрѣтенїи первыхъ, о доведенїи ихъ числа до пятидесяти пяти, пришлось серьезно позаботиться. Но мы не падали духомъ, такъ какъ пришедшая одновременно съ нами въ Цайдамъ добавочная почта развязывала намъ руки. Экспедиціонный денежный пакетъ, счастливо миновавшій разбойниковъ, боксеровъ, былъ полученъ Россійскимъ посольствомъ въ Пекинѣ и благодаря предупредительности и любезности нашего посланника, глубокоуважаемаго М. Н. Гирса, переводъ китайскаго серебра въ Сининъ на мое имя уже состоялся. Только теперь, болѣе или менѣе обстоятельно, мы узнали о минувшей европейско-китайской войнѣ. Оказывается, весь періодъ войны экспедиція находилась въ глубинѣ Тибета и счастливо избѣжала, могущихъ произойти съ китайцами нежелательныхъ осложненїй. Теперь мы болѣе, нежели въ свое время въ Тибетѣ, радовались, что наша комбинація попасть въ Сун-пан-тинъ не удалась; въ Сун-пан-тинѣ, среди китайцевъ, особенно враждебно настроенныхъ тамъ противъ европейцевъ, могла пострадать экспедиція.

Оба китайца-переводчика, командированные сининскимъ Цинъ-цайемъ съ пакетами въ экспедицію, долго не вѣрили собственнымъ глазамъ, что нашли всѣхъ насъ живыми. Имъ было строжайше приказано, въ случаѣ экспедиціи не окажется въ Цайдамѣ, слѣдовать въ Тибетъ, но говорили они: «Мы бы, конечно, дальше Цай-

Цайдамсіе отшельники Ивановъ и Афутинъ.
(Въ своемъ лагерь въ горахъ Цайдама въ ожиданіи экспедиціи).

дама никуда не ушли, ибо и сюда попасть намъ стоило не малыхъ трудовъ и лишеній. Какъ теперь будетъ радъ нашъ да-жень, узнавъ о вашемъ благополучіи; вѣдь въ Сининѣ почти увѣрены, что русская экспедиція погибла и что главному начальнику края придется отвѣтить за безпечность. Намъ, продолжалъ говорить старшій переводчикъ, на всякій случай приказано, узнавъ объ экспедиціи, переписать ея оставшихся въ живыхъ участниковъ, равно отмѣтить количество вьюковъ, животныхъ и скорѣе направиться обратно». Подъ радостнымъ впечатлѣніемъ китайцы, однако, прожили у насъ на бивакѣ около недѣли, въ теченіе которой я имѣлъ возможность помимо официальныхъ донесеній и телеграммъ, написать еще и частныя письма къ роднымъ и друзьямъ, болѣвшимъ за насъ душою.

Пока я писалъ отчетъ и письма, у насъ на бивакѣ, несмотря на отдаленность, перебивало немало цайдамцевъ, во главѣ съ Барунъ-цзасакомъ, давшимъ о моихъ людяхъ, о ихъ сверхъ годичномъ пребываніи въ Цайдамѣ, самый лучший отзывъ. Въ свою очередь, я достойнымъ образомъ аттестовалъ всѣхъ четырехъ монголовъ, сопутствовавшихъ мнѣ въ Тибетѣ, и наградилъ ихъ свыше ожиданій деньгами и вьючнымъ скотомъ, служившимъ экспедиціи въ странѣ Далай-ламы.

Трогательно распрощавшись со спутниками монголами и приготовивъ почту въ Россію, я отправился на метеорологическую станцію, отстоящую въ тридцати верстахъ къ сѣверу. Мнѣ сопутствовали, помимо сининскихъ китайцевъ, В. Ѳ. Ладыгина, Бадмажапова, еще и двое гренадеръ. Бивакъ остался въ вѣдѣніи А. Н. Казнакова. Разстояніе до хырмы Барунъ-цзасака мы проѣхали въ теченіе пяти утреннихъ часовъ по глинисто-каменистой или песчаной равнинѣ, имѣвшей болѣе или менѣе пологое паденіе въ слѣдуемомъ нами направленіи. На складѣ, украшенномъ гирляндами цвѣтковыхъ растений, я нашель образцовый порядокъ. Лицо моего незамѣнимаго наблюдателя Муравьева дышало искренней радостью; ввѣренная ему метеорологическая станція работала непрерывно, всѣ инструменты дѣйствовали исправно и онъ лучшимъ образомъ справился не только съ обычными періодическими наблюденіями, но даже и съ часовыми, производимыми ежедневно съ семи часовъ утра до девяти вечера въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ — іюля, октября, января и апрѣля, т. е. среднихъ изъ каждаго времени года. Мнѣ только теперь пришло на умъ, кто бы замѣнилъ Муравьева, если бы онъ вдругъ заболѣлъ?... По счастью,

этого не случилось: экспедиціонный отшельникъ чувствовалъ себя очень порядочно, отдавшись цѣликомъ своему занятію. Производство Муравьева въ старшіе унтеръ-офицеры являлось съ моей стороны лишь выраженіемъ долгаго признанія его значительныхъ заслугъ....

На станціи я произвелъ цѣлый рядъ повѣрочныхъ астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій.

Мѣстное населеніе отчасти ютилось посрединѣ равнины на лучшихъ пастбищахъ; большею же частью жило въ сосѣднихъ горахъ, отстоящихъ къ югу. Тѣ и другіе обитатели, отъ времени до времени, заглядывая въ хырму для осмотра имущества, навѣщали и меня; теперь они были богаты кумысомъ и всѣ несли въ подарокъ этотъ полезный напитокъ. Наши отношенія съ цайдамцами еще болѣе улучшились, въ особенности, послѣ того, какъ возвратившіеся изъ Тибета ихъ довольные собраты подробно рассказали имъ о нашемъ совмѣстномъ, богатомъ приключеніями, странствованіи среди воинственныхъ племенъ Кама.

Такимъ образомъ, совершенно незамѣтно для меня мелькнулъ недѣльный періодъ, проведенный мною вдали отъ главнаго бивака. На послѣднемъ, по сообщенію А. Н. Казнакова, «опять наступило военное время». Какъ-то разъ, когда оба наши препаратора, Телешовъ и Мадаевъ, уѣхавъ въ сообществѣ монгола вверхъ по ущелью Хату за двадцать верстъ отъ бивака, увлекались охотою, въ одного изъ нихъ, а именно Мадаева, разбойники тангуты, устроивъ засаду, предательски стрѣляли. Но счастье... который уже разъ... опять выручило! Одна изъ пуль разбойниковъ прострѣлила фуражку и чуть-чуть обожгла голову. Первый выстрѣлъ, вѣроятно, лучшаго изъ стрѣлковъ, былъ такъ неожиданъ, что Мадаевъ, быстро повернувшись на мѣстѣ, оступился и полетѣлъ съ кручи внизъ; только оправившись и понявъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ отвѣчать огнемъ своей винтовки, цѣлясь на дымъ, появлявшійся отъ слѣдующихъ беспорядочныхъ выстрѣловъ прочихъ тангутовъ. Самихъ же разбойниковъ не было видно, за исключеніемъ одного, выглянувшаго вслѣдъ за произведеннымъ первымъ выстрѣломъ; они сидѣли за скалистымъ гребнемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что мой юный страстный охотникъ экскурсировалъ съ двумя ружьями—дробовикомъ и винтовкой; въ моментъ чуть не рокового выстрѣла онъ разсматривалъ свою добычу—куку-ямана и уллара, убитыхъ въ розсыпяхъ. Отъ звѣря Мадаевъ собирался взять небольшую часть мяса, а птицу бережно завернуть и спрятать въ

ягдташь, но то и другое, конечно, осталось на мѣстѣ, такъ какъ Мадаевъ, отстрѣливаясь отъ разбойниковъ, направился къ охотничьему лагерю, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидалъ Телешовъ. Обсудивъ свое положеніе, препараторы осѣдлали лошадей и благополучно возвратились на главный бивакъ.

Монголы, узнавъ объ этомъ происшествіи, въ одинъ голосъ твердили, что тангуты-разбойники, по всему вѣроятію, не подозревали о возвращеніи русскихъ изъ Тибета, иначе они ни за что не рѣшились бы этого сдѣлать, будучи достаточно проучены годъ тому назадъ двумя русскими людьми во время ихъ ночного подступа къ русскимъ верблюдамъ. «Теперь, продолжали говорить тѣ же монголы, можно быть увѣреннымъ, что разбойники не приблизятся къ русскимъ даже на порядочное разстояніе въ теченіе всего пребыванія ихъ экспедиціи въ Цайдамѣ, но горе будетъ намъ послѣ ухода русскихъ: тангуты непременно отомстятъ за неудачу хоть тѣмъ, что нападутъ на насъ».

Предсказаніе монголовъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ намъ, сбылось. Послѣдующія экскурсіи въ районъ тѣхъ же горъ были вполне благополучны и обогатили нашъ зоологическій сборъ медвѣжьимъ скелетомъ, препарированнымъ на мѣстѣ.

Въ области рассматриваемыхъ горъ медвѣдь смѣло заходитъ по ночамъ на монгольскія стойбища и крадетъ барановъ. Незадолго же до нашего возвращенія изъ Тибета, мишка неожиданно появился днемъ и, приблизившись къ открытой двери одной изъ юртъ, остановился, разинулъ пасть и началъ громко реветъ. По счастью, въ юртѣ оказалось двое охотниковъ, которые тутъ же на мѣстѣ и уложили непрошеннаго гостя. Минувшей же осенью, въ двадцатыхъ числахъ ноября, въ ущельи Бургусутай тибетскій медвѣдь произвелъ настоящій погромъ. По словамъ монголовъ, произошло слѣдующее: одна изъ цайдамскихъ семей, состоявшая изъ старухи матери и молодого сына съ женою, со всѣмъ своимъ скарбомъ и скотомъ перекочевывала изъ средняго пояса горъ въ нижній. Прибывъ въ намѣченное для лѣтовки урочище, кочевники приготовились устраивать свое походное жилище, какъ неожиданно, изъ ближайшихъ кустовъ, къ нимъ вышелъ медвѣдь. Хозяинъ дома встрѣтилъ звѣря ударомъ сабли, не причинившимъ, однако, медвѣдю серьезнаго вреда. Озлобленный мишка быстро покончилъ съ монголомъ, круто изогнувъ его желѣзный клинокъ, и напалъ на несчастныхъ женщинъ, которыя подверглись той же участи. По умерщвленіи монгольской семьи, звѣрь разорвалъ цѣпную собаку и нѣсколь-

кихъ барановъ. Отвѣдавъ затѣмъ мяса людей и барановъ, свирѣпый мишка стащилъ всѣхъ своихъ жертвъ въ одно углубленное мѣстечко и покрылъ войлоками, деревьями и другими принадлежностями юрты; образовавъ, такимъ образомъ, груды изъ хлама, онъ расположился на немъ отдыхать. Эту картину засталъ одинъ монголъ, не рискнувшій, однако, выстрѣлить на бросившагося на него медвѣдя; потомъ, трое лучшихъ мѣстныхъ охотниковъ убили злобнаго звѣря.

Въ послѣднихъ числахъ іюля прибылъ, наконецъ, изъ командировки въ цайдамскіе хошуны Бадмажаповъ, отлично выполнившій всѣ возложенныя на него порученія. Вслѣдъ за симъ, экспедиція начала усиленно готовиться къ выступленію въ дальнѣйшій путь, къ дому. Верблюдовъ у насъ было теперь около шестидесяти, лошадей также полный комплектъ. Тибетскіе кони все еще не привыкли къ верблюдамъ, хотя уже не такъ ретиво фыркали и перестали взвиваться на дыбы при встрѣчѣ съ этимъ животнымъ.

Тридцатаго іюля нашъ большой караванъ оставилъ насиженное мѣсто и въ два перехода перенесъ свой бивакъ въ сосѣдство метеорологической станціи, гдѣ при ключевомъ урочищѣ Багатурюкъ, расположился на дневку. Сюда были доставлены остальные вьюки, хранившіеся на складѣ въ хырмѣ Барунъ-цзасака; сюда же прибылъ и нашъ отшельникъ, завѣдывавшій метеорологической станціей, и отвѣтственный наблюдатель Муравьевъ, привезшій намъ достаточное количество печенаго хлѣба, изготовленнаго имъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней. Разставаясь съ хырмой, я опечаталъ метеорологическую будку, на которую прибилъ металлическую дощечку съ надписью на русскомъ и англійскомъ языкахъ: «Метеорологическая станція Тибетской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

Монголы, приходившіе прощаться, положительно осаждали нашъ лагерь; какъ и прежде, они угощали насъ неизмѣннымъ кумысомъ. Прибыли также Барунъ-цзасакъ и Хамбо-лама, тибетецъ, оба подарившіе мнѣ на память по лошади. Наши подарки приходили къ концу. Кромѣ монголовъ барунскаго хошуна, ко мнѣ пріѣхали съ прощальнымъ привѣтомъ и представители хошуна Цзунъ-цзасака и представители Курлыкъ-бэйсэ. Для меня не могло быть большаго удовольствія, какъ то, которое я теперь переживалъ, убѣждаясь въ искренности лучшихъ къ намъ отношеній монгольскаго народа.

Глава XV.

По восточному Нань-шаню.

Поперекъ Нань-шаня.—Дулань-хитъ.—Новый путь через долину озера Далай-дабасу.—Вдоль южнаго берега Куку-нора.—Китайскіе города Донгоръ и Сининъ дружелюбная встрѣча съ администраціей послѣдняго.

Если съ приходомъ экспедиціи въ Цайдамъ съ сѣвера считался оконченнымъ первый актъ ея дѣятельности, то съ возвращеніемъ въ эту страну съ юга окончился и второй—самый важный, составлявшій основную задачу путешествія. Теперь всталъ на очередь третій и послѣдній актъ—слѣдованіе экспедиціи къ роднымъ предѣламъ.

Второго августа 1901 г., чуть забрезжила на востокъ заря, нашъ караванъ отправился на пересѣченіе обширной долины Цайдама, держа сѣверо-восточное направленіе. Утренняя тишина воздуха нарушалась отдѣльными голосами птицъ, вспархивавшихъ и перелетавшихъ съ ближайшихъ къ дорогѣ кустовъ. Хребетъ Бурханъ-Будда провожалъ насъ сурово: надъ нимъ висѣли мрачныя грозовыя тучи, тогда какъ надъ долиной и впереди лежавшими горами, небо было почти безоблачнымъ. Съ каждымъ послѣдующимъ часомъ воздухъ нагрѣвался ощутительнѣе; мучительная мошка исчезла, но на смѣну ей появились еще болѣе мучительныя для животныхъ—овода. Покорные верблюды шли съ обычнымъ смиреніемъ, но лошади сильно отбивались, то и дѣло останавливаясь на ходу. Монгольскій скотъ стоялъ, понутивъ головы, подлѣ жилищъ кочевниковъ или забивался куда-либо въ чащу кустарниковъ.

Баянь-голь въ это время имѣлъ широкій, свыше ста саженой, плёсъ, по краямъ котораго быстро неслись грязныя волны рѣки,

въ видѣ двухъ рукавовъ, разобщенныхъ песчано-глинистою мелью. Наибольшая глубина брода не превышала двухъ футовъ и мы, благодаря опытности проводника Бая, благополучно переправились. Правый или сѣверный берегъ Баянъ-гола отличался еще болѣе тучными пастбищами, нежели лѣвый; съ сѣвера долину пріятно разнообразяють обширныя болота Иргицюль и Далынъ-тургынъ, съ многочисленными озерками, обставленными высокимъ камышемъ. По утрамъ и вечерамъ здѣсь замѣчалось оживленіе среди плавающихъ и голенастыхъ пернатыхъ.

Въ густыхъ прибрежныхъ заросляхъ хармыка, судя по оставленнымъ слѣдамъ, бродили медвѣди.

По дорогѣ, намъ попались навстрѣчу цайдамскіе монголы, возвращавшіеся изъ Донгэра со всевозможными покупками, необходимыми въ обиходѣ кочевника. Обрадованные неожиданнымъ свиданіемъ съ экспедиціей, цайдамцы откровенно говорили намъ, что своему благополучію въ дорогѣ они обязаны исключительно русскимъ, т. е. намъ, кого такъ сильно боятся кукунорскіе тангуты. Считаюсь съ этимъ обстоятельствомъ, монголамъ достаточно было заявить, что они везутъ русскую почту, чтобы вполне гарантировать свою безопасность со стороны неоднократныхъ подступовъ грабителей оронгынъ. На прощанье, находчивые монголы просили насъ, при случаѣ, не выдавать тангутамъ ихъ «военную хитрость».

За долиной Баянъ-гола мѣстность на нашемъ пути постепенно повышается; глинисто-солончаковая почва смѣняется песчаной или хрящеватой; взамѣнъ же богатыхъ равнинныхъ пастбищъ, поднимаются пустынные холмы или увалы, придающіе пейзажу крайне печальную картину. Послѣдняя еще болѣе омрачилась дождемъ, не перестававшимъ падать почти весь день. По случаю той же ненастной погоды мы не могли видѣть съ командующихъ высотъ, какъ весною прошлаго года, колоссальнаго хребта Бурханъ-Будда, чтобы бросить этой сѣверной грани Тибета нашъ прощальный взглядъ.

Къ сумеркамъ погода улучшилась, облака порѣдѣли, а затѣмъ и совершенно исчезли, открывъ темно-голубой сводъ неба, на которомъ, кромѣ яркихъ звѣздъ и планетъ, красиво выдѣлялся серпъ молодой луны. Со времени оставленія тибетскаго нагорья, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, я ни разу не наблюдалъ такого дивно прозрачнаго неба. Между тѣмъ въ воздухѣ ощущалась крайняя сырость. Утромъ сосѣднія горы вновь «закурились» кучевыми облач-

жами, картинно отдѣлявшимися въ высь и заполнявшими собою, словно льдины въ рѣкѣ, свободныя лазоревыя пространства. Ко времени выступленія каравана, надъ долиною уже висѣли сплошныя сѣрыя осеннія тучи и пошелъ мелкій дождь, но къ счастью не надолго: черезъ часъ выглянуло солнце, а облака исчезли такъ же скоро, какъ и появились. Въ быстро согрѣтомъ воздухѣ послышалось сплошное жужжаніе комаровъ и мошки, роями витавшихъ у несчастныхъ верблюдовъ. Тамъ и сямъ журчали ручьи, несшіе воду въ общую котловину соленыхъ бассейновъ Дуланъ-и Сэрхэ-норовъ. Связывающая эти озера протока Боринъ-холь была переполнена соленой, грязной жидкостью и поэтому осложнила переправу въ бродъ еще болѣе, нежели весною минувшаго года, при переднемъ нашемъ движеніи въ Тибетъ. Скользящая, липкая грязь довершала путевыя невзгоды и трудности. Наконецъ, благополучно выбравшись изъ соленой грязи и вступивъ въ обсохшую уже полосу равнины, мы вновь принуждены были остановиться на часъ—другой. На этотъ разъ насъ задержалъ горный потокъ, пришедшій валомъ съ сѣвера. По спаденіи этихъ горныхъ водъ, мы кое-какъ добрались до передового каменистаго выступа или холма Эрдэни-обо и здѣсь при «Драгоцѣнномъ источникѣ» могли удобно расположиться и высушить походныя принадлежности.

Сосѣдняя кумирня Дуланъ-хитъ успѣла подремонтироваться и выглядѣла несравненно лучше нежели то было при нашемъ первомъ ея посѣщеніи. Какъ ламы, такъ и простые обитатели-монголы относились къ экспедиціи весьма любезно и предупредительно. Тангуты же, случайно проѣзжавшіе по долинѣ, къ намъ почти не заглядывали; съ этими своенравными кочевниками, въ большинствѣ случаевъ, намъ не удавалось заводить дружескихъ отношеній. На мой вопросъ къ монголамъ: «почему тангуты сторонятся насъ?»—я всегда слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «оронгыны любятъ появляться въ видѣ непрошенныхъ гостей, а такихъ вы сами не жалуете».

На утро, распрощавшись съ цайдамскими проводниками, мы не безъ труда подняли нашъ караванъ и двинулись къ озеру Цаганъ-нору. Наиболѣе отраднымъ уголкомъ послѣдняго, можно считать сѣверный берегъ, гдѣ у подножья красно-гранитныхъ скалъ выбѣгаетъ студеный, прозрачный ключъ, орошающій приозерный лугъ. На этомъ ключѣ мы дважды располагались бивакомъ—въ передній и обратный путь. Въ обоихъ случаяхъ кочевниковъ мы

здѣсь не видѣли, хотя, судя по слѣдамъ, они проживали на озерѣ незадолго до нашего послѣдняго прихода. На тихой поверхности Цаганъ-нора держалось значительное количество горныхъ гусей и утокъ; затѣмъ, часто раздавались голоса турпановъ, ютившихся обособленными семьями; вдоль береговъ проносились зуйки, кулики-улиты и песочники; по выступамъ скалъ сидѣли орланы, вблизи которыхъ монотонно ворковали каменные голуби; среди бивака, на камняхъ, доврчиво усаживались чекканы, краснохвостки, удоы; высоко, у карнизовъ, витали горныя ласточки, съ громкимъ щебетаніемъ нападавшіе на рыжихъ соколовъ.

Обогнувъ, ближайшіе къ восточному берегу озера горные мысы, экспедиція, вскорѣ затѣмъ, прибыла въ долину озера Далай-дабасу. Въ этой долинѣ мы устроили дневку, въ цѣляхъ пріобрѣтенія нѣсколькихъ штукъ верблюдовъ. Недоврчивые монголы, съ сердитымъ начальникомъ во главѣ, вначалѣ были очень не сговорчивы, но затѣмъ смирились и, продавъ намъ трехъ верблюдовъ, стали нерѣдко заглядывать въ нашъ лагерь. Отъ монголовъ мы узнали любопытную исторію, что будто бы ихъ сосѣди тангуты, желая поскорѣе избавиться отъ монголовъ, начинаютъ надоѣдать послѣднимъ ежедневными массовыми посѣщеніями ихъ жилищъ подъ видомъ «гостей». По словамъ монголовъ, тангутскіе визиты крайне непріятны и они волей-не-волей очень часто дѣйствительно перебираются на новыя мѣста.

Въ послѣднее время пребыванія экспедиціи въ долинѣ соленого озера погода значительно улучшилась: настали ясные, теплые дни, хотя по ночамъ температура опускалась до трехъ градусовъ ниже нуля; воздухъ былъ замѣчательно прозраченъ и давалъ возможность любоваться небомъ днемъ и ночью. Въ горахъ, на значительной высотѣ надъ моремъ, чистота и интенсивность небесной лазури бывають таковы, что можно въ теченіе цѣлыхъ часовъ безмолвно смотрѣть и восхищаться обаятельною прелестью неба. Не менѣе прекрасны въ этой долинѣ бывали и вечера, озаряемые мягкимъ луннымъ свѣтомъ, разливавшимся по озерной глади и вершинамъ сосѣднихъ горъ. Нашъ бѣлый шатеръ пронизывался не только блескомъ луны, но даже блескомъ другихъ планетъ и крупныхъ звѣздъ. Съ вечера, погружившись въ думы, невольно смотришь на яркія точки свѣтилъ, медленно плывущихъ въ пространствѣ отъ одного конца горизонта къ другому. По ходу планетъ и звѣздъ мы отсчитывали ночное время, не прибѣгая къ часамъ. Въ ясныя ночи наши часовые, подобно мѣстнымъ кочевникамъ, часто

также руководствовались положеніемъ на небѣ созвѣздія Большой Медвѣдицы, чтобы въ свое время поднять на ноги бливакъ.

На утренней зарѣ караванъ обыкновенно выступалъ въ путь; косые лучи солнца вначалѣ освѣщали лишь вершины горъ, и только значительно позднѣе—открытыя части долинъ. Зеркальная поверхность озера одинаково красиво отражала какъ отдаленныя могучіе вѣнды горъ, такъ и небольшіе предметы, въ родѣ верблюдовъ и лошадей, пасшихся или проходившихъ въ караванѣ вблизи озера.

Въ такую прекрасную погоду, семнадцатаго августа, намъ удалось подняться на Южно-кукунорскій хребетъ и съ его сѣдловины—Цзагостанъ-котуль—увидѣть Куку-норъ или голубое озеро. Правда, на этотъ разъ сѣрватая окраска воды далеко не оправдывала монгольскаго названія, тѣмъ не менѣе общій видъ озера былъ величественно прекрасенъ. За крутымъ сѣвернымъ склономъ Южно-кукунорскаго хребта широкою гладью разстилалась его блестящая поверхность, на которой рѣзко выдѣлялись полуострова и острова, въ особенности большой или главный островъ—Куйсу, гдѣ имѣется небольшая кумирня и проживаютъ ламы. Противоположный же берегъ озера, казалось, сливался съ облаками, утопавшими въ волнахъ Куку-нора.

Кочевыхъ тангутовъ мы встрѣтили на южномъ склонѣ хребта, куда они перебрались съ сѣвернаго незадолго до нашего прихода. Своими черными палатками тангуты тѣснились вдоль караванной дороги и одинъ за другимъ гордо подѣзжали къ нашему каравану, назойливо приставая съ разспросами. Огромныхъ псовъ, озлобленно бросавшихся на нашъ караванъ, въ особенности на собакъ, тангуты не только не удерживали, но даже еще болѣе натравляли, на наши же замѣчанія этого не дѣлать, они зло смѣялись. Волей-неволей пришлось застрѣлить нѣсколькихъ тангутскихъ собакъ и тѣмъ обезпечить спокойное дальнѣйшее движеніе какъ среди этихъ тангутовъ, такъ еще болѣе среди тѣхъ изъ нихъ, которые кочевали на лучшихъ кукунорскихъ пастбищахъ.

Въ слѣдующіе четыре дня и перехода, съ 18-го по 21-е августа, экспедиція, оставивъ ущелье пройденныхъ горъ и взявъ направленіе къ востоку, прошла вдоль всего южнаго берега Куку-нора. Слева разстилалась голубая поверхность озера, нерѣдко пестрѣвшая высокими серебристыми волнами, глухо разбивавшимися о песчано-глинистые берега. Попутный вѣтеръ приносилъ запахъ

озерной воды, надъ которой точками мелькали чайки, крачки, сѣ-
рая цапля или длинной вереницей проносились утки, гуси, бакла-
ны и другія плаваюція пернатая. Справа тянулись горы, имѣвшія
довольно однообразный характеръ. На всемъ пути имѣлись бога-
тѣйшія пастбища, и остановки каравана можно было производить
чуть не при первомъ желаніи. Нашъ проводникъ монголь, съ
грустью вспоминая былое, показалъ намъ между прочимъ полу-
островъ или мысъ «Волчій загонъ», гдѣ когда-то его собратья на
рѣзвыхъ коняхъ истребляли волковъ и вообще свободно носились
отъ одного монгольскаго стойбища къ другому.

Въ теченіе первыхъ трехъ дней пути по берегу Куку-нора мы
часто видѣли островъ Куйсу, а въ первые два дня кромѣ того и
небольшой скалистый островокъ, расположенный къ юго-западу
отъ главнаго и отстоящій въ десяти приблизительно верстахъ
разстоянія отъ южнаго берега. Главный островъ всего рельефнѣе
намъ представлялся въ бинокль, конечно, при наибольшемъ къ
нему приближеніи, и при болѣе удачномъ боковомъ освѣщеніи
солнцемъ; этотъ островъ походилъ на военный корабль, если смо-
трѣть на него въ профиль; своею южною стороною Куйсу круто
обрывался къ водѣ, въ которой совершенно терялись оба крыла
острова. На плоской вершинѣ послѣдняго замѣтно было искусствен-
ное сооруженіе въ родѣ домика или кумирни. Испытавъ пригод-
ность небольшой брезентно-пробковой лодки при плаваніи по аль-
пійскимъ озерамъ, я въ слѣдующій разъ не отказался бы включить
въ снаряженіе экспедиціи подобную же лодку, но только нѣ-
сколько иного типа, и на которой можно было бы поплавать по
обширному бассейну Куку-нора.

Двадцать втораго августа, экспедиція поднялась на переваль
Нара-сарэнъ-котуль, имѣющій 11.600 футовъ надъ моремъ. Поки-
дая замкнутый внутренній бассейнъ, мы вступили во внѣшній. Съ
вершины перевала въ западномъ направленіи можно было бросить
прощальный взглядъ на Куку-норъ, красиво разстлавшійся своею
темно-голубою поверхностью, на которой островъ Куйсу предста-
влялся небольшимъ желтовато-сѣрымъ пятномъ, дрожавшимъ въ
вибраціи воздуха.... На востокъ громоздился сонмъ горъ восточ-
наго Нань-шаня, скрывавшаго въ своихъ многочисленныхъ склад-
кахъ впереди лежація культурныя долины.

Тангуты ютились у самаго перевала, выше и ниже дороги,
змѣєю извивающейся по мягкому луговому скату, испещренному
свѣтлыми ручейками. По мѣрѣ того, какъ мы спускались, гори-

зонтъ сокращался, въ воздухѣ становилось значительно теплѣе, населеніе увеличивалось, кочевники смѣнялись земледѣльцами. Дорога все болѣе оживлялась китайцами, тангутами и помѣсью тѣхъ и другихъ, такъ называемыхъ донгэр'ва, свободно владѣющихъ обоими языками. По сторонамъ дороги радовали глазъ полоски созрѣвшаго хлѣба—ячменя, пшеницы, овса—который уже начали убирать. Работа спорилась у трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, прїѣзжавшихъ обыкновенно на поля семьями и сопровождавшихъ свое любимое занятіе звонкой, монотонной пѣсенкой. Какой рѣзскій контрастъ въ природѣ и людяхъ на разстояніи всего лишь пятидесяти—шестидесяти верстъ! Послѣ пребыванія въ пастушеской странѣ было прїятно видѣть добродушныхъ селяковъ, смѣло и съ улыбкой спрашивавшихъ насъ: «куда идете?»—взамѣнъ, на примѣръ, кукунорскихъ номадовъ, которые косо, исподлобья смотря на тѣхъ же самыхъ людей, удирали безъ оглядки. Не вѣрилось, что мы уже близки къ жизни, напоминавшей собою и нашу, все еще далеко отстоявшую родину.

Двадцать четвертаго августа, въ десять часовъ утра, мы вступили въ долину Донгэрской рѣчки и удобно расположились лагеремъ вблизи южной стѣны города Донгэра. Населеніе словно по сигналу высыпало на берегъ рѣки, на крыши, чтобы позѣвать на пришлыхъ людей. Къ чести донгэрцевъ, они вели себя замѣчательно учтиво и послушно и въ теченіе двухъ сутокъ, проведенныхъ здѣсь экспедиціей, у насъ съ туземнымъ населеніемъ не произошло никакихъ непрїятностей, наоборотъ, были самыя дружескія отношенія и не только въ Донгэрѣ, но и въ остальныхъ населенныхъ пунктахъ, расположенныхъ вдоль нашего пути по восточному Нань-шаню.

Донгэрскія власти оказались такими же предупредительными и вѣжливыми, какъ и все мѣстное населеніе: выслали чиновниковъ для встрѣчи экспедиціи и заранѣе позаботились отводомъ ей казенныхъ пастбищъ. Съ утра до вечера на нашемъ бивакѣ толпились продавцы хлѣба, яицъ, зелени; изрѣдка показывались и женщины, и дѣвушки съ воткнутыми цвѣтами. Обыкновенныя китайскія пшеничныя булки показались всѣмъ намъ вкуснѣе самыхъ изысканныхъ куличей или мелкихъ печеній, и мы съ волчьимъ аппетитомъ уничтожали ихъ въ огромнѣйшемъ количествѣ. Торговцы то и дѣло появлялись съ свѣжимъ хлѣбомъ, спѣша его сбыть не только за деньги, но и путемъ обмѣна на всѣ нужныя и ненужныя мелочи. Наши люди, положительно какъ школьники, съ радо-

стнымъ смѣхомъ, бѣжали на встрѣчу булочникамъ и дѣлали запасы въ дорогу. Въ обыкновенное время, въ отрядѣ, ежедневно расходовался на продовольствіе цѣлый баранъ, теперь же благодаря обилію вкуснаго хлѣба, мы могли съѣдать только половину; къ тому же яйца и зелень наполняли и сильно разнообразили наше повседневное единственное общее для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, блюдо, заключавшееся въ бараньемъ мясѣ и супѣ.

Тѣмъ временемъ изъ Синина возвратился В. О. Ладыгинъ, командированный еще изъ кукунорской долины. По свѣдѣніямъ, полученнымъ моимъ сотрудникомъ въ ямынѣ, въ Китаѣ продолжались сильные беспорядки, войска раздѣлились на партіи, сильный билъ слабого; достаточно было неудовольствія между начальниками, чтобы у подчиненныхъ завязался настоящій бой. Народъ ропталъ на массовыя казни столичныхъ сановниковъ и открыто радовался, что дядя богдыхана, опальный принцъ Тунъ, избѣжалъ смерти, скрывшись въ алашаньской пустынѣ. Миссіонеры изъ страны изгнаны. Въ городахъ замѣтно большое раздраженіе вообще по адресу европейцевъ, не пощадившихъ даже дворцовъ и храмовъ и смѣло накладывавшихъ руку на все цѣнное. Къ общему погрому примкнули и китайскіе солдаты, которые, сбросивъ форму, превратились въ торговцевъ, развозя награбленное по окраинамъ. Противъ нашей экспедиціи мѣстные китайцы ничего не имѣли, по крайней мѣрѣ, такъ сказали адъютанты Цинъ-цайя г. Ладыгину, замѣтивъ, однако, что экспедиціи слѣдуетъ быть крайне осторожной.

Утромъ, 26-го августа, экспедиція, раздѣлившись на двѣ партіи, оставила Донгэръ. Караванъ, во главѣ съ А. Н. Казнаковымъ, двинулся прямымъ путемъ въ монастырь Чойбзэнъ, я же налегкѣ, въ сопровожденіи лишь В. О. Ладыгина, Бадмажапова и Бѣляева, направился въ Сининъ. Моя поѣздка мотивировалась желаніемъ повидаться съ Цинъ-цайемъ и лично принести ему благодарность за услуги, оказанныя имъ экспедиціи.

Для бѣльшаго удобства въ пути, я съ своими спутниками отправился верхомъ на наѣмныхъ лошадяхъ. Облачное небо и періодически перепавшій дождикъ способствовали улучшенію нашего движенія по большой дорогѣ, пролегавшей вдоль береговъ Сининской рѣки. Послѣдняя бѣшено неслась по галечному крутому ложу, въ особенности въ мѣстахъ наибольшаго сближенія сопровождающихъ ее горныхъ уваловъ. По скату праваго берега красиво поднимался березовый лѣсъ, лѣвый же берегъ былъ почти

сплошь укрыть кустарниками и травами. Въ расширеніяхъ долины волновались пожелтѣвшія поля хлѣба. По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія, горы отошли въ сторону, долина раздвинулась на нѣсколько верстъ. Наблюдателю открылось сплошное земледѣльческое населеніе; поля, мѣстами наполовину сжатая, красиво поднимались на плоскія сопки; самый путь кромѣ того разнообразился китайцами, донгэр-ва, дунганями, ѣхавшими или направлявшимися пѣшкомъ въ ту или другую сторону. Тамъ и сямъ по дорогѣ стояли селенія, постоянные дворы или небольшія лавчонки, въ которыхъ дремали лѣнливые и апатичные курильщики опиума; разносчики и продавцы пельменей громко стучали въ свои торговые барабаны; по улицамъ селеній важно расхаживали куры, свиньи и маленькія курносенькія китайскія собачки, часто украшенныя гремющими ошейниками. Общее пріятное впечатлѣніе нѣсколько омрачалось многими развалинами селеній, не успѣвшихъ еще возродиться послѣ грознаго мятежа магометанъ.

Приблизительно на половинномъ разстояніи пути, мы перебрались по мосту на правый берегъ рѣки, по которому пришлось слѣдовать до самаго Синина. Неподалеку отъ этого города, начавшаго обрисовываться своими шаблонными крѣпостными стѣнами, мы проѣзжали вдоль холмовъ, расположенныхъ на открытой равнинѣ. Согласно преданію, холмы эти нѣкогда спасли Сининъ отъ непріятели, осаждавшаго городъ съ запада. Находчивый комендантъ прикрылъ искусственные холмы печенымъ хлѣбомъ и тѣмъ будто бы отвлекъ вниманіе врага, замѣтившаго: «Сининъ изморомъ не возьмешь, его гарнизонъ располагаетъ цѣлыми горами хлѣба».

У западной крѣпостной башни, превосходно выложенной изъ сѣраго камня, мы переправились черезъ быструю, довольно многоводную рѣчку, впадающую недалеко отсюда въ Сининъ-хэ, и вошли арочнымъ входомъ въ городъ. Нѣсколько солдатъ, стоявшихъ на башнѣ, тупо бессмысленно глядѣли изъ-за бойницъ въ нашу сторону. Но зато большое любопытство было сосредоточено на насъ при вступленіи въ узкія, многолюдныя торговыя улицы, гдѣ тотчасъ образовалась толпа досужихъ зѣвакъ, послѣдовавшихъ за нами. У купцовъ, сидѣвшихъ за прилавками магазиновъ, вытягивались фізіономіи и они на время забывали свое дѣло; многіе почему-то громогласно считали насъ по головамъ, не стѣсняясь указывать пальцемъ. Мальчишки забѣгали впередъ, толпились, сбивали другъ друга съ ногъ и задерживали встрѣчныхъ, упрямые ослики становились поперекъ дороги, громко орали, заставляя

спрыгивать съдоковъ, — словомъ, обычная городская картина, наблюдая которую мы незамѣтнымъ образомъ прибыли къ торговому дому Цянь-тай-мао. Послѣ нѣкотораго смущенія и нерѣшительности, приказчики открыли ворота и впустили во дворъ моихъ людей и лошадей, я же съ Ладыгинымъ прошелъ черезъ магазинъ въ помещеніе купцовъ, которые заранѣе отвели для насъ двѣ комнаты. Сопровождавшій насъ купецъ шепнулъ на ухо моему сотруднику, что онъ опасается за нашу безопасность: «толпа возбуждена, страсти ея могутъ возгорѣться при малѣйшей нетактичности съ нашей стороны, вѣдь народъ не можетъ забыть, что вы, европейцы, принудили богдыхана оставить столицу и бѣжать чуть не пѣшкомъ внутрь страны». Позднее вечернее время заставило однако зѣвакъ скоро разойтись, а нашихъ купцовъ успокоиться и приготовить для насъ ужинъ, а затѣмъ, оставить насъ въ покоѣ.

На утро, приведя себя въ порядокъ, мы отправились съ визитами, о чемъ В. О. Ладыгинъ уже успѣлъ предупредить Цинь-цайя и другихъ главныхъ должностныхъ лицъ Синина. Средствомъ передвиженія я избралъ китайскую закрытую телѣжку, внутри которой мнѣ можно было спрятаться отъ любопытныхъ глазъ; снаружи же усаживался В. О. Ладыгинъ, свободно переносившій всякую уличную толпу въ Китаѣ. Первый, къ которому мы поѣхали съ визитомъ, былъ Цинь-цай-Бань-ши-да-чень, бывшій сыланъ инородческаго приказа, родомъ маньчжуръ—Ко-пу-тун-и. Невысокаго роста, коренастый, округлый съ небольшими темными глазами и здоровымъ лицомъ, онъ производилъ хорошее впечатлѣніе. Послѣ обычныхъ привѣтствій Цинь-цай утонченно поблагодарилъ за подарокъ, а затѣмъ съ улыбкою началъ выражать свой восторгъ по поводу моего благополучнаго возвращенія изъ Тибета.— «Вы такой жизнерадостный, энергичный, счастливый, что глядя на васъ самъ молодѣешь душою; я только отчасти могу представить себѣ тѣ невзгоды, трудности и лишенія, какія вы переносили непрерывно въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ; вы вышли изъ всего побѣдителемъ и привезли съ собою научныя драгоценности, и какъ теперь я искренно радъ, что вы вернулись здоровыми и невредимыми. Въ ваше отсутствіе я получилъ нѣсколько депешъ, одна тревожнѣе другой; и въ Россіи, и въ Китаѣ считали вашу экспедицію погибшей. По возвращеніи же моихъ посланныхъ изъ Цай-дама, доставившихъ мнѣ отрадныя извѣстія, я тотчасъ телеграфировалъ о томъ въ Пекинъ. Въ настоящее время, вѣроятно, и ваша

В. Ѳ. Ладыгинъ.

родина радуется за ваше благополучное странствование и смѣло надѣется на таковое же возвращеніе». Далѣе разговоръ перешелъ къ самому путешествію; Цинъ-цай очень интересовался восточнымъ Тибетомъ и племенами его населяющими. Съ своей стороны я коснулся было современной политики Китая по отношенію къ европейскимъ государствамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, Банъ-ши-да-чень искусно перешелъ на другую тему: — «васъ, вѣроятно, ожидаютъ въ Россіи почетныя награды»!... Поблагодаривъ Цинъ-цайя еще разъ за его предупредительность и любезность, много разъ проявленныя какъ къ экспедиціи, такъ и ко мнѣ лично, я отправился къ дао-тайю или губернатору. Во дворѣ и за дворомъ меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично.

Дао-тай, тоже маньчжуръ, переведенъ въ Синивъ изъ Кульджи, гдѣ занималъ подобную же должность. Въ Кульджѣ онъ былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ В. М. Успенскимъ и прочими членами россійскаго консульства. Представительный, молодцеватый дао-тай гѣмъ не менѣе выглядѣлъ крайне опечаленнымъ; причиною этой печали, по признанію самого хозяина, было то, что у него въ Пекинѣ, во время разгрома, безъ вѣсти пропала шестнадцатилѣтняя красавица дочь... Справившись съ собой дао-тай сталъ забрасывать меня вопросами о путешествіи, о дикихъ племенахъ Тибета, о нашихъ съ ними стычкахъ; между прочимъ его занимали и такого рода вопросы: много ли осталось въ Тибетѣ мѣстъ еще не изслѣдованныхъ, доволенъ ли я самъ географическими новостями и всякаго рода научными коллекціями, собранными экспедиціей, скоро ли я отправлюсь въ новое путешествіе и многіе другіе въ этомъ родѣ. Въ заключеніе губернаторъ замѣтилъ: «слава Богу, что вы возвратились съ честью и со славой; и ваше, и наше государства гордятся подобными людьми, а все-таки, на будущее время, избѣгайте такихъ дикихъ мѣстъ». Во время продолжительнаго разговора за неизмѣннымъ чаемъ, любезный дао-тай извинялся, что не можетъ насъ угостить шампанскимъ, которое онъ любитъ и къ которому его пріучили русскіе знакомые. Затѣмъ, онъ предложилъ мсему сотруднику коробочку папирось; видя, что тотъ съ жадностью набросился на нихъ и сталъ уничтожать одну папиросу за другою, онъ принесъ еще нѣсколько коробочекъ и принудилъ Ладыгина взять и эти. Самъ хозяинъ отъ времени до времени покурявалъ изъ китайскаго кальяна, художественно отдѣланнаго разноцвѣтной эмалью въ соединеніи съ бирюзой и брон-

зой. Въ приѣмной губернатора, какъ и въ приѣмной Цинь-цайя стоялъ его многочисленный дворъ—адъютанты, чиновники, различные низшіе служащіе и обыкновенная публика; впрочемъ, послѣдняя и большинство низшихъ служащихъ помѣщались главнымъ образомъ во дворѣ. Со двора же, въ бумажныя отверстія оконъ, смотрѣло также не мало глазъ женщинъ изъ семьи дао-тайя и доносились ихъ мягкіе, пріятные голоса.

Разставшись съ дао-тайемъ, мы черезъ четверть часа были у чжень-тайя, командующаго войсками сининскаго гарнизона. По слухамъ, чжень-тай состоялъ виднымъ членомъ анти-европейскаго общества «гэ-лао-гуй» или «Общество братьевъ», что не мѣшало ему быть по отношенію къ намъ не только корректнымъ, но даже изысканно-вѣжливымъ и гостепріимнымъ. Несмотря на свои молодые годы, чжень-тай выглядѣлъ очень хорошо: держался ровно, ходилъ скоро. Громкій голосъ и величавая осанка изобличали въ немъ настоящаго командира. Послѣ того какъ мы попривѣтствовали другъ друга, командующій войсками поинтересовался знать, къ какой я принадлежу національности; послѣдующій же разговоръ былъ приблизительно тотъ же, что и прежде. Къ удовольствію обоихъ насъ, у меня съ чжень-тайемъ оказался общій знакомый—бельгіецъ Paul Splingardt, состоявшій на китайской службѣ въ Су-чжоу, о которомъ чжень-тай вспоминалъ, какъ о своемъ искреннемъ другѣ, скорбя, что его жена съ частью многочисленныхъ дѣтей находится теперь въ крайне тяжеломъ состояніи; самъ же Сплингардъ въ это время пребывалъ гдѣ-то въ восточномъ Китаѣ. Передъ отъѣздомъ чжень-тай пригласилъ насъ къ себѣ на послѣ-завтра на обѣдъ.

Впередѣ предстояло намъ еще два визита къ младшимъ лицамъ мѣстной администраціи, заѣхавъ къ которымъ, мы поспѣшили домой; признаться я сильно усталъ въ необычной обстановкѣ и по пріѣздѣ къ себѣ на квартиру тотчасъ сбросилъ парадное одѣяніе, облекся въ лѣтнюю тужурку и вышелъ во дворъ подышать воздухомъ. Дворъ нашихъ хозяевъ отличался опрятностью, значительная его часть имѣла досчатую настилку; у одной изъ сторонъ двора красовались клумбы свѣжей зелени и яркихъ цвѣтовъ. Огромный песъ лѣниво лаялъ съ верхней галлеріи, откуда онъ спускался по ночамъ внизъ, для несенія сторожевой службы. На крышѣ дома рѣзвилось множество голубей: одни взвивались и улетали, другіе, съежившись въ комочекъ, сидѣли неподвижно, третьи громко ворковали, два же самыхъ красивыхъ сизо-розовыхъ голубя такъ озло-

бленно дрались, что не замѣтили, какъ ихъ общій врагъ—кошка, стремительно бросившись, схватила одного изъ нихъ и чуть-чуть не задушила, если бы въ-время не подоспѣлъ мѣткій ударъ, заставившій кошку моментально бросить голубя и бѣжать безъ оглядки. Освобожденный голубь вспорхнулъ и полетѣлъ, оставивъ за собой не мало перьевъ, медленно падавшихъ на землю.

На слѣдующій день, 28-го августа, я принималъ у себя сининскихъ представителей; старшіе изъ нихъ жаловали ко мнѣ въ паланкинахъ, младшіе пріѣзжали въ телѣжкахъ или просто верхомъ на отличныхъ иноходцахъ, убранныхъ богатыми сѣдлами. Каждого изъ китайскихъ чиновниковъ сопровождала болѣе или менѣе многочисленная свита, имѣвшая въ хвостѣ не мало праздныхъ добровольцевъ. Въ общемъ разговоръ былъ тотъ же, что и вчера съ незначительнымъ лишь дополненіемъ, касающимся жизни самихъ чиновниковъ на этой окраинѣ.

Наканунѣ оставленія Синина, въ два часа дня, мы отправились на званый обѣдъ къ чжень-тайю. Толпа, ориентированная по извозчику, заблаговременно собралась сопровождать нашъ экипажъ, но какъ и прежде, она была крайне сдержана: за все время мы ни разу не слышали по нашему адресу ея обычнаго въ такихъ случаяхъ эпитета—«ян-гуйцзэ», т. е. «заморскій дьяволъ». Подѣхавъ къ дому чжень-тайя и миновавъ его первыя двое воротъ, мы вышли изъ тряской телѣжки и послѣдовали пѣшкомъ въ третья ворота, за которыми уже увидѣли предупредительнаго чжень-тайя, окруженнаго блестящей свитой. Послѣ привѣтственныхъ рукопожатій, мы направились въ тѣсной компаніи подъ звуки китайскаго оркестра въ большую, открытую съ боковъ, столовую, расположенную напротивъ домашняго театра. Въ столовой мы были представлены четырьмя сослуживцамъ командующаго войсками, принимавшимъ участіе въ званомъ обѣдѣ. Большой круглый столъ былъ уже уставленъ всевозможными, исключительно, китайскими яствами, помѣщавшимися въ многочисленныхъ—большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ—чашечкахъ. Хозяинъ учтиво сдѣлалъ знакъ гостямъ приблизиться къ отдѣльному столу съ закуской. Приглашенная компанія чинно повиновалась и каждый изъ гостей, взявъ по маленькому блюдечку сладкаго, принялся кушать; затѣмъ сѣли за обѣденный столъ. Мнѣ было отведено почетное мѣсто, во главѣ стола; прочіе гости размѣстились согласно ихъ служебному рангу, и, наконецъ, самъ хозяинъ занялъ стулъ, стоявшій нѣсколько позадь отъ прочихъ, на мѣстѣ, которое въ

Первая часть обѣда длилась около двухъ часовъ; сколько подавалось блюдъ трудно сказать, но думаю около тридцати или сорока. Послѣ каждаго блюда хозяинъ дома поднималъ маленькую фарфоровую чарочку, наполненную подогрѣтымъ виномъ, и обводя глазами гостей, призывалъ ихъ то же самое сдѣлать, чтобы одновременно всѣмъ осушить чарочки. Большинство блюдъ были очень вкусныя, какъ и вообще обѣдъ, и съ китайской точки зрѣнія, по заключенію В. Ө. Ладыгина, не оставлялъ желать ничего лучшаго, хотя, конечно, чжень-тай извинялся за «скромное» содержаніе блюдъ, ссылаясь на отдаленность приморскихъ городовъ, въ которыхъ только и можно достать тонкія гастрономическія принадлежности китайской кухни. Не только гости китайцы, но и я съ своимъ сотрудникомъ были усердно заняты ѣдою, во время которой вообще у китайцевъ не принято много разговаривать; по выходѣ же изъ-за стола, въ теченіе четверти часа, у гостей шель оживленный разговоръ. Сосѣдъ по столу В. Ө. Ладыгина, испитой, худой, желчный китаецъ убѣдительно просилъ моего сотрудника добыть ему лѣкарства или указать иной способъ избавиться отъ куренія опиума, въ конецъ разрушившаго его организмъ. Вторая или заключительная часть обѣда прошла сравнительно скоро; сонныя, раскраснѣвшіяся лица гостей свидѣтельствовали объ ихъ желаніи отправиться по домамъ и отойти на часъ—другой въ область Морфея. Необходимо добавить, что въ продолженіе обѣда на театральной сценѣ шли различныя представленія и игралъ смѣшанный оркестръ; костюмы и гримъ были очень интересные. Всѣ актеры—мужчины; женскія роли исполняютъ молодые китайцы, имѣющіе женственные лица и умѣющіе подражать женщинамъ какъ манерами, такъ и голосомъ. Больше всѣхъ привлекалъ вниманіе гостей красивый, изящный мальчикъ и, какъ актеръ, казался несравненнымъ, въ особенности въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ дѣйствія: его красота и плавность движеній были просто очаровательны, какъ очаровательна и самая игра, привыкшаго къ похваламъ красавца-мальчика. Въ антрактахъ, гости посылали актерамъ денежныя подарки, за что послѣдніе прибѣгали просить указаній на послѣдующія темы.

Званный обѣдъ видимо вполне удался; по крайней мѣрѣ на лицѣ хозяина сіяла неподдѣльная улыбка.

Приютившіе насъ китайцы-купцы были очень рады нашимъ превосходнымъ отношеніямъ съ сининской администраціей. Отъ начала до конца они оказывали всѣмъ намъ полное вниманіе и по-

стоянную готовность служить интересамъ экспедиціи. Правда, китайцы пользовались случаемъ нажать съ насъ отъ продажи для экспедиціи различныхъ предметовъ, кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду получить, и дѣйствительно получилъ, на память о пребываніи русскихъ какую-нибудь вещьцу. Само собою разумѣется, что представители власти въ Сининѣ были своевременно надѣлены соотвѣтствующими ихъ положенію подарками.

На этомъ и окончилось наше пребываніе въ Сининѣ. Мнѣ стало недоставать моей экспедиціонной семьи, которая теперь уже бивакировала подлѣ монастыря Чойбзэнъ, отстоявшаго въ 50—60 верстахъ къ сѣверу, и мы стали энергично собираться въ дорогу. Багажа у насъ теперь набралось порядочно и мы наняли четыре парныхъ телѣжки, запрягаемыя лошадьми или мулами. Въ качествѣ проводниковъ предупредительный чжень-тай прислалъ мнѣ почетный эскортъ въ нѣсколько человекъ солдатъ съ офицеромъ во главѣ.

Раннимъ утромъ, 30-го августа, мы оставили большой шумный городъ, расположенный въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ праваго берега рѣки Сининъ-хэ, черезъ которую намъ пришлось переправиться въ бродъ въ виду самаго Синина. Означенная рѣка стремительно катила свои сѣрыя волны въ восточно-юго-восточномъ направленіи, дробясь на три главныхъ и еще на большее число второстепенныхъ рукавовъ. Падавшіе въ горахъ дожди значительно повысили уровень рѣки, и наши телѣжки погружались въ воду до самыхъ сидѣній, т. е. на глубину трехъ футовъ. Сильныя животныя, привычныя къ подобнаго рода переправамъ, прошли черезъ рѣку вполне благополучно. Дальнѣйшее наше движеніе шло вверхъ по правому берегу Синченской рѣчки, впадающей въ Сининъ-хэ слѣва, противъ самаго города Синина.

Около полудня съ сѣверо-запада пришла мрачная грозовая туча, въ воздухѣ пахнуло свѣжестью; позднѣе, стали доноситься тяжелые раскаты грома и чаще засверкала змѣеобразная молнія; по крышѣ телѣжки забарабанили крупныя капли дождя. Китайскіе сельяки, оставивъ поля, спѣшили по домамъ. Въ послѣдующіе полчаса туча развернулась по всему видимому небосклону, и полилъ мелкій дождь, словно сквозь сито. Къ счастью, мы уже достигли пригорода Синъ-чена и въ первомъ заѣзжемъ домѣ приютились на ночевку.

Дождь продолжалъ падать не только въ продолженіе ночи, но и въ продолженіе слѣдующаго утра, когда мы, оставивъ Синъ-ченъ и его живописныя горы, по вершинамъ которыхъ красовались

маленькія пагоды, направились въ сторону отъ рѣчки, въ боковое второстепенное ущельице, постепенно выведшее насъ на вершину поперечныхъ горъ, за которыми располагался Чойбзэнъ. Съ плоской луговой вершины, дѣйствительно, открылся видъ на чойбзэнскую долину и на тѣ холмы, надъ которыми блестѣла золотая крыша чойбзэнскаго храма и подлѣ которыхъ располагался экспедиціонный бивакъ, рѣзко выдѣлявшійся своими бѣлыми шатрами. Еще часъ—другой нетерпѣливаго медленнаго движенія по крутому склону, поросшему густымъ кустарникомъ, и мы были среди своего родного кружка.

Глава XVI.

Изъ горъ въ пустыню.

Монастырь Чойбзэнъ и путь въ Чортэнтанъ; трехдневное здѣсь пребываніе.—Переходъ въ ново-открытый городокъ Куань-гоу-ченъ.—Алашаньская пустыня.—Пески Сэрха.—Гибель собаки Гарзы.—Городъ Дынъ-юань-инъ.—Монгольское княжество Алашанъ или Алаша.—Очеркъ его обитателей.—Въ гостяхъ у Цинь-вана.

Чойбзэнскій гэгэнъ все еще отсутствовалъ, хотя, по словамъ его нирвы, за хутухтой посланы подводы и онъ здѣсь ожидался, примѣрно, черезъ два-три мѣсяца. Знакомый нирва встрѣтилъ и пріютилъ моихъ спутниковъ такъ же любезно и предупредительно, какъ и въ предыдущій разъ.

На слѣдующее утро, 1-го сентября, экспедиція выступила по направленію къ Чортэнтану.

Какъ и въ передній путь, такъ и теперь маршрутъ экспедиціи пролегалъ по переваламъ Тэпа и Шугъ-ламъ, у подножій выдѣляющихся вершинъ Шахэръ и Ртакъ-цанъ. Каравану приходилось опять то подниматься на кручи и слѣдовать вдоль опасныхъ карнизовъ, то спускаться на дно глубокихъ ущелій и переправляться въ бродъ черезъ ручьи и рѣчки. Горы почти все время были скрыты густыми облаками; дни были непріятные сѣрые, напоминавшіе нашу ненастную осень. Это лѣто было здѣсь особенно богато атмосферными осадками; тропинки нѣсколько разъ размывались и вновь исправлялись. Нашему отряду въ этомъ отношеніи пришлось также поработать не мало, а мнѣ лично поболѣть душою при видѣ, какъ неуверенно пробирается караванъ по скользкому глинистому обрыву: того и гляди, что полетитъ тотъ или другой вьюкъ съ коллекціями или инструментами и въ одинъ несчастный мигъ... страшно подумать... всѣ труды пропадутъ даромъ; такого рода несчастья никогда не забудешь. Чтобы отвлечь напряженное вниманіе отъ каравана, невольно переводишь взглядъ въ другую сторону,

гдѣ залегаетъ еще болѣе дикій хаосъ горъ, расчлененныхъ множествомъ ущелій; самую величественную гору изъ окрестнаго сонма громадъ—Рангхта намъ удалось увидѣть только однажды, въ незначительный ясный проблескъ; она была покрыта снѣгомъ и небольшими клочками кучевыхъ облаковъ.

Спускаясь съ перевала Тэпа, мы были встрѣчены компаніей ламъ, среди которыхъ оказался хутухта ближайшаго монастыря Гань-чянь-гомба — Ндань-ма-лама, пожелавшій съ нами непременно познакомиться и пригласить насъ къ себѣ на нѣсколько дней съ цѣлью поохотиться въ его лѣсахъ.

Монастырь Гань-чянь-гомба запрятанъ въ живописномъ ущельѣ, въ глубинѣ горъ. Монастырскія постройки лѣнятся по крутому скату, поросшему лѣсомъ и кустарникомъ. По дну ущелья грохочетъ и пѣнится небольшая рѣченка общаго съ монастыремъ названія.

Современный гэгэнъ состоитъ въ восьмомъ перерожденіи и считается четвертымъ по старшинству изъ всѣхъ восемнадцати чортэнтанскихъ хутухтъ. Молчаливый, сосредоточенный и крайне нервный Ндань-ма-лама занятъ совершенно отвлеченной мыслью, а именно созданіемъ еще болѣе усовершенствованнаго типа европейской военной пятизарядной винтовки! Новѣйшія ружья вообще—страсть перерожденца, и онъ уже имѣетъ двѣ скорострѣлки германскаго и австрійскаго образцовъ. Куда бы гэгэнъ ни слѣдовалъ, всюду ему сопутствуютъ нѣсколько человѣкъ подчиненныхъ ламъ, имѣющихъ за плечами одно или два ружья, изъ которыхъ отъ времени до времени хутухта пострѣливаетъ. Внимательно осмотрѣвъ нашу трехлинейную винтовку, любознательный гэгэнъ спросилъ: «чѣмъ же былъ награжденъ ея изобрѣтатель»? Получивъ надлежащій отвѣтъ, хутухта замѣтилъ: «а я уже придумалъ типъ ружья, которое будетъ бить на разстояніе въ три [раза] большее, нежели бьетъ ваша винтовка, но къ сожалѣнію у меня подъ руками нѣтъ ни надлежащихъ приспособленій, ни достойныхъ помощниковъ, которые были бы въ состояніи помочь мнѣ воплотить идею». Гэгэнъ съ большимъ интересомъ относился также и ко всякаго рода европейскимъ вещамъ, въ особенности къ астрономическимъ часамъ и другимъ научнымъ инструментамъ. Не знаю, какъ хутухта относится къ своимъ прямымъ обязанностямъ, но, видя съ какимъ благоговѣніемъ подходили къ нему его единовѣрцы и молились не только самому хутухтѣ, но и его сѣдлу, въ правѣ заключить, что подобающимъ образомъ.

У этого гэгэна я также видѣлъ портретъ Н. М. Пржевальскаго, о которомъ, повторяю, старѣйшіе ламы чортэнтанскаго района хранятъ самое лучшее воспоминаніе. На прощанье Ндань-ма-лама преподнесъ мнѣ золоченаго бурхана.

Время, проведенное нами на правомъ берегу Тэтунга, промелькнуло незамѣтно. Эта могучая рѣка вздулась, ревѣла, бурлила и пѣнилась, высоко поднимая радужныя брызги у залежавшихъ на ея галечномъ днѣ гигантскихъ валуновъ. О существующей въ другое время года переправѣ черезъ эту рѣку въ бродъ какъ-то не вѣрилось: теперь глубина брода превышала сажень. Съ помощью тангутовъ мы соорудили бревенчатый плотъ, настлали его досками и понемногу перевезли весь свой багажъ и верблюдовъ. Одновременно нашъ плотъ поднималъ четырехъ верблюдовъ и шестерыхъ человекъ казаковъ, которые, уложивъ животныхъ и связавъ имъ ноги, придерживали ихъ, кромѣ того, за бурундуки или поводья; тѣмъ не менѣе въ одинъ изъ рейсовъ чуть-чуть ни приключилась бѣда: по серединѣ бурной рѣки плотъ вдругъ накрепился, два верблюда свалились въ Тэтунгъ, увлекая за собою и двухъ людей—тангута и Мадаева. Минута была ужасная; ревъ верблюдовъ, крикъ гребцовъ и пловцовъ и полное онѣмѣніе стоящихъ на берегахъ. Сильнымъ теченіемъ понесло внизъ и плотъ, и животныхъ, и людей; вотъ ихъ еще разъ качнуло и обдало волной; тѣмъ временемъ гребцы оправились и дружно налегли «къ берегу»; еще двѣ—три минуты и ужасъ исчезъ: счастье и на этотъ разъ насъ не покинуло; и на этотъ разъ нашъ Мадаевъ остался невредимъ, несмотря на то, что не умѣлъ плавать.

Гора Шахэръ, прорѣзавъ кучевое облако, гордо возносилась къ небу. У ея подножья съ одной стороны катились грозныя волны Тэтунга, съ другой—располагались уютныя домики земледѣльцевъ, заканчивавшихъ уборку хлѣба.

Въ два слѣдующихъ дня, пятого и шестого августа, экспедиція перенесла свой бивакъ въ Чортэнтанъ. На протяженіи большей половины пути ея, маршрутъ вновь описывалъ гигантскую волну, пересѣкая рядъ горныхъ отроговъ, съ которыхъ путникъ могъ наблюдать красивыя широкіе виды, заполненные богатою растительностью. Изъ глубины ущелій въ красивомъ безпорядкѣ громоздились одна на другую дикія сѣрыя скалы, по которымъ кое-гдѣ торчали жалкія деревца ели и можжевельника; отъ самыхъ высокихъ или командующихъ вершинъ въ свою очередь сбѣгали каменныя розсыпи: выше же всего, въ ярко-синемъ небѣ, плавно кружились

снѣжные грифы, бородатые ягнятники, и звонко клектавшіе на просторѣ, орлы-беркута. Верхній поясъ съ полуденной стороны отливаль увядшимъ тономъ альпійскихъ луговъ, средній—пожелтѣвшими кустарниками, въ нижнемъ же или лѣсномъ поясѣ по-прежнему преобладалъ темнозеленый колоритъ. Лѣсныя пернатые продолжали скрываться отъ взоровъ охотниковъ. И только на одномъ изъ многочисленныхъ второстепенныхъ переваловъ, въ ожиданіи каравана, мнѣ посчастливилось замѣтить порядочный выводокъ голубыхъ фазановъ, вышедшихъ изъ лѣсу на освѣщенный солнцемъ луговой пригорокъ. Въ густой, высокой травѣ птицы хорошо скрывались за исключеніемъ красиво изогнутыхъ головъ, по которымъ только и можно было ихъ обнаружить. Прицѣлившись въ фазановъ, я выпустилъ въ нихъ зарядъ дроби; дымъ выстрѣла, громкимъ эхомъ откликнувшася въ скалахъ, повисъ надолго въ воздухѣ, и птицы незамѣтно улетѣли, за исключеніемъ четырехъ, поступившихъ въ нашу орнитологическую коллекцію.

Меньшая часть пути пролегла хорошо изученнымъ ущельемъ Мэторъ, гдѣ насъ догналъ нашъ старый знакомый Цорджи-лама—свѣтскій управитель Чортэнтана. Неожиданная встрѣча вызвала съ обѣихъ сторонъ неподдѣльную радость. Цорджи-лама забрасываль насъ вопросами о Тибетѣ, о нашемъ странствованіи; мы же съ своей стороны спрашивали его, какъ онъ сохранилъ наши коллекціи и что теперь происходитъ въ ближайшихъ, населенныхъ китайцами, пунктахъ. Въ отвѣтъ на наши вопросы свѣтскій управитель, послѣ нѣкотораго молчанія, сталъ энергично излагать слѣдующее: «За цѣлость вашего имущества, я нравственно перестрадалъ не мало. Лишь только начались волненія въ Китаѣ, ко мнѣ въ монастырь собралось нѣсколько чѣловѣкъ нашихъ тангутовъ съ строгимъ запросомъ: вѣдомо ли мнѣ, что я принялъ отъ русскихъ на храненіе? не находятся ли въ ихъ ящикахъ разрывные снаряды, отъ дѣйствія которыхъ нашъ монастырь взлетитъ на воздухъ? Чтобы не произошло какой-либо бѣды, продолжали тангуты, мы рѣшили имущество русскихъ выбросить въ рѣку!—Ни угрозы, ни увѣщанія, ничто, говорилъ Цорджи-лама, не могло удержать расходившихся буяновъ; они стояли на своемъ и требовали выдачи вашихъ ящиковъ для своей цѣли. И только одно мое иноскаательное согласіе спасло ваши коллекціи:—хорошо, замѣтилъ я, видимо съ вами не сговоришься, берите ящики, принадлежащіе русскимъ; вы, вѣроятно, думаете, что они дѣйствительно все перебиты въ Тибетѣ; но помните, если русскіе придутъ снова въ

Чортэнтавь и спросить свое имущество, то вы, а никто другой, явитесь отвѣтчиками! Принявъ на храненіе отъ русскихъ ихъ багажъ, я выдалъ имъ въ томъ письменное обязательство, въ силу котораго Россія всегда въ правѣ спросить съ нашего монастыря то, что намъ временно было оставлено русской экспедиціей! Послѣ этого страсти моихъ подчиненныхъ мирянъ улеглись. Тѣмъ временемъ военныя событія на Востокѣ стали затихать, а вѣсти о вашемъ приходѣ въ Сининъ учащаться, и струсившіе тангуты попрятались по щелямъ. Послѣ европейско-китайской войны престижъ или обаяніе вашей родины, ея могущество и сила, стали еще болѣе высокими. Китайцы поняли и лучшимъ образомъ доказали вамъ это своимъ привѣтомъ въ Сининѣ».

Придя въ Чортэнтавь мы расположились на лѣвомъ берегу красавца Тэтунга, напротивъ прежней нашей стоянки, въ виду заманчивыхъ лѣсныхъ ущелій. Вблизи насъ разстилался тополе-вый вѣковой лѣсъ, еще ближе монотонно шумѣла и плескалась рѣка.

Сколько лучшихъ воспоминаній вновь пробудилъ во мнѣ Тэтунгъ! На этихъ самыхъ берегахъ я впервые понялъ высокую прелесть путешествія въ Центральной Азій; на этихъ самыхъ берегахъ я прислушивался къ заманчивымъ рассказамъ моего незабвеннаго учителя о Камѣ; среди этой же обстановки я отдыхалъ послѣ пустыни Гоби, идя въ передній путь. Теперь я вновь на этихъ берегахъ, еще болѣе чарующихъ меня обаятельной лаской природы и отраднo воскрешающихъ во мнѣ на мѣстѣ живой образъ ея перваго изслѣдователя...

Въ день прихода въ Чортэнтавь, мы доставили на бивакъ наше имущество, образцово сбереженное монастыремъ. Каждый изъ насъ нашелъ здѣсь личный запасъ платья, бѣлья и послѣ обстоятельнаго мытья съ удовольствіемъ одѣлся во все новое, свѣжее. Первое время мы даже не сразу узнавали другъ друга, замѣчая со смѣхомъ: «все стали господами». Припрятанныя на днѣ ящичковъ заѣдочки и усладеньки также пришлись намъ какъ нельзя болѣе кстати. Словомъ, приходъ въ Чортэнтавь для экспедиціи былъ великимъ праздникомъ. Наши друзья ламы еще болѣе способствовали подобному радостному настроенію. Они насъ встрѣтили словно самыхъ близкихъ родныхъ, участливо спрашивая не только о путешествіи по «странѣ ламъ и монастырей», но и о томъ, что намъ извѣстно изъ писемъ о нашей родинѣ, о нашихъ родныхъ. Эти люди, казалось, всецѣло отдались намъ—и радова-

лись, и горевали неподдѣльно вмѣстѣ съ нами; свое личное я, на время нашего пребыванія, было ими забыто.

Десятаго сентября нашъ караванъ покинулъ монастырь Чортэтанъ. Ламы вышли проводить и напутствовать экспедицію, принеся ей въ даръ интересную тибетскую книгу «Исторію царей Тибета», сочиненіе пятаго далай-ламы. Гэгэнъ ганьяньскаго монастыря—Ндань-ма-лама не утерпѣлъ, чтобы еще разъ не повидаться съ нами и не предложить намъ дополнительныхъ вопросовъ, касающихся новѣйшихъ военныхъ ружей, бездымнаго пороха, штыковъ и вообще холоднаго оружія. Прощаніе съ этимъ и другими тремя старѣйшими ламами Чортэтана было самое трогательное. Цорчжи-лама, въ званіи свѣтскаго управителя, добровольно вызвался проводить насъ до Ча-коу-и, чтобы помочь намъ устроиться въ дальнѣйшій путь.

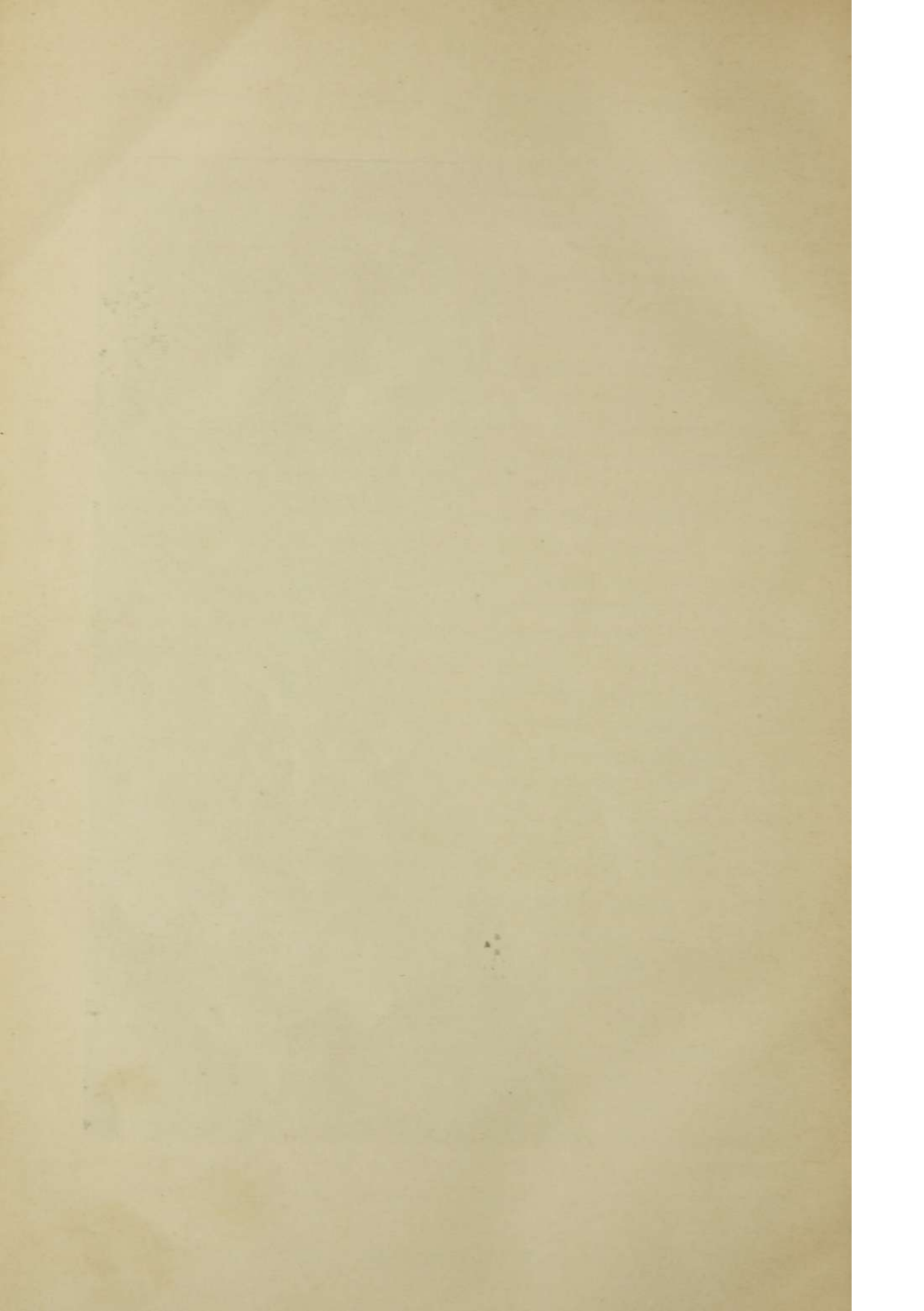
Въ привѣтливыхъ долинахъ восточнаго Нань-шаня группировались китайцы и осѣдлые тангуты, въ мѣстахъ же болѣе дикихъ проживали исключительно кочевники. Горныя богатства ущелій южнаго склона разсматриваемыхъ горъ эксплуатировались китайцами и дунганями; первые разрабатывали каменный уголь, вторые были заняты добычей золота.

По мѣрѣ поднятія на Сѣверо-тэтунгскій хребетъ дорога улучшалась, и мы безъ дождя, удачно, хотя и очень медленно, поднялись на переваль У-да-линъ, ведущій въ ущелье Ярлынъ-голь. Спускаться же по сѣверному склону намъ пришлось иною, нежели въ передній путь, болѣе кружною дорогою, въ обходъ крайне размытыхъ ливнями горныхъ тропинокъ; на этомъ добавочномъ боковомъ пути мы долгое время слѣдовали въ области альпійскихъ луговъ, осиливъ переваль Кир-хноп-па, поднятый надъ моремъ на 11.270 футовъ. Съ вершинъ второстепенныхъ отроговъ открываются красивые горные ландшафты: внизу мирно пасутся стада домашняго скота, вверху, въ трудно доступныхъ скалистыхъ вершинахъ, робко наблюдаютъ за проходящимъ караваномъ олени и куку-яманы; подлѣ васъ съ дребезжащимъ шумомъ кружить бородачъ ягнятникъ: вы видите его красивую голову, иногда повертываемую въ ту или другую сторону. Не вѣрилось, что съ подобнаго рода величественными картинами природы Центральной Азии мы уже прощались. Впереди на сѣверѣ нѣжная голубая окраска неба переходила въ сѣрую дымчатую, характеризующую присутствіе пустыни...

Большая, хорошо содержимая дорога, вблизи которой мы

Караванъ въ горахъ восточнаго Нань-Шаня.

вскорѣ расположились, была густо заселена и также оживлена, какъ и въ передній путь, когда мы слѣдовали отъ Лянъ-чжоу.

Вечеромъ, 14-го сентября, наканунѣ выступленія въ дальнѣйшій путь, явились ожидаемая подводы и были доставлены предметы продовольствія. Миссія Цорчжи-ламы считалась оконченной, и онъ пришелъ съ нами проститься. При дружескомъ разставаніи монахъ растрогался: крупныя слезы полились изъ его темныхъ глазъ, еще минута и онъ... зарыдалъ. Подобнаго рода слезы я видѣлъ у туземцевъ впервые; они на меня произвели глубокое впечатлѣніе. Человѣкъ, чуждый намъ по религіи, языку, нравамъ, обычаямъ, былъ тѣмъ не менѣе близокъ намъ по обще-человѣческимъ, душевнымъ качествамъ. Отъ этого чортэнтанскаго ламы, равно и отъ другихъ пріятелей, обитающихъ въ нагорной Азіи, я періодически получаю письма. «Удостоившись знакомства съ вами, читаемъ въ одномъ изъ писемъ Цорчжи-ламы, я проникся къ вамъ чувствомъ искренней преданности. Со времени разлуки съ вами, когда я постоянно съ глубокою любовью вспоминалъ о васъ, незамѣтно промелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ и зеленый тростникъ покрылся туманомъ и серебристая роса сгустилась въ иней. Я думаю о томъ мѣсяцѣ (о васъ), какъ будто бы онъ находился, и какъ запретить духу переноситься чрезъ пространства. Съ почтеніемъ вспоминая о вашихъ великихъ доблестяхъ и высокихъ административныхъ талантахъ, я съ глубокимъ нетерпѣніемъ ожидаю, какъ благовѣщеніе облака (отличіе) покроетъ васъ, какъ роса покрываетъ бамбукъ. А я, бѣдный монахъ, обитатель пустыни, пристрастившійся къ лѣсамъ и источникамъ, хотя и мечтаю о томъ, чтобы выдѣлиться изъ толпы, но мнѣ не достаетъ указаній къ воспитанію природы. Какое сравненіе съ вашимъ превосходительствомъ, который широко распространяетъ просвѣщеніе, озаряя имъ людей»...

Впереди, по направленію къ сѣверу, разстилалось холмистое луговое плато, подъ названіемъ Чагрынской степи. Населенія въ этой степи мало: путешественникъ съ грустью отмѣчаетъ разоренныя деревни. До послѣдняго магометанскаго возстанія, въ 1895—1896 гг., въ разсматриваемой мѣстности проживало не мало дунганъ и китайцевъ. Передъ началомъ мятежа дунгане быстро собрали свой скарбъ и переселились къ юго-востоку отъ Синина, въ долину Ми-ла-гоу, почти исключительно обитаемую дунганскимъ и саларскимъ населеніемъ. По дорогѣ въ Ча-коу-и, повстанцы осадили маленькое китайское укрѣпленіе, въ которомъ укрывался

ду-сы съ тридцатью солдатами. Дунгане потребовали сдачи, но китайцы заперлись и поирятались; тогда магометане сожгли ворота и, занявъ цитадель, произвели поголовное избіеніе, за исключеніемъ самого ду-сы и его молоденькихъ дочерей, которыхъ побѣдители взяли себѣ въ жены. Ду-сы счастливо спасся, благодаря находчивости преданнаго ему солдата-дунганина, выпачкавшего кровью лицо и одежду начальника и въ такомъ видѣ выведшаго его за крѣпость, послѣ чего китайскій офицеръ незамѣтно бѣжалъ.

Одинъ изъ ночлеговъ въ Чагрынской степи мы имѣли подлѣ ничтожнаго городишки Сунъ-шань-чена, имѣвшаго тѣмъ не менѣе два ряда крѣпостныхъ глинобитныхъ стѣнъ, помѣщавшихся одна внутри другой. Исторія возведенія наружной стѣны приписывается желанію богдыханскаго сына—изгнанника, которому невыносимо тяжело было сидѣть въ маленькой городской крѣпостной клѣткѣ. Судьба, однако, сжалилась надъ несчастнымъ принцемъ и вырвала его изъ этихъ мѣстъ, раньше окончанія добавочной постройки.

Къ сѣверу отъ Сунъ-шань-чена горизонтъ замыкался невысокой плоской грядой, Лоу-ху-шань, простиравшейся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Спускаясь по извилистому крутому ущелью, мы любовались попутно расположеннымъ опрятнымъ, красивымъ селеніемъ Ту-да-дунъ, гдѣ наблюдались интересные пруды, съ запасомъ воды для орошенія небольшихъ горныхъ полей. При выходѣ изъ ущелья, мы свернули къ востоку и, слѣдуя вдоль окраины горъ, достигли городка Куанъ-гоу-чена, гдѣ и разбили бивакъ.

Городъ Куанъ-гоу-ченъ основанъ въ третій годъ правленія Сянь-фынъ, т. е. въ 1853 г. и процвѣталъ до четвертаго года правленія Туи-чжи, т. е. до 1865 г., когда магометане-повстанцы разграбили и сожгли его, а жителей вырѣзали. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ вновь отстроился и настолько густо заселился, что образовалъ предмѣстье, но въ седьмой годъ правленія того же Туи-чжи новое дунганское нашествіе не пощадило ни самаго города, ни его предмѣстья. Въ самое послѣднее возстаніе магометане очистили пригородъ, но городъ, окруженный высокой стѣной, отстояли селяки, вооруженные солдатскими ружьями; большинство жителей, не довѣряя больше этому несчастному городу, однако, разбѣжалось.

Уѣздъ подчиненъ лянчжоускому дао-таю.

Старичекъ, начальникъ Куанъ-гоу-чена, заранѣе уведомленный о нашемъ сюда приходѣ и о заготовленіи вьючныхъ подводъ до резиденціи алашаньскаго вана, встрѣтилъ насъ любезнымъ пригла-

шеніемъ на чашку чаю. Такимъ образомъ, дорогой день — день именинъ моей жены, былъ для насъ неожиданнымъ праздникомъ. Мы съ удовольствіемъ отправились къ хозяину города пѣшкомъ; къ тому же стояла отличная солнечная погода и насъ пригрѣвало по-лѣтнему. Мои спутники радостно взирали на впереди лежавшую пустыню, за которой виднѣлся конецъ нашему продолжительному странствованію.

Начальникъ города очень извинялся за бѣдность и отдаленность его владѣній, не позволившихъ ему угостить насъ такъ, какъ онъ хотѣлъ бы это сдѣлать. По возвращеніи къ себѣ на бивакъ, мы вскорѣ были опять въ обществѣ старика-начальника, пожаловавшаго къ намъ въ парадномъ одѣяніи, въ телѣжкѣ, сопровождаемой нѣсколькими человѣками изъ служащихъ. Насколько позволяли наши запасы, мы въ свою очередь угостили почтеннаго старика, который охотно отвѣдалъ предложенныхъ ему заѣдочекъ и усладенокъ и съ восторгомъ, въ числѣ другихъ подарковъ, принялъ нарядную коробку московской карамели. Между прочимъ старичекъ очень одобрилъ нашъ коньякъ и ликеры и, когда В. О. Ладыгинъ объяснилъ ему, по какому случаю мы пьемъ сегодня эти напитки, то старичекъ предложилъ приличествующій тостъ. Какъ дороги и пріятны подобные дни въ Центральной Азіи!..

Благодаря ясному небу, я здѣсь, во вновь открытомъ городкѣ, произвелъ астрономическое опредѣленіе географическихъ координатъ. По окончаніи астрономическихъ наблюденій, подъ впечатлѣніемъ отлично проведеннаго дня, я долго гулялъ по биваку. Вечеръ былъ тихій, теплый; луна, поднявшись надъ горами, мягко озаряла нашъ лагерь и погруженный въ дремоту городокъ. Вблизи насъ протекалъ небольшой горный ручей, мелодичное журчаніе котораго рядомъ съ торжественной тишиной ночи уносило мысль далеко, далеко....

Девятнадцатаго сентября 1901 г., мы оставили городокъ Куаньгоу-ченъ и черезъ два дня слѣдованія прибыли въ богатое верблюдами селеніе Бай-тунъ-цзы, откуда начинается настоящая пустыня.

У ближайшей окраины горъ, наше вниманіе привлекъ воткнутый шесть съ водруженной на его вершинѣ человѣческой головой, отрубленной недавно одному изъ убійцъ китайцевъ. Въ извѣстномъ урочищѣ, въ дѣссовой пещерѣ, разыгралась кровавая драма. Здѣсь неожиданно встрѣтились двѣ партіи китайскихъ паломниковъ, направлявшихся въ Лхасу. Одна изъ этихъ партій составила изъ

семи человекъ мѣстныхъ хэшеновъ — монаховъ бѣдняковъ, другая изъ четырехъ кантонскихъ богатыхъ обитателей, которые перезнакомились съ первыми и сговорились совершать паломничество вмѣстѣ. Однако, богатство кантонцевъ и глубокая темная ночь не давали покоя мѣстнымъ монахамъ, порѣшившимъ покончить съ пришельцами и, захвативъ ихъ имущество, бѣжать. Задуманный планъ былъ приведенъ въ исполненіе. На слѣдующее затѣмъ утро одинъ изъ несчастныхъ кантонцевъ пришелъ въ себя и, собравшись съ силами, окровавленный, дотащился до Куань-гоу-чена, гдѣ повѣдалъ о случившемся. Администрація города быстро приняла мѣры къ розыску и поимкѣ преступниковъ; двое изъ нихъ, дѣйствительно, вскорѣ были изловлены и казнены; прочіе же еще скрывались, хотя народъ съ увѣренностью говорилъ, что они въ скоромъ времени будутъ найдены и получатъ такое же возмездіе, какъ и другіе убійцы. Видѣнная нами голова на шесть принадлежала одному изъ казненныхъ преступниковъ.

Общая картина мѣстности до резиденціи алаша-вана представляется слѣдующей: восточная часть горизонта заполнена горами, западная же представляетъ море сыпучихъ песковъ, среди которыхъ, подобно островамъ, выступаютъ порядочныя горы Ябарай и другія значительно меньшія, тамъ и сямъ разбросанныя по равнинѣ. Съ Чагрынской степи въ Дынъ-юань-инъ ведутъ три дороги: первая, восточная, самая кружная, но и самая удобная, проходящая вдоль подножья алашаньскихъ горъ, среди китайско-монгольскаго земледѣльческаго населенія; вторая, западная или даджинская, изученная Н. М. Пржевальскимъ, и третья, средняя или куаньгоученская, кратчайшая и интересная по своей новизнѣ; экспедиція остановилась на послѣдней.

Общій видъ и характеръ сэрхэскихъ песковъ одинаковъ съ таковыми баданджарэнгскими, описанными ранѣе. Песчаные рукава, пересѣченные нами, кажутся съ вершинъ гобійскихъ высотъ широкими блестящими лентами, разложенными пышными складками на темно-сѣрой земной поверхности. Иногда пески тянутся длинными змѣеобразными грядами, съ рѣзко выраженными гребнями, поднимающимися до пятидесяти — семидесяти или даже до ста футовъ. Съ вершинъ подобныхъ бархановъ песчаное море представляется замѣчательно красивымъ: мѣстами ярко-желтыя волны, словно въ настоящемъ морѣ, располагаются одна за другой въ строгомъ порядкѣ; мѣстами, наоборотъ, нѣсколько волнъ группируются вмѣстѣ и поднимаются одна на другую, причемъ, въ концѣ кон-

щовъ, образуются характерныя бреша или воронко-образныя углубленія.

Подобно бадаанджарэнгскимъ, сэрхэскіе пески кажутся нѣмыми, безжизненными, а порою, въ особенности вначалѣ, даже удручающими, пока глазъ не привыкнетъ къ однообразному желтому фону и не замѣтитъ въ выемкахъ деревцо саксаула, или другой какой-либо кустъ, свойственный пустынѣ, или даже небольшую площадку зеленого камыша, пріятно гармонирующаго съ общей золотисто-желтой окраской песковъ. Рядомъ съ растительной жизнью — кустарникомъ или камышемъ — нерѣдко обнаруживается и животная: изъ маленькихъ, едва замѣтныхъ простому глазу, норокъ осторожно высовываются мордочки остроголовыхъ и плоскоголовыхъ ящерицъ; вотъ выбѣжала одна, другая, обѣ повернули головки въ вашу сторону, напряженно слѣдя за вами и играя своими подвижными, извивающимися въ кольца, хвостиками. По красивой, мелко-волнистой песчаной поверхности въ свою очередь наблюдаешь безконечныя узорчатые пути различныхъ жуковъ; чаще другихъ въ это время попадались у дороги навозники, трудившіяся надъ тяжелыми комочками или катышками, въ которыхъ заключено будущее потомство ¹⁾).

Въ наблюденіяхъ всякаго рода время бѣжитъ незамѣтно, караванъ подвигается впередъ. Усталые верблюды мягко ступаютъ по песку; ихъ тяжелое, учащенное дыханіе непріятно дѣйствуетъ на поднятые нервы человѣка; вереница животныхъ то поднимается на вершину песчаной волны, то скрывается въ ея широкомъ промежуткѣ. Набѣжить затѣмъ пустынный вѣтеръ, гребешки песковъ закурятся и только что проложенный караваномъ путь исчезнетъ, какъ исчезаетъ слѣдъ корабля въ океанѣ. Слѣдующій путникъ будетъ внимательно наблюдать за еще непогребенными пескомъ скелетами павшихъ животныхъ или тамъ и сямъ обнажающимися другими отбросами животныхъ, или крайне рѣдкими обо, сложенными исключительно изъ вѣтвей саксаула. Наконецъ томительныя пески оканчиваются: радостно и свободно вздыхаешь, вступая на болѣе твердую почву; всѣ невольно ускоряютъ шагъ; собаки, почуявъ приближеніе воды, пускаются вприпрыжку и первыя утоляютъ жажду.

Весь путь черезъ пустыню до Дынъ-юань-ина мы прошли въ

¹⁾ Изъ особенно интересныхъ жуковъ, собранныхъ экспедиціей въ пескахъ, по изслѣдованію извѣстнаго русскаго энтомолога А. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, оказались новыя виды изъ рода *Ahermes* — *Ahermes Kaznakowi* и *A. Kozłowi*.

одиннадцать дней, въ среднемъ дѣлая въ день около тридцати верстъ. Почти ежедневно на встрѣчу намъ попадались паломники, шедшіе въ монастырь Гумбумъ, а нѣкоторые и дальше—въ Лхасу. Богомольцы слѣдовали или исключительно пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой за плечами, или вели въ поводу одного—двухъ верблюдовъ, завьюченныхъ ихъ походнымъ скарбомъ. Въ нѣдрахъ песковъ попался, между прочимъ, и свѣжій трупъ паломника, лежавшій подлѣ тропинки у вырытаго колодца; листки молитвенной книжки были разнесены по сторонамъ, невдалекѣ блуждалъ одинокій верблюдъ, отпущенный на свободу. Пройдетъ нѣкоторое время, налетѣвшіе грифы и вороны очистятъ костякъ, вѣтеръ же пустыни его высушитъ и занесетъ пескомъ.

Во все время нашего пребыванія въ алашаньской пустынѣ погода стояла настолько теплая, что напоминала собою наше средне-россійское лѣто, и всѣ мы чувствовали себя въ этомъ отношеніи очень хорошо. Не посчастливилось лишь экспедиціонному псу, Гарзѣ; его доконали пески, въ которыхъ Гарза тяжело заболѣлъ и палъ на послѣднемъ передѣ Дынъ-юань-иномъ ночлегѣ. Полтора года Гарза неизмѣнно служилъ каравану. Эта собака видѣла и суровую часть тибетскаго нагорья, и его теплую, расчлененную на глубокія, низкія долины, восточную окраину, неутомимо преслѣдовала дикихъ яковъ, медвѣдей, волковъ, антилопъ, переплывала черезъ многочисленныя горныя рѣки, поднималась на высокіе вѣчно-снѣговые хребты, вернулась въ Цайдамъ, пересѣкла Нань-шань, но не вынесла алашаньскихъ песковъ—погибла. Надежды моихъ забайкальцевъ увезти ее къ себѣ на родину не оправдались. Послѣдніе часы ночного страданія Гарза провелъ у ногъ часового, утолявшаго его острую жажду. На утро вѣрный товарищъ каравана и другъ покойнаго Мандрила лежалъ холоднымъ трупомъ...

Спѣша попасть въ родные предѣлы въ-время, до большихъ холодовъ, я дорожилъ каждымъ днемъ послѣдняго полутора-мѣсячнаго періода и заблаговременно командировалъ Бадмажапова курьеромъ въ Дынъ-юань-инъ съ цѣлью скорѣйшаго выясненія мѣстнымъ управителемъ вопроса о дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи по Гоби. Какъ и слѣдовало ожидать, алаша-ванъ принялъ моего посланнаго любезно и предупредительно выслалъ ко мнѣ на встрѣчу чиновника, съ которымъ мы утромъ, 29-го сентября, вступили въ восточное предмѣстье Дынъ-юань-ина.

До прихода монголовъ въ Алашань или «Алаша», какъ говорятъ мѣстные коренные обыватели, извѣстный подъ этимъ назва-

ниемъ районъ, ограниченный на востокъ и югъ культурной полосой китайскаго населенія, на западъ—кочевьями эзинголскихъ торговъ, на сѣверъ—Халхой и, наконецъ, на сѣверо-востокъ—землей уротовъ, оставался незаселеннымъ.

Въ началѣ царствованія въ Китаѣ второго богдыхана манчжурской династїи, въ Илійскомъ краѣ произошли среди олотовъ безпорядки, и около тысячи семействъ, во главѣ съ однимъ тайчжи, вынуждены были бѣжать съ Или въ Алаша. Бѣглецы поселились главнымъ образомъ въ горахъ Ябарай, откуда производили ляхіе набѣги за Алашаньскій хребетъ, равно къ сѣверу и западу отъ своего главнаго стана. Подобно могучему пауку, воинственный тайчжи опуталъ пески сѣтью разѣздовъ и быстро посылалъ подкрѣпленіе въ нужный районъ пустыни. Такъ длилось двадцать лѣтъ. За этотъ промежутокъ времени китайскія власти пытались, если не усмирить совершенно, то хотя бы наказать дерзкихъ олотовъ, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Однако, тайчжи и его ближайшій совѣтникъ, извѣстный подъ кличкою «Одноглазый-лама», видѣли, что рано или поздно имъ придется поплатиться за разбой, и, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ спокойное владѣніе занятыми землями, рѣшили принести повинную богдыхану.

Въ тридцать седьмомъ году правленія покойной манчжурской династїи, т. е. въ 1681 г. по Р. Х., тайчжи и Одноглазый лама, въ сопровожденїи болѣе или менѣе вліятельныхъ олотовъ, отправились въ Пекинъ, гдѣ были ласково приняты богдыханомъ Канъ-си, современникомъ Петра Великаго. Олоты «чистосердечно» сознались во всѣхъ своихъ проступкахъ, въ грабежахъ и разбояхъ, объяснивъ все это крайнею нуждою, заставившею ихъ искать себѣ пропитаніе этимъ путемъ. Но убѣдившись, что жить такимъ преступнымъ образомъ нехорошо, они явились просить устроить ихъ законнымъ порядкомъ на незаселенныхъ алашаньскихъ мѣстахъ. Повинная была принята, проступки прощены и, кромѣ того, богдыханъ командировалъ съ тайчжи одного сановника, которому предписано было указать районъ олотскихъ кочевій. Указанныя границы остаются въ силѣ и до сего времени.

Тайчжи былъ награжденъ княжескимъ званіемъ «бэйлэ». Монголы бросили грабежи и перешли къ мирному занятію—скотоводству. Богдыханъ избавилъ населеніе «песчаной страны» отъ всякихъ повинностей и податей. Эти привилегїи стали извѣстны въ окрестностяхъ, и въ хошунъ бэйлэ потянулись монголы отовсюду. Къ концу жизни третьяго бэйлэ алашаньскій хошунъ насчитывалъ

уже около десяти тысячъ семействъ, богатыхъ въ особенности стадами верблюдовъ. Слава алашаньскаго хошуна скоро достигла и пекинскаго двора.

Во время управленія хошуномъ четвертаго бэйлэ, въ провинціи Гань-су вспыхнуло дунганско-саларское возстаніе, и алашаньскіе монголы должны были, по повелѣнію богдыхана, принять дѣятельное участіе въ подавленіи мятежа.

Алашаньскій бэйлэ освободилъ Лань-чжоу-фу и преградилъ движеніе саларовъ на Куку-норъ устройствомъ крѣпости, извѣстной подъ названіемъ Баръ-хото, развалины которой мы видѣли въ передній путь экспедиціи. Салары были не только задержаны, но и разбиты на голову.

За этотъ подвигъ алашаньскій бэйлэ былъ пожалованъ княжескимъ титуломъ «цинъ-ванъ» и тогда же богдыханъ выдалъ за него одну изъ дочерей. Отправляя въ Алашань принцессу, богдыханъ подарилъ цинъ-вану кромѣ приданого имуществомъ и людьми манчжурами еще десять тысячъ ланъ серебра на устройство дворца въ укрѣпленіи Дынъ-юань-инъ и столько же для раздачи монгольскому населенію. Дочь богдыхана сопровождалъ огромный поѣздъ, въ составъ котораго, между прочимъ, вошла и цѣлая труппа актеровъ со всѣми принадлежностями для представленій.

Къ прибытію принцессы укрѣпленіе Дынъ-юань-инъ было расширено: возвели новую городскую стѣну, внутри построили дворецъ со службами и театральнымъ заломъ и проч. Торговля новаго городка быстро увеличилась...

Если путешественникъ захочетъ видѣть въ восточномъ или южномъ Алаша чистокровнаго монгола-олѣта въ его платьѣ и обстановкѣ, то онъ едва ли удовлетворитъ свое желаніе. Алашаньцы этихъ частей сильно окитаились: и мужчины и даже женщины носятъ китайское платье, въ юртахъ завели китайскую обстановку, ѣдятъ китайскія кушанья изъ китайской посуды, поютъ китайскія пѣсни, а когда нужно, то и говорятъ по-китайски, хотя свой монгольскій языкъ въ большей или меньшей чистотѣ еще сохраняютъ, за исключеніемъ настоящихъ китаистовъ, вводящихъ въ разговорную рѣчь не только отдѣльныя китайскія слова, но даже и цѣлыя фразы. При дворѣ алаша-вана слышна исключительно китайская рѣчь. Нынѣшній ванъ и его старшій сынъ-наслѣдникъ не говорятъ по-монгольски, если не считать нѣкоторыхъ заученныхъ фразъ и отдѣльныхъ словъ, произносимыхъ съ китайскимъ акцентомъ.

Населеніе же болѣе удаленныхъ, глухихъ мѣстъ Алаша все

еще старается сохранить монгольскій обликъ, занимаясь попрежнему только скотоводствомъ. Но и здѣсь мужской элементъ начинаетъ одѣваться въ китайское платье, да и молодья модницы также не прочь принарядить свои головы въ китайскіе платки, а ноги въ мужскіе китайскіе сапоги; пожилыя же женщины еще упорно отстаиваютъ свой національный костюмъ, въ особенности безрукавку—цэгэдэкъ, убранство головы и самую прическу.

Монголы переняли отъ китайцевъ ихъ важную осанку, манеру говорить, встрѣчать и провожать гостя со всѣми китайскими церемоніями. Они перестали справлять праздники по-монгольски. Новый годъ празднуется по-китайски. Скачекъ, борьбы и проч. здѣсь нѣтъ, но зато процвѣтаетъ пьянство; городское населеніе пристрастилось къ опиуму и азартнымъ играмъ на деньги.

Наше трехдневное пребываніе въ Дынъ-юань-инѣ промелькнуло очень быстро. Приведя себя въ порядокъ, я съ своими спутниками, въ сопровожденіи конвоя, отправился къ цинъ-вану. Проѣхавъ восточное предмѣстье, мы вступили черезъ южныя, облицованныя камнемъ, ворота въ самый городъ и вскорѣ очутились у безконечнаго ряда всевозможныхъ построекъ княжескаго двора. Миновавъ затѣмъ нѣсколько воротъ, мы были встрѣчены чисто по-китайски наслѣдникомъ управителя Алаша и его свитой и всей компаніей прослѣдовали до покоевъ вана. По дорогѣ изъ оконъ на насъ смотрѣло много женскихъ глазъ нарядно одѣтыхъ манчжурокъ; нѣкоторыя изъ нихъ открыто стояли при входѣ въ фанзы и вполголоса дѣлали замѣчанія. Наконецъ показался и цинъ-ванъ, изысканно-вѣжливо поздоровавшійся съ нами и пригласившій насъ къ себѣ въ кабинетъ.

Цинъ-ванъ являлъ собою представительнаго, здороваго, хотя и съ нѣкоторою блѣдностью въ лицѣ, китайскаго чиновника, умѣвшаго держать себя съ достоинствомъ. Ванъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что видитъ меня второй разъ и уже въ роли руководителя экспедиціи. Впервые съ цинъ-ваномъ я познакомился восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда, еще будучи юношей, участвовалъ въ четвертомъ путешествіи Н. М. Пржевальскаго, о которомъ алаша-ванъ много разъ вспоминалъ съ самой лучшей стороны. Нѣсколько портретовъ великаго путешественника украшало стѣну кабинета на ряду съ другими семейными фотографіями князя. Подобно сининскимъ чиновникамъ, алаша-ванъ очень интересовался нашимъ путешествіемъ, внимательно выслушивая отвѣты на заданные имъ вопросы о природѣ отдаленнаго Тибета, о его

племенахъ, про которыя онъ привыкъ слышать одни только ужасы.

Съ своей стороны я благодарилъ алаша-вана за содѣйствіе экспедиціи въ передній ея путь, когда мы прошли западнѣе Дынъ-юань-ина, а именно серединою горъ Ябарай, тѣхъ самыхъ, которыя послужили главнымъ пристанищемъ его отдаленнымъ предкамъ, впервые ступившимъ на эту землю. На мою благодарность ванъ учтиво замѣтилъ, что это его прямая обязанность и что теперь онъ вновь готовъ прійти на помощь экспедиціи, возвращающейся на родину. Вначалѣ я предполагалъ было отправиться путемъ Н. М. Пржевальскаго, но къ моему удовольствію ванъ предложилъ мнѣ иную, новую дорогу, проходящую какъ разъ въ серединѣ между моимъ маршрутомъ на западѣ и путемъ Н. М. Пржевальскаго на востокѣ.

Во все время нашего разговора, ванъ и я съ моими сотрудниками сидѣли, но наслѣдникъ вана, согласно этикета, стоялъ въ княжеской свитѣ, какъ заурядный чиновникъ.

Въ заключеніе цинъ-ванъ просилъ меня не торопиться съ отходомъ каравана, а денекъ—другой остаться еще въ Дынъ-юань-инѣ, но въ концѣ концовъ внялъ моимъ доводамъ и позаботился отдать распоряженіе о скорѣйшемъ заготовленіи всего необходимаго на нашемъ дальнѣйшемъ пути. Отъ приглашенія же на обѣдъ, назначенный на-завтра, мы не могли отказаться.

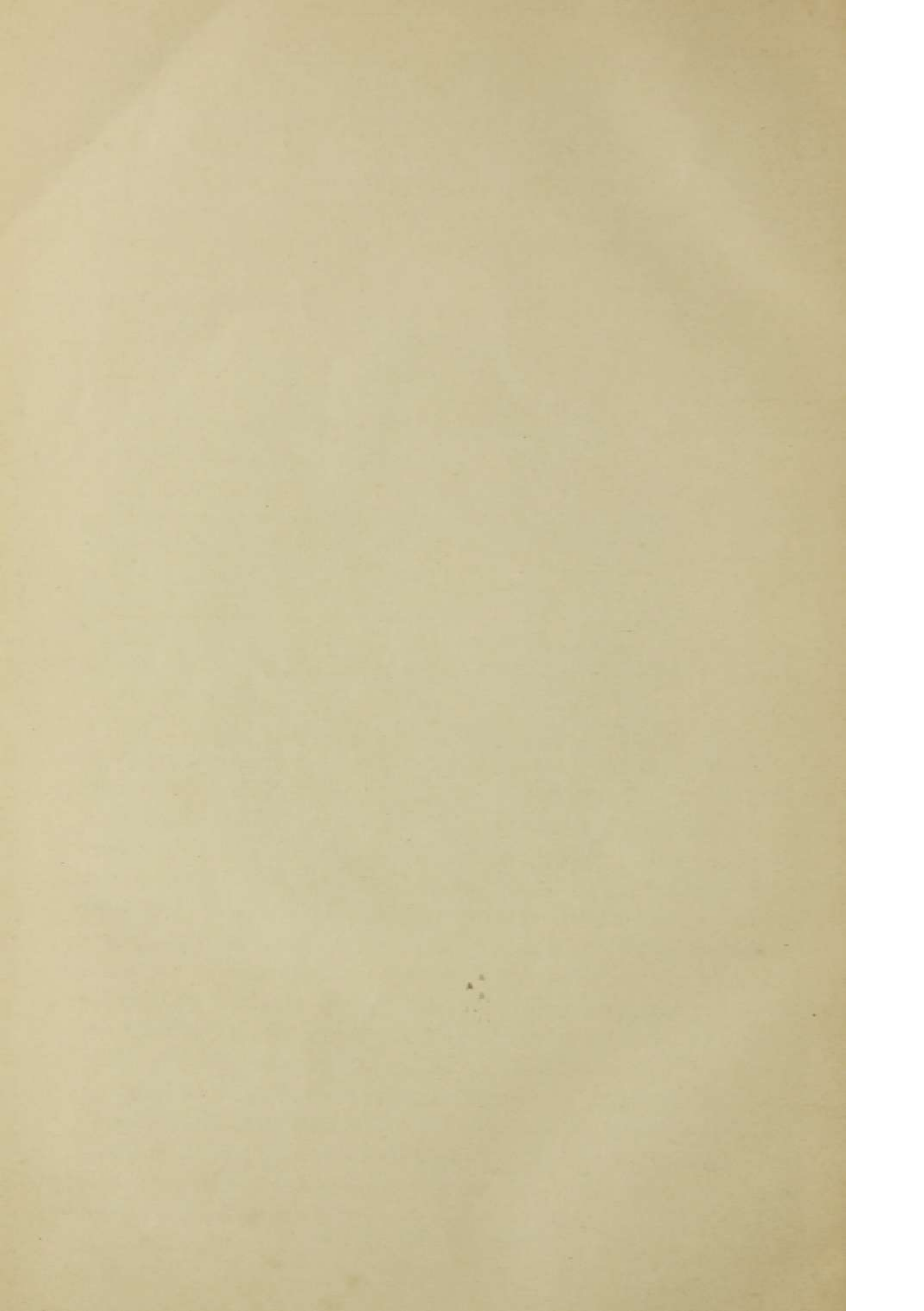
Передъ обѣдомъ А. Н. Казнаковъ сфотографировалъ вана и его сыновей; явившіяся затѣмъ для той же цѣли женщины не удостоились разрѣшенія вана и сконфуженныя поторопились убраться во-свояси.

Во время обѣда, затянувшася до поздняго вечера, давалось театральное представленіе совершенно такъ же, какъ и въ Сининѣ, да и самый обѣдъ въ общемъ несъ тотъ же китайскій характеръ, съ включеніемъ лишь въ китайскія блюда монгольскихъ. Ванъ въ дружеской бесѣдѣ старался доказать намъ свои симпатіи къ Россіи потому, главнымъ образомъ, что Россія не посылаетъ въ Монголію миссіонеровъ, причиняющихъ Китаю массу непріятностей и доводящихъ до вооруженнаго столкновенія съ европейцами.

Въ десять часовъ вечера мы возвратились въ свой лагерь, который, за исключеніемъ часового и заботливаго фельдфебеля Иванова, спалъ крѣпкимъ сномъ, такъ какъ на-завтра назначено было выступленіе въ дальнѣйшій путь.

Алашаньскій князь (Фу-ма).

Глава XVII.

Поперекъ Гоби.

Опять въ пустынь.—Неожиданное свиданіе съ размыкавшимъ экспедицію таранчей.—Колодець Хара-сухай.—Пересѣченіе Монгольскаго Алтая.—По владѣніямъ Сайнь-нойона и Тушегу-хана.—Усиленные переходы и невзгоды зимы.—Томительное ожиданіе конца путешествія.—Посланецъ отъ консула.—Урга и послѣдніе дни путешествія.

2-го октября мы оставили шумный Дынъ-юань-инъ съ пріятной мыслью объ Ургѣ и сразу очутились въ тихой монотонной пустынь. Проходя у высотъ, окаймляющихъ гороль съ сѣвера, мы наблюдали интересную травлю лисицъ борзыми. Невдалекѣ отъ каравана, изъ-за холмовъ, неожиданно показались всадники, которые на нашихъ глазахъ съ страшной стремительностью скакали за собаками, увлеченными лисой. Я долго не забуду въ высшей степени интересныхъ двухъ—трехъ минутъ, въ теченіе которыхъ лиса, борзые и нѣсколько человѣкъ всадниковъ, слившись въ одинъ фокусъ общей картины, мчались подлѣ нашего каравана; это было нѣчто особенное, приковавшее наше вниманіе; вотъ еще одна секунда, еще одинъ моментъ, и лиса въ зубахъ собакъ; общее замѣшательство и поднятая въ воздухъ пыль подтвердили предполагаемое окончаніе успѣшной травли. Въ рукахъ нарядно одѣтаго всадника виднѣлся красивый звѣрь съ пушистымъ хвостомъ. Это былъ утренній выѣздъ младшаго изъ княжескихъ сыновей, желавшаго вѣроятно показать намъ свою лихость и молодечество.

Какъ и всегда, первоначальный переходъ нашъ былъ очень небольшой—всего лишь въ девять верстъ—приведшій караванъ на колодець Курэтэ. Нынѣшній годъ, благодаря частымъ дождямъ,

отмѣченъ въ Гоби небывалымъ урожаемъ пустынной растительности, нерѣдко сплошнымъ ковромъ залегавшей на десятки верстъ по сторонамъ дороги. Сульхиръ уродился также прекрасно, о чемъ свидѣтельствовали часто сложенные скирды этого дикаго хлѣба. По словамъ престарѣлыхъ монголовъ, подобные урожайные годы случаются разъ въ сто лѣтъ; поэтому не всѣ поколѣнія монголовъ могутъ видѣть свою «пустыньку» въ такомъ богатомъ убранствѣ. По случаю тѣхъ же обильныхъ дождей на нашемъ пути, по низинамъ, то и дѣло попадались не только оголенные блестящія поверхности, но даже и лужи сохранившейся воды. Порою заставляли обращать на себя вниманіе одиночки или небольшія группы робкихъ хара-сультъ, граціозными прыжками исчезающихъ вдаль, рѣже взлетали дрофы или съ шумомъ бури проносились надъ головой пустынники-больдуруки. На сѣверо-западѣ изъ отдаленныхъ высотъ и горъ миражъ—«этотъ злой духъ пустыни»—строилъ цѣлыя системы хребтовъ фантастическихъ очертаній. Наконецъ, открывается видъ на углубленную часть равнины, среди которой опытный глазъ легко распознаетъ ожидаемый колодець.

Впрочемъ, теперь, когда у всѣхъ одно стремленіе скорѣе попасть въ Ургу, насъ не страшили никакіе переходы. О полученіи какой бы то ни было корреспонденціи мы уже не мечтали, о временной стоянкѣ также; мы знали только два состоянія: днемъ сидѣть на верблюдѣ или лошади, ночью спать. Поэтому мы всѣ были крайне поражены неожиданнымъ пріѣздомъ вслѣдъ за нами, на колодець Уланъ-таталь, русско-подданнаго таранчи Касимъ-ахунъ Абдулвагапова, командированнаго Императорскимъ російскимъ консульствомъ въ Урумчи, какъ значилось въ бумагѣ, переданной мнѣ посланцемъ, «для разысканія членовъ и слѣдовъ экспедиціи, покинувшей Россію въ 1899 мѣ году подъ начальствомъ поручика Козлова». Со словъ порядочно говорившаго по-русски Абдулвагапова мы поняли, что въ апрѣлѣ 1901 г. въ Урумчи появился монголъ съ вѣстью о гибели нашей экспедиціи гдѣ-то въ Восточномъ Тибетѣ. Объ этомъ монголъ открыто говорилъ всѣмъ встрѣчавшимъ на базарѣ людямъ и смѣло подтвердилъ при личномъ допросѣ консулу В. М. Успенскому. Нѣкоторое довѣріе къ себѣ пришелець пріобрѣлъ, согласно показанію Касима, толковыми разказами о членахъ экспедиціи, о ихъ дѣятельности въ пути, съ допустимымъ подробнымъ изложеніемъ о томъ, между прочимъ, что во время критическаго положенія экспедиціи, онъ, монголъ, находился въ двухнедѣльномъ пути къ югу отъ насъ, куда онъ былъ командированъ

начальникомъ экспедиціи для пріисканія хорошихъ мѣстъ въ смыслѣ охоты и пастбищъ, что, выполнивъ задачу, онъ возвращался въ станъ экспедиціи, но по дорогѣ встрѣчнымъ ламой-товарищемъ по школѣ, былъ уговоренъ вернуться, если ему еще дорога жизнь, такъ какъ на экспедицію будто бы напало до двухъ тысячъ гологоловъ, по всей вѣроятности уже покончившихъ съ русскими; что ему не оставалось ничего другого, какъ только скорѣе бѣжать на русскую границу, что онъ и сдѣлалъ: и, наконецъ, энергичнымъ заявленіемъ: «если его доводовъ, тѣмъ не менѣе, не примутъ во вниманіе и не награждать по заслугамъ, то онъ будетъ принужденъ отправиться въ другое консульство»... Послѣ этого, продолжалъ докладывать Касимъ, консульская администрація совѣщалась нѣсколько дней, неоднократно сносилась съ Петербургомъ и въ концѣ концовъ командировала Абдулвагапова, съ двумя товарищами-спутниками, въ Западный Китай, въ сининскій округъ. На путевые расходы разѣзду была выдана тысяча ланъ серебра. Отправляя Абдулвагапова въ путь консульство строго приказало ему свято исполнить возложенное порученіе: отыскать экспедицію или въ крайнемъ случаѣ ея слѣды и привезти въ видѣ вещественнаго доказательства, хотя бы дневники, журналы, планы, инструменты и проч., снявъ съ насъ на память фотографію. «Наши торговцы-собратья, прощаясь съ нами, говорилъ Абдулвагаповъ, плакали, говоря, что если разбойники уничтожили большую военную экспедицію, то васъ убьютъ и по давню».

Пробывъ съ нами около сутокъ, Абдулвагаповъ получилъ письмо на имя управляющаго Урумчійскимъ консульствомъ В. О. фонъ-Эттингена и отправился въ Урумчи. Теперь для насъ стало еще яснѣе въ какой тревогѣ находились всѣ тѣ, кому были дороги интересы экспедиціи и кто такъ или иначе былъ связанъ съ нами. Нѣкоторымъ облегченіемъ путешественникамъ служило лишь то обстоятельство, что экспедиція возвращалась на родину съ чувствомъ удовлетворенія, сильно выполнивъ свою трудную и отвѣтственную задачу. Съ отъездомъ Абдулвагапова нашему желанію возможно скорѣе очутиться въ Ургѣ не было предѣловъ; для всѣхъ насъ Урга стала землею обѣтованной.

Въ началѣ путешествія, столь же продолжительнаго, какъ наше, время возвращенія на родину обыкновенно исчисляется годами, въ концѣ же странствованія — послѣдовательно мѣсяцами, недѣлями, а затѣмъ и днями. Съ возвращеніемъ въ Цайдамъ годовые сроки прекратились; ихъ смѣнили мѣсячные. Въ настоящее же время на-

ступили чуть не недѣльные, въ теченіе которыхъ экспедиція находилась въ пути изо дня въ день, за исключеніемъ двухъ—трехъ дневокъ, и прошла разстояніе въ тысячу верстъ, дѣлая ежедневно, въ среднемъ, около тридцати пяти верстъ. Въ этой части Гоби максимальнымъ переходомъ для нашего каравана былъ переходъ въ сорокъ восемь верстъ, минимальнымъ—въ восемнадцать.

Короткіе осенне-зимніе дни отъ зари до зари проходили въ движеніи. По части сбора и разбора бивака, гренадеры и казаки дошли положительно до виртуозности: обширный бивакъ, словно по волшебству, снимался и вновь располагался менѣе, нежели въ полчаса времени.

Наскоро выпитой чашкой кирпичнаго чая приходилось довольствоваться въ продолженіе всего дня до вечерняго чая. Вычерчиваніе планшета, писаніе дневника и приведеніе въ порядокъ коллекціонныхъ списковъ исполнялось въ двухчасовой промежутокъ, отъ вечерняго чая до обѣда-ужина.

Самый день для меня лично проходилъ крайне быстро, незамѣтно, такъ какъ новое пересѣченіе Гоби поглощало все мое вниманіе съемкой и сборомъ образцовъ горныхъ породъ, изъ которыхъ слагались всевозможные выходы. На этомъ гобійскомъ рейсѣ наша геологическая коллекція пополнилась двумястами экземпляровъ горныхъ породъ. Здѣсь мнѣ удалось наиболѣе широко примѣнить полезные совѣты и спеціальныя указанія нашего извѣстнаго геолога, профессора Томскаго технологическаго института Владиміра Афанасьевича Обручева, который кромѣ того любезно принялъ на себя трудъ изученія и опредѣленія всей геологической коллекціи экспедиціи.

При двойномъ колодцѣ Хара-сухай мы встрѣтили шаньсійскихъ китайцевъ, проживавшихъ въ фанзѣ и занимавшихся покупкою верблюжьей и бараньей шерсти. Это сырье въ количествѣ семи—восьми сотъ пудовъ ежегодно китайцы отправляютъ прямымъ путемъ въ Дынъ-коу, гдѣ перепродаютъ агентамъ иностранныхъ фирмъ. Шаньсійцы оказались очень привѣтливыми людьми и во время дневки накормили насъ превкусными пельменями. Любители и знатоки огородничества они сумѣли и въ пустынѣ развести маленькій огородикъ, въ которомъ хорошо родятся кукуруза, тыква, морковь, капуста, рѣдиска, лукъ, чеснокъ и проч. На мой вопросъ къ китайцамъ: «какъ они поживаютъ и какъ идетъ ихъ торговое дѣло?»—они отвѣтили: «жить скучно, торговля изъ-за войны упала; такіе люди, какъ вы, здѣсь никогда не бывали».

Двигаясь, затѣмъ, по глубокому, коридорообразному ущелью Торайнъ-голь, мы встрѣтили въ немъ одну жалкую юрту, молодая обитательница которой охотно пришла на помощь нашимъ проводникамъ и въ штормъ отлично провела караванъ на колодець Бѣригинъ-усувъ. Малоощутительный въ горахъ вѣтеръ далъ знать себя тотчасъ по выходѣ нашемъ въ покатую на сѣверъ долину, служащую восточнымъ продолженіемъ котловины Гойцзо.

Въ этой наиболѣе углубленной части Гоби водоносный горизонтъ проходитъ на пять—семь футовъ ниже земной поверхности, которая, вообще говоря, представляетъ болѣе или менѣе измельченный продуктъ разрушенія горныхъ породъ, вынесенныхъ изъ горъ потоками и обточенныхъ пескомъ.

Подлѣ большинства горъ, по русламъ рѣчекъ, въ наиболѣе глубокихъ долинахъ, словомъ повсюду, я встрѣчалъ слѣды пребыванія монголовъ-кочевниковъ; то же самое, на всемъ поперечномъ пути по Гоби, мнѣ подтверждали и проводники относительно окрестныхъ мѣстъ. Это обстоятельство краснорѣчиво говоритъ въ пользу того, что абсолютно безлюдною, абсолютно безводною, пустыня Гоби на большія пространства нигдѣ не представляется, что нѣтъ-нѣтъ да встрѣтится колодець или родникъ, что нѣтъ-нѣтъ да встрѣтится одинъ или нѣсколько монголовъ.

Въ сѣверо-восточномъ углу Алаша намъ нерѣдко попадались типы съ признаками арійской крови: съ большими, сравнительно, конечно, глазами, высокими, изогнутыми носами и даже длинными лицами. При разспросахъ оказывалось, что это результатъ пребыванія на сѣверо-восточной окраинѣ Алашаньскаго хребта небольшой горсти киргизовъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «хотонъ», живущихъ, повидимому, нѣсколько обособленно, хотя административно и входящихъ въ составъ одного изъ монгольскихъ сумуновъ.

Съ окраинныхъ высотъ Цзунъ-цохонь-шили мы увидѣли быстро скакавшихъ навстрѣчу къ намъ нѣсколькихъ челоуѣкъ чиновниковъ Балдынъ-цзасакаго хошуна, привезшихъ мнѣ письмо отъ Бадмажапова, который вновь мчался по Гоби курьеромъ. Изъ письма моего неутомимаго спутника я узналъ, что онъ уже благополучно прослѣдовалъ въ ставку Балдынъ-цзасака—старога знакомаго, гостепріимно встрѣтившаго Бадмажапова и попрежнему обезпечившаго дальнѣйшее движеніе по средней Монголіи. Отсюда же мы радостно привѣтствовали въ сѣверной туманной дали Монгольской или Гобійской Алтай, его «три хорошихъ» вершины—Гурбанъ или Гурбунъ-сайханъ, съ близкаго разстоянія заслоняемыхъ рядомъ прилежащихъ высотъ и отдѣльныхъ горокъ.

Въ сообществѣ привѣтливыхъ чиновниковъ мы незамѣтнымъ образомъ доѣхали до колодца Мандалъ-шандэ, расположеннаго при пересѣченіи торгоутской дороги, направляющейся изъ Эцзинъ-гола, черезъ Борцзонъ, въ резиденцію богдыхана. И какъ теперь кстати были заранѣе приготовленныя для нашего отряда большія, уютныя юрты и топливо—самыя, повидимому, необходимыя принадлежности въ дорогѣ, а между тѣмъ казавшіяся намъ роскошью, и мы послѣ дневныхъ утомительныхъ переходовъ съ пріятнымъ чувствомъ входили въ нихъ, согрѣваясь чаемъ и тепломъ маленькой заслуженной печки. Время бѣжало быстро, но несравненно медленнѣе нашихъ желаній. Мы съ дѣтской наивностью отсчитывали истекшіе дни, и дни, предстоявшіе впереди, по направленію къ Ургѣ—этой своего рода «обѣтованной землѣ» тибетскихъ странниковъ. Да, дѣйствительно, Урга была для насъ землей обѣтованной: мы сильно истомились и нравственно, и физически, почему не могли не желать скорого конца нашего путешествія.

Съ сѣверной окраины Бага-аргалинтэ мы опять увидѣли горы Гурбанъ-сайханъ во всей ихъ пустынной прелести. Каждый изъ трехъ сайхановъ выдѣлялся отчетливо, въ особенности ближайшій или восточный—Цзунъ-сайханъ, характерно-изламывающийся въ этомъ направленіи.

При урочищѣ Шины-кобаръ мы устроили первую послѣ Харасухая дневку. Здѣсь, благодаря ясному состоянію неба, мнѣ удалось произвести астрономическое опредѣленіе географической широты, важное въ томъ отношеніи, что въ этомъ пунктѣ пересѣкаются маршруты мой и А. Н. Казнакова. Здѣсь же я написалъ и послѣднее официальное письмо въ Географическое общество о самыхъ послѣднихъ шагахъ экспедиціи.

Въ три послѣдующихъ дня мы оставили за собою и Монгольскій Алтай. Съ массивовъ Гурбанъ-сайханъ сбѣгаютъ длинныя бѣлыя—покатоности, граничащія съ кукухотоскими дорогами, и открываются широкіе виды, въ особенности къ сѣверу, гдѣ мѣстность снова заполнена высотами и грядами, изъ которыхъ на нашемъ пути выдѣляются Онцо и Хонгоръ-обо. Въ долину «Бѣлаго дэрэсуна» мы встрѣтили большое оживленіе въ отношеніи населенія и животнаго міра. Сюда проникають, такъ называемыя, цаганъ-дзерели монгольскія антилопы, изрѣдка подвертывавшіяся подъ наши выстрѣлы.

На колодцѣ Хонгоръ-обонинъ-усу экспедиція встрѣтила молодую монголку-паломницу съ семилѣтнимъ сыномъ, слѣдовавшую

иѣшкомъ изъ окрестностей Урги, въ сопровожденіи ламы, приставшаго къ нимъ по дорогѣ и несшаго ихъ общій скарбъ за плечами. По словамъ богомольцевъ конечною цѣлью ихъ былъ монастырь Гумбумъ, куда они намѣревались прибыть предстоявшимъ лѣтомъ, а то и позднѣе.

Навѣщавшіе насъ чиновники монголы, подвѣдомственные Тушету-хану, были въ высшей степени любезны и предупредительны. Мѣстный князь то и дѣло прислалъ ко мнѣ своихъ личныхъ адъютантовъ справиться о здоровьѣ и о томъ, главнымъ образомъ, не имѣетъ ли экспедиція въ чемъ-либо нужду, такъ какъ на его нравственной обязанности лежитъ обычный долгъ облегчить невзгоды дружественныхъ Китаю русскихъ путешественниковъ, истомленныхъ многолѣтнимъ странствованіемъ по далекому Тибету. По своей инициативѣ хлѣбосольный ханъ прислалъ мнѣ въ подарокъ десять отличныхъ барановъ и кусокъ шелковой ткани. Съ своей стороны экспедиція не осталась въ долгу. Моему посланному ханъ нѣсколько разъ выражалъ свое сожалѣніе, что, будучи боленъ, онъ лишень возможности навѣстить меня и посмотреть на горсточку русскихъ людей, объѣхавшихъ огромный районъ, населенный самыми различными людьми, исповѣдующими, однако, одну общую религію— буддизмъ.

Отъ колодца Дэрэсунъ-усу до кумирни Кирэ-Юнютэ, экспедиція слѣдовала въ области горъ, сначала Дэлгэрхангайскихъ, затѣмъ другихъ меньшихъ, съ востока и запада прилежащихъ къ дорогѣ.

Дэлгэр-хангай представляетъ собою узкій скалистый кряжъ, наиболѣе высоко поднимающій свой острый гребень посерединѣ.

Въ этой, богатой кормомъ, мѣстности тамъ и сямъ виднѣлись группы цаганъ-дзере, за которыми украдкой охотились волки, устраивавшіе по ночамъ непріятные концерты. Изъ птицъ же чаще другихъ давали о себѣ знать больдуруки, саксаульня сойки, рогатые жаворонки и, высоко кружившіе въ небѣ, черные грифы; рѣже встрѣчались сокола и небольшіе сычи; какъ на своего рода курьезное явленіе можно указать на одиноваго, отсталаго на пролетѣ, рыже-горлаго дрозда, съ тревожнымъ пискомъ исчезнуваго въ пустынь.

На отмѣченномъ разстояніи мы пересѣкли три дороги, по которымъ съ давнихъ поръ слѣдуютъ изъ сѣверо-западной Монголіи въ сѣверный Китай и обратно караваны со всякаго рода сырьемъ на востокъ и съ чаями на западъ. По этимъ же дорогамъ монголы прогоняютъ въ Китай много скота: верблюдовъ, барановъ, такъ на-

зывается рогатый скотъ, и лошадей; говорятъ, что среди послѣднихъ встрѣчаются очень хорошіе иноходцы, препровождавшіеся обыкновенно монгольскими князьями ко двору богдыхановъ. Кромѣ того, по большимъ дорогамъ нерѣдко проѣзжаютъ китайскіе чиновники или двигаются казенные транспорты. Для сопровожденія и перевозки тѣхъ и другихъ вдоль главнаго пути проживаетъ отдѣльный хошунъ монголовъ, не пользующихся доброй репутаціей, такъ какъ они «не въ состояніи отличать чужой собственности отъ своей».

Монгольское населеніе, вообще говоря, стало встрѣчаться чаще и чаще. Каждый день мы также наблюдали компаніи монголовъ, закутанныхъ въ яманы или козлиныя дохи, направлявшихся изъ Урги. Съ этими проѣзжими мои казаки радостно вступали въ разговоръ. Курьезно, что монголы всерьезъ спрашивали моихъ спутниковъ: «правда ли, что вы съѣдаете ежедневно по десяти барановъ? что въ красныхъ ящикахъ везете полторы тысячи головъ, убитыхъ вами тибетскихъ разбойниковъ? что, затѣмъ, усвоивъ привычку въ Тибетѣ вы и по пустынь ѣхали на быкахъ?» и многое другое въ этомъ родѣ.

Къ небольшой, но нарядной и чистой кумирнѣ Кирэ-Юнцэтэ экспедиція пришла въ то время, когда здѣсь отправлялось богослуженіе, сопровождавшееся обычнымъ пѣніемъ и музыкой монастырскаго оркестра.

Въ послѣдніе дни октября погода испортилась: солнце закрылось туманомъ или облаками, посыпавшими землю тонкими снѣжинками. Встрѣчный вѣтеръ неприятно пронизывалъ; къ довершенію невзгодъ морозъ съ каждымъ днемъ крѣпчалъ. Между тѣмъ настала и ноябрь мѣсяцъ—мѣсяцъ, въ первыя три недѣли котораго намъ суждено было окончить свое караванное путешествіе и вступить въ Ургу.

Мы такъ привыкли къ передвиженію большими сорока-верстными переходами, что тридцати-верстный переходъ для насъ уже не «гобійскій переходъ», а нежелательная полудневка. Поэтому къ извѣстію проводниковъ о предстоявшемъ съ кумирни Кирэ-Юнцэтэ переходѣ почти въ пятьдесятъ верстъ мы отнеслись очень одобрительно, хотя для этого перехода пришлось встать раньше обыкновеннаго и пуститься въ дорогу съ первымъ проблескомъ зари. Въ утреннемъ холодномъ воздухѣ висѣлъ туманъ, снѣгъ громко хрустѣлъ подъ ногами, когда мы, ввѣрившись опытности проводниковъ, пробирались на дорогу, темной змѣей извивавшуюся по равнинѣ и тонувшую въ утреннихъ сумеркахъ. Вступивъ на этотъ тор-

ный путь, караванъ прибавилъ шагу. Тѣмъ временемъ звѣзды поблѣднѣли, востокъ зардѣлъ яркой золотисто-багровою зарей; среди полной тишины вокругъ, изрѣдка слышался лай собакъ, выдававшихъ присутствіе кочевниковъ. Еще позднѣе, свѣтовой горизонтъ расширился, на снѣжномъ полѣ стали выдѣляться темные движущіея островки табуновъ монгольскихъ лошадей, топотъ которыхъ доносился до нашего каравана. Наконецъ показалось и солнце, слабо свѣтившее сквозь густую пелену тумана, тогда какъ надъ головой открывался нѣжно-голубой сводъ неба. По мѣрѣ поднятія дневного свѣтила на западномъ небосклонѣ стало создаваться своеобразное свѣтовое явленіе: здѣсь появилась млечная дуга, вначалѣ однообразно-блѣдная, затѣмъ, съ теченіемъ времени, принявшая нѣкоторое подобіе радуги съ огненно-золотымъ, зеленымъ и фіолетовымъ оттѣнками. Около девяти часовъ зимняя радуга незамѣтно исчезла; съ ея исчезновеніемъ прекратилось паденіе на землю тонкихъ, изящныхъ, блестящихъ серебромъ, снѣжинокъ, обуславливавшихъ, по всему вѣроятію, и самое образованіе радуги.

Дорога была прекрасная, на первой половинѣ полого поднимавшаяся на невысокую гряду, на второй, такъ же полого съ нея спускавшаяся къ небольшому соленому озерку Хара-тологойнынъ-норъ, на берегу котораго располагались двѣ большія юрты, приготовленныя для экспедиціи. У юртъ стояло до десяти лошадей и столько же людей, изъ которыхъ одинъ при моемъ приближеніи къ юртамъ вышелъ навстрѣчу и вручилъ мнѣ объемистый пакетъ, съ тремя большими консульскими печатами, и еще болѣе объемистый свертокъ газетъ. Радости нашей не было предѣловъ: мы получили письма и газеты, которыхъ не держали въ рукахъ со дня оставленія Алтайской станицы.

Нашъ курьеръ Бадмажаповъ блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе. Урга и Кяхта уже знали о нашемъ приближеніи къ границѣ. Согласно моей просьбѣ «прислать ко мнѣ кого-нибудь», ургинское консульство командировало на встрѣчу экспедиціи одного изъ слушателей школы переводчиковъ—Колотова, который, такимъ образомъ, былъ первымъ русскимъ человѣкомъ, голосъ и родную рѣчь котораго мы услышали впервые послѣ двухъ въ половиной годового отчужденія отъ родины.

Съ нетерпѣніемъ я вскрылъ пакетъ и разсортировалъ письма; на время каждый изъ насъ отдался своимъ личнымъ интересамъ. Жадно просматриваешь строки писемъ, жадно впиваешься въ

снимки-портреты... Сколько дорогого прекраснаго, сколько теплой ласки принесли съ собою письма родныхъ, друзей... всѣ трудности и лишеныя миновали словно во снѣ; на душѣ разлилась тихая радость! Тотъ, кто только самъ переживалъ подобныя минуты, тотъ пойметъ меня...

На утро—второго ноября—съ разсвѣтомъ мы снова въ пути, послѣдовательно пересѣкая мягко-волнистыя очертанія поверхности. Миражъ во всей прелести: оригинальныя фантастическія фигуры увѣнчивали вершины горокъ, наибольшая изъ которыхъ Мункутынъ-тѡна-ула по временамъ походила на гигантскій корабль, колыхающійся среди высокихъ волнъ разбушевавашагося атмосфернаго океана. Пробѣгавшіе въ области миража монгольскіе дзерены казались призраками.

У горы Хайрханъ, Гоби угостила насъ такимъ сильнымъ снѣжнымъ штормомъ, подобнаго которому мы еще не видѣли ни разу. Вихреобразные порывы бури положительно сталкивали въ сторону огромныя верблюжьи фигуры, мелкій снѣгъ залѣплялъ глаза. Въ этотъ памятный день мы всѣ до одинаго ознобили себѣ лица.

По мѣрѣ приближенія къ Ургѣ растительный покровъ Монголіи еще болѣе улучшается, а съ этимъ вмѣстѣ увеличивается и населеніе. Всюду виднѣлись монголы и ихъ стада; дороги были крайне оживлены пестрыми нарядными всадниками, быстро скакавшими въ ту или другую сторону. Наболѣе привлекали къ себѣ вниманіе кортежи монгольскихъ князей и старѣйшихъ ламъ, одѣтыхъ въ желто-красныя одежды. Появились и допотопныя скрипучія монгольскія двухколесныя телѣги, длинными вереницами запруживающія дороги.

На предпослѣднемъ переходѣ къ Ургѣ я получилъ отъ маститаго консула Я. П. Шишмарева, наканунѣ только возвратившагося изъ поѣздки въ сѣверо-западную Монголію, дружеское привѣтственное письмо, въ которомъ, уважаемый монголами, русскій генераль спѣшилъ засвидѣтельствовать его полную готовность пріютить «дорогихъ путешественниковъ» подъ гостепріимнымъ кровомъ русскаго консульства.

Спускаясь съ перевала Гангынъ-дабанъ, мы радостно привѣтствовали священную гору Богдо-ула, сплошь засыпанную снѣгомъ, на бѣломъ фонѣ котораго красиво выдѣлялись темныя, густыя заросли лѣса. На другой же день, седьмого ноября, обогнувъ ее у западнаго подножья и переправившись черезъ шумную, прозрач-

ную Толу, экспедиція, вскорѣ затѣмъ, достигла и дома ургинскаго консульства.

Не берусь описывать тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыми мы были переполнены, достигнувъ конца нашей трудной задачи, увидѣвъ родныя лица, услышавъ родную рѣчь.... Чѣмъ-то сказочнымъ повѣяло на насъ при видѣ европейскихъ удобствъ, при видѣ теплыхъ уютныхъ комнатъ, при видѣ сервированныхъ столовъ. Наша внѣшность такъ сильно разнилась и не подходила ко всему этому комфорту, что Я. П. Шишмаревъ не могъ не подвести меня къ зеркалу и не показать мнѣ — меня же самого. «Такимъ, какъ вы теперь, говорилъ Я. П. Шишмаревъ, нѣкогда вступилъ въ Ургу и вашъ незабвенный учитель Н. М. Пржевальскій, отдыхавшій вотъ въ этой большой окнатѣ, которую я приготовилъ для васъ».

Въ теченіе недѣли мы отдыхали и приходили въ себя, окруженные самыми нѣжными заботами и вниманіемъ какъ со стороны консула Я. П. Шишмарева и его ближайшаго сотрудника В. В. Долбежева, такъ равно и со стороны временно-пребывавшаго въ Ургѣ военнаго кружка во главѣ съ генеральнаго штаба подполковникомъ Н. Ѳ. Домелунксеномъ. Каждый изъ соотечественниковъ старался оказать намъ ту или другую любезность и предупредительность.

Такимъ образомъ, время, проведенное въ Ургѣ, прошло незамѣтно. По дорогѣ въ Кяхту насъ хотя и донимали холода въ пути, но зато въ мѣстахъ ночевокъ мы чувствовали себя превосходно, попивая чай и читая газеты, журналы, которыми въ достаткѣ насъ снабдило консульство.

Кяхта и Иркутскъ своимъ широкимъ гостепрѣимствомъ заставили еще болѣе позабыть пережитыя невзгоды и лишенія, сочувствіе же Петербурга укрѣпило насъ въ сознаніи *тосильно* исполненнаго передъ родиной долга.

The first part of the paper is devoted to a general introduction of the subject. The second part contains a detailed description of the method proposed. The third part is devoted to the results obtained. The fourth part contains some concluding remarks.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

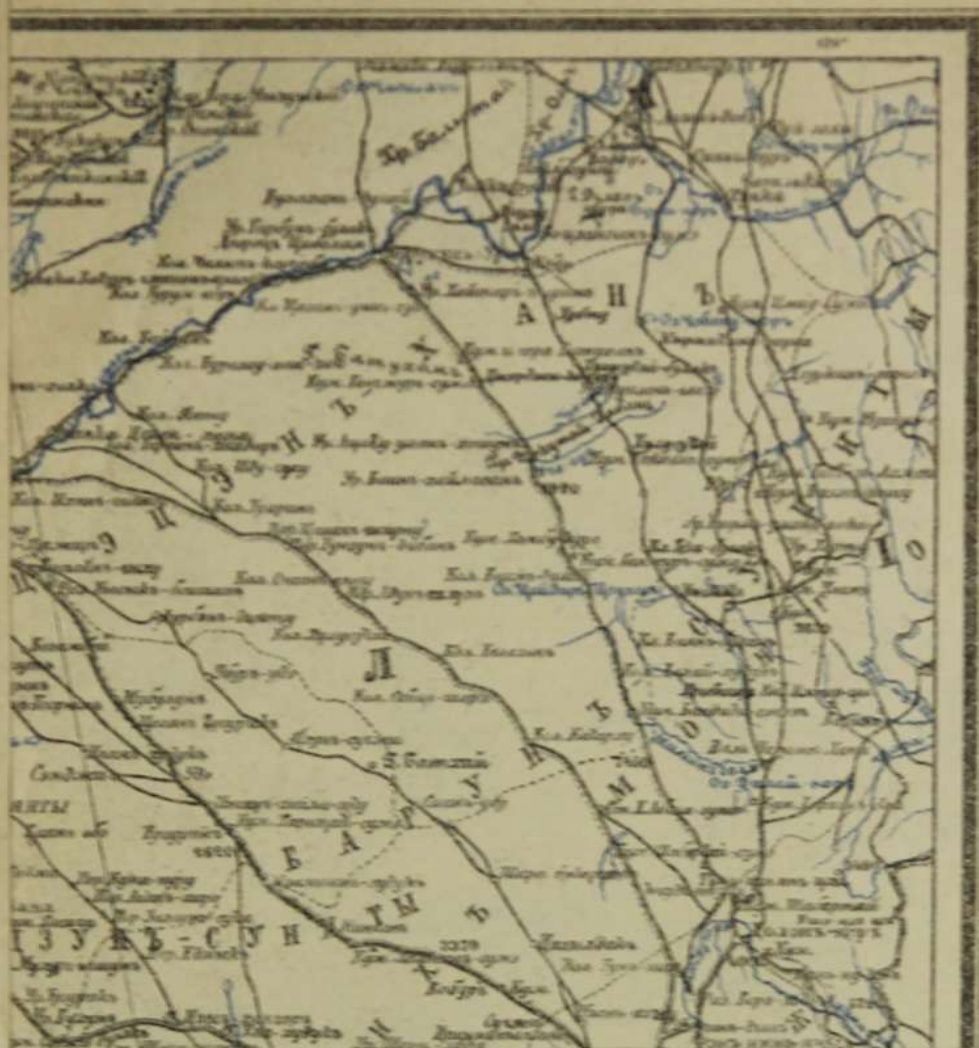
The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

The method proposed is based on the principle of least squares. It is a simple and efficient method for the determination of the coefficients of a linear function. The results obtained are very satisfactory.

КАВКАЗСКОГО КРАЯ
ОБЛАСТЬ КЪБАНСКАЯ
КАВКАЗСКОГО КРАЯ
КАВКАЗСКОГО КРАЯ
КАВКАЗСКОГО КРАЯ

Книжный магазинъ
И. С. АБРАМОВА
„Учитель“.
Петроградъ, Петроградск. стор.
Большой просп. д. № 4.
Тел. 602-59.

